Родная Ладога

№ 2(36)' 2016

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

**Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом**
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

**Руководитель
редакционно-издательского отдела**
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

**Издается ежеквартально
при участии:**

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

**Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России**

**Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга**

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — директор Российского института стратегический исследований, генерал-лейтенант.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Геннадий Иванов 5
Валерий Хатюшин 8
Игорь Тюленев 158
Светлана Макарова-Гриценко 162
Евгений Лукин. *Поэма* 224
Ренат Харис. *Поэма* 228
Валерий Михайлов. *Поэма* 262
Наталья Советная 266
Андрей Фролов 303
Валентина Беляева 306

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов). Обращение к вечности и современность: религиозно-философская антропология Виктора Несмелова 13
Александр Проханов. «Идея русского возрождения» 65

Пути ПОЗНАНИЯ

Игорь Андрушкевич. Теория политической легитимности испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета 32
Урал Шарипов. О переводах Корана — Священной Книги ислама на русский язык 238

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Дмитрий Володихин. Русский остров 52
Здесь лежат ленинградцы. **Специальный корреспондент Дина Никифорова** 71
Андрей Вассоевич. Логический итог нацистской русофобии. *К 70-летию завершения Нюрнбергского процесса* 84
Никита Шевцов. Елена Наумова. Восхождение на Монсегюр 309

Точка ЗРЕНИЯ

Михаил Леонтьев. Миф, имитация и реальность 61
Ростислав Ищенко. Пожар и закат Европы 105
Юрий Бундин. Слово, звучащее в пространстве советского праздника 276

Дороги ВОЙНЫ

Михаил Корнев. «Живый в помощи» 78

ДОСПЕХИ

Леонид Ивашов. Исторические процессы и судьбы мира и России 108

Проза

Павел Кренев. Огневой рубеж пулеметчика Батагова. *Повесть*.....137
Михаил Зарубин. Кровные братья. *Повесть*.....203
Владимир Илляшевич. Пожарник.....271
Ростислав Панов. Александра Митиха.....283

Русский паломник

Николай Коняев. Монастырь на берегу Важского озера. *К 500-летию кончины основателя Важеозерского Спасо-Преображенского монастыря преподобного Геннадия Важеозерского (Геннадиево-Никифоровская пустынь)*.....165

Лествица

Блаженный инок. *Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца*.....179
Валерий Филимонов. Сила Божия в немощи совершается. *Молитвенный подвиг преподобного Серафима Вырицкого в годы Великой Отечественной войны. К 150-летию святого*.....184

Памятослов

Владимир Крупин. «Действенная любовь к России, к русской культуре».....193
Николай Бурляев. Великий скульптор Вячеслав Клыков.....198

Связь времен

Ахат Мухамедов. Пророк Мухаммад и Андреевский флаг. *Романтическая быль*.....234
Анатолий Хазанов. 50 лет в Храме востоковедной науки.....292

На рубеже цивилизаций

Игорь Мелихов. Эволюция ваххабитского фактора в Саудовской Аравии.....251

Вехи

Залог духовной стойкости русского народа. **Станислав Смирнов.** *В Нижнем Новгороде торжественно отметили 15-летие журнала «Вертикаль. XXI век»*.....316

ПОЭЗИЯ

Геннадий ИВАНОВ

«ВРЕМЕНА НАСТУПАЮТ ТРЕЗВЕТЬ И СОБРАТЬСЯ»

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 г. в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор более десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве**.

* * *

Вот чай дымится на столе,
Вот за окном идет эпоха.
Да, этот мир лежит во зле.
Но миру стыдно, миру плохо.

Сегодня, думая о нем,
Я это понял всей душою:
Все одурманено кругом,
Как будто некой анашою.

Но мир не хочет анаши.
Обманут он, я это знаю…
«Ты со своей начни души», —
Мне говорят. Я начинаю.

Да, я начать уже готов,
Но как оно пойдет, не знаю…
Пока учу «Молитвослов»
И с радостью запоминаю.

* * *

Из жизни нашей стали исчезать
Слова: присяга, подвиг, верность…
Мы стали в межеумье зависать,
Какой-то низкой
стала современность.

России быть расхлябанной нельзя.
Со всех сторон,
со всех границ набеги.
Не расслабляйтесь,
русские князья, —
В покое не оставят печенеги.

Они нам никакие не друзья
И не партнеры — что вы лебезите?
Не расслабляйтесь, русские князья,
И в сердце верность Родине носите.

* * *

Для России открылся
Господь в эти годы.
Может быть, потому,
что стучится война…
Перебрали, как водки,
мы нашей свободы,
Вопиет наша совесть и наша вина.

Времена наступают трезветь и собраться.
Времена наступают молиться — и в бой.
Мы для Бога еще не потеряны, братцы.
Поднимайтесь, рязанский мужик и тверской…

Впереди будут битвы не олимпийские.
Не потешные будут бои и полки.
Поднимайтесь, уральские люди, сибирские…
И Поволжье, и казаки…

И Кавказ, и московские люди, и питерцы.
Поднимайтесь и Север, и Дальний Восток…
Мне суровым и грозным грядущее видится.
Наступает безжалостный срок.

ГЕНОЦИД

Еще, быть может, не родился
Для этой темы наш Тацит,
Но, несомненно, в наше время
Был явлен русским геноцид.

Совсем недавно это было.
Мне боль армянская близка,
И слезы Карса мне понятны,
И иудейская тоска…

Но я о русском геноциде.
Когда по миллиону в год…
И забывать нельзя об этом.
Иначе он опять придет.

* * *

Рок событий несет нас к войне.
Словно льдину несет к порогу…
Победим ли, сгорим ли в огне —
Я не знаю, предателей много.

Не готова, я вижу, страна —
Расслоенье людей вопиюще.
Мстит жестоко за это война.
Отвернется Господь всемогущий.

Кто лукавил — служил сатане.
Помогла ли Руси заграница?
Рок событий несет нас к войне.
Жизнь в России должна измениться.

* * *

Мужика зовут на революцию
И ругают: что, мол, не идешь?
А мужик читает Конституцию,
Говорит: меня не проведешь.

Он не против был бы революции,
Чтобы кой-кого она смела —
Но, чтоб не нарушить Конституции…
Вот такие на Руси дела.

* * *

Травы зябнут, и крыши, и ветки.
Как-то тише река потекла.
Печка лета остыла, и ветер
Выдувает остатки тепла.

Глажу я лошадиную морду
И никак не пойму одного —
В старой книге написано твердо:
Мир проходит, и похоть его.

Мир проходит…И, время не тратя,
Надо б думать о вере всерьез.
Но и травы мне сестры и братья,
И порой я люблю их до слез.

Все, конечно, проходит на свете.
Как бы жизнь ни была мне мила —
Печка лета остынет, и ветер
Выдувает остатки тепла.

Но покуда стога и овины,
И поля, и леса предо мной,
С ними связан такой пуповиной,
Что не мыслю без них мир иной.

Да и вся моя вера отсюда,
От окрестного мира она.
Я увидел все это как чудо!
Разве может быть в этом вина?

* * *

Я не могу без родины моей.
Опять приеду, и опять, и снова.
Есть что-то для меня среди полей —
Как бы весь мир вмещающее *слово*.
А так, посмотришь, ничего и нет —
Пейзаж неброский, бедность и разруха…
Но есть какой-то изначальный свет
И та земля, что многим стала пухом.

* * *

Я мог бы забыться, и, словно герой Метерлинка,
Вполне предаваться какой-нибудь светлой мечте.
В мечтах уноситься от невыносимого *рынка*
И видеть лишь небо, в лучистой летя высоте.

Я мог бы забыться, но я не хочу забываться,
Хочу я с людьми разделить этот горестный путь —
Я с ними хочу не сдаваться и не продаваться,
И с ними попробовать нашу судьбу повернуть.

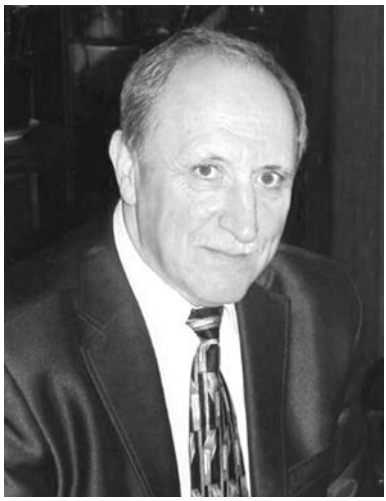
Нет, это не путь — это мрак, и нажива, нажива,
Обман и обман, и растленье, и множество слез.
Но все же святое во многих сердцах еще живо,
Я с ними дождусь очистительных гроз.

P.S.

Тогда я был, конечно, утопичен.
И Мир, и Свет для мира — где они?..
И все-таки, и все-таки Россия
Зажжет необходимые огни.

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН

«МОЯ НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ… ЛЮБОВЬ К РОССИИ»

Валерий Васильевич Хатюшин — родился в 1948 г. в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Первая книга стихотворений «Быть человеком на Земле» вышла в 1982 году. С 1986 г. член Союза писателей СССР и России. Окончил ВЛК при Литинституте им. Горького. Автор многих книг. Его творчество было горячо поддержано выдающимися русскими писателями второй половины XX века — В. В. Кожиновым, А. К. Передреевым, В. Д. Цыбиным, А. С. Ивановым. Лауреат Международных литературных премий им. А. П. Платонова и М. А. Шолохова. Главный редактор журнала «Молодая гвардия». **Живет в Москве.**

* * *

И ныне Божий Сын
унижен и распят.
«Что истина?» —
спросил с усмешкою Пилат.

Философ, он не знал:
она не «что», а «Кто».
Его глазам прозреть
не помогло ничто.

Был в слепоте своей
Пилат неумолим.
А Истина живьем стояла перед ним.

ПУТЬ ХРИСТА

Нельзя вторгаться в область Бога —
настигнет душу слепота.
У каждого своя дорога.
Не претендуй на Путь Христа.

Свет вифлеемский всем нам светит.
Глазам не верить нет причин.
Да, в мире все мы Божьи дети.
Но Сын и Путь Его — один.

БОЖИЙ ГЛАС

Распявшие Христа,
убившие царя…
1999

Все должно когда-то сбыться.
Русский царь — есть Божий глас.
Не отмыться вам, не скрыться.
Кровь его горит на вас.
Не уйдете от ответа,
службу черную творя,
и расплатитесь за это,
вы, убившие царя.
Зреет грозное отмщенье,
приближая день и час.
Нет, не будет вам прощенья.
Кровь его — на всех на вас.

НАЕДИНЕ

Глядящими со стен святыми ликами
я освещен в потемках бытия.
Наедине с иконами и книгами
остывшая проходит жизнь моя.

Наставники мои и собеседники —
ведут меня упорно за собой,
души и тайных мыслей исповедники,
до гробовой доски — они со мной.

В своем привычном с детства одиночестве
всегда я был, на деле, не один.
Я это ощутил еще в отрочестве
и прожил с этим знаньем до седин.

Теперь, когда мой век уходит в прошлое,
смотрю на них, не потеряв лица.
Что есть во мне — плохое и хорошее —
лишь только им известно до конца.

Тоска любви мне станет оправданием,
утихнут боли всех моих потерь,
когда однажды с грустным ожиданием
они в свой мир и мне откроют дверь.

ГОЛОС МОИХ ПРЕДКОВ

Это ж сколько ушло поколений
и сожглось отстрадавших сердец,
чтоб для ясных души озарений
я пришел в этот мир наконец!
Чтобы эти души озаренья
воспылали из тьмы вековой,
чтоб убитые мраком забвенья
наконец встали рядом со мной.

Чтоб отважно, спокойно, сурово
голос предков из праха восстал,
чтоб заветное русское слово
я жестокому свету сказал.
Да, трудились они не напрасно
до меня на российской земле.
И страдали они не безгласно,
и не сгинули глухо во мгле.

* * *

Бесцветно, пасмурно и сыро,
уныло и оголено…
Холодным воздухом полмира
в смиренный плен заключено.

Предзимье будет скоротечным
в краю погодных перемен.
Но для кого-то станет вечным
холодный плен, холодный плен…

А время мчится быстрым бегом.
И чистый свет душа хранит…
Простудный ветер. Дождь со снегом.
И мать уже не позвонит.

МСТИТЕЛЬ

Зачем спасать Россию нам?
И муторно, и неохота…
…Трусит по снегу Росинант —
хромая кляча Дон Кихота.
Наездник стар, угрюм и сед.

Прогнили ржавые доспехи.
Но все ж ему покоя нет
в чаду отъявленной потехи.
Одним на смех, другим на страх,
с кривым копьем ночной дорогой

он сквозь веков разор и прах
трусит на кляче хромоногой.
Печальный рыцарь и поэт
грозит Божественной расплатой.
Верхом объездив белый свет,
он мстит за боль страны распятой.
Ему с пути нельзя свернуть.
Его судьбе не быть иною.
И озаряет грозный путь
огонь содомский за спиною…

* * *

Друг мой, быть может, я скоро умру.
Слишком душа истомилась в миру.
Сердце не годно уже ни к чему,
в жизни с избытком досталось ему.

Друг мой, не надо грустить обо мне.
Мертвый, врагам я опасен вдвойне.
Сердце, отвергшее немощный страх,
будет по-прежнему биться в стихах.

Друг мой, отчаянной страстью горя,
мы за Россию боролись не зря.
Верю, навеки надежду храня:
будет в победе частица меня.

* * *

Пророки есть в Отечестве моем.
Вся правда нами сказана народу.
И мы предупреждали обо всем
тех, кто врагам вверялся год от году.

Кто зорок был — все видел и без нас.
Кто слух имел — тот нас давно услышал.
Кто жил дрожа — смешон в бессчетный раз.
Тот проиграл, кто с нами в бой не вышел.

Моральный гнет густеет с каждым днем
и сам собой рассеется едва ли.
Мы двадцать с лишним лет предупреждали.
Пророки есть в Отечестве моем.

СТИХИЯ

И гром и град, и гром и град!..
И я июньским ливням рад.
Идет гроза, поет гроза.
Блестят, светясь, мои глаза.

Поток небесный льет и льет,
град по карнизу дробно бьет.
И, точно грозный басурман,
деревья ломит ураган.

Стихия дерзкая, она
еще свободна и сильна.
Чтоб мы, презрев небытие,
учились жизни у нее.

* * *

Макушка лета. Время золотое.
Им, словно детством, дорожит душа.
Идешь в поля, в пристанище покоя,
и до заката бродишь не спеша.

Благоухают ароматом травы,
жужжат шмели, мелькают мотыльки…
От суеты и от недоброй славы
в полях спасаюсь, в парках, у реки…

Себе внушаю: помнить зла не надо.
Смотрю, как блещет алый небосклон.
Июльский вечер. Нежная прохлада.
И отдаленный колокольный звон…

* * *

Бога об одной просил награде.
Ждал одной любви до седины.
Все отдал, со всем расстался ради
высоты духовной глубины.

Этот свет сберег в себе до гроба.
Были вопли недругов смешны —
не слышна была чужая злоба
в небесах духовной глубины.

Должен был и смог не оступиться,
встав на самом гребне крутизны,
чтобы не упасть и не разбиться
с высоты той самой глубины.

ПУШКИН

Летящий сквозь громады лет,
огнем небес отмечен,
поэт в России, он — *поэт*,
не больше и не меньше.

Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.

Есть слово-символ, как пароль
для всех в России, — Пушкин.
За вечную любовь и боль
нальем по полной кружке.

Когда земные времена
погрязнут в общем блуде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.

И пусть во власти высших сил
течет веков громада, —
останется: «Я вас любил…»,
и большего — не надо.

* * *

Любовь несчастная моя…
Другой не будет.
В сетях земного бытия
кто нас рассудит?

Моя любовь казалась мне
тоской поэта.
И все ж в душевной глубине
я ждал ответа.

«Нет, со своей тоской души
ты просто скучен.
Во мраке хохота и лжи
кому ты нужен? —
себе внушал я, говоря: —
Не жди признанья.
Ты отдаешь себя зазря
ей на закланье.
И безответны будут вновь
слова живые…»

Моя несчастная любовь…
Любовь к России.

* * *

Мир земной до странности жестоко
отовсюду гнал меня, кляня.
Было горько мне и одиноко.
Это ангел мой хранил меня.

Чтобы в мире грешном
стать счастливым,
не истрачу я остаток сил.
Да, он был ко мне несправедливым.
Это значит — Бог меня любил.

ЖИЗНЬ

Я жил на белом свете
во времена лихие,
родившийся для смерти,
как многие другие.

Пускай счастливым не был,
но был храним судьбою.
Что я искал под небом?
О чем мечтал с тоскою?

Искал любви высокой,
мечтал о русской силе
и с горечью глубокой
я думал о России.

В стихи, в дела и в мысли
уйдут земные годы,
на звездном коромысле
души сомкнутся своды.

С бытийной круговерти
сойду без шумной тризны.
Родившийся для смерти,
умру для вечной жизни.

ВЫШЛА КНИГА

История Сяндемского Успенского женского монастыря

Издание подготовлено при финансовой поддержке Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными, религиозными объединениями и средствами массовой информации; сост.: Басова Н. А., Варвара (Иванова), игумения, — Петрозаводск: Петропресс, 2015. — 64 с.: ил.

В 2009 году в Петрозаводской и Карельской епархии началось возрождение одной из древних обителей — Сяндемского Успенского женского монастыря. Имя ее основателя — преподобного Афанасия Сяндемского, ученика святого Александра Свирского, веками почиталось на Карельской земле. В издании, которое вы держите в руках, опубликовано жизнеописание преподобного, история монастыря, где ныне под спудом покоятся его святые мощи. Преподобный Афанасий Сяндемский предстательствует на Небесах о своем земном Отечестве, а мы, приезжая на место его молитвенных подвигов и трудов, прикасаемся к его святости. Святой своей земной жизнью прославил Бога и подал нам пример ревностного служения Небесному Царю. В Соборе всех святых, в Земле Карельской просиявших, день памяти которых празднуется 3 июня, он предстоит перед Господом, вознося свои молитвы за нас. Преподобный Афанасий является небесным покровителем древней обители, а сестры сохраняют память о нем в земном Отечестве. Сяндемский Успенский монастырь становится местом паломничества верующих из разных уголков России. Люди едут сюда за помощью. И святая обитель гостеприимно принимает их под свой покров. Надеюсь, что это издание послужит еще большему прославлению преподобного Афанасия на Карельской земле и за ее пределами, а также к более успешным трудам сестер обители во благо нашего родного края для его духовного просвещения и оздоровления.

С благословением, Константин Митрополит Петрозаводский и Карельский,
Председатель Синодальной богослужебной комиссии, академик РАЕН, АНИС, профессор.

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов)

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТЬ: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ВИКТОРА НЕСМЕЛОВА

В Несмелове пленяет его внутреннее спокойствие, органическое сознание правоты и величия своего дела, независимость от власти и времени и мелочных его интересов и дуновений. В выдержанном стиле Несмелова чувствуется дух вневременности, обращения к вечности.

Н. А. Бердяев

Современная наука в теоретической и практической своих составляющих вглядывается в проблемы Человека пристальнее, чем в глубины Космоса. Сегодня насчитывается более 200 дисциплин, изучающих различные особенности человека. Каждая из них ищет закономерности в многообразии его природы и уникальности индивидуальных проявлений. Человек исследуется как биологическая субстанция, как социальная единица, с точки зрения личности, как субъект деятельности и т. п. Кто-то из ученых мечтает отправить человека в далекие кос-

---

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.
В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

мические миры, кто-то заморозить и так приблизить к бессмертию, кто-то хочет научиться считывать память любого индивида и корректировать ее в корыстных интересах. Судя по времени происхождения названия науки о человеке — антропологии — интерес этот давний. Можно сказать, неосознанно он возник в пещерные времена, ведь уже в наскальных надписях и барельефах отразились сведения о древнейших племенах, населяющих Переднюю Азию и Северную Африку. Отмечен он в странах Древнего Востока — в Вавилоне и Египте. Немало внимания уделял особенностям человеческих сообществ Геродот. Человеческая культура в своем материальном развитии отражена во многих античных и средневековых исследованиях. Процесс исследования духовного бытия человека происходил в неразрывной связи с религиозно-философской мыслью.

Христианская антропология составляет третье звено в христианской онтологии после теологии (собственно учение о Боге) и космологии (учение о мире), которые получили законченные формы во фрагментах Священного Писания, в аскетической литературе, в творениях Отцов Церкви. Но в эпоху расцвета богословского творчества не было создано законченного учения о человеке. Церковная мысль подвергалась в данной области влиянию многочисленных философских направлений, и в недрах церковного сознания возникали очень серьезные и глубокие разногласия, касающиеся тем о человеке.

Конец XIX — начало XX в. в истории русской философии занимают особое место. На это время приходится расцвет религиозно-философской мысли, отмеченной именами и творчеством таких видных русских философов, как В. Соловьев, С. Трубецкой, Е. Трубецкой, Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский, В. Несмелов. Созданная ими религиозная философия сравнивается по своему величию, значению и самобытности с таким мировым феноменом, как русская литература. Виктору Ивановичу Несмелову, заслуженному профессору Казанской Духовной академии, принадлежит первая, и пока единственная, попытка создать **систему** православной антропологии.

Русский философ и богослов Виктор Несмелов (1863–1937) относится к категории тех незаслуженно преданных забвению мыслителей, память и творческое наследие которых следует возвратить отечественной культуре. Николай Бердяев подчеркивал, что особо печальным явлением русской интеллигенции является упорное нежелание знакомиться с зачатками своей философии. «В стороне стоит довольно крупная фигура Чичерина, у которого многому можно было бы поучиться. Потом Козлов, князь С. Трубецкой, Лопатин, Н. Лосский, наконец, мало известный В. Несмелов — самое глубокое явление, порожденное оторванной и далекой интеллигентному сердцу почвой духовных академий»[1].

Именно Несмелов является автором учения, которое по существу представляет первый систематический опыт философского обоснования православной антропологии. Он был одним из первых представителей того идеалистического движения в России, которое сводило всю проблематику философии к учению о человеке. В своих работах он исследовал не только

[1] *Бердяев Н.* Философская истина и интеллигентская правда: 5-е изд. М.: Вехи, 1910. С. 18.

вопросы Спасения, но проблему происхождения и распространения зла, говоря современным языком, основы технологии революции, которая в 1917 г. искорежила жизнь и самого́ ученого.

В начале 1919 г. занятия в Казанской Духовной академии, где преподавал Несмелов, были фактически прекращены, а в 1921 г. академия была окончательно закрыта, и Виктор Иванович потерял работу. Он, заслуженный ординарный профессор, кавалер орденов св. Анны, св. Станислава, св. Владимира, подавал на конкурс в Казанский университет по кафедре психологии, но получил отказ. Трагедия В. И. Несмелова усугубилась тем, что его старший сын Валентин стал сотрудником Казанской ЧК, руководил отрядом экспроприации монастыря во имя Раифских мучеников. При этих обстоятельствах он был убит сбежавшимися на церковный набат крестьянами 15 июня 1918 года. На следующий день были расстреляны иноки обители[1]. В 1930 г. творец «Науки о человеке» был обвинен ОГПУ как один из руководителей контрреволюционного центра. Это известно как «Дело профессоров, епископов и монахинь». Дело разбиралось почти 2 года. В 1932 г. Несмелов был арестован. Ему инкриминировалось, что во время частных бесед со студентами он рекомендовал учить философию по Гегелю. Имен Маркса и Ленина в связи с проблемами философии не упоминал. Причем заявил, что Маркс с точки зрения профессионала-философа просто жалкий немецкий бюргер. Особое негодование следователя вызвало утверждение профессора о том, что христианство и диктатура пролетариата несовместимы. В следственном деле приводился отрывок из дневника Несмелова: «Пламя классовой вражды, поминутно раздуваемое, вой гиен и шакалов, ищущих добычи для подвалов, ссылок, тюрем… Это беспросветная, затяжная, перманентная духовная пурга, бесовская свистопляска»[2]. Несмелову повезло, после кратковременного ареста он был освобожден. Скончался ученый в июне 1937 г. и похоронен на Арском кладбище г. Казани. На могиле стоит крест с надписью: «Профессор философии Несмелов Виктор Иванович 1863–1937». Мало что к этой биографической справке можно было добавить.

В силу исторических обстоятельств не только жизнь, но и антропология Несмелова остается почти неизвестной. До недавнего времени не было ни одного полного исследования, посвященного жизни и творчеству В. И. Несмелова. Но интерес к личности ученого постепенно возрождается, о чем свидетельствуют посвященные его творчеству конференции и диссертационные работы. Часто указываются дата рождения, должность, главные труды и неправильный год смерти. Так, Р. Гальцева в «Философской энциклопедии»[3] указывает дату смерти Несмелова — 1920 год. Это побудило автора настоящего исследования не только провести анализ антропологического наследия, но и составить биографию В. И. Несмелова на основании архивных дел Казанской Духовной академии, хранящихся в 10 фонде 1 и 2 описях ЦГИА ТАССР г. Казани, и воспоминаний родственников. Результаты исследований наиболее подробно изложены в кандидатской

---

[1] *Евгеньев П.* Обелиск в Раифе. Казань, 1969.

[2] *Султанбеков Б.* Меч над крестом и полумесяцем: «Дело» профессоров, епископов и монахинь // Советская Татария. 14 ноября 1990 г.

[3] Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1.

диссертации на тему: «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX–XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов», защищенной в 1990 г. в Московской Духовной академии[1]. Автору принадлежит первая публикация фотографии и биографии Несмелова в 5 и 6 номерах «Вестника Белорусского Экзархата» за 1990 и 1991 годы[2].

Термину «антропология» придавалось и придается различное значение в зависимости от того, смотрят ли на антропологию как науку о человеке только с анатомо-физиологической точки зрения, или в нее включают в большей или меньшей степени и духовную деятельность человека. За рубежом, в частности, в Великобритании и США, в антропологию входит также археология и этнография[3]. Так как человеческая природа представляет для изучения две области: телесную и духовную, то труды антропологов имеют анатомо-физиологическую или психологическую направленность. Аристотель, которому принадлежит первое систематическое изложение познаний о человеке, отдает явное предпочтение психологии перед биологией, говоря, что «занимающемуся теоретическим рассмотрением природы следует говорить о душе больше, чем о материи, поскольку материя скорее является природой через душу, чем наоборот»[4]. В советской литературе изобретение термина «антропология» (от греч. ἄνθρωπος — человек и λογος — учение) как науки о человеке неверно приписывается Аристотелю. Так, в «Философской энциклопедии» написано: «Значит. развития А. достигла в Др. Греции и Риме. Термин А. принадлежит Аристотелю»[5]. Авторы университетского учебника уточняют, что Аристотель «употребил это слово преимущественно при изучении духовной природы человека»[6].

Однако термина «ἄνθρωπολογαὶ» древние греки вообще не употребляли, он отсутствует и в са́мом полном словаре H. G. Liddel and Scott. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1977. Но в этом же лексиконе на с. 141 есть похожее слово «ἄνθρωπολογος», которое, действительно, первым и единожды употребил Аристотель в своей ΗΘΙΚΩΝ ΝΙΚΟΜΑΧΕΙΩΝ, 1125a5. В этом тексте на древнегреческом языке «ἄνθρωπολογος» выступает не как существительное женского рода, а как прилагательное двух окончаний, и на русский язык переводится деепричастием «говорящий о человеке»[7]. Более полное и правильное представление о значении слова «ἄνθρωπολογος» выясняется из контекста Никомаховой этики, где Аристотель перечисляет качества характера и правила поведения «величавого человека». В переводе Н. В. Брагинской это звучит так: «Он (т. е. «величавый человек». — *авт. ст.*) не обсуждает людей (ἄνθρωπολογος), ибо не станет говорить ни

---

[1] *Константин (Горянов), игумен.* Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX–XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов: дисс. канд. (на правах рукописи). Загорск, Троице-Сергиева Лавра, 1990. 220 с.

[2] *Константин (Горянов), архимандрит.* Жизнь и творчество Виктора Несмелова // Вестник Белорусского Экзархата. 1990. № 5; 1991. № 6.

[3] *Munro R.* Anthropologie. Encyclopaedia of Religion and Ethics/ Ed. By Hastings J. Edinburg. N.Y., In 12 v. 1908–1921. V. 1. P. 561.

[4] *Аристотель*. О частях животных, 641 a. М., 1937. С. 39.

[5] Антропология // Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1. С. 78.

[6] *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Антропология. М.: Высшая школа, 1963. С. 4.

[7] Древнегреческо-русский словарь. М., Гос. изд. иностранных и национальных словарей. 1958. Т. 1. С. 151.

о себе, ни о другом, право же, ему нет дел ни до похвал себе, ни до осуждения других, и в свою очередь он скуп на похвалы»[1].

До христианства античность не знала понятия личности. Идея восприятия человеком себя как цельной личности была выдвинута Тертуллианом (ок. 160 — ок. 220 гг.), непосредственным образом эту проблему стал разрабатывать блаженный Августин, епископ Гиппонский (354–430). Человек обретает в христианстве некую самоценность, независимую от космологических сюжетов. Появляется представление о человеке как неповторимом существе, воплотившем в себе телесно-чувственную субстанцию, одушевленном разумом. Этот человек, как капля росы, отражает в себе мир, он «микрокосм», но в то же время человек является носителем и «образа Божия», поэтому он не простое дитя природы. «Христианство освободило человека от власти космической бесконечности, — писал русский философ Н. Бердяев, — в которую он был погружен в Древнем мире, от власти духов и демонов природы. Оно поставило его на ноги, укрепило его, поставило его в зависимость от Бога, а не от природы»[2].

Главной задачей святоотеческого богословия было определение основных догматов, а антропологические темы разбирались, в основном, попутно. Высказывания о человеке имплицитно содержатся в Библии, но чисто антропологических трудов из эпохи расцвета богословской мысли можно назвать лишь два: св. Григорий, епископ Нисский «Об устроении человека», 379 г., и Немессий, епископ Эмесский «О природе человека», начало V века. Их антропология находится в пограничной области, частично относясь к сфере богооткровенных истин и частично приходя в соприкосновение с философией, естествознанием, медициной. Именно в христианскую антропологию идеи классической философии всегда проникали наиболее свободно, что имело, однако, не всегда положительные последствия. Например, идея переселения душ Платона. Антропологическая тематика часто затрагивалась и последующими великими богословами в трудах, не посвященных специально проблеме человека. Но это не богословская антропология, как она сейчас понимается. Ибо, во-первых, отсутствует обдуманная систематика показаний на основе единого рефлексивно данного подхода, и, во-вторых, категории, связанные с такими непосредственными высказываниями о человеке — это, в значительной мере, категории предметного мира. Поэтому остается опасность не распознать богословское своеобразие человека и рассматривать его лишь как часть мира, имеющую чисто предметную объективность.

Следует отметить, что сама антропологическая устремленность (в смысле современной антропологии) продолжительное время не находила для себя адекватной формулировки, и, главным образом, внутри западной философии, вплоть до начала Нового времени, проявляла себя в постановке вопросов метафизической психологии. Главными темами, которые разрабатывали христианские мыслители, были: своеобразие человеческой души, состав души, материальность души, ее телесность и духовность, происхождение души, ее самостоятельность и бессмертие, особенно много писали об «отношении» души к телу. В истории западной антропологии античный

[1] *Аристотель.* Никомахова этика, 125а5 // Сочинения: в 4-х т. М., 1984. Т. 4. С. 134.

[2] *Бердяев Н. А.* Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 159.

космоцентризм уступает место теоцентризму Средних веков, окрашенный в гуманистические тона натурализм Возрождения сменяется возвышением личности в эпоху Просвещения, а затем обостренным интересом к субъективности человека в период романтизма. Представление о ничтожности и хрупкости «мыслящего тростника» (выражение Б. Паскаля), сложившееся в европейской культуре XVII–XVШ вв., замещается в XIX в. — начале XX столетия верой в дарвинизм и безграничные возможности эволюции.

Сам термин «антропология» появляется лишь в XVI в. в Германии: Magnus Hundt "Anthropologium de hominis dignitate, natura et proprietatibus, de elementis, partibus et membris humani corporis". Leipzig. 1501. Это сочинение чисто анатомическое: «Антропология о достоинстве, природе и свойствах человека и об элементах, частях и членах тела человека». В конце того же столетия вышел трактат Otto Gasmann "Psychologia Anthropologica, sive Animae humanae doctrina. Anthropoiogiae p.11, de fabrica humani corporis methodice descripta". Hanau. 1594. F 1604 (*Отто Касманн*. Антропологическая психология, или учение о человеческой душе. Антропология. Ч. II. О строении человеческого тела в методическом описании).

Таким образом, в западноевропейской литературе довольно рано укоренилось двойное понимание термина «антропология», а именно, как науки о человеческом теле, с одной стороны, и о человеческой душе, с другой. «В последующий период так именуются исследования по эмпирической психологии, связанные, в основном, с морально-философскими вопросами»[1]. Термин «психология» принадлежит также Касманну. Первый труд по антропологии в России принадлежит Панкратьевскому диакону Ивану Михайлову «Наука о душе или ясное изображение ея совершенств, способностей и безсмертия», он издан в Москве, в типографии Решетникова в 1796 году. Религиозно-философская мысль и раньше уделяла много внимания проблеме человека. Но к традиционным проблемам присоединились многие другие — угроза перенаселения Земли и существующая депопуляция России, генная инженерия, клонирование человека и пересадка органов, глобализация и вживление микрочипов, всемирная сеть Интернет и создание искусственного интеллекта, — приводящие к вытеснению «онтологизма» «технологизмом». В настоящее время вопрос о человеке, его сущности, природе, смысле жизни и взаимосвязи с Богом стал тем теоретическим стержнем, вокруг которого вращается вся этическая и религиозная проблематика, и не только.

Конвергенция богословия и философии в области антропологии развертывается не однолинейно, а в многообразных взаимодействиях и формах. В начале XX в. возникла религиозно-философская антропология. Эксплицитная религиозная антропология по форме может быть выражена в виде широкого религиозно-философского учения о человеке и богословской антропологии. Последняя исходит из догматического богословия: «Это раздел догматики, в котором развивается христианское учение о человеке, то есть учение о сотворении человека и составе человеческой природы, о началах и особенностях человеческой души, о первоначальном состоянии первозданных, самовластии человека, о падении, о праотеческом грехе и его последствиях, о грехе вообще, о спасении и обожении человека во Христе. Главным

[1] *Halder A.* Anthropologie, philosophische // Lexicon fur Theologie und Kirche. Freiburg. 1957. Bd. 1. S. 615.

источником догматической антропологии является Священное Писание»[1]. Такая антропология непосредственно связана с церковным учением, она конфессиональна, несет на себе отпечаток так называемого «академического богословия». «Различие богословской и философской антропологии заключается в том, — пишет известный протестантский теолог Р. Прентер, — что первая рассматривает человека в свете Божественного Откровения во Христе Иисусе, в то время как философская антропология основывается на эмпирическом самопознании человека. Богословская антропология не может ни критически воспринимать философскую антропологию, ни отбрасывать ее как заблуждение. Даже когда человек рассматривается в свете Откровения, эмпирическое самопознание доставляет свою ограниченную пользу»[2]. Это является общепринятым мнением не только протестантских, но и православных, а также католических богословов. Соответствующим образом настраиваются и в критической литературе. Антропологическое обоснование религии, выражающее в виде феноменов религиозного опыта глубинные и жизненно важные запросы человечества, открывает для апологии христианства немало новых возможностей. Наши оппоненты также признают, что «из всех теологических концепций и дисциплин богословская антропология в наибольшей мере обладает возможностями соединять различные формы общественного сознания, координировать религиозную философию, психологию, социологию и педагогику»[3].

В. И. Несмелов является автором двухтомной «Науки о человеке», которая по существу представляет первый систематический опыт философского обоснования учения о человеке. Его принцип: объяснить загадку человека можно только исходя из человека, потому что иначе человек превращается в один предмет из ряда предметов. Появление православной антропологии Несмелова в условиях своего времени надо понимать также как защитную реакцию на материализм русской интеллигенции и на неправомочную идеологизацию естественных наук. Это неотъемлемая заслуга В. И. Несмелова. Его антропология противостоит теориям, в первую очередь дарвинизму, которые определяют человеческое сознание как результат эволюции материального мира. «Одно уже то обстоятельство, что человек мог обольстить себя желанием божественной жизни, что он мог не удовлетвориться своим действительным положением в мире и отверг это положение, — одно уже это обстоятельство само по себе доказывает, что человек — не случайное порождение земли и не прирожденный раб природы. Ведь простое животное никогда не создает относительно себя никаких иллюзий и поэтому никогда не отрицает существующей для него действительности»[4]. Позже эту же мысль повторил Макс Шелер (1874–1928), один из основоположников западноевропейской «философской антропологии». У Шелера человек как существо противостоит миру, окружающей среде. Только человек может относиться принципиально аскетически к своей жизни. «По сравнению с

---

[1] Δημητροπονλος Παυ. Χ. ‘Ανθρωπολογαὶ Δογματὶκη // θρησκεντὶή καὶ ήθὶκη έγκηκλοπαὶδεὶα. ‘Αθήναὶ, 1963. Т.2. Σ. 815.

[2] *Prenter R.* Anthropologie. IV. Dogmatisch // Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Tubingen. 1957. Bd. 1. S. 420.

[3] *Никонов К. И.* Критика антропологического обоснования религии. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 186.

[4] *Несмелов В. И.* Вопрос о смысле жизни в учении Новозаветного Откровения. Казань, 1895. С. 3.

животным, которое всегда говорит “да” действительному бытию, даже если пугается и бежит, человек — это “тот, кто может сказать нет”, “аскет жизни”, вечный протестант против всякой только действительности»[1].

Бердяев верно охарактеризовал В. И. Несмелова как глубокого, но малоизвестного философа: «Его совсем не знают и не ценят, его нужно открыть и приобщить к современности»[2]. При жизни В. И. Несмелова русской религиозно-философской мысли был присущ онтологизм. Почти все выдающиеся отечественные философы испытали сильное влияние В. С. Соловьева. Уникальный Несмелов стоял на позициях психологизма. Необходимость уяснения природы человеческой личности заставляет В. И. Несмелова, как последовательного философа, перейти на путь гносеологических изысканий. В. И. Несмелов с самого начала разграничивает составные части понятия «мировоззрение»: наука, философия и религия.

Наука не ставит вопрос: какой смысл в изучаемой деятельности мировых сил и к чему направляются изучаемые нами бесконечно сложные процессы во Вселенной. В пределах опытного исследования природы это совершенно неразрешимо. «Хотя мир и представляет собою для нашего познающего мышления обширную книгу, однако эта книга, в эмпирическом данном составе ее, оказывается для нас книгою без начала и без конца» [3]. Ученые не знают происхождения материи в прошлом, и не могут создать *ex nihilo* (из ничего) ни грамма вещества и научно (экспериментально) не могут доказать, что будет. Поэтому естествоиспытатель не вправе ставить вопрос о смысле мирового существования. И, тем не менее, ученые ставят эти вопросы, во-первых, потому что это интересно, и, во-вторых, потому что в мире существует и та полоса реальной действительности, которая создается человеческим разумом. Поэтому она представляет собой планомерно организованную систему целей и средств. Этот искусственный мир, создаваемый человеком, в свою очередь в каждом человеке создает субъективную уверенность, что все мировое бытие тоже опирается на какое-то разумное основание, тоже построено по плану и тоже преследует какие-то разумные цели. Однако они экспериментальному исследованию не подлежат.

Поэтому, оставленные наукой, но научно вовсе не устранимые, эти вопросы смысла бытия и другие неизбежно создают рядом с экспериментальной наукой другую, умозрительную науку — философию. Философия изучает тот же самый мир, но с точки зрения конечных причин, опираясь на данные естественных наук. Таким образом, философия «дополняет положительную науку не какими-нибудь фактическими познаниями неведомых границ мирового бытия, а исключительно только своими рациональными соображениями относительно конечного смысла и значения мировых процессов»[4]. Стремясь выразить идею планомерного устройства мира, философия располагает научные факты по той или иной схеме. Так человеческий разум создает философские системы.

---

[1] *Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 65.

[2] *Бердяев Н. А.* Опыт философского оправдания христианства (В. Несмелов) // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3-х т. М. Русский путь. 2009. Т. 1. С. 481.

[3] *Несмелов В. И.* Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913. С. 4.

[4] Там же. С.7.

Однако человеческий интеллект так организован, — продолжает Несмелов, — что по своей природе он способен рассматривать или оценивать мир не только с точки зрения времени, но и с точки зрения вечности. С этой «точки зрения он рассматривает тот же самый мир вещей и событий в религиозном созерцании его безусловной основы, и потому с этой религиозной точки зрения мир представляется уже не только механическим сцеплением преходящих вещей и событий, но и реальным осуществлением во времени вечных идей и хотений Бога»[1]. Отметим для уяснения этой мысли, что философия у Несмелова отличается от религии еще и тем, что религия есть жизнь по вере в Бога, а философия есть мысль об истинной жизни по истинной вере в Бога. А жизнь не менее важна, чем мысль.

В. И. Несмелов этим не удовлетворяется и делает попытку доказать объективность веры с позиции интуитивизма. Интуиция улавливает в мировом бытии присутствие чьей-то Всемогущей Силы, которою все содержится, и чьего-то Всевидящего Ока, от которого ничто не укрывается. Существует факт реальной идеальности собственной человеческой личности, т. е. «факт существования человека с такими реальными свойствами, которые на самом деле находятся в решительном противоречии и с природой мира, в котором живет человек, и с природой самого человека, как составной части мирового целого. Эти исключительные свойства человеческой природы заключаются в разуме и в свободной воле человека… Быть разумным, значит, не только познавать эмпирически данное бытие, но и творить идеи бытия, а быть свободным, значит, не только изменять формы и процессы данного бытия, но и творить само бытие по идеям творческого разума о нем»[2]. Наличие в человеке этих свойств делает его реальным образом живого, безусловного бытия и только поэтому человек способен интуитивно воспринимать присутствие в мире неведомого Безусловного Бытия. По изображению тени нам невидимого и неизвестного предмета мы достоверно знаем о существовании этого предмета, а по реально отброшенным в наш детерминированный мир свободе и разумности мы достоверно знаем о существовании такого бытия, которому эти безусловные свойства свободы и разума действительно принадлежат в абсолютной степени. Поэтому мы не просто лишь имеем в нашем уме субъективную идею о Боге, но «мы сами с безусловными свойствами в нашей условной природе объективно представляем идеи, реальные образы Бога»[3].

Кроме того, голос совести указывает человеку в чувственном мире существующего сверхчувственный порядок «должного быть», как установление Высшей Воли, и которая поэтому судит человека за отступление от этого сверхчувственного порядка. Нравственность не создает религию, — говорит В. И. Несмелов, споря с Кантом, а только осуществляет ее. Из этих религиозных интуитивных познаний и переживаний логически в человечестве развиваются понятия о Боге как Верховном Законодателе и Судии, а далее как о Промыслителе и Спасителе человека.

«Эта идея, — пишет В. И. Несмелов, — не создается человеком в мышлении различных явлений сознания и жизни, и не образуется человеком из каких-то несуществующих впечатлений сверхчувственного опыта, а дей-

---

[1] *Несмелов В. И.* Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913. С. 9.

[2] Там же. С. 64.

[3] Там же. С. 66.

ствительно дана человеку, но только она дана ему не откуда-нибудь совне в качестве мысли о Боге, а предметно-фактически осуществлена в нем природой его личности, как живого образа Бога. Если бы человеческая личность не была идеальной по отношению к реальным условиям ее же собственного существования, человек и не мог бы иметь идеи Бога, и никакое откровение никогда бы не могло бы сообщить ему эту идею, потому что он не в состоянии был бы понять ее. И если бы человек не сознавал идеальной природы своей личности, то он и не мог бы иметь никакого сознания о реальном бытии Божества, и никакое сверхъестественное действие никогда бы не могло вложить в него это сознание, потому что своим человеческим сознанием он мог бы воспринимать только реальность чувственного мира и реальность себя самого, как физической части мира. Но человеческая личность реальна в бытии и идеальна по своей природе, и самим фактом своей реальной идеальности она непосредственно утверждает объективное существование Бога, как истинной Личности»[1].

Таким образом, мы видим, что В. И. Несмелов, как и раньше, все свои рассуждения переводит на экзистенциальную почву. Для него идея Бога прирождена человеку. Он исходит из факта, а не из понятия, и этот факт не может быть ни философским, ни антифилософским, а просто лишь существующим.

Отправная точка антропологических построений В. И. Несмелова — это загадочная двойственность человеческого бытия в этом мире. С одной стороны, человек — дитя природы, «простая вещь» физического мира, подвластная жестким законам биологии, физиологии. Человек даже 5 минут не может прожить без кислорода. Эти законы равнодушны к тому, что человек, существующий как **личность** (*здесь и далее выделения авт. ст.*), разрушается подобно всему остальному. С другой стороны, человек, обладающий разумом, свободой и нравственностью, ясно сознает свою безусловную ценность, выходящую за пределы мира вещей. Несоответствие **идеальной** природы личности человека **реальным** условиям приковывающего его мира делает его существо двусмысленным, исполненным внутреннего конфликта. В. И. Несмелов обнаруживает, что тяга человека к идеальной жизни, его нравственные устремления не сводятся к субъективным желаниям, как утверждает позитивизм, а является атрибутом объективной природы человека, чья духовная сущность прямо противоречит условиям его физической жизни и, стало быть, не вытекает из них. Можно привести пример: так, физиологическая жизнь организма осуществляется сложнейшими и очень жесткими механизмами регуляции. Повышение или понижение температуры тела на 5 градусов — это катастрофа. Может ли такая физиология породить в человеке чувство свободы?

В человеке есть безусловное, надприродное начало: разум, самосознание, свобода и нравственность — значит, безусловное начало есть и вне человека: ведь материальное зеркало не может отражать несуществующий предмет. И здесь В. И. Несмелов делает сильнейший ход, выдвигая небывалую идею религиозной антропологии: человеческая личность является

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 годов / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; Отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; Послесловие и комментарии протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 3-е изд., 1994. Т. 1. 1905 г., С. 256–257.

даже не зеркалом по отношению к Богу, а самим изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою **личностью во всем объеме** ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом»[1]. Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях. Эта мысль В. И. Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например, в уме, а в совокупности всех проявлений личности, продолжается в православной концепции «богословия образа».

В. И. Несмелов выявил урезанность теории Фейербаха о происхождении религиозного чувства у человека. Лучшие стороны своего «Я», — поучает Фейербах, — своих помыслов, чувств и желаний люди издревле абстрагировали и ипостасировали в божественные реальности. «Сущность теологии есть трансцендентная, положенная вне человека, сущность человека»[2]. Импульсом к этому одухотворению и обоготворению была в человечестве мучительная противоположность между тем, что есть, и тем, как хочется, чтобы было. «Человек отличается от животных только тем, что он живая превосходная степень сенсуализма, всечувственнейшее и всечувствительнейшее существо в мире»[3]. А Несмелов убедительно доказал, что человек — не только элемент видимого мира, но и **участник инобытия**, безусловного и сверхчувственного миропорядка: сознание «Я» указывает на действительное существование человеческой личности в качестве метафизической сущности. В самосознании человек выходит за пределы этого мира, и не только в своих желаниях или заданиях. И самим существованием своим, «как живой образ Бога», человек свидетельствует о Бытии Божием.

По мнению Бердяева, «его метод обнаружения бытия Бога сильнее и убедительнее всех обнаружений из понятий, его доказательство — фактическое. А факт высшей природы неопровержим и позитивно необъясним»[4]. Человек сознает себя личностью высшего порядка, а не вещью природного порядка, и это сознание не могло возникнуть из мира вещей, из порядка низшей природы. Сознание своего богоподобия есть сознание не от мира сего. Это сознание родилось из мира иного.

Огромную заслугу Несмелова Бердяев выразил так: «Основная мысль Фейербаха об антропологической тайне религии обращена им в орудие защиты христианства»[5]. Люди приходят к религии через двойственность своей природы, через заложенное в них богоподобие наряду со звероподобием или природоподобием. Человек не может примириться с тем, что он несовер-

---

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 годов / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; Отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; Послесловие и комментарии протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 3-е изд., 1994. Т. 1. 1905 г., С. 270.

[2] *Фейербах Л.* Предварительные тезисы к реформе философии. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 108.

[3] *Фейербах Л.* О дуализме и бессмертии. СПб., 1908. С. 31.

[4] *Бердяев Н.* Опыт философского оправдания христианства // Русская мысль, 1909. Кн. 9. С. 58.

[5] Там же. С. 70.

нен, и что совершенная абсолютная жизнь не есть его удел. Причина этой непримиримости не в субъективных желаниях, а в объективной природе.

В учении В. И. Несмелова о реальном отображении Бога в человеке — ключ ко всей его метафизике, его истолкованию идей Спасения и Искупления. Ведь противоречивая двойственность человеческого бытия есть не только факт жизни, но и свидетельство о виновности человека. Первый том «Науки о человеке» имеет подзаголовок «Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни» и оценивается самим автором, как вводный, вспомогательный. Решение вопросов гносеологии и психологии служит у Несмелова ключом к проблемам христианской антропологии, космологии происхождения зла и учению о Спасении. Второй том «Науки о человеке» так и называется: «Метафизика жизни и христианское откровение».

В. И. Несмелов строит оригинальную, как он выражается, психологическую историю первого преступления в духовном мире. Первый виновник падения возгордился высотою своего положения и возымел желание подчинить себе мир, чтобы заменить собою для него Бога. Люцифер видел, что мир духов почитает в нем только своего великого вождя, а своей славе он обязан лишь в силу своего служения Богу. Поэтому он почувствовал тайную зависть к Богу. И вместе с тем он понимал, что своим бытием он обязан Богу, о чем знали и другие духи. Бог, таким образом, оказался единственным препятствием к осуществлению его мечты. И вот, он увидел в Боге своего врага и воспылал к Нему чувством непримиримой ненависти. Под влиянием этого чувства, если только о характере падшего духа можно судить по всем дальнейшим его действиям в человеческой истории (технология революций. — *авт. ст.*), он, вероятно, разразился дерзкой клеветой на Бога, стараясь приписать Богу все те нравственные недостатки, которые выросли из его собственной гордыни. Иначе совершенно невозможно объяснить хотя бы даже и относительный успех его провокации.

Эта катастрофа, вероятно, совершилась таким образом. Люцифер, прикрываясь мнимой любовью к своим собратьям и будто бы ратуя за их интересы, искусно забросил в них первую ложную мысль, что Бог создал духовный мир только в угоду своему эгоизму, для славословия. Эта мысль подрывала собою веру в безусловную святость Бога. Вторая мысль, что духи при других условиях своего существования достигли бы божеской славы. Эта мысль возбуждала чувство самолюбия и мятежные мечты о новых счастливых условиях жизни. И, наконец, третья, открыто провоцирующая идея о том, что интересы свободно-разумного ангельского мира не только чужды, но совершенно противны Божиим намерениям, а они, духи, в сущности, оказались лишь роковыми жертвами Его деспотии. Эта третья мысль в принявшем ее духе вызывала чувство протеста и вражды.

Гениально изложенная Несмеловым психология бунта в духовном мире является метафизическим архетипом технологии революций, в том числе и современных «цветных» и «оранжевых». Это неоцененная современниками заслуга Несмелова, на которую тогда не обращали внимания, а сейчас жизнь заставила признать ее правильность. Следует согласиться с мнением Бердяева: «В нем нет той надорванности и разорванности, которые чувствуются у людей, слишком погруженных в нашу эпоху, в ее меняющиеся настроения, в ее злобы дня. Несмелов целиком поглощен злобой вечности…

Но эти же особенности Несмелова делают его чуждым людям нашего поколения. Трудно перебросить от него мост к современной мятущейся душе»[1].

«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Апокалипсис, 12:7–9).

После грехопадения и войны в духовном мире Люцифер перенес свою бунтарскую деятельность в пределы земли. Здесь также находились свободно-разумные существа и благоговейные чтители Бога — это были первые люди. Диавол подействовал на людей не путем внутреннего голоса их собственной мысли, а через говорящего змия, т. е. путем внешнего голоса физической природы. Диавол провоцирует конфликт между людьми и Богом по вышеприведенной схеме: «знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Бытие 3:5). Ева была изумлена и заинтересовалась своим открытием. Она нарушила заповедь, вкусив запретный плод с древа познания добра и зла, не имея враждебного чувства к Богу, чего добивался змий. Ева думала только о себе самой и обольстилась необычайно легкой возможностью достигнуть божеского ведения с помощью материального внешнего средства, запретного плода, приняв его внутрь. «Следовательно, — делает вывод Несмелов, — она преступила Божию заповедь только по несчастной ошибке, т. е. *не назло Богу, не в видах намеренного противодействия воле Его*, а лишь на мнимое добро себе самой»[2].

Ожидая, что они станут как боги, люди пристально наблюдали за собой. Вожделенное чудо не произошло. Появившееся затем чувство стыда следует рассматривать как продолжение греховного процесса. Запоздалое сознание того, что это еще и запрещенное Богом древо, поразило их чувством ужаса. Люди у Бога не просили прощения потому, что сами себе простить не могли своего преступления. Нанести своим преступлением оскорбление Богу человек не мог бы даже при всем желании, потому что Бог видит в этом желании не оскорбление себя, а лишь нравственное уродство человека. Преступление же состояло в том, что люди захотели, чтобы их высокое положение в мире зависело не от свободного развития ими своих духовных сил, а от физического питания их известными плодами; они, в сущности, захотели того, чтобы их жизнь и судьба определялась не ими самими, а внешними материальными причинами. «Своим суеверным поступком люди добровольно подчинили себя внешней природе и сами добровольно разрушили то мировое значение, которое они могли и должны были иметь по духовной природе своей личности»[3]. Люди дарованную им Богом свободу подчинили закону механической причинности.

---

[1] *Бердяев Н. А.* Опыт философского оправдания христианства (В. Несмелов) // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3-х т. М. Русский путь. 2009., Т. 1. С. 480–481.

[2] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 годов / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; Отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; Послесловие и комментарии протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 3-е изд., 1994., Т.2, 1906., С. 242.

[3] Там же. С. 252.

С грехопадением человек изменился не в существе своей природы, а только в соотношении ее элементов. Он не потерял ни ума, ни чувства, ни свободной воли и сохранил ту же самую физическую организацию. И, тем не менее, он все-таки действительно стал совсем другим человеком, потому что его падение осуществило в нем то роковое противоречие тела и духа, которое, как наличный закон его природы, подчинило его физическому закону греха и одновременно поставило его в ненормальное отношение и к Богу, и к миру. Первозданная иерархия в человеке, ранее открытом для благодати и изливавшем ее в мир, — перевернута. Дух должен был жить Богом, душа — духом, тело — душой. Но дух начинает паразитировать на душе. Душа становится паразитом тела — поднимаются страсти, которые губят тело (болезни «на нервной почве»). А потом и тело становится паразитом, убивает, чтобы питаться. Люди вначале были вегетарианцами. В силу падения людей и все творение потеряло разумную цель своего бытия, «потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее… Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Послание к Римлянам, 8:20, 21).

Так с грехопадения прародителей началось блуждание человека по дорогам истории в поисках истины и смысла жизни, в поисках спасения и искупления греха. В Лице Иисуса Христа в мир неправды явился праведник в собственном смысле этого слова. Никогда не следуя внушениям человеческой плоти и крови, Христос действительно раскрыл в своей человеческой жизни такую полноту нравственного совершенства, которая возможна только в жизни истинного человека от Бога. Его земная жизнь явилась совершенным воплощением мысли о жизни самого Небесного Отца. Он — Иисус Христос, впервые осуществил вполне Божию мысль о бытии. Уже одним тем, что Сын Божий жил в этом мире, Он вполне оправдал Божие дело создания мира, т. е. Христос явил оправдание Бога в Его творческой деятельности. Но это еще не оправдание людей пред Богом за их уклонение от Божия закона жизни.

Для Иисуса Христа смерть не была необходимостью: в Нем дух не служил смертному телу, а тело являлось органом нравственной жизни бессмертного духа. Поэтому Иисус Христос выпадал из общей закономерности, и поэтому Его мученическая смерть была искупительной, она уничтожила грех в мире. Личность Христа и есть тот богооткровенный ответ на загадку о человеке: Христос по плоти есть абсолютный божественный Человек, предвечно осуществленный Образ и Подобие Отца. Он добровольно принес Себя в искупительную жертву и таким образом спас от гибели жизнь грешного мира. Мир воссоздан, изменен Христом, но так, что условия его наличного существования еще остаются неприкосновенными. Смерть уничтожает и грех или вину. Но обычная смерть разрушает и самого человека. Поэтому недостаточна обыкновенная мученическая смерть на Кресте, хотя она и уничтожает грех. Но вот Христос воскрес, и Его воскресение закрепляет освобождающий от греха смысл Его смерти.

Ссылаясь на 5 главу Послания к Римлянам и 15 главу 1-го Послания к Коринфянам апостола Павла, где больше всего говорится о воскресении Христа — Нового Адама, а затем и всего обновленного человечества, так, например: «как преступлением одного всем человеком осуждение, так правдою одного всем человеком оправдание к жизни» (Послание к Римлянам

5:18) и «как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1-е Послание к Коринфянам 15:22), Несмелов приходит к следующему выводу. Поскольку Сын Божий (Слово-Логос, Вторая Ипостась Святой Троицы) соединился с человеческой природой, а не с личностью человека, поэтому Иисус Христос — это Новый Адам и поэтому обожение охватывает всю человеческую природу, а не только конкретную ее личность[1]. Своим воскресением Иисус Христос делает человеческую природу участницей вечности Божией. Сын Божий, принимая в вечность человеческую природу, тем самым указывает, что все ее собственники становятся участниками вечности. Воскресение Христа не является воскресением индивидуальной человеческой личности, но воскресением всей человеческой природы. Поэтому воскресение Христа вводит закон всеобщего воскресения людей.

Несмеловская аргументация закона всеобщего воскресения людей имеет троякое обоснование: теологическое, христологическое и антропологическое. Согласно этому всеобщее воскресение людей совершится по той причине, что оно является предвечной волей Бога Отца. Единственным его осуществителем является Его Единородный Сын Иисус Христос, Который сделал вечной человеческую природу через «вечное» соединение с ней. Отсюда, все люди имеют эту вечную природу и не могут иметь иной, поскольку являются детьми Нового Адама. Однако этот факт не исключает их физической природы, в которой они существуют в материальном мире, как и вечное богочеловечество Христа не исключало Его существования в смертном теле. Люди умирают с точки зрения их существования в физическом мире, однако, благодаря Христу, достигают неистребимой природы и в силу этого должны воскреснуть. Третьим моментом признания воскресения Христа основным законом воскресения всех людей является то, что Христос по отношению к людям выступает в качестве Нового Адама. Творец через свое вхождение в историю творения делит с ним его судьбу, «так что по отношению к роду человеческому Он тогда явится Новым Адамом, — не по образу древнего Адама, взятого из персти земной и бывшего физическим родоначальником всего поколения людей, а по новому образу небесного человека, обладающего полнотой животворящего духа и оживляющего весь род человеческий именно по животворящей силе своего богочеловеческого главенства над миром»[2]. Благодаря этому главенству, продолжает автор, откровение нового мира и воскресение всех людей «совершится также естественно, как естественно совершается теперь явление смерти»[3].

Необходимо признать, что опирающиеся на Св. Писание и учение Святых Отцов размышления Несмелова о всеобщем воскресении людей довольно своеобразны. Интерпретируя учение о Христе как Новом Адаме, Несмелов подчеркивает два момента: во-первых, «главенство» Воплощенного Логоса над людьми; во-вторых, — результат этого «главенства» — Воплощенное Слово является Отцом нового человечества. Христос, согласно халкидонскому догматическому определению, является единосущным не только

---

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 годов / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; Отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; Послесловие и комментарии протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 3-е изд.,1994. Т. 2, 1906. С. 350.

[2] Там же. С. 342.

[3] Там же. С. 342.

Отцу, но также «нам по человечеству». Несмотря на то, что Личность Иисуса Христа не является человеческой личностью, но божественной, тем не менее, она имеет самое глубокое единство со всякой человеческой личностью, поскольку является ее первообразом. Все люди, говорит Несмелов, были созданы по образу Божию, согласно образу Личности Логоса. Личность Сына Божия, соединяясь с человеческой природой, становится Новым Адамом, рождающим нового человека, в котором совершенным образом образ Божий осуществляется в богоподобии. Такое, собственно, осуществление человека является самым важным результатом его происхождения от Нового Адама. Благодаря этому происхождению человек становится участником обновленной человеческой природы. «Новое» этой природы, как уже было указано, заключается в ее обожении. Таким образом, Новый Адам становится Отцом обоженного человечества. Поэтому для Несмелова становится действительным то, что благодаря Спасителю все люди воскреснут, так как через грех Адама все умирают[1].

Итак, человеческая природа Христа никогда не перестанет быть нашей природой и материальное Тело Его никогда не перестанет быть частью нашего материального мира. То есть Богочеловек Иисус Христос вступил в состав своего творения, и мир стал уже другим. Поскольку человеку невозможно полностью реализовать свою обоженную природу в условиях этого извращенного и грешного материального мира, то Христос создаст ему другой мир, другую среду обитания: «Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Петр. 3:13). В этот «новый мир» человек войдет через свое воскресение. Воскреснут все — это антропологический закон, который осуществится во Второе Пришествие Христово. Апостол и Евангелист Иоанн Богослов, говоря о будущем мире, который ему открылся в видении, свидетельствует: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и море уже нет» (Откр. 21:1). Поэтому Искупление мира Христом есть как бы новое творение.

Несмелов очень убедительно решает христианскую проблему воскресения умерших в их прежних телах. Но прежде автор постулирует, что тождество человека создается исключительно единством его личности. Пока человек живет, в нем происходит постоянный обмен веществ. Все ткани организма в процессе жизнедеятельности постоянно обновляются, и умирает человек не с тем телом, с которым родился. Например, кровь в организме обновляется примерно за 4 месяца, кости медленнее, но это еще зависит и от возраста человека. «Может ли он жалеть о том, что материальные элементы, которые, несомненно, входили в состав его организма, вышли из этого состава, а напротив, элементы, которые не были его телом, вошли в состав его тела?» — задает Несмелов резонный вопрос[2].

Ссылаясь на апостола Павла (Первое послание к Коринфянам 15:35-37, 42), В. И. Несмелов говорит, что неверно думать, будто бы человеческие души в день воскресения моментально вселятся в свои прежние тела, мгно-

---

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 годов / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; Отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; Послесловие и комментарии протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 3-е изд.,1994. Т. 2, 1906. С. 350.

[2] Там же. С. 406.

венно созданные для них всемогущею силою Бога. Души обладают памятью. Правильно думать, считает Несмелов, что души, по данной им от Бога энергии, сами «мгновенно разовьют свою собственную творческую деятельность и сами образуют себе свои будущие тела; так что воскресение, стало быть, произойдет путем мгновенного повторения того же самого творческого процесса жизни, которым образуются живые тела людей и в настоящий период их земного существования»[1].

Таковы в общих чертах богословские воззрения Несмелова. Разумеется, некоторые частности его системы не выражают всей глубины православного богословия. Довольно резко о творчестве Несмелова высказывается протоиерей Георгий Флоровский: «Замысел Несмелова очень интересен. Он хотел бы показать тождество христианской истины с идеалом человеческого самосознания, но всего у него слабее именно психологический анализ, всегда отравленный каким-то нравственным прагматизмом. В его системе все как-то слишком рассчитано и схематично. Рассуждений больше, чем опыта или интуиции… Поражает у Несмелова нечувствие истории. “Человек”, о котором он говорит, живет не в истории, но наедине со своими тягучими мыслями… Система Несмелова не удалась, именно как система. Вопросы подымаются в ней важные, но в какой-то очень неловкой постановке. И образ Христа остается бледным»[2].

Нередко Несмелов-философ довлеет над Несмеловым-богословом, и тогда глубокие философские интуиции и прозрения оказываются в зависимости от рассудочных схем или доводов здравого смысла. Кроме богословской существует и философская критика, и главное, на чем останавливается Бердяев, это дуалистическая форма спиритуализма у Несмелова. «Но есть одна неясность в глубокомысленном учении Несмелова. Дуализм человеческой природы, дуализм высшей в нем природы, природы не от мира сего, и низшей природы мира сего, дуализм богоподобия и звероподобия не есть дуализм души и тела, духовного и материального. Нельзя ведь сказать, что человек своей душой принадлежит к миру божественному, а телом к миру животному, что все в нем духовное от иного мира, а все материальное от этого мира. Душа и тело, духовное и материальное двойственны в человеке и одинаково принадлежат двум мирам. Своему богоподобию человек изменяет не только в своем теле, но не менее в своей душе; низшее, злое начало лежит не только в сфере материальной, но и в сфере духовной. Источник зла — в гордости духовной, и отсюда уже рождается зло материальной скованности. А Несмелов иногда выражается так, как будто бы в духе он видит знак богоподобия человека, а в теле знак принадлежности человека к животному миру. Несмелов приходит в результате своего анализа к тому заключению, что лишь спиритуалистическое учение о человеке выдерживает искус философских и научных требований»[3].

---

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 годов / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; Отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; Послесловие и комментарии протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 3-е изд.,1994. Т. 2, 1906. С. 408.

[2] *Флоровский Георгий, протоиерей.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 449–450.

[3] *Бердяев Н. А.* Опыт философского оправдания христианства (В. Несмелов) // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. М. Русский путь. 2009. Т. 1. С. 486.

На наш взгляд Несмелов испытал сильное влияние св. Григория Нисского, по учению которого он написал прекрасную диссертацию «Догматическая система святого Григория Нисского». Известно, что Григорий Нисский, в свою очередь, находился под сильным влиянием Оригена, особенно в той части богословия, которую принято называть апокатастасис, т. е. всеобщее восстановление или оправдание всех разумных существ.

Указывая на слова апостола, что «о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных, и земных, и преисподних» (Флп. 3: 10), он (св. Григорий Нисский) говорит: «На основании общего мнения и предания Писаний принимается верой, что вне подобных тел есть некоторое естество, враждебно расположенное к добру и вредоносное для человеческой жизни, добровольно отложившееся от лучшего жребия и отступничеством от доброго осуществившее в себе мыслимое по противоположности, и его-то, говоря, апостол причисляет к преисподним, обозначая этим словом то, что, наконец, после длинных вековых периодов, порок исчезнет и ничего не останется вне добра; напротив, — и преисподними единогласно будет исповедано господство Христово, т. е. и падшие духи уразумеют наконец истину и обратятся ко Христу. Эту мысль св. Григорий подтверждает и другими словами того же апостола в послании к Коринфянам (15:28): «будет Бог всяческая во всех». «Если, — говорит св. Григорий, — Бог будет во всех существах, то, без сомнения, не будет в них порока; а если предположит кто, что если будет порок, то как же сохранится во всей силе сказанное, что Бог во всех?». Если Бог будет во всех, то и все будет в Боге, а в Боге существует одно только благо и блаженство. Следовательно, придет время, когда вся погубившая себя отступничеством разумная тварь будет приведена в послушание Богу и в Боге наследует себе вечное блаженство»[1]. Кстати, эта идея очень импонировала Бердяеву.

«Наука о человеке» блестяще обнаруживает языческую ограниченность современной философии и всего современного сознания, для которых вера во Христа есть безумие и соблазн. Несмелову удалось философски показать, что вера во Христа разумна, что только эта вера и разумна. Только в религии человек может найти путь к тому, чтобы осуществить в себе все истинно человеческое.

«В системе Несмелова есть немало “шлака” — тех отдельных отступлений по линиям психологизма, которые вообще так характерны для всякого экзистенциального построения, — но все это тонет по своей незначительности в общем построении Несмелова»[2].

Список литературы

1. Антропология // Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1.
2. *Аристотель*. Никомахова этика, 125а5 // Сочинения: в 4-х т. М., 1984.
3. *Аристотель.* О частях животных, 641 а. М., 1937.

[1] *Несмелов В. И.* Догматическая система святого Григория Нисского. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2013. С. 523–524.

[2] *Зеньковский В. В., протоиерей.* История русской философии. Т. 2. Париж, ИМКА, 1950. С. 118.

4. *Бердяев Н. А.* Опыт философского оправдания христианства (В. Несмелов) // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. М. Русский путь. 2009.

5. *Бердяев Н.* Опыт философского оправдания христианства // Русская мысль, 1909. Кн. 9.

6. *Бердяев Н. А.* Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. 1989. № 2.

7. *Бердяев Н.* Философская истина и интеллигентская правда: 5-е изд. М.: Вехи, 1910.

8. Древнегреческо-русский словарь. М., Гос. изд. иностранных и национальных словарей. 1958. Т. 1.

9. *Евгеньев П.* Обелиск в Раифе. Казань, 1969.

10. *Зеньковский В. В., протоиерей.* История русской философии. Т. 2. Париж, ИМКА, 1950.

11. *Константин (Горянов), архимандрит.* Жизнь и творчество Виктора Несмелова // Вестник Белорусского Экзархата. 1990. № 5; 1991. № 6

12. *Константин (Горянов), игумен.* Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX–XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов: дисс. канд. (на правах рукописи). Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1990. 220 с.

13. *Несмелов В. И.* Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913.

14. *Несмелов В. И.* Вопрос о смысле жизни в учении Новозаветного Откровения. Казань, 1895.

15. *Несмелов В. И.* Догматическая система святого Григория Нисского / В. И. Несмелов. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2013.

16. *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1, 2. Репринт. воспроизведение изданий 1905, 1906 годов / сост., предисл. и библиогр. М. Н. Богородского; Отзывы на книгу еп. Антония (Храповицкого) и Н. А. Бердяева; Послесловие и комментарии протоиерея Игоря Цветкова. Казань: Заря-Тан, 3-е изд.,1994., Т. 1. 1905 г., Т. 2. 1906 г.

17. *Никонов К. И.* Критика антропологического обоснования религии. М.: Изд-во МГУ, 1989.

18. *Султанбеков Б.* Меч над крестом и полумесяцем: «Дело» профессоров, епископов и монахинь // Советская Татария. 14 ноября 1990 г.

19. *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Антропология. М.: Высшая школа, 1963.

20. *Фейербах Л.* О дуализме и бессмертии. СПб., 1908.

21. *Фейербах Л.* Предварительные тезисы к реформе философии. М.: Соцэкгиз, 1936.

22. Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1.

23. *Флоровский Георгий, протоиерей.* Пути русского богословия. Париж, 1937.

24. *Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.

25. Δημητροπονλος Παυ. Χ. ‘Ανθρωπολογαὶ Δογματὶκη // θρησκεντὶή καὶ ήθὶκη έγκηκλοπαὶδεὶα. ‘Αθήναὶ, 1963. Т. 2.

26. *Munro R.* Anthropologie. Encyclopaedia of Religion and Ethics / Ed. By Hastings J. Edinburg. N.Y. In 12 v. 1908–1921. V.1.

27. *Prenter R.* Anthropologie. IV. Dogmatisch // Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Tubingen. 1957. Bd. 1.

28. *Halder A.* Anthropologie, philosophische // Lexicon fur Theologie und Kirche. Freiburg. 1957. Bd. 1.

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ ИСПАНСКОГО ФИЛОСОФА ХОСЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ, отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Легитимность и нелегитимность в истории

В прошлом 2015 году исполнилось шестьдесят лет со дня кончины известного испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета. В русском мире он особенно известен по его социологическому произведению «Восстание масс». Оно было переведено на русский язык в конце сороковых годов прошлого века и было опубликовано тогда в русских эмигрантских издательствах. В западном мире обращалось больше внимания на его специфические философские теории. Однако до сих пор сравнительно мало обращалось внимания на его **теорию политической легитимности**.

Толкование понятия «легитимность» выходит далеко за рамки политической науки. Оно тесно связано с социологией и, конечно, требует глубокого знания и понимания истории, являющейся экспериментальной лабораторией политики.

Теория политической легитимности испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета (1883–1955) изложена в его труде на историческую тему — *«Одна интерпретация мировой истории»* (Una interpretacion de la historia universal). Однако эта теория основывается и на социологической системе философа, представленной, главным образом, в работах *«Идеи и верования»* (Ideas y creencias), *«Человек и люди»* (El hombre y la gente) и *«Восстание масс»* (La rebelion de las masas).

«Одна интерпретация мировой истории» впервые была издана посмертно в 1960 г. в Мадриде и представляет собой 12 лекций, прочитанных Ортегой в 1948–1949 годах в Мадриде и посвященных критике монументального труда английского историка и эллиниста Арнольда Той-

нби *«Исследование истории».* Центральной темой этих лекций, по словам самого Ортеги, является *«анализ жизни, превращенной в* ***нелегитимность»,*** который Ортега делает на основании ***«двух гигантских примеров нелегитимности, каковыми являются времена упадка Римской Республики и сегодняшние времена»***[1]*.* Другими словами, Ортега считает, что главной причиной хронических кризисных состояний является нелегитимность их политических режимов. Значит, кризисное состояние невозможно окончательно преодолеть перестройками нелегитимности, а только лишь восстановлением легитимности.

Ортега особенно подчеркивает, что, согласно гипотезе Тойнби, субъектами истории являются цивилизации, или «большие общества», каковых за всю историю человечества было всего около двух десятков. Из них продолжают существовать, согласно Тойнби, всего лишь пять: западноевропейская, восточноевропейская, исламская, индийская и дальневосточная. (Справедливости ради следует отметить, что подобная теория впервые была выдвинута крупным русским мыслителем Н. Я. Данилевским.) Разделяя эту точку зрения Тойнби, Ортега возражает ему по отношению к его гипотезе о жизненных циклах отдельных цивилизаций и их «отцовско-сыновней» преемственности. Ортега оспаривает этот детерминистический подход к жизненному циклу цивилизаций, ранее высказанный Шпенглером. Философу чуждо само понимание *предопределенного чередования разных исторических «формаций»*, ставшее модным под влиянием исторического материализма.

Ортега утверждает, что строгий научный анализ применим к истории только лишь одного государства — Римского, поскольку это единственное крупное государство, *начало и конец* которого нам хорошо известны. Научный анализ исторических процессов возможен лишь при условии «осцилирующего» созерцания **всего** исторического процесса, **от начала до конца**. Наш глаз наблюдателя, говорит Ортега, должен скользить по всему историческому периоду изучаемого явления, постоянно и многократно возвращаясь туда и обратно. Иллюстрируя эту свою теорию, Ортега и анализирует историю Римского государства. Своего рода побочным продуктом этого анализа является теория Ортеги о политической легитимности, подкрепленная его собственной социологической доктриной. Эта блестящая теория, соединяющая историю, социологию и политику, демонстрирует хорошее понимание Ортегой римского менталитета, что особенно важно для точного научного определения ряда *римских политических терминов*, которыми интенсивно продолжает пользоваться и современная цивилизация. Среди них не последнее место занимает термин *легитимность.*

В связи с этим анализом Ортеги нужно отметить, что все дальнейшие политические анализы, вытекающие из его теории, относящиеся к политическим системам, продолжающим употреблять римскую политическую терминологию, необходимо делать с учетом той исторической действительности, в рамках каковой эта терминология возникла. Анализы в данном исследовании тоже учитывают эту методологию.

---

[1] *Jose Ortega y Gasset.* Una interpretacion de la historia universal. Madrid, 1960. 360 p. (Перевод с испанского — *авт. ст.*) P. 156.

Коллапсы вызваны потерей легитимности

Ортега вслед за Тойнби утверждает, что нации или народы являются лишь частями «больших обществ», или цивилизаций. Человеческая история — следствие проявления и взаимодействия этих цивилизаций.

Для того чтобы определить каждую из цивилизаций, необходимо уточнить ее протяженность во времени и пространстве. Тойнби и Ортега начинают этот анализ с западноевропейской цивилизации, конец которой еще неизвестен, ибо она еще не кончилась. Однако известно ее начало — конец греко-римской цивилизации, которому предшествовал период великолепия Римской империи, которую Тойнби называет *«универсальным государством».* Ортега подчеркивает большое значение, придаваемое Тойнби такому «универсальному государству», **прототипом и образцом** какового *«для Тойнби и для кого угодно»* является именно Римская империя. Это и есть центральная тема труда Тойнби, говорит Ортега, и посему на нее надо обратить особое внимание.

Наибольший интерес в этой связи представляет вопрос, почему эта цивилизация (и вообще всякая цивилизация) приходит в **упадок** и в конечном итоге гибнет. Тойнби считает, что главной причиной упадка и последующей гибели является ***«раскол в душе»*** той или иной цивилизации. Однако Ортега заявляет, что следует рассматривать *«подобную действительность в свете идеи* ***нелегитимности»***, ибо главным образом **лишь нелегитимность в конечном счете ведет к упадку**.

Таким образом, суть истории постигается с помощью понятий «легитимность» — «нелегитимность». Исходя из этого, Ортега и предлагает свою собственную теорию легитимности, которая одновременно является и его *теорией общества*.

Легитимность при зарождении общественных структур

Ортега считает, что зарождение общественно-государственных образований у всех примитивных народов начинается с выдвижения *лидеров*, ведущих за собой всех членов формирующегося общества. Вожди способны создать и предложить *проект или программу общих действий,* особенно в моменты надвигающихся опасностей. Они в состоянии *приготовить* (по-испански *preparar*, по-латыни *preparare*) все необходимое для того, чтобы данная акция была удачной. Такой «**приготовитель**», «направитель» или «управитель» (в том смысле, что он может *справиться* с делом) на архаической латыни назывался *imperator* или imperator. Ортега отмечает, что самый древний из поэтов Рима Ennius употребляет слово *induperator*, которое уже в его время считалось очень архаичным. На близком к латыни языке племени осков такой лидер назывался *embratur*[1].

Так в обществе появляются ***временные лидеры***. Они являются вождями первых недолговечных государственных образований, до тех пор, пока не исчезнет опасность или не кончится сражение. С момента появления лидеров и начинается общество как таковое, ибо масса людей, до того бывшая аморфной, получает *новую структуру*, состоящую из ***предводителя*** и его *последователей.*

---

[1] *Jose Ortega y Gasset.* Una interpretacion de la historia universal. Madrid, 1960. P. 156.

Ортега считает, что от слова *«следовать»* (по-латыни *sequi, sequor*) происходит слово ***socius****, последователь* или *спутник*, а от него, в свою очередь, выражение *societas — общество*[1]. От этого же корня происходят слова *экзекуция, consequens* (последовательно), *exequias* (буквально — «следование за гробом»), *секундант* и т. д. Значит, происходящее от этого же корня слово *«социализм»* никак не может выражать идею *«равенства»* в обществе, ибо оно обозначает, наоборот, *иерархическую структуру, сиречь* ***неравенство***, утверждает Ортега.

На начальном этапе слово «император» еще не является перманентным титулом, оно всего лишь «нарицание», а посему не выражает никакой легитимности. После первого этапа наступает второй, когда в образующемся обществе формируется и *«созревает сложное, но одновременно определенное представление о жизни и мире»*. Ортега исходит из того, что первоначально у римского народа, *«как и у всех народов всех времен, такое* ***мировоззрение*** *может быть только религиозным. Отдельный индивидуум или группа индивидуумов могут жить, имея нерелигиозное представление о мире, но народ как таковой не может иметь иных идей о мире, кроме религиозных»*[2].

С развитием религиозного мировоззрения возникает необходимость в *постоянных* определенных *обрядах*. Однако обряды, касающиеся общественной жизни, не могут быть исполняемы любым членом общества, а лишь теми, кто в течение долгого времени заслужил *всеобщее признание*. То есть в обществе имеется *консенсус по поводу того*, что только эти люди обладают нужными предпосылками для исполнения религиозных обрядов от имени всего общества. Именно таким образом, говорит Ортега, появляется в обществе первая **постоянная власть**, вернее, *первый* ***постоянный авторитет*** и первая *постоянная государственная функция* в виде *управляющего «священнодействиями»* (по-латыни *sacrificium*), которые вскоре становятся, главным образом, жертвоприношениями. Такой *священный управляющий* (по-латыни ***rex sacrorum***) выступает первой легитимной властью в обществе. Еще не существует никакого разделения властей, так что этот управляющий не является только лишь первосвященником. Он одновременно исполняет, по мере возможности, и **все другие** государственные функции: вождь войска, законодатель и верховный судья. Он обладает полнотой власти, он имеет, подчеркивает Ортега, *imperium legitimum — легитимное управление*[3]. Значит, первая легитимная власть в государстве является **постоянной**, ее не может исполнять любой, а только тот, кто имеет на это неоспоримое ***предварительное*** *право*.

Таким образом, rex (этот титул, мне кажется, было бы лучше переводить термином *«князь»,* родственным германским «king» и «Koenig», а не «царь», как это принято в русской литературе) — уже не спонтанно возникающий временный вождь государства, каковым до этого был временный император, а *постоянный легитимный правитель*. Он не *временный управляющий*, а постоянный правитель, обладающий *полнотой легитимной власти*, как

---

[1] *Jose Ortega y Gasset.* Una interpretacion de la historia universal. Madrid, 1960. P. 157, 188.

[2] Ibid. P. 158.

[3] Ibid. P. 161.

говорит Салустий. И он, конечно, подчеркивает Ортега, является *«царем милостью Божией»*: *«Первоначальная легитимность, прототипная, единственная компактная и насыщенная, всегда принадлежала у всех народов царю* ***по милости Божией****. В чистом виде другой легитимности нет»*[1]. С возникновением такой легитимной власти временная, авантюрная и преходящая фигура императора как бы исчезает, но само это слово в Риме сохраняется (в Риме всегда вся терминология сохранялась), и потом присваивается **всем победоносным генералам**. Это логично, ибо все победы в конечном итоге тоже являются временными. Так, даже нелегитимные титулы могут быть частично **сохранены под покровом легитимности**. Титул императора, без категории царя (рекса), снова всплывет, когда легитимность в государстве исчезнет, а необходимость в сильной власти возрастет. Это будет император Римской империи — от Юлия Цезаря до Константина Великого.

Государственные учреждения в рамках легитимности

Третий этап Римского государства имеет исключительный характер как раз в связи с проблемами легитимности, считает Ортега. Дело в том, что через два с половиной века после установления Ромулом, первым царем Рима, монархической легитимности, в Риме разразился глубокий политический кризис: назрела необходимость прекратить существование монархии, но при условии **сохранения легитимности**.

Отступая немного в сторону от этих рассуждений Ортеги, необходимо отметить, что римляне называли свое государство *республикой* в течение всех трех этапов его существования: царского периода — от 753 г. до 510 г. до Р. Х., консульского периода — от 510 г. до 30 г. до Р. Х. и имперского периода, после этой последней даты. Цицерон, на которого так любит ссылаться Ортега, пишет: *«когда в нашей* ***Республике*** *были цари»*[2]. Термин «республика» обозначает «**государство**», в смысле *«общее дело».* Лишь под влиянием антимонархической пропаганды во Франции в XVIII веке этому старому римскому выражению был придан антимонархический и даже агностический смысл, что является абсолютным искажением истины.

Этимологически выражение *res publica* буквально значит «**народное дело**». Корень слова *publica* тот же самый, что и в словах *«populus»* (народ), *«populare»* (заселять), *племя, полк и полнота.* Слово «*populus*» было частью официального имени Римской республики, а затем и Римской империи: *Senatus Populusque Romanus*, Сенат и Народ Римский, на военных штандартах и монетах — сокращенно SPQR. В этом смысле слово «республика» соответствует греческому термину «**литургия**», народное дело, от «**лаос**», народ, и «**ергон**», служба, дело, акция. Термин «республика» имеет еще одно значение, а именно «**публичное дело**», ибо даже в современных языках древнее латинское выражение *publicus* значит «публичный», в смысле не только «**общественное дело**», но одновременно также и в смысле «**публичное дело**», т. е. незасекреченное, незаконспирированное. Конституционная формула гласила, что все государственные дела в

[1] *Jose Ortega y Gasset.* Una interpretacion de la historia universal. Madrid, 1960. P. 161.

[2] *Ciceron M. T.* De legibus. 3, 4. Viu Ibid. P. 167.

Римской республике надо вершить всенародно, «**перед народом**». Значит, «республика» — это народное, общественное, незасекреченное, публичное, общее легитимное государственное дело. С несомненными религиозными предпосылками и элементами, в согласии с анализом Ортеги-и-Гассета, что подтверждается и употреблением его греческого варианта древней Христианской Церковью. В современной цивилизации таких государств не много.

Ортега подчеркивает, что при основании Римской республики латинскими родами также присутствовали и сильные религиозные и политические **этрусские элементы**.

Само имя «Рим», по-видимому, этрусского происхождения. Однако первичное население Рима было в основном латинским. После смерти основателя Рима и его первого царя Ромула римляне призывают себе в цари соседа иностранца, сабинянина Нуму Помпилия. Тит Ливий пишет, что это призвание было сделано на основании того, что *«Нума Помпилий был величайшим знатоком всего божественного и человеческого права».*

Как говорит известный историк Рима Теодор Моммзен, Рим возник в результате *соединения нескольких племен, живших в нескольких соседних деревнях.* Моммзен этот процесс называет «синекией», т. е. *«сожительством»* (от греческих слов «син» и «экос», «со» и «дом»). Такое же происхождение имел и Афинский полис, где «Синекия» даже считалась богиней. Так вот, Ортега предполагает, что в этом объединительном процессе нескольких латинских деревень в новый город Рим этруски играли роль **катализатора**.

Он даже допускает возможность, что первый царь Рима Ромул был как бы «поставлен» этрусками, независимо от того, был ли он этруском или нет. Однако, несомненно, что не только народ Рима, но и его коренная «аристократия» принадлежали к латинской этнии и говорили на латинском языке. Возможно даже, что эти латинские племена раньше имели своих племенных князей, как это было и у нас на Руси до призвания общего князя Рюрика. Ортега подчеркивает, что, несмотря на это, римляне никогда не отрицали исключительного вклада этрусков в их религиозную и государственную организацию, особенно в области обрядов и церемоний.

При первых царях Рима римская аристократия и римский народ не чувствовали чужестранного засилия, ибо, по-видимому, такового и не было. Лишь последние три царя были этрусскими чужеземцами: Тарквиний Старший, Сервий Тулий и Тарквиний Гордый, хотя оба Тарквиния были коринфского, т. е. греческого происхождения. Сервий Тулий больше всех, после Ромула, принял участие в создании характерных римских учреждений: организации *выборов по центуриям*, учреждения *призывных классов* в армию по признаку имущественного ценза (когда впервые и появился термин «пролетарии») и т. д. Тит Ливий, отмечая, что Сервий Тулий царствовал 44 года, называет его правление *«законной и справедливой царской властью».* Это правление было прервано цареубийством, после которого воцарился Луций Тарквиний, прозванный Гордым. Помимо того, что он был причастен к убийству своего предшественника, который был его тестем, он начал свое царствование с другого проявления несправедливости: он не позволил похоронить своего предшественника.

Тарквиний Гордый царствовал 25 лет и был изгнан из Рима за то, что его сын Секст Тарквиний обесчестил Лукрецию, жену видного римлянина Тарквиния Коллатина. Тит Ливий пишет: *«На собрании по центуриям*

префект города, в согласии с записками Сервия Тулия, провел выборы консулов. Избраны были Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин». Эти два консула впервые приняли **вдвоем** на себя царскую власть в Риме (как в Спарте), но сроком только на один год. По-видимому, поначалу их титул был *pretor maximo*, верховный предводитель. Позднейшее название «консул» значило «вместе выступающий».

Ортега подчеркивает, что римляне не предполагали менять самой сути своего государства и не собирались полностью отказываться от монархии. Они лишь хотели навсегда избавиться от возможности, что их царем может стать не просто чужеземец, а несправедливый и гордый чужеземец. Можно к этому добавить, что если чувство легитимности и было неразрывно связано с монархическим устройством государства, оно одновременно в не меньшей степени было связано и с чувством *справедливости*. (В начале Афинского полиса афинский царь и герой Тесей впервые провозглашает *принцип справедливости* вместо мести, с тех пор являющийся основным принципом общеевропейской цивилизации, сегодня часто забываемым.)

Перед римлянами тогда, в 510 г. до Р. Х., встала дилемма: как преодолеть это противоречие, проявившееся в царствовании седьмого римского царя Тарквиния Гордого. Римляне не были теоретиками в области политики, они теории вообще не любили, но обладали большой политической мудростью и исключительным *чувством правосознания*. Это и помогло им найти выход из создавшегося положения: заменить одного пожизненно выбранного монарха *двумя монархами*, выбранными *сроком на один год.* Вводились два ограничения: сокращение пожизненного срока до годового и создание двойной высшей власти (состоящей из двух лиц с абсолютно равными правами, каждый из которых имел право принимать единоличные решения и одновременно накладывать вето на решения своего соправителя). Тут встал один очень трудный вопрос: *как же сохранить и спасти не только общую государственную легитимность, но и правопреемство власти как таковой при такой радикальной реформе высшей власти?*

Во-первых, нужно иметь в виду, что римская монархия не была полностью *наследственной династической* монархией, хотя стремление к этому заметно за все время царского периода. Сама природа монархической власти династична, но в Риме династичность никогда не была достигнута полностью. Причем ее не существовало даже в третий, императорский период, за редкими и недолго длящимися исключениями. Более того, и в последующую эпоху Византийской империи, когда Константинопольские императоры провозглашают себя наследниками одновременно Римских императоров и Ветхозаветных царей (как отметил император Федор Ласкарис в своей тронной речи в 1219 г.), династичность является труднодостижимым идеалом. Она проявилась полностью позже, в Третьем Риме, в Русском Православном Царстве. Именно это отсутствие строгой династичности и явилось одним из существенных условий сохранения легитимности при переходе от царской власти к консульской. Ведь если выборы одного царя народом, с последующими утверждениями Сенатом и авгурами, были легитимными, то таковыми же были и выборы двух консулов с помощью **точно такой же процедуры**.

Однако нужно иметь в виду и другое важное обстоятельство, а именно — **высшая** власть в Риме *не всегда была одновременно и* ***верховной*** *властью*. Наш великий ученый Лев Тихомиров, написав книгу *«Монар-*

хическая государственность», внес большой вклад в политическую науку, разделив государственную власть на *власть верховную* и на *управительные власти*. Тихомиров доказывает, что в Риме, как в царский, так и в консульский периоды, *верховной* властью обладал *римский народ,* ибо только он имел *право помилования, являющееся специфическим атрибутом верховной власти.* Цари, а затем консулы, являлись лишь *высшей управительной* властью, исполняя *верховную* власть только во время войны. Таким образом, исходя из этой теории, очевидно, что при государственной реформе в Риме, условно относимой к 510 г. до Р. Х., суть верховной власти не реформировалась, а была изменена только лишь *высшая управительная* власть. Значит, эта реформа не коснулась пласта легитимности на уровне верховной власти. (К сожалению, Ортега не мог быть знаком с трудами Льва Тихомирова, уничтоженными в процессе Русской Катастрофы. «Монархическая государственность» к 1923 г. сохранилась лишь в одном экземпляре в библиотеке Британского музея, где ее удалось найти, после четырехлетних поисков, группе русской эмигрантской молодежи. Эта книга тогда была переиздана малым тиражом, а затем снова переиздана в Буэнос-Айресе в 1968 г., благодаря чему она не погибла для России.)

В то время как Афинская демократия терпела в своей среде внутренние засекреченные структуры, как Елевзинские мистерии, и признавала внешних оракулов, Римская республика требовала строгой **публичности** и внутренней **самобытности** во всех своих политических и общественных делах. Она не терпела мистериальных конспиративных организаций, не ориентировалась на внешних оракулов и не включала в свою государственную и военную символику чуждые эзотерические изображения и знаки с засекреченным первоначальным смыслом. Можно сказать, что мистериальность в Риме была признаком нелегитимности. В Римской республике были публичные жреческие коллегии авгуров и понтификов, каковые находились **в симфонии с государством** и были **частью конституционного строя республики**. Посему они должны были действовать в полном согласии с характером этой республики: публично, гласно, открыто, а не тайно или конспиративно.

Сама республика была во многих аспектах **сугубо религиозной**. Народные религиозные верования были одним из составляющих элементов этого государства, чья неписаная конституция обеспечивала симфонию между народными верованиями и государственными учреждениями. Больше того, некоторые **особо важные республиканские акты** (инаугурация магистратов, объявление войны, заключение мира) **должны были получить символическую религиозную санкцию**, без каковой эти акты не были ни легитимными, ни действительными.

Соборный характер этого государства выражался не только в стремлении к достижению постоянно возобновляющегося политического **согласия** между гражданами — современниками всех сословий (*concordia ordini*, «**со-сердечия между разрядами**», по определению Цицерона), но также и в неизменном сохранении **симфонии с предками**. В труде Цицерона *De natura deorum,* в Третьей книге, этот конституционный принцип Римской республики ясно сформулирован в диалоге между Луцилием Балбусом и Аврелием Котта. Балбус восхваляет религиозные принципы греческих стоиков, которые он разделяет, и призывает своего оппонента воспользоваться своим положением верховного понтифика, чтобы способствовать

утверждению этих религиозных принципов в Римском государстве. Котта ему отвечает, что он согласен защищать религию в Риме, но не на основании хитроумных аргументов греческих философов, а на основании **собственных римских традиций,** переданных ему его **предшественниками** в его должности: *«cum de religione agitur T. Corruncanium, P. Scipionem, P. Scevolam pontifices maximos, non Zenonem aut Cleanthem aut Chrissippum sequor»* [«Когда дело касается религии, я следую верховным понтификам Коррунканию, Сципиону и Сцеволе, а не (философам) Зенону, Клианфу или Криссиппу»].

Значит, переданные предками **заветы** и **традиции**, утвержденные соборным **авторитетом** предшественников, обеспечивают легитимность политической власти, если она их придерживается. Они не подлежат идеологическому обсуждению, а тем паче коренным искажениям, даже на основании меняющихся волеизъявлений временных большинств. Государство не может зависеть от переменчивого настроения таких большинств, иногда сменяющих сегодняшнее «осанна» на завтрашнее «распни Его».

Основные условия легитимности

Ортега подчеркивает, что *«**монархическая легитимность** — первородна, образцова и прототипна. Поэтому она единственная является первоначальной, и в скрытом виде она продолжает существовать под всеми другими формами… Я утверждаю, что когда в каком-нибудь народе Греции, Италии или Европы была полная и чистая легитимность, это всегда была монархия, хотим ли мы этого или нет»*[1].

Вслед за первоначальной полной легитимностью в Рим приходит и легитимность другого типа, которую Ортега называет *несовершенной,* или *«**демократической**, хотя само это слово сильно пострадало после Ялтинского соглашения в 1944 г.»*[2].

Демократическая легитимность, основанная на выборе главы государства народом, согласно Ортеге, неумолимо требует последующего **подтверждения на деле**, на основании результатов правления, т. е. подтверждения своей *эффективности*. Таким образом, эта **вторичная**, неполная легитимность требует **двойного оправдания**: **первоначального консенсуса** в момент выбора, каковой консенсус является субъективным, хотя и коллективным волеизъявлением большинства, и последующего объективного оправдания власти **результатами ее деятельности**.

Однако конкретный случай смены в Риме царской власти на консульскую, так основательно разбираемый Ортегой, является, как сказано, исключительным явлением, ибо эта смена в действительности была частичной. Ортега утверждает, что первоначальная легитимность в Риме принадлежала не только царю, но *одновременно и Сенату*. Здесь мы подходим к другому вопросу, связанному с вопросом легитимности. Это вопрос *авторитарности.* Первоначальный смысл этого понятия сегодня не только существенно искажен, но и забыт.

---

[1] *Jose Ortega y Gasset.* Una interpretacion de la historia universal. Madrid, 1960. P. 167.

[2] Ibid. P. 168.

Согласно Ортеге, понятия **легитимности** и **авторитарности** неразрывно связаны. В своем эссе «О Римской империи» испанский философ обращает внимание на утверждение Цицерона о том, что *фундаментом Римского государства являются **две** первоначальные **авторитетные** институции,* учрежденные самим Ромулом: ***авгуры и Сенат.*** Ортега подчеркивает, что Цицерон ставит **авгуров** на первое место перед Сенатом. Цицерон даже намекает на общий корень этих двух слов, утверждая, что *«в государстве основной и самый важный правопорядок опирается на **авторитет авгуров**». («Maximum autem et praestantissimum in re publica ius est **augurum** cum **auctoritate** coniunctum».* De legibus, 2, 31). В чем же заключалась конституционная исключительность этих двух учреждений Рима? В том, что и авгуры, и Сенат обладали «**авторитетом отцов**», «*auctoritas patrum*». В данном случае важно понять, что авторитет является не властью, а скорее *предохранительным тормозом* для этой власти. На любое решение верховной или исполнительной власти авгуры и Сенат имели право накладывать **вето**, если они считали, что такое решение может повредить *преумножению блага* государства и его народа.

Слово «аугуриум» обозначало *«рост, преумножение, предприятие».* Оно происходит от корня «*auge*», от него же слова: *авгуры, авторитет, август, инаугурация.* На одной гравюре императора Петра Великого, сделанной в 1703 г. Шхонбеком, в надписи титул «Август» переводится словом «присноприбавитель»; *«Петр Первый император, присноприбавитель, царь и самодержец Всероссийский».* А титул императоров Священной Римской империи германской нации немцы переводят как *«Римской империи **всегда увеличитель**».* (Romani imperii semper Augustus = des Romischen Reiches allzeit Mehrer.) Это немецкое слово mehren, являющееся переводом латинского глагола *augere*, до сих пор сохраняется в тексте присяги канцлера Германии во время его «инаугурации».

Немецкий ученый Арнольд А. Т. Эрхардт считает, что термин «ауктоританс» *«настолько сложен, что он еще не разъяснен филологами. Авторитет не является чем-то самодостаточным, это средство для чего-то большего».* В свою очередь, немецкий философ Карл Ясперс дает следующие определения: *«Ауктор — это тот, кто утверждает и поощряет нечто; ауктоританс — это сила, служащая для того, чтобы производить, поддерживать и увеличивать».* Однако это отнюдь не физическая сила и даже не «мирской авторитет», ибо *«всякий мирской авторитет неизбежно кончается потерей данного ему доверия, ибо претензия авторитета, не обладающего трансцендентностью, ведет к послушанию без трансцендентности»*[1]. Более того, Карл Ясперс утверждает, что *«свобода не имеет содержания без авторитета, которому она подчиняется. Авторитет не является подлинным, если он не пробуждает свободу. **Свобода существует только вместе с авторитетом. Авторитет и свобода могут спастись в нашу эпоху только при условии допущения веры»***[2].

Короче и яснее это сказал 2000 лет тому назад Цицерон: Чтобы в государстве обеспечить согласие, ***«власть должна находиться у наро-***

[1] *Jaspers K.* Libertady autoridad. Diogenes. Buenos Aires, 1952. N 1.
[2] Ibid.

да, а авторитет у Сената» *(«Potestas in populo, auctoritas in senatu sit.»). «Я даю свободу народу для того, чтобы* ***достойные*** *имели и осуществляли авторитет». Чтобы «свобода существовала на деле, а не на словах, она должна быть доверена славнейшим учреждениям, должна уступать авторитету первейших»* (Законы, III, 28, 38, 25). Ортега утверждает: *«Слово религия имело для римлян строгий смысл. Слово "augurium" обозначало только рост, приумножение, предприятие. От него происходят auctoritas, augustus. Понятия верований и государства взаимно переплетаются».*

В наши дни этот смысл сохранен в слове *«инаугурация»,* с помощью которого выражается претензия на легитимность новых властей при их вступлении на должность, хотя при этом не соблюдаются все условия авторитарности. Исторически первой инаугурацией было благословение авгуром Ромула, после молитв и религиозных церемоний. Значит, исходя из этого, можно даже утверждать, что инаугурация на самом деле является благословением, дающим легитимность.

Таким образом, чтобы обеспечить в государстве подлинную легитимность, даже без формальной монархической власти, необходимо наличие нескольких элементов.

Во-первых, нужны два минимальных условия, без которых невозможна даже неполная демократическая легитимность: действительное предварительное народное согласие (консенсус) и последующая эффективность самой власти, подтверждаемая результатами ее действий. Затем необходимо политическое правопреемство путем *сохранения изначальных монархических учреждений*, даже после формального конца монархии. Так в Риме и было, ибо до самого конца Римского государства в нем продолжал существовать Сенат. Авгуры оставались до преображения Римской империи в христианскую, когда авторитет языческих авгуров был заменен *симфонией* с христианской Церковью. Как мы уже видели, первоначальный акт смены монархической власти на консульскую произошел не только с помощью **прежней процедуры** выбора и утверждения нового монарха, но и под возглавлением префекта Рима, бывшего заместителем и первым помощником царей, и с согласия Сената и авгуров.

Кроме этих формальных политических условий, необходимо обратить особое внимание и на абсолютную необходимость сохранения авторитета лишь за *«хорошими и достойными».* Это и есть требование *аристократии* в лучшем смысле слова. Аристократическим элементом в Римском государстве был Сенат. Места в Сенате принадлежали представителям лучших родов *основателей* («отцов») Рима, наподобие того, как это было и у нас в Боярской Думе. Когда традиционные аристократические семьи в Риме прекратили свое существование, в Сенат стали выбирать и плебеев, т. е. членов простонародья (потомков пришельцев, «приписных» римлян), но, в принципе, всегда только лучших из них. Значит, легитимность демократических выборов достигается полностью лишь тогда, когда эти ***выборы*** ведут к отбору *лучших*. Это формально выражалось и в самом названии кандидатов на должности республики: слово *кандидат* происходит от слова «кандидо», что означает белый, чистый, непорочный. **Отбор** лучших посредством **выборов** является одной из предпосылок **соборной** власти, в которой все ее элементы подчиняются закону.

Интересно, что уже Платон и Аристотель считали монархическую власть наилучшей, но трудно осуществимой. Однако если невозможно достичь такой наилучшей власти *«одного наилучшего»,* они считали, что всегда можно достичь власти *«нескольких лучших»,* т. е. аристократии. Эти две власти являются легитимными *правильными политическими режимами,* «орфас политияс». Есть еще третий правильный политический режим, называемый Аристотелем «**полития**». Цицерон переводит это слово как «**республика**». Аристотель говорит, что это такой режим, в котором *большинство имеет право принимать решения*, но одновременно *меньшинство обладает правом утверждать или не утверждать* эти решения: *«В республиках… немногие обладают авторитетом отвергать, но не утверждать, ибо в таком случае предложение всегда предлагается на решение большинства»*[1]. Именно так и было в Римской республике в консульский период, причем это меньшинство, обладающее правом утверждать или не утверждать решения, принятые народом (т. е. правом на авторитарное вето), тоже было отбираемо самим народом. *Выборы были инструментом для отбора.* Именно это и делало их легитимными.

Легитимность покоится на фундаменте общих верований

Ортега-и-Гассет считает, что политический консенсус всегда основывается на ***«общем полном веровании** в определенное представление о жизни и мире»*[2].

«Кто-то легитимен — царь, Сенат, консул, — когда его исполнение власти основано на компактном веровании всего народа в то, что он действительно является тем, кто имеет право исполнять ее… Поэтому, когда это общее полное верование раскалывается, ослабляется или рассеивается, вместе с ним раскалывается и легитимность»[3]. *«За распадом **верований и системы нравственных норм**, т. е. поведения, немедленно следует распад легитимности публичной власти»*[4]. *«Тогда нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе»*[5]. Значит, перемена титулов и сроков носителей верховной власти в Риме в 510 г. до Р. Х. не повлекла за собой кризиса легитимности по той простой причине, что не было никакого кризиса в **народных верованиях** и *не произошло никакой перемены в **отношениях верховной власти** к этим верованиям.* Более того, эта перемена верховной власти не повлекла за собой упразднения легитимного источника авторитарности, ибо авторитарность с самого начала вытекала *одновременно из трех источников: царя, авгуров и Сената.* Когда царь был лишен всех политических и военных прерогатив, сохранив лишь религиозные, и стал одним из жертвоприносителей, с титулом *rex sacrorum*, он уже не мог быть источником авторитарности. В свою очередь, его наследники — два консула — не обладали «авторитетом отцов». Однако другие два источника этого авторитета — ав-

[1] *Аристотель.* Политика. 1299 a.
[2] *Ortega* y *Gasset J.* Op. ск. P. 190.
[3] Ibid. P. 174.
[4] Ibid. P. 226.
[5] Ibid. P. 228.

гуры и Сенат — не только продолжали беспрепятственно существовать, но их роль в новых условиях консульского периода стала еще более значимой.

Кроме того, из всех этих трех первичных обладателей авторитета в Риме именно Сенат обладал им в наиболее совершенной форме. По этому поводу Ортега пишет:

«Для римлянина времен (консульской) республики Сенат является учреждением, олицетворяющим наиболее ***полную и почитаемую легитимность****, то, что они называли "авторитетом отцов" (auctoritas patrum). Основанием для этого было их чувство, что Сенат является учреждением, в котором в скрытой форме* ***сохраняется монархия****, без ее недостатков… Кроме того, он состоял, в своем самом славном и почитаемом ядре, из древних царских семейств, отцов или вождей, родов или кланов. Сенат также был и продолжал быть "милостью Божией". Поэтому, когда Цицерон восстанавливает легенду об истоках Рима, в разгар эпохи трагической нелегитимности, он говорит, что римляне обязаны Ромулу учреждением или созданием* ***двух самых важных*** *институций в публичной жизни Рима:* ***предзнаменований авгуров и Сената****. Другими словами, римский народ верил в трансцендентное, почти сверхчеловеческое право Сената осуществлять свой авторитет. Я говорю, что народ римский верил, а не тот или этот индивидуум верил. Это было* ***коллективное верование****, общий консенсус, действовавший полностью в общественном организме»*[1].

Таким образом, правопреемство Римской консульской республики от Римской монархии было полным и совершенным, ибо оно осуществлялось одновременно по нескольким параллельным каналам: сохранялись все прежние должности и учреждения, сохранялось прежнее право и ничуть не повреждались общие религиозные и нравственные верования народа. Причем Ортега неоднократно отмечает, что все эти каналы были соединены между собой, так что можно сказать, что текущее по ним правопреемство держалось всегда на одной высоте. Как пример тому, можно указать на толкование Ортегой особого значения *права* для римлян. Философ считает, что исключительный характер римского права отнюдь не зависит от самого содержания его норм и законов. Конкретное **содержание** римского права зависело, в первую очередь, от чисто прагматического согласия в обществе по отдельным спорным вопросам. Раз достигнутое согласие принималось безоговорочно всеми. Кроме того, Ортега отмечает, что содержание этого права, достигаемое путем политического согласия, менялось очень медленно. Римляне, утверждает Ортега, не только не любили, но просто не переносили «инфляции законов». Законы менялись, главным образом, путем добавления новых, а старые, в принципе, всегда сохранялись. Со времени составления «Двенадцати таблиц» децемвирами в 451 г. до Р. Х. и до 529 г. после Р. Х., когда был составлен «Кодекс» императора Юстиниана Великого (т. е. практически почти в течение целого тысячелетия), теоретически все римские законы продолжали быть действительными. Отличительной характеристикой римского права было *специфическое отношение римского народа к самому праву.* Римский народ *верил в абсолютный приоритет права в обществе.* И если, согласно древнему выражению, *«где общество,*

[1] *Ortega* y *Gasset J.* Op. ск. P. 170–171.

там и право», то «там, где право, там и общество, а там, где нет права, там нет и общества». Понятия правопреемства права и верований переплетались между собой.

Здесь необходимо добавить еще одну характеристику римского политического строя, которую Ортега довольно часто и всесторонне описывает и отмечает, но никогда конкретно не называет. Не называет по той простой причине, что ни в древнем латинском языке, ни в современных европейских языках для нее нет точного соответствующего слова. Однако этот термин существует и употребляется в славянских языках, особенно в русском и в сербско-хорватском. Это — ***соборность***. На Западе употребляется термин греческого происхождения, соответствующий этому термину «соборность» — *«кафоличность»,* в котором греческая «фита» на Западе произносится как «т». Это слово имеет корни греческих слов «ката» и «олон», «**в согласии со всеми**», но его смысл на Западе искажен. Аристотель употребляет выражение *кавокои, «**кафолу**», т. е. «**кафолическое**», коллективное, всеобщее, универсальное*[1].

Говоря о *«коллективном консенсусе»,* Ортега подразумевает именно эту *политическую* соборность, так же, как и описываемое им ***совместное политическое делание*** римского народа и римского Сената и вообще всех римских учреждений. Само официальное имя Римского государства выражало такое согласие, подчеркивает Ортега:

S. P. Q. R. (Senatus Populusque Romanus) — «Сенат и Народ Римский». Мне кажется, что Ортега вплотную подходит к термину «соборность», когда утверждает, что первоначальным названием римских ***курий*** было *«ко-вир-ия»* («со-мужие», собрание, собор). Интересно, что сам Сенат римляне называли «курией», собранием, собором.

Значит, в Риме легитимность зависела не только от правопреемства учреждений, титулов и законов, но также и от *сохранения изначальной **авторитарности** и **соборности** в государстве*.

Коренной смысл легитимности

В заключение можно предложить синтез всех этих условий легитимности и правопреемства, пользуясь для этого Аристотелевскими определениями *государства* (полиса) и его *политического строя* (политон, политияс). Аристотель говорит, что *«если изменяется и делается иным политический строй (полития), то по необходимости государство (полис) тоже перестанет быть прежним»*[2].

Согласно Аристотелю политический строй, или *конституция* (неважно, писаная или неписаная), является *самым важным элементом государства*. Действительно, это тот элемент, который ***фиксирует соотношение*** *между остальными элементами государства*, между властью, территорией, населением и верованиями этого населения.

В Римском государстве в течение его более чем двухтысячелетнего существования (753 г. до Р. Х. — 1453 г. после Р. Х.) случалось много кризисов и крупных перемен, но никогда не было существенно нарушено

[1] *Аристотель*. Политика. 1292 а.
[2] *Аристотель*. Политика. 1268 в.

легитимное правопреемство. Не было нарушено, ибо никогда радикально не менялось *конституционное соотношение между властью и народом, и его верованиями.* Верховная власть и политические власти этого государства в конечном итоге *всегда сообразовывались с народными верованиями.*

Даже преображение Римской империи из языческой в христианскую, в период между царями Константином Великим и Феодосием Великим, было вызвано **переменой религиозных верований** римского общества. Но в самих *отношениях между властью и верованиями народа* радикальных сдвигов практически никогда не было. Даже если в этих отношениях наступал длительный кризис, как, например, во времена иконоборческой ереси византийских императоров, политическая стабилизация государства наступала лишь после преодоления этих кризисов в **отношениях между властью и народными верованиями**. В конечном счете, именно в этом последнем пласте общественной действительности и кроется коренной смысл политической легитимности.

Резерв легитимности: постоянный регентский совет

В заключение необходимо обратить внимание на формальные условия легитимности, отмечаемые Ортегой. Легитимность политической власти не только основывается на вышеотмеченных началах и принципах. Она также зависит и от ряда неизбежных формальных условий. Как мы уже видели, легитимная политическая власть должна быть признана всеми государственными элементами. В Римской республике это были (в этом порядке): Сенат, народ и авгуры. Кроме того, политическая власть должна была перед началом исполнения своих функций получить **публичное благословение**, каковое мы сегодня стыдливо называем «инаугурацией», сокращая его при этом лишь до чисто светского акта, хотя во многих современных государствах еще сохраняется присяга новых властителей на Священном Писании, в том числе в Аргентине и в США.

Однако Ортега-и-Гассет обращает внимание на еще одно важное и неотменимое условие легитимности: новая политическая власть полностью легитимна лишь тогда, **когда предыдущие носители власти публично ее признают и подтверждают ее правопреемство** непосредственным физическим с ней контактом. Ортега отмечает, что и в римской армии **возложение рук** было важным актом, особенно при передаче командования, который римляне называли *manus dare* (откуда и *comandare*, командовать), а греки «**хиротония**», рукоположение (хотя у греков это последнее слово также обозначало и «голосование поднятием руки»). Значит, любая революционная власть уже по самому своему определению никак не может быть легитимной, ибо она свергает и уничтожает ту единственную инстанцию, которая может подтвердить ее легитимность.

Именно это формальное условие легитимности в Римской республике вызвало и привело к созданию единственного, по некоторым своим характеристикам, в истории человечества учреждения: **Римского Сената**. Римский Сенат обладал многими весьма оригинальными и интересными качествами и характеристиками, но в конечном итоге его самой важной политической функцией было **обеспечить легитимное правопреемство государственной власти даже в случае гибели всех предыдущих носителей этой власти**.

Значит, Римский Сенат был постоянным, **перманентным регентским советом** Римской республики.

Сенат обеспечивал устойчивость, длительность и продолжительность реальной политической власти в Риме. Римский Сенат был своего рода **осадком** опытной **политической элиты** римского государства. Моммзен определяет Сенат Рима следующим образом: «*Сенат — это учреждение, образованное из мужей, не только* ***назначенных*** *в силу своего* ***происхождения****, но также и* ***выбранных*** *волей народа, каждые пять лет* ***подтверждаемых*** *нравственным трибуналом (цензоров). В Сенате состояли пожизненно лишь самые достойные (граждане),* ***свободные от краткосрочных мандатов и от меняющегося мнения толпы****… Сенат включал в себя весь политический ум и весь государственный опыт нации*»[1].

(Вызывают удивление современные грубые искажения самого понятия «Сенат». Этимология этого выражения указывает на Сенат, как на **корпорацию старейшин, старших, «отцов»**, как говорили сами римляне, или на «**старшую дружину**», как говорили у нас на Древней Руси. Однако в современном мире этот римский политический термин употребляется в смысле корпорации **временно участвующих** в ней **временно выбранных по федеральном признаку** представителей, выдвинутых политическими партиями. Это не имеет ничего общего с первоначальным смыслом этой римской институции. Ведь не могут же старейшины и отцы быть лишь временно таковыми. Откуда произошло сегодня такое расхождение между первоначальным понятием и его первоначальным выражением? Существует гипотеза, что когда некоторые западные религиозные секты, загнанные в подполье Инквизицией, решили выйти из этого подполья через идеологические надстройки, ими же в подполье надуманные и сконструированные, они были вынуждены пользоваться уже существующей и всем известной традиционной терминологией, но со сфальсифицированным смыслом, для соответствующего употребления.)

Первоначально цари назначали сенаторами **старейшин** ста, а затем трехсот традиционных родов Рима. Затем назначения сенаторов, тоже из традиционных знатных родов, производили цензоры. Кроме того, выбираемые (из бывших консулов) каждые пять лет два цензора, для составления цензовых призывных списков всех граждан, имели право безапелляционно вычеркивать из списка сенаторов его недостойных членов. После конституционных реформ Корнелия Суллы († 78 до Р. Х.) сенаторами назначались квесторы, когда они заканчивали свой годичный срок служения. В Риме ежегодно выбирали квесторов (сначала четырех, потом десять, и, наконец, двадцать), являвшихся самыми младшими сановниками Римской республики. Кандидаты в квесторы должны были быть старше 30 лет. После отбытия своей годовой службы на этой должности квесторы назначались **пожизненными** членами Сената. Таким образом, Римский Сенат состоял из пожизненных сенаторов, число каковых варьировало в зависимости от ежегодной смертности сенаторов. (Теоретически до Суллы Сенат должен был состоять из 300, а после Суллы из 600 сенаторов.) Кандидатами на более высшие республиканские должности эдилей, преторов, консулов и цензоров могли быть **только лишь члены Сената**, причем в порядке прохождения ими

[1] *Моммзен Т.* Римская история. Книга II. Глава III. С. 33.

«курса чести» вышеназванных должностей (*cursus honorum*), с перерывами между ними. Это обозначало, что потенциальные кандидаты в верховные правители должны были состоять много лет в Сенате, а значит, и пройти несколько раз «цензуру на достоинство», совершаемую каждые пять лет. Значит, Римский Сенат был своего рода **питомником опытных и достойных кандидатов** на возглавление государства, ибо лишь те сенаторы могли быть кандидатами в консулы, которые до этого уже были преторами, т. е. командирами легионов и судьями.

Именно в этом и заключалась главная суть римской конституционной реформы 510 года: не в сокращении срока власти до одного лишь года и не в выборе двух возглавителей государства вместо одного, как в Спарте, а в **категорическом ограничении круга кандидатов, из числа которых могли быть выбраны и назначены возглавители государства**. Это было предохранением от возможных «подсовываний» кандидатов в правители со стороны или из подполья, для закабаления государства и его превращения в инструмент частных или корпоративных интересов. Римский Сенат приобрел этот характер **постоянного регентского совета** сразу же после смерти Ромула, основателя и первого царя Рима. Тит Ливий описывает в его *«Истории от основания Рима»* как это произошло, сразу после смерти Ромула:

Отцами (т. е. сенаторами) овладел страх, что могут оживиться многочисленные окружающие государства и ***какой-нибудь сильный враг застанет Рим лишенным власти, а войско лишенным вождя****. Всем был ясно, что* ***какой-то глава нужен****, но никто не мог решиться уступить другому. А потому сто отцов разделились на десятки, и в каждом десятке выбрали главного, поделив таким образом управление государством. Правили десять человек, но знаки власти и ликторы были у одного; по истечении пяти дней их полномочия истекали, и власть переходила к следующей десятке… Перерыв этот получил название* ***междуцарствия****… Потом простонародье стало роптать… Когда отцы почувствовали, какой оборот принимает дело… они постановили, что* ***когда народ назначит царя****, решенье будет считаться принятым лишь* ***после того как его утвердят отцы****… Это так польстило народу, что он, не желая оставаться в долгу, постановил только, чтобы Сенат вынес решенье кому быть в Риме царем… Когда названо было имя соседа сабинянина Нумы Помпилия, славившегося справедливостью и благочестием… отцы единодушно решили передать царство Нуме Помпилию. Приглашенный в Рим, он, следуя примеру Ромула… повелел и о себе вопросить волю богов. Тогда авгур, чье занятие отныне сделалось почетною и* ***пожизненной государственной должностью****, привел Нуму в крепость… Переложив жезл в левую руку,* ***а правую руку возложив на голову Нумы, авгур помолился****… Нума сошел с этого места уже царем…* Так произошла ***первая инаугурация*** в истории человечества.

Какие предварительные правовые легитимирующие акты должны были быть произведены до этой первой инаугурации? Сперва, весь народ, *populus*, т. е. отцы-основатели (патриции) Рима и их потомки, совместно с приписанными пришельцами (*plebis*) предложили кандидата в цари и уполномочили Сенат его назначить от их имени и одновременно утвердить это назначение. Ранее выбранный Сенатом очередной междуцарь подтвердил это назначение, а затем авгур возложил с молитвой свои руки на нового

царя. Значит, сохранялась прямая передача власти, с необходимым физическим контактом между предыдущим и новым правителем, завершающаяся религиозным благословением, с возложением рук, перед народом. Однако если непосредственное назначение предыдущим правителем становилось невозможным из-за его смерти, то в таком случае сенат назначал междуцаря (*interrex*), для того, чтобы этот междуцарь назначил нового царя или новых консулов. Можно задать вопрос: Но в таком случае сам междуцарь все-таки был нелегитимен, ибо его не назначил предыдущий царь или консул? Он был легитимен, ибо его назначили совместно все сенаторы, которые ранее были назначены, в том числе и с этой целью, предыдущим царем или цензором. Значит, Сенат был главным источником легитимной власти в Риме. Сенат коллективно сохранял легитимность при любых условиях.

Когда в Римской республике царская власть была заменена властью двух консулов, после 510 года, значение Сената как хранителя легитимности еще больше увеличилось, ибо с этого момента кандидатами в консулы могли быть только лишь члены Сената, которые до этого прошли через все предыдущие должности. До этого кандидатами в цари могли быть все, даже иностранцы. (Из семи римских царей четыре царя были иностранцами, из которых с двумя были затем затруднения.) Посему даже можно предполагать, что среди главных причин для смены одного пожизненного царя на двух годичных консулов было также и решение, что впредь кандидатами в верховные предводители (*pretor maximo*) Римской республики могут быть только лишь опытные члены Сената.

Тит Ливий так описывает чередование царей Рима после Нумы Помпилия:

Нума умер, и вновь наступило междуцарствие. Затем народ избрал царем Тулла Гостилия… отцы утвердили это решение… По смерти Тулла, вновь, как установилось искони, ***вся власть перешла к отцам (сенаторам), и они назначили междуцаря****. На созванном ими сходе народ избрал царем Анка Марция;* ***отцы утвердили этот выбор****.*

Анк Марций был внуком царя Нумы Помпилия, сыном его дочери… Анк царствовал двадцать четыре года… Ужас распространился в Риме при известии об этом поражении… Теперь оба консула, оба консульских войска были разбиты: откуда взять других предводителей, другие легионы? Так рассуждали они в испуге, как вдруг вернулся консул Семпроний. Подвергаясь страшной опасности, он пробрался сквозь рассеявшуюся повсюду для грабежа неприятельскую конницу (карфагенян), ведомый лишь отвагою и не расчетом и даже не надеждой обмануть бдительность врага… ***он провел консульские выборы, что было тогда наиболее насущной потребностью****…*

Без легитимности нет ни безопасности, ни устойчивости

Известный русский историк Михаил Валерианович Зызыкин (скончавшийся и похороненный в Аргентине) пишет: *«Римский Сенат был той* ***традиционной властью****, которая в течение веков руководила государством и довела его до величайшей мощи, и в течение I и II века, когда республика превратилась в империю, эта власть стояла на страже законности и своим избранием узаконила власть императоров. Целью и назначением Великой империи было внесение в мир* ***начал справедливо-***

***сти и рационального права**. Это было воплощение Аристотелевского учения о том, что стремлением государства должно быть не богатство, не могущество, а **добродетель**. И еще в начале III века процветали наука, искусства, архитектура, литература, образование, земледелие, промышленность, торговля. Но в конце того же века исчезла и управлявшая государством аристократия, разорившаяся и **утратившая традиции**, исчезла и цветущая цивилизация, созданная веками, ибо в результате анархии явилось всеобщее понижение интересов, экономическое разорение и уменьшение населения. Причиной этой грандиозной перемены было именно **уничтожение традиционной власти**. Когда после революции 235 года римские легионы свергли императора Александра Севера, настало время, когда один император свергался за другим меняющимся настроением легионов и переменным успехом постоянных гражданских войн. Если раньше законность императорской власти определялась избранием традиционного учреждения, то теперь она являлась результатом силы, случая, настроения, и жизненный строй потерял всякую устойчивость. **Исчез принцип законности**»*[1].

Ортега-и-Гассет обращает внимание на исторические исследования другого русского ученого-эмигранта, Михаила Ивановича Ростовцева, без которых *«мы не могли бы полностью понять истории Рима»*. М. И. Ростовцев считает, что кризис Римской империи и коллапс ее западной части был вызван главным образом не нашествием варваров, а иссяканием творческой энергии у римской элиты, римского ведущего класса. Хотя Римская республика и продолжала формально сохранять свои два аристократических сословия, класс сенаторов и класс всадников, они перестали быть хранителями реальной власти и творческого руководства и стали постепенно вырождаться. В результате падала также и экономическая производительность, а затем наступил и всеобщий социальный и государственный кризис.

В данных случаях применимо известное биологическое правило, что «**функция создает орган**»: если Римский Сенат был лишен своих специфических функций после целого тысячелетия их успешного выполнения, он больше не мог быть **питомником политической элиты**, каковая была сменена «номенклатурой». Так в Римской империи была достигнута нелегитимность. Подмена **свободного творчества в рамках легитимного политического строя** бюрократическими и милитаристическими методами и структурами в рамках нелегитимных политических манипуляций всегда ведет, в конечном итоге, к застою и к общему упадку, а затем и к краху, если вовремя не начнется возрождение. Известный английский историк Арнольд Тойнби считает, что крах микенской культуры в Древней Греции в XII веке до Р. Х. в основном тоже был вызван аналогичными причинами[2].

После преображения империи, уже со столицей в Новом Риме (по-русски Царьграде), роль Сената снова изменилась. Имперский Сенат был переведен в Новый Рим, хотя и в старом Риме продолжал еще некоторое время существовать местный городской Сенат. Многие сенаторские семьи переехали тогда из Рима в Константинополь, где они получили землю от Константина Великого. Правда, полного восстановления своего былого чрезвычай-

---

[1] *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон. Варшава: Синодальная типография, 1938.

[2] *Toynby A.* The Greeks and their Heritages, 1981.

ного уникального суверенитета времен консульского периода Сенат не получил, ибо сам этот период оказался преодоленным возвратом к монархии. Однако Сенат продолжал быть краеугольным камнем имперской системы учреждений и пользоваться большим авторитетом, вскоре под греческим названием **Синклита** («**Созванные**», от «скликать»). Без согласия Синклита и Патриарха никто не мог быть легитимным царем в Новом Риме. Кроме того, Синклит в Константинополе наблюдал за работой всех высших государственных органов. Итальянская ученая Сильвия Ронкей в своем труде «Византийское государство» особенно подчеркивает, что в течение всего своего тысячелетнего существования *«Константинопольское царство было светским государством, управляемым* ***многонациональной, просвещенной и космополитической элитой****, в согласии с римским правом»*[1].

Святой Владимир, после Крещения и выбора принадлежности России к Православной цивилизации, учредил **новый Синклит**, как и в Византии, сперва под названием «Старшей Дружины», а затем «**Боярской Думы**», которая **слитно и нераздельно** участвовала в Верховной Власти (Суверенитете) Князя, а затем Царя, что является оригинальным творческим созданием русской политической мысли и практики. Согласно Летописи, Боярская Дума была им первоначально учреждена для «***думания о строе и об Уставах Земли Русской***», как об этом заявило Московское посольство в Польше в 1610 году, во время Смутного времени: «*И бе Володимер* ***думая*** *с дружиной о* ***строи земленем и уставе земленем****».*

На Руси Боярская Дума стала краеугольным камнем неписаной Конституции Государства Российского, особенно после **учреждения Царской власти в 1547 году**. Царским решением от 1550 года Боярская Дума получила возможность расширения в **Земский Собор** через включение выборных представителей от всех сословий народа. Дума была Совещательной властью, созываемой Верховной властью, для совместного с ней участия в этой власти, в размерах, установленных Верховной властью. *«Боярская Дума неотделима отъ царской власти. Права ея не были определены закономъ, а держались, какъ фактъ бытовой на обычномъ праве. Общая законодательная формула была: "****Царь указалъ и бояре приговорили****". Законъ представлялся, какъ результатъ* ***неразрывной*** *деятельности царя и Боярской Думы. Въ сфере административной вместе съ царемъ она назначала центральныхъ и местныхъ правителей. Веденіе текущихъ делъ находилось подъ постояннымъ контролемъ Думы»*[2].

В отсутствие Царя Дума могла сама принимать все необходимые законы и решения. Самый блестящий приговор Думы состоял всего лишь из трех слов, ибо Дума не нуждалась в идеологическом словоблудии: «***Морским судам быть***». Так был восстановлен Русский Морской военный флот впервые после морских походов Древней Руси на Царьград и в Средиземное море в X и XI веках. После учреждения Правительствующего Сената 22 февраля 1711 года Боярская Дума до сих пор больше не созывалась, хотя она никогда и не была упразднена, так что она всегда может быть снова созвана.

---

[1] *Ronchey S.* Lo Stato bizantino. Torino, 2002.

[2] *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон. Варшава: Синодальная типография, 1938.

Дмитрий ВОЛОДИХИН

РУССКИЙ ОСТРОВ

Дмитрий Михайлович Володихин — доктор исторических наук, член Союза писателей России, профессор исторического факультета МГУ. Родился в 1969 году. Автор 11 романов и 20 монографий. Сотрудничал с журналами «Москва», «Наш современник», «Свой», «Фома», «Если», «Знамя», «Родина», «Русский дом». Лауреат Президентской премии в сфере образования, Макариевской премии, кавалер Карамзинского креста. **Живет в Москве.**

Россия включает в себя «материк» и два острова — Крым и Калининградскую область — оторванных от русского континента.

Калининградская область представляет собой громадный русский остров в миллион человек, сжатый с севера, востока и юга тисками Литвы и Польши. Россия владеет им по праву, и право это неоспоримо.

Но область занимает поистине лакомый кусок Прибалтики. Ее природа удивительна и прекрасна, ее стратегическое положение — ключ к целому региону. Дальние и ближние соседи смотрят на нее с вожделением, отыскивают предлоги, под которыми можно было бы ее отторгнуть.

Поэтому внешние силы десятилетиями давят на жителей этой земли и соблазняют их переходом в иное подданство.

Время от времени в сети, в публицистике, даже в телеэфире слышатся дикие, ни с чем не сообразные предложения. Ах, почему бы не вернуть Германии Калининград, ведь это немецкий город, не правда ли? И назывался он раньше Кенигсберг, и традиции там истинно европейские, а не какое-нибудь расейское варварство! А почему бы не вернуть его Польше? Она выстрадала такое приобретение: на несчастную прекрасную Польшу так давили то свирепые тевтоны, то московские орды! Да и чудесно, поистине чудесно звучит по-польски название Кенигсберга: Крулевец… И почему бы не отдать Калининград Литве? Это очень оздоровит экономику балтийской державы, измученной кровавым НКВД! Или сделать из него порто франко — опорный пункт мировой цивилизации? Расстаться с темным советским прошлым и шагнуть в светлое будущее глобализма! А?

Но все это беспочвенные мечтания.

А реальность такова: *Россия никогда никому ничего не отдаст*. Калининград на данный момент — прежде всего русский город. Русский, а потом уже все остальное.

И на все возражения в духе: «А как же культура? А как же история?» — следует без сомнений давать ответ: это территория русской культуры, и на нее у русского народа все права. И политические, и исторические. Любой иной ответ — результат пропаганды, враждебной в отношении России. Ничего иного!

КЕНИГСБЕРГ ИЛИ КНЯЖЕГРАД? О СВЯЗЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Современная Калининградская область России была приобретена силой оружия в Великой Отечественной войне, а жившие здесь немцы выселены с этой территории. До того она представляла собой часть немецкой государственной территории, а именно Восточную Пруссию, точно так же захваченную силой оружия в середине XIII века. Прежде, до немецкого вторжения, здесь существовала протогосударственность народа пруссов. Прусская племенная знать сошла с политической сцены, установилось господство немцев, прерванное через 700 лет владычеством русских. И первые, и вторые — пришельцы на древней земле Пруссии с ее исчезнувшим народом.

В данный момент власть России в этом регионе неоспорима. Она представляет собой плод Победы во Второй мировой войне и щедро оплачена кровью русских солдат.

Однако время от времени появляются заявления исторических публицистов в духе: «У немцев и, очерчивая шире, у Европы есть исторические права на регион! Они здесь появились раньше русских, они провели большую культурную работу, основали города, утвердили государственность. По отношению к ним совершена историческая несправедливость. Да и Калининграду неплохо бы сменить нынешнее большевистское имя на историческое — Кенигсберг».

Прежде всего, в результатах любой войны не содержится никакой несправедливости: кто проиграл, тот уступил. «Vaevictis!» — любили говорить древние римляне. Побежденные платят за поражение.

Конечно же, «исторические права» и «культурная работа» немцев на земле современной Калининградской области появились на костях пруссов.

Более того, сам разговор об «исторических правах» имеет иллюзорную ценность, поскольку не может приниматься во внимание, когда речь идет о формулировании каких-то политических решений.

Но с чисто научной точки зрения он любопытен и заслуживает внимания. Более того, если вглядеться в летописные рассказы о домонгольской старине, станет ясно, что русские исторические права на эту прекрасную землю имеют под собой не меньше оснований, чем немецкие. Если только не больше!

ДРЕВНЯЯ РУСЬ ВЛАДЕЛА ЗЕМЛЕЙ ЯТВЯГОВ

Верно ли, что русская государственность оказалась связана с регионом лишь в очень позднее время, а именно в XVIII столетии, когда часть Вос-

точной Пруссии оказалась под контролем российской армии и под управлением российской администрации? Определенно нет, не верно.

Связи между «державой Рюриковичей» и землями, на которых ныне располагается Калининградская область, установились намного раньше. В частности, раньше, чем туда пришли немецкие крестоносцы.

К этому выводу подталкивает несколько соображений.

Вот первое из них: «Повесть временных лет» сообщает о том, что Великий князь киевский Владимир Святославич завоевал земли прибалтийского народа ятвягов: «Пошел Володимер на ятвягов и победил ятвягов, и взял землю их, и вернулся к Киеву, и совершил требы кумирам (языческие жертвоприношения. — *Д. В.*) с людьми своими»[1]. В летописи Ятвяжский поход Владимира Святославича приурочен к первой половине 980-х годов. Общая низкая хронологическая достоверность раннего летописания заставляет усомниться в точности этой даты, но не вызывает сомнений тот факт, что поход был совершен до крещения Великого князя.

Впоследствии ятвяжские земли частично вошли в состав Турово-Пинского княжества. Владимир Святославич поставил на Туровское княжение одного из своих старших сыновей — Святополка[2], позднее, после смерти отца, ставшего Великим князем. Очевидно, эта часть Северо-Западной Руси считалась весьма ценным приобретением.

Другая часть территории, населенной ятвягами, оказалась в составе Галицко-Волынского княжества, притом в результате неоднократного завоевания[3].

Граница расселения древних ятвягов и пруссов в X—XIII столетиях может быть указана на основе письменных и археологических источников (и, в какой-то степени, характерных гидронимов) лишь весьма приблизительно. Но все же с достаточной точностью, чтобы можно было убедиться: северо-западные районы расселения ятвягов находятся на территории современной Калининградской области. Рубежи проживания ятвягов и пруссов (этнически им родственных, а также близких по культуре) проходят (очень условно) несколько севернее и северо-восточнее Гижицких озер, в частности, озера Мамры, и далее к северо-востоку, приблизительно до большого массива болот, образовавшихся по берегам реки Липовки.

Это значит, что юго-восточной угол Калининградской области явно включает в себя области древнего проживания ятвягов. Прежде всего, имеется в виду территория между современной границей области и города-

---

[1] Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 35. СПб., 1846. Стб. 82.

[2] Там же. Стб. 121.

[3] Волынский князь Ярослав Святополчич, во всяком случае, как минимум дважды ходил на ятвягов (известна дата второго похода — 1112/1113 год). Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 35. СПб., 1846. Стб. 289; В 1196 году с ними бился другой волынский князь, Роман Мстиславич, совершая отмщение за их набеги. Но не успокоились и ворвались в русские владения в 1205/1206 и 1225/1226 годах. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. С. 35. СПб., 1998. Стб. 702, 721, 751; Галицкий князь Даниил также совершал походы на ятвягов, следовательно, их область не входила в его владения, но постепенно им завоевывались. Так, устойчивый анклав ятвяжского населения зафиксирован в районе города Дрогичин, бесспорно относящегося к землям Галицко-Волынского княжества. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. С. 35. СПб., 1998. Стб. 799, 817—818, 827—828, 831—835.

ми Озерск (нем. Даркемен, позднее — Ангерапп), а также Нестеров (нем. Шталлупенен, позднее — Эбенроде). И это также означает, что с X столетия Русь была связана с регионом узами государственного подчинения. Она пришла сюда раньше немцев.

Как долго удерживалось это подчинение и какова была конфигурация территорий, ставших владениями князей Рюриковичей, источники определить не позволяют. По летописным свидетельствам известно, что Великий князь киевский Ярослав Мудрый в 1037—1038 году совершил поход на ятвягов в рамках большого, рассчитанного на несколько лет русского наступления в западном и северо-западном направлении — на литву, «мазовшан», емь; на ятвягов пришелся первый удар. Следовательно, к тому времени власть над их землями, обретенная при Владимире Святославиче, была Киевской Русью утрачена[1].

Однако сам факт державного государственного присутствия Руси в регионе — налицо.

К XIII столетию единой в политическом отношении Руси уже не существовало. Русские земли связывала одна культура, одна вера, одна этническая основа и одна династия — Рюриковичи. Но государственную монолитность Русь давно утратила, став собранием полусамостоятельных, а то и полностью независимых от Киева княжеств и вечевых республик. В западной части Руси выделялось громадное Галицко-Волынское княжество, богатое городами, густонаселенное, обладающее мощным военным потенциалом. Вооруженная и политическая борьба на порубежных с ятвягами землях отныне велась именно им, притом порой велась весьма и весьма успешно.

В 1257—1258 году земли ятвягов, после того как коалиция русских князей во главе с Даниилом Галицким разгромила ятвяжское ополчение, вновь на время оказались под властью Руси, ее данниками. Поистине триумфальная победа, очень многое изменившая в регионе!

Кроме того, это еще один крупный, неоспоримо подтверждаемый летописными свидетельствами факт присутствия Русской государственности в регионе.

У МОСКОВСКИХ АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ РОДОВ БЫЛИ ПРУССКИЕ ПРЕДКИ

Бóльшая часть современной Калининградской области до немецкой агрессии в регион была заселена не ятвягами, а пруссами. В сущности, именно этот народ имел все права на земли будущей немецкой провинции «Восточная Пруссия».

Именно их трагической судьбы касается второе соображение о тесных связях Руси и этого региона.

В середине XIII века пруссы, прежде всего, племенная аристократия, оказались в тяжелом положении. Борьба с немцами стоила им немало крови. Пруссы отважно противостояли чужеземному вторжению, затем поднимали восстания, но в конечном итоге их силы были раздавлены. Немецкие рыцари-крестоносцы выбили их с собственных земель, какой-то части прус-

[1] Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 35. СПб., 1846. Стб. 163.

сов пришлось переселяться. Притом выходцев из сильного, беспокойного народа принимали не везде и без особой охоты[1].

Так, южнорусская летопись 1276–1277 годов сообщает о массовом переселении пруссов, изгнанных немцами, на земли Северо-Западной Руси: литовский князь Тройден решил отправить их в города Слоним и Городню (Гродно), но волынский князь Владимир Василькович с братом Львом завоевали Слоним[2].

Известно, что пруссы нанимались воинами в дружины русских князей. Так, у того же волынского князя Владимира Васильковича в начале 1280-х в дружине служил некий знатный воин,родом из пруссов, отдавший за своего сюзерена жизнь в честном бою[3].

Русь — явно не чужая для пруссов. Между Северной Русью и пруссами долгое время существовали налаженные торговые связи, о чем говорят находки археологов. Общеизвестный факт — наличие в Новгороде Великом Прусской улицы, название которой встречается в источниках с XII столетия. Оно связано, очевидно, с прусским купечеством, имевшим с новгородцами большой торговый оборот и селившимся тут.

Отсюда — особое внимание к генеалогическим сказаниям, связывавшим прусскую «аристократию» и позднейшие боярские рода Московского государства. Как правило, к ним относятся критически. Но до какой степени были они выдумкой? Отчего следует их отвергать как заведомо недостоверные? В некоторых случаях от решения вопроса о достоверности подобных историй зависит многое. Между тем в высказываниях некоторых ученых на эту тему слышатся отголоски советской эпохи, когда проблемы генеалогии на долгое время оказались выключены из сферы научных исследований, на них вообще смотрели как на бессмысленную фанаберию «правящего класса», нечто глубоко противное для истинно пролетарской исторической науки, да и просто достойное осмеяния. Многие важные аспекты общественной и политической жизни были при подобном, мягко говоря, не вполне добросовестном, отношении просто утеряны для осмысления.

Ныне стоит взглянуть на древние родовые истории без прежнего избыточного скепсиса.

Как минимум, два «куста» высших боярских фамилий связаны своим происхождением со знатными людьми родом «из прусс».

Прежде всего, потомки Андрея Кобылы — Шереметевы, Колычевы, Захарьины-Яковлевы, Захарьины-Юрьевы (от которых произошли Романовы) и несколько других, не столь знаменитых. Достоверность этого генеалогического сказания подробно анализирует специалист по истории Романовской династии П. В. Мультатули.

Однако наряду с этим сказанием существует еще одно, не менее значительное. В соответствии с фактами, которые оно содержит, «…во времена Великого князя Александра Ярославича Невского приехал из немец из Пруские земли муж честен, имя ему Михайло Прушефны (или Пруша-

---

[1] Оставшаяся на своих землях часть племенной знати должна была не только смириться перед лицом власти завоевателей, но и была ими целенаправленно германизирована.

[2] Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. С. 35. СПб., 1998. Стб. 886–887. Стб. 874–875.

[3] Там же. Стб. 886–887.

нин. — *Д. В.*)[1]. И от него пошли: род Морозовых… род Салтыковых… род Шеиных…» и др. Между тем перечисленные рода в XVI–XVII столетиях прочно входили в состав военно-политической элиты Московского государства, занимали места бояр, возглавляли приказы, водили в походы полки и целые армии, назначались воеводами в крупные города[2].

Крупнейший специалист по истории старомосковских боярских родов С. Б. Веселовский отрицал достоверность этой истории, видя в ней родословную легенду, не более того. По его мнению, Михаил Прушанин, скорее, происходил из новгородского боярства[3].

Однако безоглядно отвергнуть историю о выходце из пруссов, от которого впоследствии пошли «столпы царства», — неразумно. Доказательства новгородского, а не прусского происхождения Михаила Прушанина, мягко говоря, сомнительны.

Есть одно обстоятельство, говорящее, скорее, в пользу истории о выходе его из Прусской земли. Если появление Михаила Прушанина в Новгороде Великом выпадает на время княжения там Александра Ярославича, прозванного Невским, то это именно тот период, когда бегство прусской племенной знати на Русь в высшей степени вероятно. Именно в середине — второй половине XIII века она подверглась сокрушительным ударам со стороны немцев, и часть ее принуждена была искать нового пристанища. Даже если ранняя генеалогия Морозовых, Салтыковых и их ближайшей родни не вполне точна (а это по сию пору под вопросом), то, во всяком случае, она отражает действительный, а не поддельный социальный процесс — попытки этнокультурной адаптации пруссов на Руси, пусть в роли изгоев, но хотя бы изгоев на службе у князей, на воинских и боярских постах, в статусе привилегированных слуг.

Знатные пруссы, уходя со своих земель, со своих законных владений, нанимаясь на службу ко князьям соседних народов, фактически передавали им призрачные права на территории, утраченные ими. И какая-то часть этих прав перешла от беглой прусской аристократии к русским князьям Рюриковичам. Немцы-то не имели на завоеванные территории вообще никакого права, помимо права меча.

Оставим пока это на положении гипотезы.

«ОНИ ПОШЛИ В ПРУССКУЮ ЗЕМЛЮ И НАШЛИ ТАМ КНЯЗЯ ПО ИМЕНИ РЮРИК»

Историческая память о том, как часть пруссов отыскала себе новую родину на Руси, в какой-то степени отразилась в знаменитом историко-политическом сочинении «Сказание о князьях Владимирских».

---

[1] Его связывают также с неким Мишей, показавшим чудеса храбрости и воинского умения во время Невской битвы со шведами 1240 года. Однако отождествление это спорное, в полной мере подтвердить его источники не позволяют. Порой того же Мишу Прушанина связывают не с Прусской землей, а с прусской улицей в Новгороде, считая, что указание на происхождение Миши «Из Пруские земли» — ошибка или сознательно сделанная генеалогическая натяжка.

[2] Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 166.

[3] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 196–197.

Оно появилось при Великом князе Московском Василии III в 1510–1520-х годах[1]. В конце XV — первой четверти XVI века стремительно шел процесс формирования государственной территории России вокруг Москвы как столичного центра. Московские государи, видя собственную центральную роль в этом процессе, были заинтересованы в создании идеологических трактатов, которые подкрепляли бы их позицию генеалогически, исторически, богословски.

«Сказание о князьях Владимирских» выполнило эту задачу. Это одно из величайших по своему значению, по своему влиянию на умы русских исторических сочинений допетровского времени. Оно циркулировало во множестве копий, его знали не только книжники-интеллектуалы, но и более широкие слои населения.

Рождалось «Сказание о князьях Владимирских» долго, интеллектуальный заряд его накапливался постепенно. Главные его идеи изложены еще в «Послании о Мономаховом венце» тверского книжника Спиридона-Саввы, непродолжительное время — митрополита Киевского. Но тогда они еще не получили сколько-нибудь значительной популярности. Позднее они перешли в «Сказание о князьях Владимирских». И вот тогда они получили широчайшее распространение: попали в фундаментальную Воскресенскую летопись, в «Государев родословец» и «Степенную книгу царского родословия»[2], а значит, разошлись в великом множестве списков. Идеи эти таковы: во-первых, Владимир Мономах, предок Московских князей по прямой линии родословия, получил от византийских императоров царские регалии, которые с течением времени перешли к Московскому дому Рюриковичей; во-вторых, все разветвленное семейство Рюриковичей родственно древнеримским императорам — через своего основателя.

История «Мономахова венца» не имеет к связям России и Пруссии никакого отношения, а вот генеалогия Рюрика, в том виде, какой предлагает «Сказание о князьях Владимирских», встроена в русско-прусскую тему напрямую.

Вот соответствующая цитата из «Сказания…»:

«В год 5457-й[3] Август, кесарь римский, пошел в Египет, где царствовали правители из египетского рода Птолемеев, со своими воеводами. И встретил его Ирод, сын Антипатра, помогая ему с великой охотой и воинами, и пищей, и дарами. И Бог вручил Египет и Клеопатру в руки Августу. Август же начал собирать дань со всей вселенной. Брата своего Патрикия поставил царем Египта; Августалия, другого брата своего, поставил властелином Александрии, Ирода же, сына Антипатра, аскалонитянина, за то, что тот почтил его, поставил царем над иудеями в Иерусалиме; Азию же вручил Евлагерду, родичу своему; Илирика же, брата своего, поставил правителем в верховьях Истра; а Пиона учредил правителем в Золотых землях, которые ныне называются Угорской землей; а Пруса, родича своего, послал

[1] Некоторые исследователи относят его к концу XV века, но это не меняет сути: «Сказание…» в любом случае играло роль генеалогического аргумента, обосновывающего особые права на «царственность» великих князей Московских в отношении всей Руси.

[2] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я. Л., 1989. С. 370–371. *Дмитриева Р. П.* Спиридон-Савва // Там же. С. 408–411.

[3] Здесь и далее в тексте «Сказания…» даты проставлены по греко-русской традиции от Сотворения мира. По современным представлениям это 51 год до н.э.

на берега Вислы-реки в город Мальборк, и Торунь, и Хвоини, и преславный Гданьск, и во многие другие города по реке, называемой Неманом и впадающей в море. И жил Прус очень много лет, до четвертого поколения; и с тех пор до нынешних времен зовется это место Прусской землей. И вот в то время некий воевода новгородский по имени Гостомысл перед кончиной своей созвал всех правителей Новгорода и сказал им: "О, мужи новгородские, советую я вам, чтобы послали вы в Прусскую землю мудрых мужей и призвали бы к себе из тамошних родов правителя" . Они пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа-царя. И умолили князя Рюрика посланцы от всех новгородцев, чтобы шел он к ним княжить. И князь Рюрик пришел в Новгород вместе с двумя братьями; один из них был именем Трувор, а второй — Синеус, а третий — племянник его по имени Олег. С тех пор стал называться Новгород Великим; и начал первым княжить в нем Великий князь Рюрик. А четвертое колено от Великого князя Рюрика — Великий князь Владимир, который просветил Русскую землю святым крещением в год 6496-й[1]»[2].

Еще в XVIII столетии версию о прусско-славянском происхождении Рюрика поддержал великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов, критикуя работу немца Герхарда Миллера «Происхождение народа и имени российского». По словам Ломоносова, «…варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили из древних россов и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною… имени Русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слыхано… В наших летописцах упоминается, что Рурик с родом своим пришел из Немец, а инде пишется, что из Пруссии… Между реками Вислою и Двиною впадает в Варяжское море от восточно-южной стороны река, которая вверху, около города Гродна, называется Немень (Неман. — *Ред.*), а к устью своему слывет Руса. Здесь явствует, что варяги-русь жили в восточно-южном берегу Варяжского моря, при реке Русе… И само название пруссы или поруссы показывает, что пруссы жили по руссах или подле руссов».

Исключительно важны политические смыслы, заложенные в текст, где была официально (!), на государственном уровне выдвинута прусская версия происхождения Рюрика.

«Сказание о князьях Владимирских» наводит на мысль о сохранении русской политической элитой коллективной исторической памяти о древних связях Руси и Пруссии, а также, возможно, и об особых правах русских Рюриковичей на прусские земли — правах, перешедших от изгнанной немцами прусской знати. И вот это — вполне серьезно.

В самом деле: на Руси прекрасно знали разницу между народами, населявшими южное побережье Балтийского моря, во всяком случае, между ближними соседями. Летописцы безошибочно отзличали племенные союзы литвы от чуди (новых эстов, селонов), «ляхов» от литвы, а ятвягов и пруссов — ото

---

[1] 988 или 989 год н.э.

[2] Сказание о князьях Владимирских // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. СПб., 2000. С. 278–289. Перевод Л. А. Дмитриева. Имена большей части «правителей», поставленных императором Августом на разные области, — взяты из других эпох или же просто вымышленные, включая и Пруса: такой персоны в античных источниках по истории императорского Рима нет.

всех перечисленных народов. Знали, что Пруссия стала немецкой территорией, но прежде таковой не была. Так какой же почет быть Рюриковичам выходцами из Пруссии, захваченной врагом и не отвоеванной ни в малой мере? В чем состоит для них «честь» этой странной связи? А к вопросам родовой чести в Московском государстве относились с исключительной серьезностью, не зря же местничество является чисто русским социальным изобретением!

По всей видимости, особые права русских князей на бывшие ятвяжские земли, когда-то завоеванные Русью, но затем утраченные, а также на прусские земли осознавались в Северной и Северо-Восточной Руси как действующий политический фактор, а не как чистая выдумка, не имеющая корней в прошлом. В то же время к потомкам старинной прусской племенной знати, растворившейся в знати чисто русской, относились с почтением.

Возникает вопрос: если в Северной Руси, а затем и в Московском государстве земли древней Пруссии, а также древней Ятвягии осознавались как территории, нерасторжимо связанные с владениями династии Рюриковичей, почему же за них не боролись? Почему русская вооруженная сила более или менее приблизилась к ним лишь в ходе Ливонской войны при Иване Грозном, а вступила на них еще позднее — в XVIII столетии?

Отвечая на этот вопрос, стоит вспомнить, в каком положении оказалась Русь после Батыева нашествия и установления ордынской власти. Раздробленная, обескровленная, столкнувшаяся с бешеной экспансией Литвы, немцев, шведов, датчан, Русь должна была выживать в тяжелейших условиях. Медленное, трудное объединение русских земель в единое целое, борьба с сильными врагами на разных направлениях одновременно отнимала у страны очень много сил. Ей элементарно не хватало ресурсов для масштабного наступления.

Проблема откладывалась на потом…

* * *

В итоге можно сделать вывод: связи между землями Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области) и Древней Русью были значительно теснее, чем может показаться на первый взгляд. И включали они не только культурный обмен, торговлю, военные столкновения, но и взаимодействие на государственно-правовом уровне.

А тем, кто сейчас старательно раскапывает «исторические права» немцев на регион и выступает с предложениями вернуть Калининграду «историческое имя» Кенигсберг, можно ответить: Бог весть, чьи права древнее! Русь была тут раньше тевтонов.

Конечно, смешно и нелепо сохранять название города во имя второстепенного советского правительственного деятеля с сильно подмоченной репутацией. Город достоин лучшей доли.

Но… отчего же именно Кенигсберг? Не дать ли городу славянизированное имя — Княжеград? Во имя тех русских князей, кто когда-то приводил сюда дружины, да еще во имя тех, кто принимал на службу разгромленных и ограбленных пруссов?

Так было бы и честнее, и с исторической точки зрения обоснованно, да и с реальностью России прочнее связано; именно России, хотелось бы подчеркнуть, а не какого-нибудь иного государства, поскольку ему сюда просто не дадут прийти. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

МИФ, ИМИТАЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Михаил Владимирович Леонтьев — известный российский журналист, родился в 1958 г. в Москве. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства. Был главным редактором журнала «Профиль». Работал в газете «Коммерсантъ» и других изданиях. С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2009 г. главный редактор журнала «Однако». Директор департамента информации и рекламы корпорации «Роснефть». Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Модный когда-то американский философ Фукуяма четверть века назад объявил о конце Истории, о том, что победа либеральной демократии во всем мире означает конечную точку социокультурной эволюции человечества. Конец истории — это, по сути, и конец политики. Либеральные ценности настолько абсолютны и непререкаемы, что здесь, собственно, спорить не о чем. Те, кто их не разделяют — маргиналы, подлежащие изоляции, в идеале — истреблению. Отсутствие политики до поры компенсировалось проблемой однополых браков. Но и тут вроде как достигнут консенсус. Избирательный процесс в *образцовой стране либеральной демократии превратился* в мега-шоу, в имитацию политической дискуссии, вершина которого, наверное, — выборы «Маккейн—Обама» — 2008. «Суровый солдат, не знающий слов любви» и утонченный либерал-«ботаник» афроамериканского происхождения. Чем вам не выбор? Какого вам еще рожна надо?! Две идеально различные ролевые модели, прикрывающие отсутствие каких-либо политических различий.

Как говорил Харлан Уллман, автор военной доктрины «Шок и трепет» в Ираке, член правления Атлантического совета: «У нас раньше были две партии — у одной была совесть, но не было мозгов, у другой — были мозги, но не было совести. Теперь у нас две одинаковые партии — без совести и без мозгов, и я не могу понять, зачем они нужны».

Сегодня — не так. Американская избирательная машинка, двухпартийная, явно сбоит. Реальный социалист Сандерс, антисистемный хулиган Трамп — это возврат политики. Что это? Сбой или системный кризис?

Конечно, система будет сопротивляться. Она попытается либо абсорбировать Трампа, либо — интегрировать. Очевидно, ей это удастся. Что-нибудь из этого. Но машинка все равно сбоит. Политика вылезла наружу, и обратно ее не загонишь.

Вот два предсказания.

Фукуяма, октябрь 2014 г.

«Печальный итог таков: учитывая, как усиливается политическая болезнь этой страны и как маловероятны перспективы конструктивной реформы, расстройство американской политики будет, наверное, продолжаться до тех пор, пока не случится внешний шок».

Харлан Уллман, февраль, 2016 г.

«Американская политическая система, возможно, настолько сильно повреждена, что даже самый ошеломительный кризис уже не подтолкнет к попытке починить ее».

Но американской элите кажется, что не все еще потеряно и очередной «ошеломительный кризис» она может использовать как лекарство от всех американских бед. Но так ли просто это сделать в новых мировых реалиях, когда идет слом действующего миропорядка и очевидны перспективы установления нового?

На наших глазах буквально рушится мировой порядок. И если глобальный экономический кризис подорвал внутренние скрепы этого миропорядка, то успешный российский бунт против распорядителя и гаранта этого миропорядка обрушил его внешние публичные формы. Очень сложно руководить миром, внушать инфернальный страх, демонстрируя зияющий под глазом фингал.

В основе всякого миропорядка помимо геополитической иерархии лежит соответствующее данному миропорядку социальное устройство. А также мифология о нем, позволяющая это реальное устройство скрывать в искомой для господствующих элит форме. Идеологической основой социальной мифологии современного либерализма является идея «среднего класса». Адепты действующего миропорядка могут различаться в нюансах и деталях, но они всегда едины в том, что заветной целью в политике и экономике является создание массового доминирующего среднего класса, который только и может быть опорой демократии и современного гражданского общества. Что, собственно, чистая правда. Если подразумевать здесь реально существующую «демократию» и «гражданское общество». То есть средний класс выступает идеальной имитацией социальной структуры, фиговым листком (ударение любое), прикрывающим реальное социальное устройство, которому идеально соответствует имитационная демократия, выводящая власть за пределы легальных и публичных карнавальных политических процессов. Как отмечает российский политолог Тимофей Сергейцев, так называемое общество «принципиально противно государству, которое призвано вводить массы в цивилизацию, делая их гражданами. Обществу эти задачи не только безразличны, но и противны. Желание быть над государством, сделать государство средством, вообще обойтись без государства как минимум преступно. Но это не страшно, ведь за пределами государства нет и понятия “преступление”». Кстати, в этом контексте особенно умилителен оксюморон «гражданское общество», где «гражданин» со всей очевидностью понимается строго как противник государства.

«Средний класс», то есть — никакой, воплощенное ничто — идеальная среда для этого самого гражданского общества. Формирование массового среднего класса в государствах «золотого миллиарда» было, с одной стороны, следствием конкуренции с реальным социализмом. С материальной точки зрения средний класс подпитывался до последнего времени колоссальным субсидированием потребления, на котором строился докризисный экономический рост в странах «золотого миллиарда». Пузырь лопнул — механизм воспроизводства сверхпотребления сломался, материальные предпосылки воспроизводства среднего класса утрачены. Повторимся, реальный выход из кризиса для «развитого» мира означает демонтаж действующей системы социального обеспечения, которая и создавала современный средний класс, и источника средств на содержание которой больше нет.

С этой точки зрения разоблачать миф среднего класса, в некоторой степени, излишне: «попрыгайте — само отвалится». Этот конструкт с неизбежностью будет разрушен в процессе выхода (или невыхода) из нынешнего системного кризиса. Еще более существенным фактором, лишающим «средний класс» места в социальной реальности, становится современная технологическая революция: смена технологических укладов, соответствующая выходу из современного кризиса и, собственно, означающая возможность такого выхода. В первую очередь речь идет о двух факторах — о современной роботизации и новых технологиях (3D-принтеры), означающих отказ от массового производства. Отсюда и лишающее смысла массовое сверхпотребление. В новом технологическом укладе, по сути, востребованы только творцы, люди, способные создавать новые знания и умения. Все остальное могут делать машины. Обстоятельства складываются так, что экономике будущего большинство ныне живущего населения вообще не нужно. И что с ним делать в действующей либерально-капиталистической парадигме, не очень понятно. Как-то абсорбировать…

В действительности социальная структура любого общества напрямую связана с его военной организацией. К примеру, тяжело вооруженный рыцарь Средневековья представлял собой боевую систему, содержанию и организации которой точно соответствовал феодализм. Эпоха массовых мобилизационных армий с неизбежностью потребовала наделения массово вооружаемых людей неким подобием политических прав. То есть современной демократии. Военная организация будущего на новом уровне практически воспроизводит феодальную модель организации войска, в основе которой — суперпрофессиональный солдат, превращенный с помощью современных средств в универсальную боевую систему. Такая организация войска крайне слабо совместима с современной «всеобщей» демократией.

Еще раз повторимся: современная модельная социальная система, как и политическая система, является имитацией. Эта имитационная модель не только лжива, фальшива и манипулируема — она непригодна для любой посткризисной социальной организации. Любая посткризисная социальная организация будет «постдемократией». Представить себе людоедскую модель «постдемократии» никакого труда не представляет. Собственно, в рамках ныне господствующей модели мы туда и катимся с неизбежностью.

«Постдемократия» нелюдоедского типа может быть только результатом активного социального проектирования, уникальный опыт которого у нас,

кстати, в отличие от многих других, имеется. И такая модель в первую очередь не может быть имитационной.

Имитационной, не имеющей никаких шансов воплотиться в реальности, является модель всеобщей демократии, идея фиктивного равенства очень разных людей. Реально работающим социальным механизмом может быть только такой, который наделяет человека правами в ясном соответствии с теми обязанностями и ограничениями, которые он на себя берет. По сути, это сословный механизм, отличающийся от феодального прототипа абсолютной и принципиальной добровольностью. Человек приписывается к сословию в соответствии со своей социальной мотивацией. Хочет ли он служить стране и готов умереть за нее, служить Господу или служить себе. В последнем случае, естественно, отказаться от тех политических прав и соответствующего им обременения, которые полезны и необходимы в первом случае. Самые разные аналитики так или иначе приходят к неизбежности этой новой сословности, к необходимости создавать (восстанавливать) открытое политическое сословие как реальный элемент публичной социальной структуры вместо имитации всеобщего участия в политике и власти через институты всеобщей представительной демократии.

Вышла книга

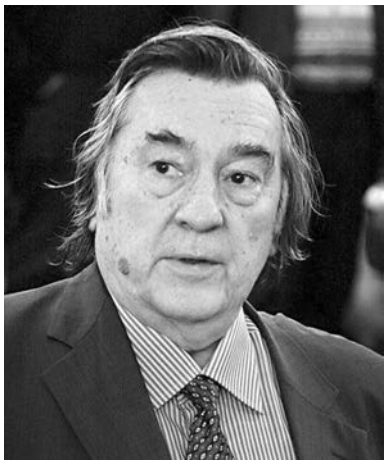

Ахмедова-Колюбакина М. А.

Антология дагестанской поэзии. — Издательство «Дагестанский писатель», Махачкала, 2015. — 448 с.

В новую антологию дагестанской поэзии вошли избранные стихи 63 известных поэтов Страны Гор, написанные в разные годы и переведенные на русский язык с восьми языков народов Дагестана.

Книга издана на средства гранта Главы Республики Дагестан.

Александр ПРОХАНОВ

«ИДЕЯ РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата Союза писателей России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмосковье, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Лидер патриотической оппозиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

ЗА ПОБЕДУ!

России сегодня нужна духовная мобилизация. Мы живем в военное время. Россия ведет три горячие войны: Сирия — это война, которая будет разрастаться по размерам и непредсказуемым последствиям. Украина — она по-прежнему дымится. Это линия фронта, на которой стоит Россия. Резко обостряется ситуация в Средней Азии, возрастает присутствие там радикалов, экстремистов, ИГИЛ, и мы уже начинаем ощущать палящее дыхание нашей военной базы в Туркмении. В Узбекистане начинает клубиться Андижан. И это тоже линия фронта.

Но помимо горячей войны идет война холодная, которая еще опаснее и страшнее горячей. Мы подвергаемся мощнейшему многоаспектному воздействию со стороны Запада. Запад разгадывает наши глубинные национальные коды, наш психотип. Он понимает нашу силу, наши слабости, нашу доверчивость, нашу способность искуситься. Он понимает нашу жертвенность, наше мужество, наше духовное мессианство. И он, зная это, оказывает на нас сложнейшее давление с целью задавить эти корни, выбить из сознания сегодняшнего русского человека положительный образ Родины, нашей ненаглядной России, заменить его каким-то другим образом. Либо чудовищным образом России, у которой тупиковая история, никчемный народ, нет будущего. Либо образом другой цивилизации, которая сияет, блещет, изумляет мир своими открытиями и откровениями. Эти воздействия пагубны. И на их фоне мы все еще слышим из стана либералов разговоры, что России ничего не угрожает, что Россия после 1991 года вышла из конфронтации, что весь мир относится к нам благожелательно,

что разговоры об оборонном сознании — это истерия патриотов, в то время как Россия живет спокойной, гармонической жизнью.

Если такое утверждение наших пацифистов искренно, оно свидетельствует о недалекости этих людей. Но, как правило, такие разговоры — уловка, которая должна демобилизовать сознание нашего народа, отвлечь его от грозных явлений, требующих от каждого человека глубинного напряжения.

В докладах американских спецслужб, американских военных ведомств по-прежнему говорится о неизбежном распаде России, о том, что Запад будет содействовать этому, что тема прав человека является инструментом воздействия на Россию, как в свое время на Советский Союз.

Над нами витают сложные угрозы. Как на них откликнуться? Что мы должны сделать, чтобы победить и на этот раз, одержав русскую победу? Надо, безусловно, использовать опыт великой, мистической, ослепительной победы 1945 года, которую нам удалось одержать благодаря великому чуду. Ведь враг был сильнее нас. На первых порах он был гораздо многочисленнее, оснащеннее нас. Но мы за предвоенные, военные годы сумели создать экономику победы. Сумели сформулировать философию или даже религию победы. Создавали элиту победы, которая шла на фронт воевать. Ни один из сыновей «красной элиты» не уклонялся от фронта, многие из них погибли. У Сталина два сына воевали, один погиб, а другой сражался в небе, сбивал фашистов.

Сегодня нужно и воспринять опыт нашей мистической победы, и реализовать его в наших деяниях.

Мы сегодня — разболтанный народ. Мы привыкли веселиться, стяжать, обожаем супермаркеты, проводим там гораздо больше времени, чем в библиотеках. Смотрим непрерывные сериалы, ток-шоу, которые засоряют нам мозги, отвлекают от мыслей, от серьезного думания.

Своей открытостью и несобранностью мы как бы отворяем в себе врата разлагающим нас вихрям. А нам необходимо защититься, необходимо собраться, стать серьезнее, вдумчивее, глубже. Надо относиться ко всем явлениям нашей жизни очень внимательно и бдительно, потому что иногда к нам приходят с пирогами, а когда их разламываешь, там битое стекло.

А нынешняя экономическая модель? Она абсолютно не оправдывает себя. Эта модель трижды повергала нас в кризисы: только-только люди разживутся, жесточайший вихрь уносит у них накопленное. Эта модель гарантирует нам постоянное падение в экономические ямы. Она держит наш народ в деревнях, небольших городках в ужасном полунищенском состоянии.

Наше государство выросло из той одежды, в которую нас запеленали. Мы — как бабочка, которая хочет разорвать кокон, разрезать своими крыльями хитин и вырваться на свободу. Потому смена экономической модели неизбежна. И блестящий экономист Сергей Глазьев подготовил новую модель. Она — не только экономическая теория о соотнесении труда и капитала. Глазьевская теория — это концепция иной России, иной экономики.

Конечно, в нынешних условиях необходимо обратить внимание на нашу элиту. Она ведет себя бессовестно, беспринципно и безнравственно. В эти трудные моменты, когда вся Россия затягивает пояса, когда в народе тревога, обеспокоенность, элита продолжает свои чудовищные пиры, разгулы, катание на яхтах, покупает за миллиарды долларов виллы за рубежом. Это

не элита победы, это элита поражения. Во многом в этой элите гнездится желание вернуть нас в лоно другой цивилизации, в лоно американской сверхдержавы. Элите нужно объяснить, что она должна служить народу, его интересам. Иначе с ней придется обращаться очень принципиально и жестко.

В каждом русском человеке живет идея русского возрождения, русской государственности. Но эти постулаты во многом заброшены, замусорены, их пытались выбить, сколоть зубилом, как сбивают номера угнанных машин, чтобы забыли их. Однако эти коды не уходят из человека, они погружаются внутрь, прячутся от угроз. И они должны быть опять выведены на поверхность. Нужна апелляция каждого из нас к нашим глубинным постулатам, глубинным началам. Мы опять должны ощутить себя бессмертным, непобедимым, великим народом, который и создан Господом Богом на земле, чтобы быть неодолимым, чтобы вызывать на себя мировую тьму и превращать ее в свет.

Мы должны апеллировать к базисным началам: к великим подвигам, к традициям, к русскому мессианству, к таким представлениям, как Святая Русь. Ведь и наша сегодняшняя Россия среди самолетов, заводов, супермаркетов и других проявлений цивилизации по-прежнему является Святой Русью. А наше оружие — огромные военные супермашины, бомбовозы, которые прокатились по Красной площади, — это тоже святое русское оружие. Оно берет свое начало от мечей, шлемов и щитов великих князей Дмитрия Донского и Александра Невского.

Конечно, нашему народу хочется жить хорошо. Мы никогда не желали жить роскошно, но чтобы был достаток, чтобы над головой был кров, чтобы дети были здоровы. Но наш человек тянется к возвышенному — к очень высоким, часто недостижимым целям. И русская цивилизация в основе своей достигла высот потому, что стремилась к недостижимому, она во многом утопична. Это цивилизация-мечта, цивилизация обожания мира. Русские ставили себе сверхцели — будь то освоение гигантских пространств, построение империи в 12 часовых поясов или создание рая на земле, как это было в период «красной эры». И потому, с одной стороны, мы несли большие потери и уроны, а с другой — добивались гигантских общечеловеческих целей и достижений.

Наш народ — во многом унылый, не оправившийся от 1991 года, самый большой разделенный в мире народ, поражен этой катастрофой. Но как наш народ воспринял возвращение Крыма! Народ ликовал! Конечно, Крым — тепло, солнце, Ялта, Севастополь. Но не это главное. Свершилось русское чудо. Мы не завоевывали Крым: не было битвы за Крым, какая была в гражданскую или в Отечественную войну. Он нам был дарован как чудо.

Как ликовало наше сознание! И богатые, и бедные, и глупые, и умницы — все ликовали. Президент ликовал. Я был на встрече в Кремле, когда он произносил свою крымскую речь. Несколько раз на его глазах появлялись слезы.

Или поразительный «Бессмертный полк», который прошел по стране. Казалось бы, что? Людей не осыпали златом. Просто дали в руки маленькие хоругви, на которых были лики их святых — их предков, и люди миллионной колонной, чувствуя свое братство, неразделимость, свою связь с

предками, победоносную сияющую силу, прошли по всей России как огромный крестный ход. Это был пасхальный ход. Его вели не священники. Впереди не было креста, но впереди шел Христос «в белом венчике из роз». Это было чудесное явление, которое воспринял наш народ.

Есть три божественные силы: сила русского слова, сила русского оружия, сила русской веры, религии, чаяние райских высот. О них надо говорить с нашим народом. Эти проникновенные слова требуют огня в глазах, требуют замирания сердца. Мы должны предложить народу не только невысокую цену на нефть, но и великую небесную ценность, русское царствие небесное.

У всех русских людей есть желание свести небо на землю, построить рай на земле. Хотя говорится, что это грешно, рай на земле нельзя простроить. Но вся русская история, весь русский опыт говорит о том, что мы сводим Небо на землю, строим здесь Рай. У нас не получается, мы иногда грешим. Но желание увидеть в каждом камне, в каждом стебле божественную красоту, райскую гармонию — неодолимо.

И именно в нынешний сложный период мы нуждаемся в возвышенных представлениях. Цель духовной мобилизации — победа. За победу!

И ОБРАЗ ЕЕ ВОССИЯЕТ

Помню, как молодым человеком, еще студентом, я выходил из этих заливных лугов и шел от Покрова-на-Нерли вверх, к этому холму, где находились руины. Я даже не знал, чьи это руины. Мне просто хотелось посмотреть остатки палат Андрея Боголюбского, о которых я читал у Грабаря. Помню, как пришел на эти руины, увидел эти палаты, увидел резной камень. Смотрел на них, обходил, зашел внутрь. И потом покинул это место с тем, чтобы, казалось бы, больше никогда здесь не появляться, не вспоминать. Но волею обстоятельств, спустя много десятилетий, Боголюбский монастырь стал для меня очень дорогой обителью.

В этом монастыре я обрел пастыря, отца Петра, который был очень сильным, грозным и светлым пастырем, открывшим мне многое во мне самом. Я увидел там удивительных монахинь, удивительных женщин, которые показали мне особый род, особые виды женственности, связанной со служением Господу. В этом монастыре побывали очень близкие мне люди, мои дети, моя ныне покойная жена.

Для меня Боголюбский монастырь стал особой духовной обителью. И когда на монастырь стали нападать какие-то недобрые духом люди, я сделал все, что мог сделать, это было очень немного, но я ринулся тогда на защиту этой обители.

Сравнительно недавно мои размышления об этом монастыре, о князе Андрее Боголюбском, о чуде явления Пресвятой Богородицы в Боголюбове навели меня на следующие мысли, скорее даже переживания… Там, на монастырском дворе, можно прикоснуться руками или стопами к месту, где была эта вспышка, — озарение Андрея Боголюбского, где ему явилась Пресвятая Богородица. По-видимому, это было ослепительное явление. Что Она ему сулила, о чем Она с ним говорила — нам неизвестно, но можно догадаться, потому что Она явилась к нему на том пути, который вместе с Андреем Боголюбским осуществляли тогда вся русская цивилизация, вся

матушка-Россия. В это время Русь покидала Киевско-Новгородскую империю, эру. И Андрей Боголюбский, уходя из Киева и вынося из него икону Владимирской Божией Матери, переплывал страшную черную бездну, которая разверзалась в русской истории и которая утянула в себя Киевскую Русь.

Казалось, через эту черную бездну невозможно перейти человеку. Но Андрей Боголюбский переплыл эту черную бездну на иконе, ибо икона, которую он нес с собой, была ковчегом, а он был кормчим. Князь Андрей выполнял грандиозную, мистическую и одновременно историческую миссию — он переносил эту русскую тайну, эту русскую мечту, эту русскую цивилизацию из Киевского периода во Владимиро-Суздальский, а потом — в Московский период, поскольку Владимиро-Суздальская Русь была прелюдией Московского царства, Московской империи — второй русской империи. Миссия эта была, конечно, грандиозна, тяжела и рискованна, и, по-видимому, его гибель также была связана с этой миссией. Силы тьмы не желали, чтобы русская государственность простерлась дальше на века. Они желали, чтобы эта черная бездна навсегда поглотила в себя святую Русь, основанную Владимиром Святым.

Икона Боголюбивой Божией Матери была написана в честь этого потрясающего чуда, в честь этой вспышки, которую узрел Андрей Боголюбский. Эта икона стала той твердыней, той опорой, на которой зиждился мост, переходящий из одной русской эры в другую.

И вот эта икона существует. И вот эта икона живет. И вот эта икона почти умирает, на нее нападают хвори, болезни, людское недомыслие, людская скоропалительная жажда прикоснуться к этой иконе. И она то появляется среди волн русской жизни, то почти пропадает. И в этом своем возникновении и исчезновении она как бы повторяет русскую историю в целом, русскую душу, русскую судьбу и русскую мечту во всей ее полноте.

Сегодня для меня произошло очень важное и чудесное явление. Мне открыли эту икону, и я смог ненадолго оказаться рядом с ней и смотреть на нее, видеть, где она таится и скрывается. Как люди, которым провидение доверило хранение, сбережение и восстановление иконы, это делают? Меня поразило это помещение, которое напоминает то ли операционную, то ли какую-то лабораторию, то ли какой-то космический корабль, потому что стол, на котором эта большая икона лежит, — это был почти операционный стол. Рядом с этим столом были электронные приборы, электронные микроскопы, которыми пользуются хирурги, когда делают утонченные операции. Там были очистители воздуха, чтобы из этого воздуха вытягивать малейшие частицы пыли. Там были увлажнители, там были калориферы, там были компьютеры, которые бережно сохраняют режимы, где происходит эта реставрация. Она была покрыта пеленами, белыми покровами, тканями и всякими бумагами, чтобы сберечь ее от прямого солнца, света. И ее при мне раскрывали, как будто разворачивали какого-то младенца, и она вдруг предстала передо мной во всей своей дивной силе и дивной красоте. Когда я смотрел на нее, я не молился. Когда я смотрел на нее, я вспоминал всех близких мне и усопших теперь людей. Я думал, что она, эта икона, будет им, усопшим, в помощь и в поддержку в тех мирах, где они сейчас пребывают. Я чувствовал исходящую из нее какую-то тихую, сладкую и в чем-то

для меня мучительную музыку — музыку жизни вечной и музыку смерти, которая иногда прерывает нашу жизнь, чтобы сделать ее вечной.

Я не знаю, как будет развиваться дальнейшая судьба этой иконы. Конечно, сегодня над нею работают настоящие кудесники, раскрывая каждый миллиметр этой иконы, спасая каждую крохотную цветную корпускулу на хитоне Богородицы, Ее перстах или на Ее очах. Это огромный труд, который, не сомневаюсь, увенчается ее полным восстановлением, ее полной реставрацией. Но потом, как быть с нею потом? Конечно, на нее претендуют прежде всего те, кто потратил такое количество усилий, умений, средств, терпения для ее спасения, восстановления. То есть художественная галерея, музей, палаты, в которых она сейчас находится, те люди, которые по воле государства являются как бы весталками — хранителями этого священного огня. И в их претензии на эту икону, на то, чтобы она находилась в таких светских палатах, была общедоступной — есть доля справедливости. И понятен страх этих людей отдать ее в другие руки — руки Церкви. Скажем, отдать, вернуть ее в любимый мною Боголюбский монастырь, где она заняла бы свое место — там, где она и зародилась.

Там она соединилась бы с той неисчезнувшей энергией этого Боголюбского чуда и стала бы воплощением этого чуда. И я понимаю монахинь, я понимаю духовников, я понимаю епархию, которая считает, что эта святыня должна быть помещена в храм. И тогда храмовая сила, храмовая, божественная мощь соединились бы с этой мощью иконы, и икона обрела бы свое истинное место. Но как обеспечить в храме этот удивительный режим ее хранения, эту поразительную лабораторную стерильность? Эту компьютерную чувствительность, которая сберегает эту икону от малейших колебаний температуры или влажности? Как это сделать? Я не знаю.

Мой друг Савва Ямщиков, Царство ему Небесное, добился того, что чудотворную икону Спаса, находившуюся в запасниках Псковского музея, перенесли в Спасо-Елеазаровский монастырь. И этот поразительный монастырь, где подвизался старец Филофей, творец грандиозной религиозно-философской концепции «Москва — Третий Рим», получил эту икону. Но, боже, как дорого обходится монастырю и государству содержание той иконы! Там она находится в саркофаге, там она находится под охраной полицейских, там она находится под охраной множества чувствительных приборов, там ее каждый раз (чуть ли не два раза в день) проверяют искусствоведы, которые следят за режимом. Сможет ли монастырь создать для этой иконы вот такую среду, обеспечить ей такую целостность жития? Я не знаю, я не могу сказать. Я просто думаю, что икона сама по себе, сама собой найдет выход. Что икона сильнее людских суждений, уложений, и эти распри, которые сейчас происходят между светским искусствоведением и музеем, церковью и монастырем, — будут разрешены Самой Богородицей. Она примирит и одну, и другую стороны, и образ Ее воссияет там, где Ей будет угодно.

По материалам газеты «Завтра»

ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ ЛЕНИНГРАДЦЫ

Их имен благородных
мы здесь перечислить не сможем.
Так их много под вечной
охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням,
Никто не забыт и ничто не забыто.

О. Ф. Берггольц

Пискаревское мемориальное кладбище — это не только место упокоения тысяч наших соотечественников, совершивших подвиг стояния за Родину, за Ленинград. Это место — символ, где сходятся времена и пространства. Сюда приезжают люди со всего мира, чтобы поклониться известным и неизвестным героям. Здесь, кажется, само время останавливается. Эта остановка нужна, чтобы мы, пришедшие на Пискаревское кладбище, смогли пробиться сердцами в прошлое, проникнуться жертвенными смыслами библейской истины «жизнь — “за други своя”».

Пискаревское мемориальное кладбище — не только самое большое в мире, но и самое трагичное по своей сути. По официальным данным здесь похоронено более полумиллиона человек — жителей блокадного Ленинграда, военнослужащих, воевавших за город на Неве, жителей близлежащих населенных пунктов и соседних областей, отдавших свои жизни, защищая оружием, или молитвами, или просто верой в Победу, лучший город России.

Кладбище никогда не пустует: и в будние дни, и в выходные приезжают сюда люди. Кто-то стремится увидеть потрясающее своей трагической величиной массовое захоронение, кто-то чтобы поклониться родным и близким, покоящимся здесь. Но есть в Санкт-Петербурге человек — общественный деятель и благотворитель Гра-

чья Погосян[1], который постоянно думает об этом мемориале, и хочет, чтобы слова Ольги Берггольц «никто не забыт и ничто не забыто», выбитые на стеле вблизи Матери-Родины, и в грядущие века оставались наполненными заложенным в них смыслом. Многие годы он живет идеей создать напротив мемориального кладбища такое сооружение, которое бы стало завершающим и лаконичным элементом в ансамбле Пискаревского мемориала. Которое бы стало местом духовного соединения Ленинграда и Санкт-Петербурга, века нынешнего и века минувшего.

Однажды, посетив не в первый раз траурную церемонию возложения венков на Пискаревском кладбище, Грачья Погосян заметил, что рядом с таким святым местом нет никакой духовной святыни, где люди, посетив могилы, могли бы помолиться, поставить свечи. Нет такого сооружения, которое бы символизировало стойкость и мужество защитников города и пробуждало у подрастающего поколения патриотический дух, чувство уважения, любви к своей Родине и городу. И место для этого есть идеальное — за пределами Пискаревского мемориального кладбища, напротив монумента «Родина-Мать», за проспектом Непокоренных. Идея эта не давала ему, профессиональному военному строителю, покоя, пугая своей масштабностью и ощущением, что слишком уж серьезную задачу перед собой ставит. Грачья Погосян с осторожностью рассказал о своей задумке близким, друзьям, жителям блокадного Ленинграда и ветеранам, с которыми дружит. И каково было его удивление, когда это предложение было воспринято людьми с радостью и энтузиазмом. Все, кто узнавал о данном проекте, утверждали о его необходимости и своевременности.

Шел 2012 год, идея стала обретать реальные черты. Заручившись поддержкой близких и коллег, Грачья Погосян встретился с архитектором ООО «Архитектурно-реставрационная мастерская “КИФ”» Валерием Васильевичем Кузьминым и рассказал о своей мечте.

— *Времени на разработку проекта было немного. Открытие памятника Грачья Погосян планировал приурочить к 70-летнему юбилею Победы. То есть на май 2015 года*, — вспоминает Валерий Васильевич Кузьмин. — *Поэтому мне пришлось готовить эскизы очень быстро. Было решено остановиться именно на идее стелы «Благодарственный крест-карильон». Испокон веков на Руси на местах великих битв, на могилах ставили православные кресты. Поэтому в основу разработки эскиза-идеи заложена древняя традиция, восходящая к апостольским*

[1] **Погосян Грачья Мисакович** — майор запаса ВС РФ, орденоносец «Святого Григория Просветителя» Армянской Апостольской церкви и ордена Русской Православной Церкви «Славы и Чести» III степени, член церковного и попечительского советов Армянской Апостольской Церкви г. Санкт-Петербурга, почетный член общества «Жители блокадного Ленинграда» Кировского муниципального района Ленинградской области и почетный член этого общества г. Санкт-Петербурга, член Совета ветеранов войны и военной службы — однополчан Санкт-Петербурга и Ленинградской области. За минувшие годы по его инициативе и на средства на территории России, Армении, Грузии, Белоруссии, Монголии, Словакии, Эстонии было установлено свыше 50 духовных памятников, 15 из них посвящены событиям и героям Великой Отечественной войны, 6 — установлены на территории Ленинградской области. Также создано 6 документальных фильмов, признанных одними из лучших Министерством обороны РФ, и издано 5 книг на тему Великой Отечественной войны.

временам распространения христианства на землях наших предков, традиция устанавливать монументальные кресты вне храма на земле. Такие кресты изготавливаются из камня или дерева и имеют высоту до нескольких метров. Они призывают к молитве и поклонению Спасителю, поэтому и именуются поклонными. Ставятся они по различным причинам.

Первые поклонные кресты по своему духовному значению были миссионерскими. Их водружали святые апостолы. Нестор-летописец в «Повести временных лет» упоминает о водружении крестов святым апостолом Андреем Первозванным на Киевских горах, а также на Валааме после свержения идолов Перуна и Велеса.

Наши православные предки, имея крепкую веру, знали о значении и важности установки поклонных крестов в сей временной жизни и для спасения в вечности душ своих и ближних. Поэтому поклонные кресты ставили на особо памятных местах. Поклонные кресты были придорожные, межевые, по обету и др. Кресты ставили также в честь почитаемых в данной местности святых, церковных праздников, знаменательных событий в жизни страны и царствующей семьи. С водружения креста пустынножители начинали свое отшельническое житие, и очень часто на этом месте позднее образовывалась обитель…[1]

— *Почитаемы в России кресты, поставленные в память знаменательных событий, сыгравших в жизни народа важную роль. Такие кресты называются памятными или благодарственными,* — пояснил архитектор.

Валерий Васильевич подробно рассказал о конструктивных особенностях памятника. Предлагаемая в эскизе-идее для установки перед Пискаревским мемориальным кладбищем стела с карильоном увенчана православным крестом, по духовному значению являющимся именно благодарственным крестом. Этот крест — в память самого длительного военного и духовного сражения Великой Отечественной войны, длившегося три года — с июля 1941 по июль 1944 года, в благодарность населению города, его защитникам — армии и флоту, которые 872 дня и ночи жили и сражались в условиях блокады. За эти три года город потерял половину своего довоенного населения, а защищавшие его войска понесли общие потери в количестве более двух миллионов человек.

Чтобы наиболее полно раскрыть общую идею появления напротив Пискаревского мемориального кладбища стелы «Благодарственный крест-карильон», необходимо вернуться в историю появления самого́ мемориального комплекса.

В 1939 г. небольшое сельское кладбище неподалеку от железнодорожной станции Пискаревка заметно увеличилось, там появились могилы погибших в советско-финскую войну бойцов и командиров Красной армии.

В 1941–1942 гг. были вырыты братские могилы-траншеи общей длиной в 20 километров, трупы укладывались без гробов штабелями. Точных данных о количестве погребенных на Пискаревском мемориальном кладбище нет — и никогда не будет: с декабря 1941 г. по май 1942 г. списки умерших

[1] Сведения из статьи «Царский поклонный крест, как продолжение святоотеческой традиции Православной Церкви» Виктора Неключимого.

составлялись лишь по количеству тел в братских могилах. С 15 февраля 1942 г. по решению Ленгорисполкома защитников Ленинграда хоронили только здесь. Официальная цифра на сегодняшний день — 490 тысяч погребенных блокадников и бойцов, нашедших свое последнее пристанище в 433 траншеях, впоследствии оформленных в 47 огромных братских могил в виде холмов и газонов, каждая из которых имеет в длину почти 200 метров, а в ширину — 8 метров. По плотности человеческих останков Пискаревское кладбище не имеет аналогов в мире.

В 1945 г. в Ленинграде прошли несколько туров конкурса на проекты памятников защитникам города, среди них — создание грандиозного мемориального комплекса на Пискаревском кладбище. Наилучшим жюри признало проект архитектора Васильева, который в дальнейшем соавторстве с архитектором Левинсоном приступил к проектированию памятника. Было создано множество эскизов и вариантов. Работа над комплексным проектом мемориала заняла десять лет.

В 1955 г. на Пискаревское кладбище пришли рабочие, чтобы соорудить на его территории в 26 гектаров величественный памятник. Выровняли поле, подняли холмы братских могил. Для создания ансамбля потребовалось:

— засыпать 50 тысяч кубометров грунта;

— доставить с украинских каменоломен более 800 вагонов гранита;

— уложить по центральной аллее, у входа и у памятника 10 тысяч квадратных метров каменных тесаных плит;

— оградить братские могилы гранитным поребриком (длина его составила 45 километров!);

— высадить на территории кладбища 10 тысяч красных роз, около тысячи деревьев различных пород.

Работы продолжались более четырех лет.

В пятнадцатую годовщину Победы, 9 мая 1960 г., состоялось торжественное открытие мемориального ансамбля.

Вход в некрополь украшают пропилеи — два павильона простой прямоугольной формы. Их стены выложены из светлого камня — доломита, привезенного с эстонского острова Саарема. Фасад каждого павильона оформлен четырьмя пилонами — массивными прямоугольными столбами. Под венчающим карнизом павильоны опоясаны беломраморными лентами фризов с темными буквами памятных текстов.

За пропилеями расстилается обширная терраса. В центре ее, в кольце цветов, в обрамлении из темно-серого полированного гранита, бьется как вечное сердце — Вечный огонь.

Большая аллея ведет вдоль братских могил. Каждая могила находится в каменной оправе. На стороне, обращенной к аллее, — гранитный блок с изображением дубового листа и даты: 1941, 1942, 1943. Здесь же выбиты серп и молот в знак того, что под этим холмом покоятся мирные жители города. Или пятиконечная звезда — на могилах воинов.

Приводит аллея к шестиметровой статуе Матери-Родины с гирляндой из дубовых листьев в руках, стоящей на шестиметровом пьедестале, сложенном из темно-серого полированного гранита. За монументом Матери-Родины расположена мощная гранитная стена-стела. Она является завершающей частью всего сооружения. В центре стены выбиты знаменитые слова поэтессы Ольги Берггольц.

Такова композиция центральной части ансамбля. Весь мемориал заключен в ограду, протянувшуюся на многие сотни метров. На ее простом каменном основании стоит темно-зеленая чугунная решетка, равномерно прерываемая одним и тем же изображением: высокая ваза с наброшенной на нее траурной тканью. Рядом с этим символом смерти — другой, жизнеутверждающий символ: прорастающая веточка.

— *Замкнутое пространство Пискаревского мемориального кладбища, место упокоения не покорившихся и победивших врага ленинградцев, посвященное трагическим событиям 1941–1943 годов, является напоминанием о цене свободы и ужасах Великой Отечественной войны и блокады,* — продолжает свое пояснение Валерий Васильевич Кузьмин. — *Необходимо раскрыть ввысь это замкнутое плоскостное пространство, символизирующее стойкость и мужество защитников города. И я полностью поддерживаю идею Грачьи Погосяна. Стойкость и мужество, воспитанное многими поколениями наших предков, никогда не позволявшим захватчикам топтать землю Родины, это традиция, которая передается из поколения в поколение, от прадедов — дедам, от дедов — отцам, от отцов — детям.*

Создание за пределами мемориального кладбища, посвященного подвигу блокадного Ленинграда, в продолжение главной оси за Пискаревским проспектом жизнеутверждающего сооружения, символизирующего сохранение и освещение традиции, несет в себе духовную сущность совершенного подвига самопожертвования, любви и искупления. Искупления потому, что война — беда всенародная и испытание всенародное.

— *Духовно-нравственная идея, выраженная в Мемориале Пискаревского кладбища, многократно усилится сооружением Благодарственного креста-карильона, повысятся патриотический дух россиян, уровень воспитания молодого поколения, степень уважения и любви к своей Родине*, — считает Грачья Погосян. — *Это сооружение будет притягивать к себе петербуржцев и гостей города не только по торжественным памятным дням, но и в повседневной жизни.*

Валерий Кузьмин рассказал о деталях проекта:

— *Стела-карильон — монументальное сооружение. Крытая смотровая площадка расположена в верхней части у подножия креста. Здесь собственно помещение карильона.* (Карильон — это механический музыкальный инструмент, посредством часового механизма заставляющий ряд колоколов исполнять какую-либо мелодию. Первый карильон появился на колокольне Петропавловского собора в Петропавловской крепости.) *Зал просвещения по проекту находится под карильоном, там должна быть расположена выставка, посвященная ратным победам прошлых лет и веков. Здесь же кинозал и лекционный зал.*

Образ лаконичен, близок к архитектуре павильонов главного входа на территорию Мемориала. Стела дополнена элементами архитектуры более ранних эпох. Объем несет в себе метафорическое напоминание остовов разрушенных зданий Ленинграда.

Общие элементы: православный благодарственный крест, мозаичная икона Божией Матери и Святого Александра Невского, карильон, открытая и крытая смотровые площадки, панорамный лифт и зал для памятных экспозиций кинопоказов и лекций. На стилобате две мраморные горящие свечи.

Ориентировочная общая высота строения составляет 33 метра, креста — 14 метров, площадь под застройку — 100 м^2, мозаичная икона — от 40 до 60 м^2. В отделке используются натуральные материалы: гранит, сааремский доломит, светлый мрамор теплых оттенков, стекло и кованый металл.

— На мой взгляд, благодарственный поклонный крест-карильон может стать народным проектом, что воодушевит и объединит многих россиян, особенно петербуржцев, и будет являться хорошим историческим объектом, посвященным ратной истории народов, населяющих Россию и воевавших за нее, — подчеркнул Грачья Мисакович Погосян. — *Целесообразно разместить на главном фасаде мозаичную икону святого благоверного князя Александра Невского, так как он является небесным покровителем города Санкт-Петербурга.*

Как рассказал Грачья Погосян, особое внимание планируется уделить идее организации музея, повествующего о событиях тех лет, о защитниках города, о стойкости жителей Ленинграда, о Дороге Жизни, а также разместить воспоминания очевидцев, переживших тяжелое блокадное время. Это возможно реализовать в специальном крытом зале, который предполагает размещение постоянной фотовыставки, трансляции видео с фрагментами истории тех дней, аудиоэкскурсовода, на разных языках мира рассказывающего о девятисотдневной защите осажденного города.

— По нашему мнению, такой памятник воодушевит и объединит многих россиян, представит высокий интерес для всех, кто хочет больше узнать о тех страшных днях или просто почтить память всех ленинградцев, кто не дожил, и тех, кто погиб, защищая наш город, — считает Грачья Мисакович Погосян.

Проект, действительно, получился гармоничным, а идея появления православного памятника-карильона в 2012 г. была поддержана многими общественными организациями, органами власти и частными лицами. В их числе: председатель Совета МПА СНГ Валентина Матвиенко; Комитет по градостроительству и архитектуре Правительства Санкт-Петербурга; глава администрации Калининского района Санкт-Петербурга; Санкт-Петербургская общественная организация «Жители блокадного Ленинграда»; общественная организация ветеранов труда, войны и военной службы МО; Кировский муниципальный район Ленинградской области; Межрегиональная общественная организация Ленинградских ветеранов войны и военной службы — однополчан; Совет Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы Санкт-Петербурга и Ленинградской области; командующий войсками Западного военного округа; ветераны ВОВ — маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов и маршал артиллерии Владимир Михайлович Михалкин. Благословил создание православного памятника митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир.

Увы, по ряду обстоятельств проект стелы «Благодарственный крест-карильон» напротив Пискаревского мемориального кладбища до сих пор не воплощен в жизнь. Но активисты и неравнодушные люди не оставляют надежды.

Не так давно Санкт-Петербургская общественная организация «Жители блокадного Ленинграда» направила официальное обращение на имя Губернатора Санкт-Петербурга Георгия Полтавченко с просьбой рассмотреть идею установки православного памятника-карильона.

Заместитель председателя правления Санкт-Петербургской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» Ирина Борисовна Скрипачева так говорит об идее:

— Грачья Погосян действительно достоин большой благодарности. Ведь чего только стоят памятники, которые появились на территории Ленинградской области благодаря его идеям и заботам. Взять, к примеру, Поклонный крест с неугасимой лампадой, который установлен у музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда». Мы были на его открытии, это очень красивый памятник, который находится там, где ему самое место. И ведь попечитель Грачья Погосян не останавливается на достигнутом. Очень бы хотелось дождаться реализации его проекта — памятника-карильона напротив Пискаревского мемориала. Еще в 2012 году наше общество с радостью поддержало этот проект, но по каким-то причинам он пока не продвигается.

Я считаю, что такой памятник-карильон обязательно должен быть построен рядом с Пискаревским мемориалом. Ведь здесь похоронены тысячи людей, не только ленинградцев, а жителей Ленинградской, Новгородской и Псковской областей — тех, кто бежал в Ленинград, когда началась война. Они достойны, чтобы к их могилам не только приносили цветы, но и молились за них. Проспект, где находится Пискаревское кладбище, называется проспектом Непокоренных. Название символическое. И, конечно, хочется, чтобы там стояла православная святыня, а не какие-то автомастерские или торговые павильоны. Этот памятник-карильон стал бы достойным символом человеческого подвига…

Более 70 лет прошло со дня окончательного снятия с города блокадного кольца. Сменилось несколько поколений. И сегодня каждый день отнимает у нас последних свидетелей тех страшных событий. Истончается живая нить памяти, оставляя для потомков только фото- и документальные свидетельства пережитых ужасов и героизма людей, боровшихся за свой город, за свободу, за жизнь. И только в наших силах сохранить и передать эти воспоминания будущим поколениям, как это старается делать обычный человек Грачья Погосян. Он готов обсудить с неравнодушными людьми все возможности по совместной реализации мемориального проекта, не терпящей отлагательства. Пока не прервалась связь времен и поколений. Летом 2016 года мы будем отмечать уже 75 лет со дня начала Великой Отечественной войны.

Специальный корреспондент
Дина Никифорова

Дороги ВОЙНЫ

Михаил КОРНЕВ

«ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ»

Михаил Георгиевич Корнев — родился в г. Раменское Московской обл.; окончил Иркутский государственный университет, Московскую академию культуры, искусства и туризма Министерства Культуры РФ (Высшие режиссерские курсы). Возглавил Иркутский городской театр народной драмы. Награжден премией святителя Иннокентия Иркутского, имеет другие награды. С театром побывал во многих «горячих точках» — в Приднестровье (1992), Югославии (1999), Чечне (2000, 2002), Косово (2005), Луганской Народной Республике (2014–2015). Заслуженный артист РФ, Заслуженный деятель искусств РФ. Член Союза писателей России. **Живет в Иркутске.**

ПРИКАЗ

Бой шел прямо на трассе. «Укры» бросили вперед танки. Наши жгли их из гранатометов. Десантники и ополченцы дрались до последнего. «Бандеровцы» минометами накрыли небольшую разведгруппу ополченцев. Десантник погиб от осколочных ранений и остался лежать на шоссе. Наши отступили, не успев забрать его.

Прошло два дня. Жара сделала с телом бойца свое страшное дело. Украинские армейцы забрать бойца не давали. Ополченцы пытались подойти к парню, но под прицельным огнем со стороны блокпоста отступали.

Комбат десантного батальона оставил свое оружие в расположении, взял с собой медсестру, подъехал на уазике к месту боя. Вышел, подняв руки, показывая, что безоружный. «Укропы» из своего блокпоста не стреляли. Молча наблюдали за комбатом. Комбат крикнул, чтоб дали забрать тело убитого десантника. Со стороны блокпоста ответили согласием. Комбат с медсестрой подошли к телу, медсестра рухнула без сознания. Комбат возился, пытаясь перетащить парня на плащ-палатку в одиночку. Из блокпоста вышел украинский майор, некоторое время смотрел на усилия комбата, потом пробасил:

— Может, тебе помочь?

— Помоги, если можешь… — угрюмо сказал комбат, заботливо укладывая на плащ-палатку останки бойца.

Майор и комбат, взяв за концы брезента, бережно погрузили парня в уазик.

— Заканчивать с этим пора, — устало сказал майор.

— С чем заканчивать?

— С этим, со всем…

Комбат затянулся сигаретой, помолчал, потом выдохнул:

— А что тебе нужно для того, чтобы все это закончить?

— Мне? Приказ.

— Приказ? — усмехнулся комбат. — А мне приказы не нужны, потому что это моя земля и я отсюда по-любому не уйду.

Еще чуток покурили. Помолчали.

— Бывай… — сказал майор «укров» и потопал к блокпосту, стуча новыми берцами по асфальту.

— Давай, — ответил комбат, взял под руку медсестру, сидевшую на обочине, запихнул ее на переднее сиденье, медленно повел машину к своим, увозя погибшего воина в последний путь.

ПЕТРО

На казаков под станицей Луганской бросили батальон «Айдар». Особо высокооплачиваемый, особо лютый и бесчеловечный. Получающий чистоганом за каждую человеческую жизнь. Казаки знали, кто перед ними. В бой пошли с такой яростью, обрушив на «айдаров» весь огонь и всю ненависть такую, что нацисты не выдержали и побежали, побросав дорогое оружие. В плен их не брали. Когда бой закончился, казаки услышали громкое икание. Прислушались. И точно!.. Кто-то громко икал в кустах у дороги. Бросились туда и вытащили из ямы здоровенного молодого детину.

— А, гнида, «айдар»! — заорал казак Леха. — Молись своему Коломойскому!

Лязгнул затвор автомата.

— Я ни… Я ни… Ой, милостивый Боже… — задыхался «айдар».

— Как зовут? — рявкнул Леха.

— Пэтро я, Пэтро! — затараторил детина.

— Петро — хрен с ведро! — заорал Леха и тряхнул за грудки детину так, что у того лязгнули зубы. — Ты зачем, Петро, людей пошел убивать, гнида?! — орал в горячке Леха и съездил кулаком по уху «айдару». Тот завалился набок.

— Не надо, братцы… Все же имя Божье вспомнил, — остановил расправу есаул Влад. — Чего с ним делать?.. Ладно, вяжите, ведем в расположение.

Петро оказался из Киева. Жил один с матерью, не работал, ходил на майдан. А после победы «майданутых» решил идти дальше, записался в батальон «Айдар», чтобы выгнать с родной Украины злых россиян-москалей, что захватили Луганщину и Донецк.

На военном совете в подразделении казаки все-таки решили его не расстреливать, а дать возможность искупить вину. И стал Петро ополченцем. Вооружили его гранатометом, потому как из автомата может казаков пострелять, а из гранатомета это потруднее. «Ну и пускай воюет», — решили казаки. Петро между тем стал воевать сноровисто, с умом. В атаках не прятался, нанося урон врагу. Так он провоевал немалое время. Казачьему взводу предстояла переформировка. Перетрясла бы всех казачья контрразведка, кто, мол, да кто, что это за Петро такой, откуда? Конец понятный. Жалко стало казакам дурня Петро, бывшего «айдара». Собрали они деньги,

купили Петру билет до Киева. Когда парень узнал про то, встал на колени перед казаками и заплакал.

— Боже ж мой… Хлопцы! Спасибо! Что жить оставили, спасибо! Мамка одна у меня, не пережила бы, если бы я помэр, — размазывал слезы по широкому лицу огромными ладонями детина Петро.

— Помэр-то ты, может, и не помэр, — прищурился морпех Вован, — а вот у меня по твоей «укропской» милости в карманах теперь «ни копья», ни гривны нет. Все тебе отдали!

— «Боевые», падла, получил! — захохотал доброволец Витек. Петро вручили собранные гривны, и батька-атаман, что приехал ранее и привез тушенку, повез зареванного Петро на вокзал. Казаки всем взводом молча смотрели вслед.

— Вразумит ли его Господь? — негромко сказал командир Влад.

— Командир! — Вован хитро улыбнулся. — Наконец сегодня зарплату получили.

— Да ну? Никакой зарплаты до сих пор нет… А кто получил-то?

— Кто-кто… Пэтро!!! — заорал Вован. Ответом ему был дружный гогот казаков.

«ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ»

Мы сидим на втором этаже Луганской администрации в штабе округа Луганского казачества, исторически относящегося к Всевеликому Войску Донскому. В помещение то и дело заходят бойцы ополчения, казаки. Атаман Рубан Леонид Александрович неспешно ведет беседу с бойцами, расспрашивает, подсказывает, планирует, кому и когда оказать помощь продуктами, обмундированием, снаряжением. Разговор идет о войне, о казаках, кто где сейчас стоит, как идут боевые действия, есть ли потери. Мы внимательно слушаем. Мы — это игумен Пимен, режиссер документального кино Валерий Тимощенко и я, заместитель атамана Иркутского войскового казачьего общества, директор Иркутского городского театра народной драмы. Вчера нам удалось привезти в Луганск две машины гуманитарной помощи. А сегодня мы все вместе планируем отвезти ее на боевые позиции.

Дверь отворилась, в комнату осторожно вошел высокий средних лет казак в зимнем камуфляже. Был он сутуловатый, на не седой еще голове виднелись широкие залысины, которые он приглаживал сильными крупными ладонями. Казак да казак. Ничем он не выделялся. Только привлекали внимание снаряженные «липами» на рукава бушлата зеленые ленты-пояса «Живый в помощи». И казачий взгляд… Серые глаза казака смотрели глубоко и спокойно, словно человек знал что-то, что высказать нельзя, а узнав это, обрел покой и силу.

Человек улыбнулся, оглядел сидящих за столом, поздоровался.

— Коля! Здорово, брат! — несколько казаков привстали навстречу. — Как ты?

— Слава Богу, — с улыбкой ответил Николай. — Со Счастья приехал. «Укропы» из минометов по позициям нашим бьют. От оно, ихнее перемирие! Ну ничего, терпеть можно.

Казаки обступили Николая, горячо заговорили о ребятах-казаках, ведущих боевые действия сейчас в поселке Счастье. К нам подсел атаман.

— Видали Колю? — как-то особо, по-отцовски ласково спросил он. — Это ж наша легенда, а не человек! Разведчик, четыре месяца в плену у «нациков» был. Недавно только поменяли его на украинского полковника.

— Ребята, ребятушки! — заволновался батюшка Пимен, человек богатырской комплекции и добрейшей души. — Это ж надо услышать, это ж надо все узнать! — Игумен притиснулся к Коле: — Коля, брат! Расскажи, как там в плену-то было? Небось не сладко?

Коля улыбнулся, глянул на батюшку ласково и спокойно:

— Да ничего, отче, терпеть можно, Я же молился, чего они мне сделали бы?

— Расскажи, Коля, если можешь, — попросил батюшка.

— Да почему нет? — все так же спокойно и доброжелательно ответил казак. — Я ж тут, в Луганске, всю жизнь лесником был. Лес защищал, браконьеров, порубщиков ловил. А полгода назад, как началось все, — в ополчение и сразу — в разведку. Повидал за это время много. Что сказать? «Бандеры» они «бандеры» и есть. Вроде украинская армия называется, а на поверку выходит «нацики», нацгады, людей не только убивают, но и мучают, детей, стариков расстреливают, дома жгут, одно слово — гады. Так вот, если раньше немцы кожу человечью на сумки, волосы женские на матрасы пускали, то эти дальше пошли. Убитых и живых потрошат на органы. Причем своих и наших. Бизнес такой, оно понятно, деньги большие дают.

Коля задумался, глядя серыми глазами куда-то сквозь окно. В казачьем штабе стояла тишина.

— Так вот… У нас в ЛИР с лета начали людей находить. Ну, сами понимаете, как они выглядели после встречи с потрошителями. Надо было найти тех, кто эти дела творят. Мы их обозначили «мясники». И мне поставлена была командиром задача вычислить и найти этих «мясников». С добровольцем из России Женей Свиридовым мы почти полтора месяца ходили по тылам «укропов».

— Как ходили? — спросил молодой казак.

— А так. Я ж лесник. Надели мы с Женей форму и на уазике с документами объезжали леса.

— Так они еще с «укропов» штрафы требовали за уничтожение лесопосадок, — хохотнул батька-атаман. — Даже ругались на них. А позывной у Коли — «Железный дровосек»!

— Было дело, — улыбнулся Коля. — Так вот… Под Лисичанском только напали на след «мясников» и — провал! Попались случайно. «Нацики» остановили уазик, спросили документы, Женя ответил, и тут один отскочил от машины, затвор автомата передернул и заорал: «Цэ москали! Цэ москали!» Нас повязали. На допросе тот «нацик» показал, что услышал брянский акцент. А Женя точно ведь с Брянщины. Как тот учуял? Ну вот повезли нас, в камеру бросили. Я вижу, Господь испытание дает. Говорю: «Женя, молиться надо». Начались дни плена. Били сначала не очень, на допрос каждый день, мол, сознавайтесь, что «наемники» из России, фээсбэшники-шпионы. Документы у нас «лесников», мы на своем стоим. А на четвертый-то денек пожестче с нами обошлись: мне два ребра сломали, Женьке голову разбили. Ну, ничего, терпеть можно… Я молитву творю, не бросаю и думаю, что поменялось? А оказалось — Интернет подвел.

— На сайте написали? — спросил игумен.

— Нет… На нас у них ничего не было. А ведь они тоже интернет-войну ведут, сайты наши просеивают. И наткнулись по переписке да ссылке на одну страницу, где ребята наши казаки фотку выставили. А я на фотке во всей красе в казачьей форме. Ну и все…

— Ты смотри, а… — с досадой хлопнул батюшка большими ладонями по коленям. — Ну вот нельзя никакие фотографии выставлять, ну вот нельзя!

— Нельзя, — тихо вздохнул Коля. — Так Господь ведет. У меня «Живый в помощи» всегда со мной. Во, сейчас на рукавах нашиты, а раньше у сердца всегда они были. Заходит ихний следователь: «Ну, ты попался! Мы тебя долго будем на ремни резать, у нас с тобой время много!» Я ему говорю: «Вот видишь, девяностый псалом “Живый в помощи”, что ты сделаешь со мной? Я молюсь. Господь говорит, ни один волос не упадет с головы твоей без воли Моей. Ты что сделаешь?» Он постоял, посмотрел как на больного, да и ушел. Бить уже стали утром и вечером. Ну ничего, терпеть можно. В камере с Женей читаем «Живый в помощи», молитвы, какие помним. Где-то через месяц вытащили меня, глаза пластиком заклеили, бросили в какую-то комнату. Кровь взяли. Через час слышу голос: «Ну что, казачок! Ты нас искал?» Я понял, это «мясники». «Может, и искал», — отвечаю. «Ну вот и нашел. И молодец. Главное, анализы у тебя хорошие. Завтра оперировать тебя будем… На запчасти!» И захохотал. «Ты, послушай. Я “Живый в помощи” читаю, ни один волос без воли Божьей с меня не упадет. Что ты можешь сделать?» — говорю спокойно ему. А его не вижу, глаза у меня заклеены. Слышу, молчит, потом сказал: «Ну, помолись, можа, Бог поможе». Слышу: шаги, ушел. Отвезли в камеру обратно, Жене рассказал, он говорит: «Ну вот, Коля, это все, наверное». Я говорю: «Женя, ничего не все. Читай: “…не приидет к тебе зло и рана не приближется телеси своему, яко Ангелам Своим заповесть о тебе сохраните тя во всех путех твоих…” Читай, говорю, Женя, брат!» Женька с трудом на колени опустился, мы начали молиться, сколько по времени, не знаю, ночь прошла, утром узнаю, «мясники» срочно уехали в другой район. Легче, правда, не стало. Допрос — каждый день, бьют — каждый день. Следователь особо меня хотел сломать, не понимал, ведь я в полной его власти, а как-то держусь. Хотел совсем унизить. Вызвал татуировщика.

— Кого вызвали? — опешил игумен Пимен.

— Татуировки который колет. Армия у них странная, кого там только нет… Ну и притащили, связали, следователь говорит: «Сделай ему на лоб наколку…» и похабные всякие маты говорит. «К вечеру наколем», — отвечает татуировщик. Следователь ушел, татуировщик мне: «Ну что, боишься?» Я ему говорю: «“Не убоишься от страха ночного, от стрелы летящей во дни”. Ты мне ничего не сделаешь». «Посмотрим», — говорит. До вечера сидел в помещении, а татуировщик вдруг начальству заявил, что устал, работу не сделает, а утром вообще инструмент у него сломался. Так и не стал мне лоб портить… Слава Богу.

Уже месяц четвертый пошел. Мы в камере утреннее и вечернее правило ни дня не пропускаем. К нам мародеров-«нациков» кинули. Это ж сколько надо было разграбить, если украинская армия, которая сама первым мародером является, их за такой грех в кутузку кинула?.. Мы с ними разгова-

ривали, через некоторое время они тоже с нами молиться стали. Не знаю, от сердца или нет. Бог все видит.

А я узнал, что первым стою на обмен военнопленными. У следователя душа горит меня добить побыстрее: «Я тебя расстреляю через неделю». «Ничего ты не сделаешь, я первый на обмен», — говорю. «На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия…» — про себя твержу. И они видят: все это время я их не боялся. Ничего не могут сделать со мной. Ножом руки, ноги резали, в суставы нож втыкали, били по-черному. Электрический ток к половым органам подводили. Неприятно конечно. Но ничего, терпеть можно.

И вот четыре месяца я у них просидел, и у них приказ — меня поменять. Готовят к освобождению. Я следователю говорю: «Вот ты вспомни теперь, что я тебе вначале говорил. Ни один волос с головы моей не упадет без воли Господа моего. “Прибежище мое — Бог, и уповаю на Него”. Ты читай “Живый в помощи”, может, Господь откроет тебе, что родных братьев убиваешь». Следователь долго смотрел мне в глаза, потом зло буркнул: «Прикажут — буду читать, прикажут — буду убивать. Иди давай. Радуйся, что жив остался». Очень он был недоволен таким поворотом дела. За мной ребята приехали, на обмене забрали. А Женя Свиридов остался в плену. Со здоровьем у него сейчас плохо. Все силы прилагаем, чтобы его вытащить оттуда, также по обмену военнопленными».

Николай задумался, глядя спокойными глазами куда-то вдаль. Все, кто был в казачьем штабе, молчали. Батюшка Пимен обнял Николая, перекрестил его. В глазах его стояли слезы.

— А знаешь, Коля, вот я слушал и думал, а я бы смог все это выдержать или нет? — спросил отец Пимен.

— Ничего, батюшка, терпеть можно. С Господом все можно.

Коля встал, попрощался с казаками и ушел по своим военным делам. Казаки еще долго с гордостью рассказывали о нем, и было видно, что воинский подвиг Николая широко известен и почитается в Луганске. Несокрушимая вера пленного разведчика, не дрогнувшего перед лицом смерти и мучений, потрясла нас. Вспомнились древние могучие казаки, разившие врага на этой самой земле, со Христом побеждавшие и со Христом на устах умиравшие.

Время исповедничества близко. И воистину сегодня мы с тревогой спрашиваем себя, насколько тверда наша вера. И вслед за казачьим разведчиком Николаем говорим слова грозного псалма: «Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним семь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое».

Андрей ВАССОЕВИЧ

ЛОГИЧЕСКИЙ ИТОГ НАЦИСТСКОЙ РУСОФОБИИ

К 70-летию завершения Нюрнбергского процесса

Андрей Леонидович Вассоевич — окончил СХШ при Институте им. И. Е. Репина Академии художеств СССР, Восточный факультет ЛГУ им. А. А. Жданова. Кандидат исторических наук (1985), доктор философских наук (1995), профессор по кафедре всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена, профессор кафедры политической психологии СПбГУ, профессор СПб ПДА (1999–2015) Руководитель Санкт-Петербургского регионального информационно-аналитического центра РИСИ (2009–2015). Ректор Санкт-Петербургской Восточной Академии. Председатель «Петербургского исторического клуба» ТРК «Петербург». Член Союза художников России. Автор 110 научных трудов, в том числе монографии «Духовный мир народов классического Востока». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Когда более 70 лет тому назад в городе, где традиционно проводились съезды Национал-социалистической германской рабочей партии, начал свою работу Международный Нюрнбергский военный трибунал, в его задачу входило не только осуждение главных военных преступников, виновных в гибели миллионов людей. Нюрнбергский процесс должен был изобличать не только кровавую практику, но и идеологию нацизма, одной из важных составляющих которой была русофобия. Как справедливо писал еще проф. Н. С. Алексеев, принимавший участие в ряде процессов над нацистскими преступниками: «Гитлеровская агрессия повсюду сопровождалась массовыми злодеяниями, невиданными до этого в истории. Совершение этих злодеяний было воплощением бредовых, агрессивных расовых “теорий”…»[1].

С горечью приходится признать, что на исходе XX века сначала в СССР, а потом уже на постсоветском пространстве русофобия вновь получила широчайшее распространение. Вся полнота политической ответственности за это ложится на «лучшего немца», последнего Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева[2], виновного как в разрушении своей собственной державы, так и в провоцировании кровавых межнациональных конфликтов[3]. Вина М. С. Гор-

[1] *Алексеев Н. С.* Злодеяния и возмездие. Преступления против человечества. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2014. С. 8.

[2] *Бешлосс М., Тэлботт С.* Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М.: Алгоритм, 2011. С. 352.

[3] *Островский А. В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост — 9 Д — ФОРУМ,

бачева могла бы быть юридически доказана в ходе соответствующего процесса, однако тема данной статьи связана не с «перестроечными» корнями ныне вновь широко распространившейся русофобии. Речь пойдет о ее предшествующей нацистской модификации и о логическом итоге этого злокачественного мировоззрения — смертном приговоре для главных военных преступников Третьего рейха. В 1946 году к повешенью были приговорены двенадцать подсудимых: 1) министр иностранных дел Германии (1938–1945) Иоахим фон Риббентроп; 2) начальник штаба Верховного командования Вермахта (OKW) в 1938–1945 годах Вильгельм Кейтель; 3) начальник Главного управления имперской безопасности СС Эрнст Кальтенбруннер; 4) рейхсминистр оккупированных восточных территорий (1941–1945) Альфред Розенберг; 5) генерал-губернатор оккупированной Польши Ганс Франк; 6) рейхсминистр внутренних дел Германии в 1933–1943 годах Вильгельм Фрик; 7) гауляйтер Франконии, главный редактор газеты «*Der Stürmer*» Юлиус Штрейхер; 8) Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы в системе четырехлетнего плана Фриц Заукель; 9) начальник оперативного отдела Верховного главнокомандования вооруженными силами Альфред Йодль; 10) *Reichsstatthalter* Австрии, рейхскомиссар оккупированных Нидерландов Артур Зейсс-Инкварт; 11) президент рейхстага, рейхсминистр авиации, рейхсмаршал Герман Геринг, сумевший за два часа до казни раздавить зубами ампулу с цианистым калием; 12) ближайший соратник Гитлера, начальник партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман также был приговорен к казни, но заочно.

В итоге 10 приговоренных к смерти были повешены в ночь на 16 октября 1946 года. Кроме этого, к пожизненному заключению были приговорены Рудольф Гесс, Вальтер Функ и Эрих Редер. К 20 годам тюремного заключения Бальдур фон Ширах и Альберт Шпеер. К 15 годам тюремного заключения приговорили Константина фон Нейрата, а к 10 годам Карла Деница.

Не будет преувеличением сказать, что все перечисленные деятели нацистской Германии сами выбрали свою незавидную судьбу, когда связали себя с национал-социализмом гитлеровского толка. Именно приверженность агрессивной идеологии в отношении русского народа, как и целого ряда других народов Союза Советских Социалистических Республик, обрекла этих государственных, военных и политических деятелей Третьего рейха на неминуемое поражение. Именно непримиримость к СССР в итоге предопределила их горькую участь в качестве висельников и заключенных тюрьмы Шпандау. Поэтому суровый приговор Нюрнбергского трибунала — это еще и серьезное напоминание тем, кто сделал русофобию составной частью своих идеологических доктрин и практических действий. Политикам Украины, Литвы, Латвии и Эстонии, да и некоторых других стран, нельзя забывать печальные уроки немецкой истории 20-х, 30-х и первой половины 40-х годов XX века. Куда полезнее эту историю освежать в памяти.

2011. С. 864. См. также*: Вассоевич А. Л.* Александр Островский — летописец предательства советской элиты // Конкуренция и рынок. Апрель 2015. № 2 (69). С. 74–81.

* * *

В 1924 году, будучи согласно приговору мюнхенского суда заключен в крепость Ландсберг[1], Адольф Гитлер получил, наконец, достаточный досуг, чтобы систематически изложить доктрину национал-социализма. Именно в тюремных застенках рождалось такое агрессивное сочинение как «Mein Kampf» — книга на протяжении 70 лет (с 1945 по 2015) запрещенная, как экстремистская и антисемитская, к переизданию в Германии[2]. В этом лютом по духу тексте было в частности сказано[3]:

Wenn europäische Bodenpolitik nur zu treiben war gegen Ruβland mit England in Bunde, dann war aber umgekehrt Kolonial- und Welthandelspolitik nun denkbar gegen England mit Ruβland.

Если политику завоевания новых земель в Европе Германия могла бы вести только против России в союзе с Англией, то наоборот: политику завоевания колоний и усиления своей мировой торговли Германия могла бы вести только против Англии вместе с Россией.

Мы видим, что в тюрьме Ландсберг, мечтая о великом будущем немецкого народа, Гитлер достаточно трезво оценивал существующие возможности внешнеполитической экспансии Германии. Казалось бы, уже имеющийся позитивный опыт взаимодействия двух «стран-изгоев» — Советской России и Веймарской республики, мог подтолкнуть вождя НСДАП ко второму сценарию внешнеполитического развития. Однако Гитлер уже в 1924 году решительно от него отказался[4]:

Wenn man vor dem Kriege noch unter Hinabwürgen aller möglichen Gefühle mit Rußland hätte gehen können, so kann man dies heute nicht mehr.

Если перед войной можно было подавить в себе чувство обиды против России и все же пойти с ней, то теперь об этом не может быть и речи.

---

[1] В предисловии к «Mein Kampf» сам А. Гитлер писал по этому поводу следующее:

Am 1.April 1924 hatte ich, auf Grund des Urteilsspruches des Münchner Volksgerichts von diesem Tage, meine Festungshaft zu Landsberg am Lech anzutreten. Damit bot sich mir nach Jahren ununterbrochener Arbeit zum ersten Male die Möglichkeit, an ein Werk heranzugehen, das von vielen gefordert und von mir selbst als zweckmäßig für die Bewegung empfunden wurde. So habe ich mich entschlossen, in zwei Bänden nicht nur die Ziele unserer Bewegung klarzulegen, sondern auch ein Bild der Entwicklung derselben zu zeichnen.

1 апреля 1924 г. на основании приговора мюнхенского народного суда я был заключен в тюремный замок Ландсберг. После многих лет беспрерывной работы я в первый раз получил возможность приступить к написанию труда, к которому меня подвигали многие и который мне самому кажется полезным для нашего движения. Я решился объяснить в двух томах не только цели нашего движения, но и нарисовать картину его развития.

[2] В России книга А. Гитлера «Майн Кампф» признана экстремистской (*прим. редакции*).

[3] *Hitler A.* Mein Kampf. Erster Band.Verlag Franz Eher Nachfolger, G.m.b.H. München 2, NO Alle Rechte vorbehalten Copyright Band I 1925 by Franz Eher Nachf. G.m.b.H. München, NO, FEN 1934. S. 157.

[4] *Hitler A.* Mein Kampf. Zweiter Band... S. 753.

Но при всем этом во втором томе «Mein Kampf» есть два предложения, в которых с пророческой глубиной сказано как о будущем тактическом союзе с Советской Россией, так и о его итоговых последствиях[1]:

So liegt schon in der Tatsache des Abschlusses eines Bündnisses mit Rußland die Anweisung für den nächsten Krieg. Sei Ausgang wäre das Ende Deutschlands.	Уже в самом факте заключения союза между Германией и Россией содержалось бы указание на следующую войну. Ее исход был бы концом Германии.

В этих ошеломляющих словах фюрера при желании можно усмотреть и не до конца осознанное предчувствие и Советско-Германского пакта 1939 года, и летних событий 1941 года и, что куда примечательней, победного для СССР мая 1945 года.

Казалось бы, некогда хваленая интуиция фюрера могла бы помочь, по крайней мере в 1939 году, встать на путь десятилетнего соблюдения основных положений пакта Молотова—Риббентропа, но этого сделано не было. А раз так, то, что же предопределило окончательный выбор геополитической стратегии национал-социализма? В чем причина такого категорического неприятия России Гитлером? Ответ на эти вопросы мы опять же находим в «Mein Kampf»[2]:

Das Schicksal selbst scheint uns hier einen Fingerzeig geben zu wollen. Indem es Rußland dem Bolschewismus überantwortete, raubte es dem russischen Volke jene Intelligenz, die bisher dessen staatlichen Bestand herbeiführte und garantierte. Denn die Organisation eines russischen Staatsgebildes war nicht das Ergebnis der staatspolitischen Fähigkeiten des Slawentums in Rußland, sondern vielmehr nur ein wundervolles Beispiel für die staatenbildende Wirksamkeit des germanischen Elementes in einer minderwertigen Rasse.	Сама судьба указует нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которые способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы.

Пренебрежительное отношение Гитлера к славянству («minderwertige Rasse»), выраженное со всей отчетливостью в этом отрывке из «Mein Kampf», в конечном счете опиралось на достаточно древнюю культурно-историческую традицию, к сожалению, свойственную не только германскому миру. Хорошо известно, что в самых ранних своих текстах славяне называли себя словѣне, то есть теми, *кто обладал понятным* (в отличие от немцев) *словом*. Но в текстах греческих и латинских, относящихся ко временам столь же давним, «встречаются лишь формы с ***а*** в корневой морфеме: это греческое

[1] *Hitler A.* Mein Kampf. Zweiter Band.Verlag Franz Eher Nachfolger, G.m.b.H. München 2, NO Alle Rechte vorbehalten Copyright Band II 1927 by Franz Eher Nachf. G.m.b.H. München, NO, FEN 1934. S. 749.

[2] *Hitler A.* Mein Kampf. Zweiter Band... S. 742.

Σκλαβηνοί и латинское Sclaveni»[1]. Вполне естественно, что архаическая немецкая передача того же этнонима как sklaven(en) послужила основой для последующего отождествления (в порядке народной этимологии) славян с die Sklaven «рабы». Именно эта старинная народная этимология оказалась во многом судьбоносной, ибо предопределила будущие стереотипы восприятия славян не только германским, но и западноевропейским миром как извечных рабов. Так в германском этническом мировосприятии славяне в итоге превращались именно в «нацию рабов». Еще в XVI веке Сигизмунд Герберштейн рассказывал про русских, что **«omnes se Principis chlopos, id est servos fatentur»** — ***«Все они признают себя холопами, то есть рабами Государя»***[2]. Именно Герберштейну принадлежит формула, которую с восторгом восприняли и нацистские русофобы: **«Gens illa magis servitute, quam libertate gaudet»** — ***«Этот народ радуется больше рабству, чем в свободе»***[3]. И Гитлер, Геринг и Розеберг, и все казненные по приговору Нюрнбергского процесса, как, впрочем, и все другие нацистские преступники, разделяли этот традиционный взгляд на славянские народы. Немудрено, что фюрер в своей книге лишь еще раз грубо подчеркнул неспособность славян к государственному строительству.

Однако всему человечеству было ведомо, что величайшая в мире Российская империя создавалась в первую очередь славянскими народами и, естественно, народом русским, который как раз и оказался государствообразующим. В преодолении этого явного логического противоречия вождю НСДАП неоценимую услугу оказала германская культурная традиция. Ее органической частью стала и небезызвестная норманнская теория, созданная еще в XVIII веке тремя петербургскими немцами Байером, Шлецером, Миллером. Подвергнутая жесточайшей критике М. В. Ломоносовым[4] в 1750 году, эта теория, однако, оказалась к XX веку частью европейской массовой культуры. Коль скоро даже в ученых кругах само слово Русь часто возводилось к древнескандинавскому Róþ-(skarlar) «*гребцы на веслах*»[5], а создателями древнерусского государства считались варяги, то не составляло особого труда заявить:

Seit Jahrhunderten zehrte Rußland von diesem germanischen Kern seiner oberen leitenden Schichten. Er kann heute als fast restlos ausgerottet und ausgelöscht angesehen werden. An seine Stelle ist der Jude getreten.

В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи.

---

[1] *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игреве». Л.: Наука, 1979. С. 33.

[2] *Hitler A.* Mein Kampf. Zweiter Band.Verlag Franz Eher Nachfolger, G.m.b.H. München 2, NO Alle Rechte vorbehalten Copyright Band I 1925 by Franz Eher Nachf. G.m.b.H. München, NO, FEN 1934, S. 749.

[3] *Герберштейн С.* Записки о Московии: в 2-х т. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 239. Примечательно, что в молодости борон, знавший славянский язык, испытал по этой причине лишь обиды и неприятности. Когда в 1499 г. Герберштейн поступил в Венский университет, другие студенты кричали ему: «Sclaf!» («славянин!»), — и это звучало как «раб». См.: *Лимонов Ю.* Россия в западноевропейских сочинениях XV—XVII вв. // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Лениздат, 1986. С. 5.

[4] *Ломоносов М. В.* [Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского»] // Полное собрание сочинений. Т VI: Труды по истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747—1765 гг. М.-Л., 1952, С. 19—80.

[5] *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 33.

Последний аргумент был для Гитлера едва ли не менее важным, чем первый, так как возбуждал его захватнические вожделения по отношению к бескрайним российским пространствам. Исходя из своей лютой ненависти к евреям, вождь НСДАП в первом томе «Mein Kampf» утверждал, что *«куда ни ступит еврей, там хозяйствующий народ рано или поздно погибнет» («wo er auftritt, stirbt das Wirtsvolk nach kürzerer oder längerer Zeit ab»*[1]*).* А коль скоро, по мнению Гитлера, власть в Советском Союзе с 1917 года была захвачена представителями самого ненавистного ему народа, то как «*Parasit im Körper anderer Völker*», еврейский народ неизбежно сокрушит в самое ближайшее время гигантский Советский Союз. Славяне же с их рабской психологией, по мнению нацистского вождя, противостоять этому процессу не могли. Поэтому Гитлер со всей категоричностью утверждал[2]:

So unmöglich es dem Russen an sich ist, aus eigener Kraft das Joch der Juden abzuschütteln, so unmöglich ist es dem Juden, das mächtige Reich auf die Dauer zu erhalten. Er selbst ist kein Element der Organisation, sondern ein Ferment der Dekomposition. Das Riesenreich im Osten ist reif zum Zusammenbruch. Und das Ende der Judenherrschaft in Rußland wird auch das Ende Rußlands als Staat sein.

Подобно тому, как русские не могут своими собственными силами свергнуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго удержать в своем подчинении это могущественное государство. Сами они отнюдь не являются элементами организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское государство на Востоке созрело для гибели. И конец еврейского господства в России будет также концом Российского государства.

А далее следовал итоговый вывод[3]:

Der Kampf gegen die jüdische Weltbolschewisierung erfordert eine klare Einstellung zu Sowjet-Rußland. Man kann nicht den Teufel mit Beelzebub austreiben.

Борьба против еврейской большевизации мира требует внятного отношения к Советской России. Нельзя изгонять черта с помощью Вельзевула.

Мы видим, что для вождя НСДАП борьба против «еврейской большевизации мира», ассоциировавшейся у него, прежде всего, с Советской Россией, стала главной сверхценной идеей. Но, попрекая большевистских вождей в том, что они стремятся к мировому господству, сам Гитлер, между тем, на последней странице «Mein Kampf» в двух итоговых предложениях нагло заявлял о нацистских претензиях овладеть всей нашей планетой[4]:

---

[1] *Hitler A.* Mein Kampf. Erster Band... S. 334.

[2] *Hitler A.* Mein Kampf. Zweiter Band... S. 742-743.

[3] Ibid. S. 752.

[4] Ibid. S. 782.

Ein Staat, der im Zeitalter der Rassenvergiftung sich der Pflege seiner besten rassischen Elemente widmet, muß eines Tages zum Herrn der Erde werden. Das mögen die Anhänger unserer Bewegung nie vergessen, wenn je die Größe der Opfer zum bangen Vergleich mit dem möglichen Erfolg verleiten sollte.

То государство, которое в эпоху отравления рас посвятит себя делу совершенствования лучших расовых элементов, с неизбежностью должно в какой-нибудь день обрести мировое господство. Этого никогда не могут забыть сторонники нашего движения, когда они все-таки соблазняются возможным успехом при боязливом сравнении с величиной жертв.

При всей циничной откровенности гитлеровского текста здесь мы сталкиваемся с политическим феноменом, который приобрел широчайшее распространение уже в XXI веке. Речь идет о двойных стандартах, ставших столь популярными в англосаксонском мире. С одной стороны, «еврейский большевизм» был для Гитлера наиболее ярким воплощением мирового зла, а советские руководители ленинского периода — ничем иным как einen Abschaum der Menschheit (дословно *«накипью человечества»*). Но с другой стороны, осуждая коммуноглобализм (*«…это — чтобы в мире без Россий, без Латвий жить единым человечьем общежитьем»*[1]), Гитлер провозглашал идеологию национал-глобализма, которая позднее тоже отлилась в чеканные поэтические строки[2]:

Wir werden weiter marschieren
Wenn alles in Scherben fällt,
Denn heute da hört uns Deutschland
Und Morgen die ganze Welt.

Мы будем шагать и дальше,
Чтоб все разлетелось в куски,
Сегодня нас слушают немцы,
А завтра все люди земли.

Однако самое поразительное заключается, пожалуй, в том, что Гитлер, завершая XIII главу «Mein Kampf», не отказал себе в удовольствии (по примеру ненавистных ему коммуноглобалистов) порассуждать о будущем счастье всего «арийского человечества»[3]:

Sorgen aber muß sie dafür, daß wenigstens in unserem Lande der tödlichste Gegner erkannt und der Kampf gegen ihn als leuchtendes eichen einer lichteren Zeit auch den anderen Völkern den Weg weisen möge zum Heil einer ringenden arischen Menschheit.

Надо позаботиться о том, — писал он, — чтобы, по меньшей мере, в нашей стране узнали смертельнейшего врага. (Гитлер подразумевал еврейство. — *А. В.*) И тогда борьба против него как сияющий знак светлых времен даст узнать путь другим народам к счастью борющегося арийского человечества.

---

[1] *Маяковский В. В.* Товарищу Нетте — пароходу и человеку // Сочинения в одном томе. М., 1940. С. 115.

[2] *Baumann H.* Es zittern die morschen Knochen: Пер. с нем. в работе: *Вассоевич А. Л.* А. А. Власов и новорусская власовщина (К истории возникновения неоколлаборационизма) // Следствие продолжается… Воспоминания сотрудников следственного подразделения. Кн. шестая. СПб.: Первый класс, 2013. С. 229.

[3] *Hitler A.* Mein Kampf. Zweiter Band. S. 724–725.

Разумеется, русские (да и вообще славяне) к «*борющемуся человечеству*» причислены не были, хотя, со строго научной точки зрения[1], славянские языки в неменьшей степени, чем германские, имели некое родственное отношение к тому древнему языку, носители которого с незапамятных времен именовали себя *ариями*[2]. Речь здесь идет, прежде всего, о племенах индоиранских, ведь и само имя страны Иран, через средневековое Эран-шахр, восходит к древнеиранскому Арйанам-хшатрам «Ариев царство»[3]. К примеру, в § 69 Бисутунской надписи мы читаем: «*θāti Dārayavauš xšayaθiya: vašnā Auramazdāha ima dipičiθram, taya adam akunavam, patišam ariyā, uta pavastāyā utā čarmā gṛftam āha...*»[4] «*Говорит Дарий царь: "Волей Ахурамазды эту надпись, которую я сделал, помимо того, что по-арийски*[5]*, и на глине*[6]*, и на коже написана* (досл. «*взята*») *была...*"». Однако рождающийся национал-социализм менее всего тяготел к тому, чтобы предаваться высоконаучным изысканиям по части выявления степени родства индоарийских и славянских языков. Русские (и вообще славяне) не могли быть арийцами по определению, ибо «Wenn wir aber heute in Europa von neuem Grund und Boden reden, können wir in erster Linie nur an **Rußland** und die ihm untertanen Randstaaten denken»[7]. — *«Когда мы сегодня говорим о новых землях в Европе, мы можем в первую очередь думать только о* **России** *и подчиненных ей окраинных государствах».* Получалось как в басне И. А. Крылова (1769—1844):

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...[8]

---

[1] *«Слово "арийский"*, — писал Г. Ф. К. Гюнтер, — *превратилось в штамп. Раньше языковеды иногда называли все индоевропейские языки "арийскими", потом стали говорить о народах, говорящих на "арийских" (т. е. индоевропейских языках), как об "арийских народах" или "арийцах" и даже объединять их в одну "арийскую" расу, хотя они отличаются друг от друга и физически, и психологически. Таким образом, не различали языковую и расовую принадлежность. Народы одной расы или, правильней, одной расовой смеси, могут говорить на разных языках, а народы, говорящие на одном языке, отличаются друг от друга в расовом отношении. Но самое главное:* ***народы это всегда расовые смеси и никогда не раса. Нет никакой "арийской расы"****, хотя все народы, говорящие на "арийских" (правильней "индоевропейских") языках, унаследовали их от племен одной и той же нордической расы». Гюнтер Г. Ф.* Избранные работы по расологии. 2-е. изд.: пер. с нем. А. М. Иванова. М., 2005. С. 87.

[2] В качестве древнего самоназвания ariya-, арйа засвидетельствованы только у народов, говоривших на индоиранских языках. «В научном употреблении, — пишет академик И. М. Стеблин-Каменский, — *"арии, арийцы"* — это, как уже было сказано, *индоиранцы*» // Гаты Заратуштры: пер. с авестийского, вступ. ст., коммент. и прилож. И. М. Стеблин-Каменского. СПб., 2009. С. 9.

[3] Гаты Заратуштры... С. 5.

[4] Corpus inscriptionum Iranicarum. Part I: Inscriptions of Ancient Iran. Vol. I: The Old Persian Inscriptions. Text I: The Bisutun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text by Rüdiger Schmitt. London, 1991. P. 73.

[5] Здесь ariya «по-арийски» означает, что надпись была высечена на камне клинообразными знаками древнеперсидской письменности.

[6] По мнению Э. Бенвениста — известного языковеда и знатока иранских языков, слово *pvastāyā* (местн. пад., ед. числа, ж. р. от *pvastā*) в данном контексте обозначает глиняную оболочку таблички, что соответствует слову halat «необожженный кирпич» в эламском переводе Бисутунской надписи.

[7] *Hitler A.* Mein Kampf. Zweiter Band... S. 742.

[8] *Крылов И. А.* Басни. Полное собрание. Л., 1944. С. 32.

В «Mein Kampf» Гитлер никогда не пытался скрывать своих захватнических вожделений в отношении нашей Родины. Наоборот, эта навязчивая идея на страницах книги повторялась и повторялась[1]:

Wollte man in Europa Grund und Boden, dann konnte dies im großen und ganzen nur auf Kosten Rußlands geschehen, dann mußte sich das neue Reich wieder auf der Straße der einstigen Ordensritter in Marsch setzen, um mit dem deutschen Schwert dem deutschen Pflug die Scholle, der Nation aber das tägliche Brot zu geben.

Желая раздобыть новые земли в Европе, мы могли бы получить их, в общем и целом, только за счет России. В этом случае новое государство должно будет двинуться по той же дороге, по которой некогда шли наши орденские рыцари, чтобы немецким мечом завоевать немецкому плугу клочок земли, который обеспечит нации насущный хлеб.

Обрести же «моральное право» на захват восточных территорий автор «Mein Kampf» пытался с помощью тех беспощадных характеристик, которые он давал политическим руководителям Советской России ленинского периода[2]:

Man vergesse doch nie, daß die Regenten des heutigen Rußlands blutbefleckte gemeine Verbrecher sind, daß es sich hier um einen Abschaum der Menschheit handelt, der, begünstigt durch die Verhältnisse in einer tragischen Stunde, einen großen Staat überrannte, Millionen seiner führenden Intelligenz in wilder Blutgier abwürgte und ausrottete und nun seit bald zehn Jahren das grausamste Tyrannenregiment aller Zeiten ausübt. Man vergesse weiter nicht, daß diese Machthaber einem Volke angehören, daß in seltener Mischung bestialische Grausamkeit mit unfaßlicher Lügenkunst verbindet und sich heute mehr denn je berufen glaubt, seine blutige Unterdrückung der ganzen Welt aufbürden zu müssen.

Нельзя забывать и того, что правители современной России — это запятнавшие себя кровью подлые преступники, что речь здесь идет о подонках человечества, которые в трагический час воспользовались благоприятным для них стечением обстоятельств, захватили врасплох громадное государство, произвели дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребили интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет, осуществляют самую жестокую тиранию, которую когда-либо знала история. Нельзя даже забывать и то обстоятельство, что эти владыки являются выходцами из того народа, черты которого представляют смесь зверской жестокости и непостижимой лживости, и что эти господа ныне больше чем когда бы то ни было считают себя призванными осчастливить весь мир своим кровавым господством.

[1] *Hitler A.* Mein Kampf. Erster Band... S. 154.

[2] *Hitler A.* Mein Kampf. Zweiter Band.Verlag Franz Eher Nachfolger, G.m.b.H. München 2, NO Alle Rechte vorbehalten Copyright Band II 1927 by Franz Eher Nachf. G.m.b.H. München, NO, FEN 1934, S. 750.

Man vergesse nicht, daß der internationale Jude, der Rußland heute restlos beherrscht, in Deutschland nicht einen Verbündeten, sondern einen zu gleichem Schicksal bestimmten Staat sieht.

Ни на минуту нельзя забывать того, что интернациональное еврейство, ныне полностью держащее в своих руках всю Россию, видит в Германии не союзника, а страну, предназначенную понести тот же жребий.

Возникает вопрос, кто же в 20-е годы повлиял на столь мрачное восприятие Гитлером новой реальности в Советской России? И здесь необходимо назвать имена, по крайней мере, двух выходцев из нашей страны: Макса Эрвина фон Шойбнер-Рихтера[1] и Альфреда Розенберга[2]. Первый был убит полицейской пулей во время Мюнхенского путча 9 ноября 1923 года, когда шел рука об руку с Гитлером. Второй, как один из главных нацистских преступников, был повешен по приговору Международного Нюрнбергского военного трибунала 16 октября 1946 года.

Сам Альфред Розенберг писал, что его главный труд «Der Mythus des 20. Jahrhunderts» был закончен в основном к 1925 году, но идея, лежащая в основе этого сочинения, родилась еще в 1917 году. Именно личные впечатления от русской революции подвигли его к весьма прискорбным умозаключениям[3]:

Im Jahre 1917 wurde der «russische Mensch» endlich erlöst. Er zerfiel in zwei Teile. Das nordisch-russische Blut gab den Kampf auf, das ostisch-mongolische schlug mächtig empor, berief Chinesen und Wüstenvölker; Juden, Armenier drängten sich an die Führung und der Kalmücko-Tatare Lenin wurde Herr. Die Dämonie dieses Blutes richtete sich instinktiv gegen alles, was noch äußerlich als aufrecht wirkte, männlich nordisch aussah, gleichsam lebendiger Vorwurf war gegen einen Menschen, den Lothrop Stoddard als «Untermenschen» bezeichnete.

В 1917 году с «русским человеком» было покончено. Он распался на две части. Нордическая русская кровь проиграла войну, восточно-монгольская мощно поднялась, собрала китайцев и народы пустынь; евреи, армяне прорвались к руководству, и калмыко-татарин Ленин стал правителем. Демонизм этой крови инстинктивно направлен против всего, что еще внешне действовало смело, выглядело по-мужски нордически, как живой укор по отношению к человеку, которого Лотроп Стоддард правильно назвал «недочеловеком».

---

[1] Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер родился 9 января 1884 г. в Риге. В бытность своего проживания в Российской империи в составе отрядов самообороны участвовал в боях с восставшими во время революции 1905–1907 годов. В декабре 1910 г. переехал в Мюнхен, где поступил в Высшую техническую школу. В 1914 г. поступил добровольцем в кавалерию. В 1916 г. вернулся в Мюнхен, где закончил учебу в Высшей технической школе. В конце 1920 г. организовал русско-германское общество «Aufbau» и пытался объединить русских эмигрантов правого умонастроения.

[2] Альфред Розенберг родился 12 января 1893 г. в Ревеле. Сын башмачника и матери-эстонки. Осенью 1910 г. поступил в Высшую техническую школу в Риге. В 1915 г. вместе со всей школой был эвакуирован в Москву. Изучал архитектуру в Высших технических школах в Ревеле и в Москве. В 1917 г. получил диплом архитектора. В октябре 1917 г., проживая в Москве, сочувствовал большевикам. В 1918 г. вернулся в Ревель, где попытался вступить в германский Добровольческий корпус, но не был принят как «русский». В конце 1918 г. переехал в Мюнхен. С 1921 г. редактор, а с 1923 г. главный редактор газеты «Völkischer Beobachrer».

[3] *Rosenberg A.* Der Mythus des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. S. 213–214.

Здесь отметим, что термин «Der Untermensch» («недочеловек»), предложенный Лотропом Стоддардом, дал после завоевания власти национал-социалистами название небезызвестному в Германии изданию.

Возвращаясь к той жестокой оценке, которую Альфред Розенберг давал своим бывшим соотечественникам в 20-х годах прошлого века, необходимо подчеркнуть, прежде всего, значимость социально-политического фактора. Растущая неприязнь к русским, которая наблюдается в его писаниях, обусловлена, прежде всего, социальными устремлениями основной массы российского населения в пору великих революционных потрясений. Так, в июле 1924 года в журнале «Der Weltkampf» Альфред Розенберг публикует статью «Советская Иудея», в которой с беспощадностью поносит большевистский режим[1]:

Im Laufe des Jahres 1918 fiel für alle halbwegs Sehenden die Maske der bolschewistischen Sphinx: es stellte sich nämlich heraus, daβ der Bolschewismus nicht ein Kampf für eine soziale Idee war und ist, sondern ein politischer Kampf des Judentums aller Länder gegen die nationale Intelligenz aller Völker, um mit Hilfe der aufgehetzten unteren Schichten diese selbst ihrer geborenen Führer zu berauben und Juden an ihre Stelle zu bringen, bzw. von ihnen abhängige Geschöpfe.

В течение 1918 года даже для всех полузрячих спала маска большевистского сфинкса, и выяснилось, что большевизм не был и не является борьбой за социальную идею, но политической борьбой евреев всех стран против национальной интеллигенции всех народов, чтобы с помощью натравленных против нее низших слоев народа уничтожить ее и на ее место поставить евреев или зависимые от них создания.

Не вызывает удивления, что после тех теоретических обобщений, которые Альфред Розенберг делал в «Мифе XX века», ему через полтора десятилетия оказалось несложно перейти и к вполне определенным практическим выводам. В ноябре 1942 года, выступая на заседании «Германского трудового фронта», Розенберг сказал: «***Видимо, если подчинить себе эти народы*** (т. е. народы, населяющие территорию СССР. — *А. В.*), *то произвол и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления*»[2].

Хорошо известно, что в 1937 году Розенберг получил за свои литературные труды германскую национальную премию. В связи с этим нацистская печать писала о нем:

«Альфред Розенберг блестяще помог своими книгами заложить научные и духовные основы, усилить и укрепить философию национал-

[1] *Rosenberg A.* Sowjet-Judäa // «Der Weltkampf», N 2. Juli 1924. Идейная сущность этого отрывка весьма близка к тому, что писал А. Гитлер примерно в то же время (*Hitler A.* Mein Kampf. Zweiter Band... S. 751): «**Im russischen Bolschewismus haben wir den im zwanzigsten Jahrhundert unternommenen Versuch des Judentums zu erblicken, sich die Weltherrschaft anzueignen**, genau so, wie es in anderen Zeitperioden durch andere, wenn auch innerlich verwandte Vorgänge dem gleichen Ziele zuzustreben suchte». — «**В русском большевизме мы видим новую, свойственную XX столетию, попытку евреев достичь мирового господства**, точно так же, как в другие временные периоды те же внутренние родственные им стремления к исходной цели облекались в иную форму».

[2] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Т. I. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. С. 274.

социализма. Только будущее сумеет полностью оценить глубину влияния этого человека на философские основы национал-социалистского государства»[1].

Как остроумно заметил по этому поводу главный обвинитель от СССР:

«И это будущее — стало настоящим. И я уверен, что Трибунал надлежаще оценит и не только влияние Розенберга ''на философские основы национал-социалистского государства'', но и его активную роль во всех преступлениях против мира и человечности, совершенных гитлеровцами».

Существует расхожее мнение, что, в отличие от Альфреда Розенберга и других нацистских преступников, виновных в массовой гибели людей, гауляйтер Франконии и главный редактор газеты «*Der Stürmer*» Юлиус Штрейхер был приговорен на Нюрнбергском процессе к смертной казни исключительно за тематику своих публикаций. Поэтому профессор Н. С. Алексеев в своей книге «Злодеяния и возмездие» приводил следующие факты: «В Нюрнберге, резиденции гауляйтера Штрейхера, издававшего погромный листок "*Der Stürmer*", положение евреев было особенно тяжелым. В 1942 году на показательном процессе был осужден к смертной казни за «кровосмешение» председатель еврейской общины Нюрнберга Каценбергер. Свидетельница Зейлер категорически отрицала наличие интимных связей с Каценбергером, бывшим на 36 лет старше ее. Зейлер поселилась в доме обвиняемого, чтобы продолжить торговлю в фотомагазине, ранее принадлежавшем ее сестре; с Каценбергером у нее были лишь дружеские отношения. Несмотря на эти утверждения, дело к своему производству принял председатель специального суда Ротауг, и Каценбергер был осужден к смерти. Зейлер за ложные показания под присягой была приговорена к 2 годам лишения свободы. Так на практике применялись расистские так называемые "нюрнбергские законы"»[2].

Возвращаясь к практическим результатам русофобской деятельности Альфреда Розенберга, необходимо подчеркнуть, что еще 7 апреля 1941 года, то есть за две недели до своего назначения руководителем оккупационных органов на Востоке и немногим более чем за два месяца до нападения Германии на СССР, Розенберг направил Гитлеру свои предложения о разделе Советского Союза на рейхскомиссариаты и о назначении правителей в оккупируемые области своей исторической родины. Таким образом, задолго до подписания Беловежских соглашений и даже горбачевской политики «перестройки» планы расчленения СССР разрабатывались нашим бывшим соотечественником Альфредом Розенбергом. В предложениях Розенберга фигурировали Белоруссия и Украина, Минск и Киев, Ростов и Тбилиси, Петербург и Москва.

Не следует тешить себя иллюзиями, что в 30—40-е годы XX века русофобия была распространена лишь в нацистской Германии. Она процветала и среди союзников Гитлера. В качестве одного из доказательств откровенной ненависти к славянским народам союзников Гитлера можно сослаться на запись беседы от 10 февраля 1942 года между маршалом Ионом Антонеску и начальником протокольного отдела германского министерства иностранных

---

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Т. II. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. С. 645.

[2] *Алексеев Н. С.* Злодеяния и возмездие. Преступления против человечества. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2014. С. 184.

дел Дернбергом. Фрагмент этой беседы, имевшей место после встречи на границе, цитировался на Нюрнбергском процессе главным обвинителем от СССР. Вот приводимые им слова маршала Иона Антонеску:

«…Я заявил, — отмечает Антонеску, — ***что Румыния вступила в союз оси не для исправления Версальского договора, а для того, чтобы бороться против славян…»***[1].

Именно ненависть к славянским народам и объединила Гитлера и Антонеску в подготовке и осуществлении агрессии против СССР[2].

Общеизвестно, что 5 октября 1941 года Гитлер обратился к Антонеску с письмом, специальной целью которого являлось согласование плана захвата и разрушения города Одессы. В согласованиях подобного рода не было по тем временам ничего исключительного. Так, в документе, исходившем от «руководства морской войной» от 29 сентября 1941 года и озаглавленном «Будущность города Петербурга», указывалось: «*Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли… Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы*»[3].

В приказе германского верховного главнокомандующего от 7 октября 1941 года за подписью Альфреда Йодля предписывалось снести с лица земли Ленинград и Москву: «*И для всех других городов*, — говорит приказ, — *должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами. Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня*»[4].

Особая тема — это влияние нацистской русофобии на отношение к военнопленным. Так, на Нюрнбергском процессе цитировался и секретный отчет руководимого Розенбергом имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий (*Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete*), относящийся ко времени Великой Отечественной войны. В нем, в частности, говорилось:

---

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Т. II. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. С. 265.

[2] В своих собственноручных показаниях следственным властям Советского Союза, которые были предъявлены Трибуналу, маршал Ион Антонеску рассказал о своих встречах с Гитлером в ноябре 1940 г., в январе 1941 г. и в мае 1941 г., на которых обсуждались вопросы, связанные с подготовкой войны против Советского Союза. В первой беседе Антонеску с Гитлером, в которой участвовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера — Шмидт, обсуждались вопросы, имеющие прямое отношение к подготовляемой Германией агрессии против СССР и участию в этой агрессии Румынии. На поставленный советскими следственными органами вопрос Антонеску, можно ли рассматривать его первую беседу с Гитлером как начало его сговора с немцами в подготовке войны против Советского Союза, он сказал: «Я отвечаю утвердительно. Это обстоятельство Гитлер, безусловно, имел в виду при разработке планов нападений на Советский Союз». См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Т. I. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. С. 264.

[3] Из секретной директивы Военно-морского штаба от 22 сентября 1941 г. ЗА № 1-а 1601/41 «О будущности города Петербурга» См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Т. I. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. С. 783 *[Документ СССР-113].*

[4] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. С. 281.

«Продовольственные нормы, установленные для русских, настолько скудны, что их не хватало для того, чтобы обеспечить их существование, и они дают только минимальное пропитание в течение ограниченного времени. Население не знает — будет ли оно еще жить завтра. Оно находится под угрозой голодной смерти.

Дороги забиты сотнями тысяч людей, бродящих в поисках пропитания; иногда число их доходит до одного миллиона, как утверждают специалисты. Мероприятия, проводимые Заукелем, вызывали большое волнение среди гражданского населения. Мужчины производили санитарную обработку русских девушек, насильно снимались фотографии с голых женщин, женщины-врачи (полагаю, имеются в виду медицинские сестры. — *А. В.*) *запирались в товарные вагоны для утехи командиров транспорта. Женщин в ночных сорочках связывали и насильно тащили через русские города к железнодорожным станциям и т. д. Весь этот материал был отослан в ОКХ»*[1].

Об обращении с лицами, угнанными в нацистское рабство, вполне определенно говорилось в письме Фридриха Эрнста Кристофа Заукеля, которое он направил Альфреду Розенбергу: «*Всем мужчинам (военнопленным и иностранным гражданским рабочим) следует давать такое количество пищи и предоставлять такого рода помещения для жилья и обращаться с ними таким образом, чтобы это потребовало от нас наименьших затрат при максимальной их эксплуатации»*[2].

Примечателен отрывок из письма, написанного Альфредом Розенбергом Вильгельму Кейтелю от 28 февраля 1942 года:

«Судьба советских военнопленных, находящихся в Германии, является трагедией величайших размеров… Значительная часть из них умерла от голода или от климатических условий. Тысячи погибли от сыпного тифа.

Коменданты лагерей запретили гражданскому населению давать продовольствие заключенным и предпочитали, чтобы они умирали голодной смертью. Во многих случаях, когда военнопленные не могли продолжать пешие переходы вследствие голода и истощения, их расстреливали на глазах приведенного в ужас гражданского населения, а трупы оставляли непогребенными.

Во многих лагерях совершенно не было крова для военнопленных. Они лежали под открытым небом во время дождей и снегопада. Им не давали даже инструмента для того, чтобы вырыть ямы или землянки.

Наконец, надо упомянуть о расстрелах военнопленных. Например, в различных лагерях все лица "азиатской национальности" были расстреляны»[3].

Следует подчеркнуть, что такое чудовищное обращение с советскими военнопленными, о котором в своем письме откровенно говорит доктор Альфред Розенберг, является строго логическим следствием нацистской русофобии. В качестве дополнительной иллюстрации того, что военная практика шла

---

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. С. 137.

[2] Там же. С. 138.

[3] Там же. С. 136.

рука об руку с теорией, сошлемся на статью, написанную еще одним высокопоставленным носителем ученой степени доктора. 19 июля 1942 года в «*Das Reich*» появилась статья Йозефа Геббельса «Die sogenannte russische Seele», которая весьма значима для понимания нацистской русофобии. Героическое сопротивление советских воинов в ходе битвы за Севастополь произвело сильное впечатление на мировую общественность. В прессе нейтральных государств, как и в 1941 году, вновь возникла дискуссия о «загадочной русской душе». Нацистским ответом на рост симпатий к людям России и стала статья Йозефа Геббельса, призванная «доказать», что «так называемой русской души» просто не существует. Основная идея статьи была сформулирована так[1]:

Die vielen Seiten der sogennanten russischen Volksseele, die uns manchmal so schillernd und wiederspruchsvoll erschienen, sind in Wirklichkeit nur die Wiederspiegelung gänzlich verschidenartiger Volkstümer, die sich hier ein Stelldichein gegeben haben. Es wäre auch ganz falsch, sie nach der Schablone, die wir bei westeuropäischen Völkern anzuwenden. Pflegen, einzuordnen. Das, was wir Rußland nennen, ist immer nur als Masse kollektiv in Erscheinung getreten. Geschichtsbildend im allgemeinen Sinne hat drüben stets nur eine kleine Gruppe gewirkt, sei es damals die zaristische Oberschicht, sei es heute die bolschewistisch-jüdische Führungsclique. Die breiten Massen der Bauern und Arbeiter wurden immer nur von ihnen eingesetzt, ohne an den historischen Vorgägen selbst auch nur im mindesten beteiligt zu sein.

Многогранность так называемой русской народной души, из-за которой она кажется такой сложной и противоречивой — на деле лишь отражает тот факт, что она составлена из многих различных народов. Судить о ней по западноевропейским меркам было бы ошибкой. То, что мы называем Россией, всегда представляло собой разнородную массу. Творцом истории в общем смысле всегда выступала лишь небольшая группа. В прошлом это был высший класс царской России, сегодня — иудо-большевистская правящая клика. Широкие массы крестьян и рабочих всегда были лишь орудиями, не принимали самостоятельного участия в исторических событиях.

Даже участие широких народных масс в ходе трех революционных потрясений XX века не смогло убедить Йозефа Геббельса в том, что русский народ способен быть субъектом политики. Представление, что русский народ — это «подневольное быдло», с исключительной яркостью отразилось в следующих словах, адресованных русским людям[2]:

Sie sind stumpf und von einer wilden Animalität. Gewöhnt an ein hartes und entbehrungsreiches Leben hängen sie gerade auch deshalb nicht allzu stark daran. Der Einzelmensch gilt im öffentlichen Denken kaum soviel wie etwa ein Fahrrad.

Они бесчувственны, словно животные. Лишения и нищета — обычные условия их жизни, и потому они не так уж сильно к ней привязаны. Отдельный человек стоит в общественном мнении там примерно столько же, как и велосипед.

[1] *Goebbels J.* Die sogenannte russische Seele // Das Eherne Herz, B. 1942. S. 397.
[2] Ibid. S. 399.

С геббельсовской точки зрения сама система большевистского государства строилась на умелом использовании тех этнопсихологических особенностей, которые были присущи славянским народам[1]:

Das System des Bolschewismus beruht auf der raffiniertesten Ausnutzung der slawischen Volksseele. Nur in Rußland war dieses schaurige Experiment möglich. Es bedurfte der Primitivität und animalischen Stumpfheit sowie der sozialen und wirtschaftlichen Anspruchslosigkeit der in der Sowjetunion zusammengeschlossenen Völkerschaften als Voraussetzung, um überhaupt zum Zuge zu kommen.

Система большевизма основывается на изощренном использовании (особенностей) славянской народной души. Только в России этот жуткий эксперимент был возможен. Для его осуществления требовалась примитивность и животная тупость, а в качестве предпосылки также социальная и хозяйственная невзыскательность, свойственная объединенным в Советском Союзе народам.

Логическим следствием таких психолого-политических обобщений стало убеждение в изначальной ущербности населения России, что в конечном итоге предопределило последующее ложное умозаключение об ущербности русской храбрости по сравнению с немецкой отвагой. Между тем Йозеф Геббельс писал[2]:

Tapferkeit ist eine Art von vergeistigtem Mut. Die Zähigkeit, mit der die Bolschewisten vor Sewastopol ihre Bunker verteidigten, war mehr ein animalischer Trieb, und nichts wäre falscher, als etwa annehmen zu wollen, es handle sich dabei um eine Folge der bolschewistischen Anschauung oder Erziehung.

Храбрость — это одухотворенное мужество. Упорство же, с которым большевики защищались на подступах к Севастополю в своих дотах, было больше животным инстинктом, но было бы неправильно предполагать, что речь при этом идет о следствии большевистских взглядов или воспитания.

Однако то упорное сопротивление, которое оказывалось немецким войскам в ходе обороны Севастополя, требовало определенных объяснений. При этом проявленная советскими воинами стойкость не могла быть (по идеологическим соображениям) отождествлена с храбростью немецких солдат и офицеров. Именно поэтому доктор Геббельс постарался все свести к примитивным звериным инстинктам русского человека[3]:

Wir können nicht einsehen, daß das etwas mit dem zu tun hat, was wir unter Tapferkeit zu verstehen pflegen. Denn schließlich muß doch auch dieses System, wo es zur letzten Probe gestellt wird, immer wieder dem überlegenen Geist eines männlichen Kämpfertums weichen.

Нельзя не признать, что это имеет отношение к тому, что мы обычно принимаем за храбрость. Но, в конце концов, даже эта система, столкнувшись с последним испытанием, уступит превосходящему духу мужской воинственности.

---

[1] *Goebbels J.* Die sogenannte russische Seele // Das Eherne Herz, B. 1942. S. 401.

[2] Ibid. S. 399.

[3] Ibid. S. 401.

Таким образом, «звериное упорство» русских, по мысли Йозефа Геббельса, раньше или позже должно было быть побеждено «одухотворенным мужеством».

Анализируя тексты, оставленные нам вождями Третьего рейха, бессмысленно оспаривать тот факт, что важнейшей задачей германской политической пропаганды было воспитание у немецкого населения чувства глубочайшей уверенности в неизбежности победы над Советским Союзом. Однако в тех случаях, когда во власти пропагандистских установок помимо воевавшего немецкого народа оказывались сами их авторы — вожди «Тысячелетнего рейха», катастрофическая недооценка противника становилась уже неизбежностью. В итоге паталогическая нацистская русофобия обернулась не только гибелью миллионов советских людей, которые для немцев чаще всего без разбора были die Russen (русские люди), но и трагедией для самого немецкого народа, включая его главных вождей.

Чудовищные преступления, спровоцированные нацистской неприязнью к русскому миру, не будут забыты и через многие десятилетия. Но сегодня тем более не следует замалчивать того обстоятельства, что среди военных преступников, повешенных в соответствии с решением Международного Нюрнбергского Трибунала, был человек, предавший по русофобским мотивам свою историческую родину — Россию. Этот наш бывший соотечественник (по матери эстонец, а по отцу немец) Альфред Розенберг. Его глубокая неприязнь к русским, несмотря на сопричастность к их языку и культуре, сослужила дурную службу как Гитлеру, так и всей национал-социалистической Германии. Презрение к русскому народу, обернувшееся его тотальной недооценкой как противника, в конечном счете, предопределило крах «тысячелетнего рейха» и последующие самоубийства или же казни его вождей в соответствии с решениями Международного Нюрнбергского Трибунала. Думается, что лучшим предостережением тем современным государственным деятелям, которые положили русофобию в основу своей политической стратегии, станет рассказ видного баварского политика Вильгельма Хёгнера. В качестве представителя Германии он присутствовал на казни нацистских руководителей, осужденных в Нюрнберге.

НОЧЬ РАСПЛАТЫ[1]

14 октября 1946 года (это был понедельник) меня вызвал генерал Мюллер в ставку американской военной администрации на Тегернзеер-ландштрассе в Мюнхене. Там я встретил прокурора Лейстнера из Нюрнбергского земельного суда. В беседе участвовали также полковник Джексон и капитан Дегнер. Генерал Мюллер сказал, что на следующий день мы с генеральным прокурором должны явиться к 11 часам в Нюрнберг. О цели поездки нам ничего не сообщили. Мы не имели абсолютно никакого представления о том, что нам придется делать в Нюрнберге, но это нас не слишком удивило. Американцы требовали от нас порой самых невероятных вещей.

Затем полковник Джексон провел нас в свой кабинет и договорился с капитаном Дегнером из управления общественной безопасности о том, что-

[1] Цитируется по книге: Следствие продолжается... Воспоминания сотрудников следственного подразделения. Книга десятая. СПб., Первый класс, 2016. С. 88–95.

бы назначить наш отъезд из Мюнхена на завтра в 7 часов утра. Я собирался ехать в Нюрнберг в своем служебном автомобиле, но офицеры сказали, что лучше воспользоваться американской машиной.

На следующее утро мы выехали по автостраде в направлении Нюрнберга. По дороге остановились у закусочной, куда мы, немцы, не имели права входить. Капитан Дегнер принес бутерброды и горячий кофе. Ровно в 11 часов мы были в огромном здании Нюрнбергского дворца юстиции. Нас вызвали к генералу Тейлору, но он не был информирован о цели нашей поездки, и нам пришлось прийти к нему еще раз во второй половине дня.

Свидетель под псевдонимом

В два часа дня американский полковник сообщил мне, что я буду жить на квартире одной польской графини на Новалисштрассе, 24, под именем некого «доктора Шмитта». На время этого разговора американец отослал из кабинета свою секретаршу-немку, чтобы сохранить в тайне, где и под каким именем я остановлюсь. Далее полковник сказал, что в 8 часов нас с генеральным прокурором Лейстнером будут ждать в здании суда. Капитан Дегнер, отвечающий за нашу безопасность, зайдет за нами в назначенное время.

Я поехал на Новалисштрассе. Дом находился под тщательной охраной полиции. Польская графиня, которая в действительности оказалась немкой, вышедшей замуж за венгерского графа, спросила: «Вы доктор Шмитт?» Получив подтверждение, графиня проводила меня в соседний дом, где меня встретила пожилая женщина и показала отведенную мне комнату. От нее я узнал, что здесь, в доме, конфискованном оккупационными властями, обычно размещались свидетели, вызванные на Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками.

Меры предосторожности

На ужине, куда я был приглашен, присутствовало человек шесть, среди них две женщины. Говорили о том, что некоторых уже вызывали в суд, но что никто из них больше не возвращался.

Один из господ выразил мнение, что, обжегшись один раз на занятиях политикой, он впредь ею заниматься не будет.

Господин Ринтелен из Вестфалии спросил меня о моем происхождении и, казалось, был удовлетворен, когда узнал, что я из Мюнхена. Разговор не был откровенным. Это скорее напоминало обоюдное прощупывание. Атмосфера царила совершенно необычная. Я уверен, что и остальные присутствующие скрывались под чужими именами. Конечно, мне никто не поверил, когда я назвался «доктором Шмиттом».

В назначенное время за мной пришли. По дороге в суд к нам присоединился Лейстнер. В суде один полковник сообщил нам, что мы должны будем в качестве свидетелей присутствовать при казни военных преступников. С этого момента мы больше не имели никаких контактов с внешним миром.

Нас провели в помещение, где размещалось пресс-бюро. Там были только журналисты — представители союзных государств. В других комнатах стояли кровати. Мы могли полежать, полистать журналы.

Позже с полковником мы прошли через тюремный коридор, затем поднялись наверх и оказались в большом помещении, по обе стороны которого находились тюремные камеры. У потайного окошечка каждой камеры стоял американский солдат. Их обязанность — не спускать глаз с арестованных. Журналисты ходили от двери к двери и с любопытством заглядывали в камеры приговоренных к смерти. У Лейстнера и у меня не было такого желания.

Мы осмотрели очень чистую кухню, кабинет врача; работавшие там немецкие заключенные стояли навытяжку. Потом мы возвратились в комнату журналистов. Все входные двери были закрыты. Повсюду стояли американские часовые.

Последнее дезертирство Геринга

Около половины одиннадцатого ночи появился комендант тюрьмы, американский полковник Эндрюс, и предложил Лейстнеру и мне следовать за ним. В комнате, куда он привел нас, находились офицеры и врачи. Здесь нам сообщили, что Геринг покончил жизнь самоубийством — отравился. Нас провели в камеру Геринга. Он лежал на кровати. Его ноги в пижамных брюках торчали из-под черного шелка, верхняя часть туловища была наполовину прикрыта светлой курткой в голубой горошек. Казалось, от обнаженных ступней ушла вся кровь — они уже начали синеть. Глаза были закрыты.

Насколько я знаю, никто так и не смог объяснить, каким путем Геринг раздобыл яд. Мне кажется невероятным, чтобы он смог сохранить капсулу с ядом со дня своего ареста до ночи казни. Несомненно, у Геринга было много возможностей достать яд. В тюрьме ему разрешили, например, принимать посетителей. Немецкие военнопленные работали фельдшерами при американских врачах, их использовали на кухне. Русские упрекали американцев в том, что один из этих людей передал Герингу яд.

Затем нам был оглашен приказ Контрольного совета о том, что необходимо еще раз зачитать приговор всем осужденным на смертную казнь в присутствии двух немецких свидетелей. Вместе с полковником Эндрюсом, переводчиком и огромного роста американским офицером в каске мы должны были зайти в каждую камеру. Большинство приговоренных молчало. Штрейхер же грубо заметил, что уже слышал приговор. Заукель ругался: он уважает американских солдат и офицеров (полковник Эндрюс всегда хорошо обращался с ним), но он никогда не испытывал ни капли уважения к американскому судопроизводству.

После объявления приговора на заключенных надели кандалы, чтобы больше никто из них не смог покончить жизнь самоубийством.

Эшафот

Затем нас повели в самый конец тюремного двора, где находился гимнастический зал. Там мы увидели три виселицы, сооруженные на деревянных помостах. К маленьким четырехугольным платформам каждой виселицы вели тринадцать ступенек. Над каждой из этих платформ — прямоугольник из двух балок. В центре поперечной балки — большой железный крюк, на котором раскачивалась веревка.

Помост от платформы до низу со всех сторон был покрыт черным сукном. Потом нас проводили в комнату журналистов. Никто не спал. Время тянулось мучительно медленно.

Около часа ночи нас опять повели в зал. На этот раз было много иностранных журналистов и американских солдат. От Контрольного совета присутствовали американский, русский, английский и французский генералы.

В этом зале Лейстнер и я были единственными немцами. Со мной по-немецки дружески беседовал англичанин. Француз, молодой морской офицер, курил сигареты и часто улыбался. Он представился мне. Американец не обращал на меня никакого внимания. Русский генерал тоже едва ли замечал меня. Присутствующие русские вообще выделялись своей сдержанностью.

Мы стояли слева от входной двери в самом конце гимнастического зала. Дверь была заперта. Около часа ночи в дверь постучали. Американский солдат открыл ее. Вошел полковник Эндрюс, затем тюремные священники — католик и протестант, а за ними, между двумя американскими солдатами, бледный и растерянный, шел бывший гитлеровский министр иностранных дел.

Бесславный конец

Его подвели к ступенькам. Американец спросил: «Фамилия? Имя?». Переводчик перевел. Арестованный ответил: «Иоахим фон Риббентроп». Он поднялся на 13 ступенек. Допрашивающий и переводчик поднялись вместе с ним.

Наверху на платформе американец спросил: «Имеете ли Вы что-нибудь сказать?» Риббентроп сказал: «Господи, защити Германию! Господи, прими с миром душу мою! Мое последнее желание, чтобы Германия вновь обрела свое единство, чтобы наступило взаимопонимание между Востоком и Западом во имя мира на земле».

Стражник связал Риббентропу ноги. Палач, приземистый американский солдат с красным лицом, набросил на голову приговоренного черный мешок, завязал его, а потом накинул веревку на шею своей жертвы.

Евангелический священник произнес короткую молитву. Палач отступил на несколько шагов и сделал что-то позади. Люк с грохотом опустился, и приговоренный повис. Примерно через 10 минут русский врач с двумя американскими коллегами исчез за черным сукном на помосте. У него в руках был стетоскоп. Через некоторое время он появился снова, медленно подошел к генералам и констатировал смерть повешенного.

Около двадцати минут второго ввели генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля. На нем были генеральские брюки с красными лампасами. Он был бледен и рассеян. Его последние слова: «Я взываю к Всемогущему, дабы он смилостивился над немецким народом. До меня более двух миллионов немецких солдат отдали жизнь за свое отечество. Я следую за моими сыновьями. Во имя Германии!»

Казнь происходила поочередно на двух виселицах. Третья не использовалась.

В половине второго под виселицей стоял Кальтенбруннер. На вопрос, имеет ли он что-либо сказать, Кальтенбруннер ответил: «Я прошу дать мне высказаться. Я всем сердцем служил своему народу и своему отечеству.

Я выполнял мой долг по законам моего отечества. Я сожалею, что в это тяжелое время моим народом руководили не только люди солдатской закалки. Я сожалею, что были совершены преступления, но я не был участником этих преступлений. Желаю Германии счастья!»

Затем ввели Альфреда Розенберга. На вопрос, имеет ли он что-либо сказать, он коротко ответил: «Нет». Его казнь произошла молниеносно.

Около двух часов в зале стоял Ганс Франк. Уже в камере при зачтении смертного приговора у него был взгляд сумасшедшего и он казался сломленным. Франка сопровождал священник-францисканец. Голос Франка скорее напоминал шепот: «Я благодарю за доброе обхождение со мной во время ареста. Я прошу Господа, чтобы Он милостиво принял меня». Затем все очень быстро кончилось.

За ним последовал Вильгельм Фрик (2 часа 5 минут). Он шел твердой походкой. Фрик громко крикнул: «Да здравствует вечная Германия!»

Когда Штрейхер стоял перед тринадцатью ступеньками, он громко крикнул: «Хайль Гитлер!» На вопрос, как его фамилия, он грубо ответил: «Вы же знаете». Вопрос спокойно повторили. «Ну ладно, Юлиус Штрейхер». В сопровождении священника он поднялся на ступени. Стоя наверху, Штрейхер крикнул: «Вы справляете пурим 1946 года! (Ссылаясь на этот традиционный еврейский праздник, издатель «Штюрмера» хотел и перед виселицей подчеркнуть, что он антисемит.) А теперь к богу!» Затем он еще что-то вспомнил и закричал: «Когда-нибудь вас повесят большевики». Обращаясь к священнику, Штрейхер добавил: «Я ухожу с богом, патер». Когда ему на голову накинули черный мешок, он воскликнул: «Аделе, моя дорогая жена!»

Около половины третьего ночи ввели Фрица Заукеля. Он был очень возбужден и кричал: «Я умираю невиновным. Приговор несправедлив. Господи, сохрани Германию и возвеличь ее! Да здравствует Германия! Господи, защити мою семью!»

После него в военном мундире вошел генерал-полковник Альфред Йодль. Его последние слова были: «Я приветствую тебя, моя Германия!»

Последним казнили Артура Зейсс-Инкварта. Было примерно без четверти три. Он хромал и с трудом поднялся по ступенькам. Он сказал: «Я надеюсь, что приведение в исполнение этого приговора будет последним актом трагедии второй мировой войны и что из этой мировой войны будет извлечен урок, чтобы на земле наступили мир и взаимопонимание между народами. Я верю в Германию».

Между казнями курили. Когда ввели одного из приговоренных, у меня в руках еще была сигарета. Американец крикнул: «Брось сигарету, немец!» Я видел также, как между казнями выносили трупы. Лица еще были закутаны в черное, рубашки расстегнуты, так как врачи прослушивали сердца.

В заключение был внесен труп Геринга и представлен нам на обозрение. Очевидно, это сделали для того, чтобы мы еще раз смогли убедиться, что он мертв.

После казни мы вместе с журналистами прошли в их комнаты. Позднее там произошла стычка между русскими и американцами. Дело в том, что русские журналисты немедленно передали в печать сообщение о смерти Геринга, а американцы явно хотели скрыть эту неудачу.

В эту ночь мы не спали.

Ростислав ИЩЕНКО

ПОЖАР И ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Ростислав Владимирович Ищенко — родился в 1965 г. в Киеве. Окончил с отличием Киевский университет им. Тараса Шевченко по специальности «история». Работал в МИД Украины, в Администрации Президента Украины, в Кабинете министров Украины, в Верховной Раде Украины. С 2014 г. гражданин РФ. В настоящее время — председатель правления (президент) Центра системного анализа и прогнозирования, обозреватель МИА «Россия сегодня». Политолог, политический аналитик, публицист, автор нескольких сотен статей, комментариев и интервью в украинских, российских и зарубежных печатных и электронных СМИ. Автор нескольких книг. **Живет в Москве.**

ЕС боится серьезно поссориться с Россией и боится США. Боится примерно одинаково. Поэтому заявляет о вводе санкций третьего уровня (что существенно, даже в качестве политического заявления), при этом делает все для того, чтобы эти санкции оказали минимальное воздействие на реальное экономическое сотрудничество с Москвой.

Буриданов осел по-европейски

Европа, как буриданов осел, стоит между двумя одинаковыми морковками и не знает, какую выбрать. Вернее, боится сделать окончательный выбор, пытается по привычке оставить все двери открытыми.

Пока удается, но с каждым днем все хуже и хуже. Время неумолимо сжимается, ход событий ускоряется, и, если выбор не сделает Европа, выбор сделают за нее.

Поведение Брюсселя доказывает, что «скакуны» на майдане недаром кричали, что Украина и есть Европа. Действительно, чем дальше, тем больше проявляется полная идентичность украинских и европейских политиков.

Инфантилизм, нежелание принимать на себя ответственность за стратегические решения, стремление передоверить свою судьбу «старшему брату» в лице ЕС являлись фундаментом украинской политики «евроинтеграции», проводившейся в ущерб собственной стране и собственному политическому будущему. И не только действующей киевской командой или полузабытым Ющенко, но и Януковичем, и Кучмой. Никого ничему не научили ни судьба Милошевича (тоже ориентировавшегося на евроинтеграцию, пока его не начали бомбить), ни судьбы Каддафи, Му-

барака и прочих жертв «арабской весны». Ни даже судьба Саакашвили, спокойно слитого и благополучно забытого европейцами, как только он стал обременителен американцам. Воевать за Саакашвили отказался младший Буш, но капитуляцию Грузии в войне 08.08.08 оформил Саркози.

Сейчас Евросоюз, со скрипом и вяло сопротивляясь, повторяет путь Украины. С одной стороны, заманчивые (не только в экономическом, но и в политическом плане) предложения России, способные спасти и сохранить ЕС. С другой стороны, традиции следования в фарватере США, которые уже приготовились «сжигать» Европу точно так же, как с помощью Европы сейчас сжигают Украину.

Бесперспективность (и даже опасность) дальнейшей ориентации на США (с точки зрения интересов как всего ЕС, так и отдельных его членов) не вызывает сомнений, как не вызывала сомнений бесперспективность и опасность ориентации Украины на ассоциацию с ЕС (в ущерб отношениям с Россией).

Слишком медленная смена элит

Новые элиты Европы (Марин Ле Пен во Франции, националистическое руководство Венгрии, оппоненты курсу Меркель в Германии, еврофобы, которых не следует путать с евроскептиками, в Британии) идут на смену старым проамериканским. Но замена происходит по-европейски медленно. Смена элит не успевает не только за сменой общественных настроений, она не успевает за ходом событий, многократно ускорившимся в ходе системного кризиса 2008–200… – неизвестного (пока) годов (частью которого является украинский кризис) и продолжающимся ускоряться.

У Европы есть шанс спастись с Россией, но пока она не пытается его реализовать в полной мере (не отказывается окончательно, но и не принимает в качестве стратегического выбора).

Что ж, есть основания считать, что судьба Европы будет решаться по той же схеме, по которой сейчас решается судьба Украины.

Напомним, Россия изначально предлагала ЕС договориться по Украине (в формате Брюссель–Москва–Киев), не доводя дело до конкуренции ЕС и РФ за Украину. Евробюрократы, уверенные в своей способности дожать Януковича до подписания соглашения об ассоциации, отказались. В результате Янукович соглашение не подписал, а евробюрократы от имени ЕС приняли участие в его свержении.

После переворота 21–23 февраля Россия констатировала, что в Киеве говорить больше не с кем, и предложила ЕС (несколько раз повторив эти предложения) договориться об Украине уже вдвоем. ЕС не рискнул, и США быстро оттеснили его от управления развитием украинского кризиса.

И сейчас Европа оказалась в той же пассивной позиции, в которой находится Киев. Договоренность с Россией позволяет Брюсселю вернуть себе статус активного игрока (субъекта, а не объекта политики). Но европейцы разучились принимать самостоятельные решения.

В результате продолжения такой политики Европа в течение одного-двух месяцев потеряет пространство для маневра и окончательно станет всего лишь инструментом политики США, уже без шанса вырваться из «союзнических объятий».

Как тушить пожар бензином

Несложно догадаться, что поскольку поджог Украины не привел к желаемым для США последствиям, а гореть она долго не может — топлива не хватает, то Вашингтон быстро окажется перед дилеммой: признать геополитическое поражение или продолжать поджоги дальше.

До сих пор США действовали по принципу удвоения ставок. Провал в Грузии должна был полностью покрыть победа в Сирии. Все остальные провалы, начиная с 2008 года, должна была покрыть победа на Украине. Если на Украине не удается выиграть, дальнейшее удвоение ставок возможно только за счет поджога ЕС.

Украина загорелась потому, что стало понятно — она уже вошла в российскую сферу влияния, и это никак не переломить. Так лучше оставить России тлеющие головешки, чем пусть полуразоренное, но все же вполне жизнеспособное государство, существовавшее на Украине до начала последнего майдана.

Ялта — на двоих

Провал украинской авантюры ставит вопрос о росте влияния России в ЕС (к тому времени и престиж США резко упадет, и элиты европейские существенно обновятся).

По тому же принципу, по которому была подожжена Украина, США подожгут и ЕС. Благо он уже готов к поджогу: и сами государства нестабильны, и межгосударственные отношения внутри Евросоюза только ухудшаются, и Север с Югом не в ладах, и Британия традиционно противопоставляет остров континенту, заявляя о готовности провести референдум о выходе из ЕС.

Что дальше? А дальше России останется только предложить США договориться уже не через голову Украины, а через голову и Украины, и европейских партнеров — провести своего рода Ялту на двоих.

Зачем? Потому что уровень конфронтации (если не идти целенаправленно к открытому военному столкновению сверхдержав) необходимо будет снижать. Договариваться надо будет так, чтобы и Москва, и Вашингтон если не были реальными победителями в этом кризисе, то казались бы таковыми хотя бы собственному населению. Подобное сохранение лица возможно только за счет кого-то. Сегодня этот кто-то — Украина.

Но оказывается, что ее уже слишком мало, в сравнении с размахом кризиса и вовлеченностью сверхдержав; для удовлетворения необходимости в общей победе и отсутствии проигравшего (кроме, разумеется, Киева).

Те предложения Евросоюзу, которые были сделаны Москвой, предполагали, что выйти из кризиса победителями смогут Россия и ЕС, а проблемы с сохранением лица будут с США. Но своим инфантильным поведением Брюссель дает Вашингтону шанс вывести Евросоюз из игры. Если Европа уступит свой шанс Америке, выхода у России не будет — придется договариваться с Вашингтоном за счет Европы. Не воевать же, в конце концов, русским с американцами из-за европейской неадекватности?

Леонид ИВАШОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СУДЬБЫ МИРА И РОССИИ

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 г. в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником Министра обороны СССР. В первой половине 1990-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Генерал-полковник, Президент Клуба Министров обороны СНГ. **Живет в Москве.**

Состояние международной безопасности в начале XXI столетия

В результате Второй мировой войны сложилась эффективная система международной безопасности, основанием которой являлись баланс сил в сообществе государств, паритет двух полюсов мира в ядерных и обычных вооружениях, угроза взаимного уничтожения для стран НАТО и Варшавского Договора. Важную роль в поддержании баланса сил играл и «Третий мир». Развал Советского Союза и разрушение биполярной мироконструкции создали для человечества ситуацию исторической неопределенности, но одновременно «высветили» для США и транснационального капитала историческую возможность установления однополярного (монополярного) миропорядка под себя, под национальные (американские) и клановые (олигархические) интересы. И в том и другом случае речь шла о мировом господстве, разница лишь в том, кто будет выступать в роли глобального диктатора: государство по имени США или финансовый капитал через всесильную власть доллара.

В 1990-е гг. главным устремлением англосаксонской политической элиты и мировой финансовой олигархии было закрепление однополярности и предотвращение возможности возникновения другого сопоставимого полюса. Что и было отражено в качестве главной целеустановки в Стратегии национальной безопасности США в 1992 году. Для реализации этой стратегии были определены три основания: экономическое доминирование и привязка мировой экономики к американскому доллару; обеспечение решающего военного превосходства; навязывание человечеству американской системы ценнос-

тей, культуры, стандартов жизни и подавление всех иных культур. На первом этапе ставка была сделана на превосходство военной силы. Именно в этот период были резко увеличены военные расходы, совершен качественный военно-технологический отрыв от всех других стран мира, НАТО был придан статус мирового жандарма, не подчиняющегося международным нормам и правилам, зона его «ответственности» распространена на все планетарное пространство (решения саммита глав государств НАТО, апрель 1999 г., Вашингтон).

Были усилены экспедиционные группировки американских вооруженных сил, созданы новые зоны ответственности в различных регионах мира, включая постсоветское пространство, сформированы командования этих зон, отработаны варианты придания американским военным авантюрам характера международных операций (СРЮ, Ирак, Афганистан, Ливия).

В эти же годы активно расширялось американское военное присутствие в мировом пространстве, и сегодня Соединенные Штаты имеют около 400 крупных военных баз и сотни военных объектов за рубежом. Средством информационного прикрытия вооруженной агрессии стали так называемые «гуманитарные» интервенции, а провоцирующим ситуацию инструментарием — получившие динамичное развитие частные военные корпорации и создаваемые спецслужбами террористические организации. Особое внимание Вашингтон обратил на развитие сил специальных операций, и не только в системе ЦРУ, разведуправления Пентагона (РУМО), Агентства национальной безопасности (АНБ).

Свой спецназ имеют министерство финансов, министерство энергетики и другие государственные ведомства. В рамках Национального совета по разведке действуют 16 разведведомств, которые занимаются не только разведкой, но и мощной аналитикой, прогнозированием и планированием развития ситуации и, конечно, проведением соответствующих операций. Мощные спецслужбы действуют в финансово-банковской сфере. Особые функции получил ГосДеп США (внешнеполитическое ведомство): это координация подрывной деятельности, организация хаоса и нестабильности, революций и переворотов в назначенных Соединенными Штатами странах, а также задачу обеспечения тотального контроля за внутренней и внешней политикой стран-сателлитов и подконтрольных властвующих элит.

В качестве глобальных объектов, контроль над которыми обеспечивает однополярный миропорядок, Стратегия национальной безопасности США определяет: ключевые районы мира, стратегические коммуникации и глобальные ресурсы планеты.

При решении этих задач важным направлением определено установление контроля над властвующими элитами государств. Свержение антиамериканских режимов или режимов, стремящихся проводить независимую от США политику, приведение к власти «пятых колонн» и постоянный контроль над ними стало стержнем американской внешней политики в 90-е годы прошлого столетия. Такая стратегия предполагает разрушение баланса сил и установление решающего превосходства, а также необходимость «освобождения» от международных норм и правил, выработанных человечеством в условиях биполярной модели, и, прежде всего, от основополагающего принципа Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела государств. Тяже-

ловес американской внешней политики Г. Киссинджер в 1994 г., говоря об Америке как империи, дает следующую установку: «У империй нет необходимости в сохранении баланса сил. Именно так Соединенные Штаты осуществляли свою политику в Западном полушарии»[1]. Ему вторит несколько позже К. Райс, будущий госсекретарь США: «Соединенные Штаты играют особую роль в современном мире и не должны ставить себя в зависимость от всяких международных конвенций и от соглашений, выдвигаемых извне»[2]. Этот подход был официально закреплен в американской доктрине превентивной войны, а затем и в стратегических концепциях НАТО. В марте 1999 г. эта доктрина стала основанием для агрессии против Союзной Республики Югославии. СБ ООН был проигнорирован, в системе международной безопасности была пробита опасная брешь. Окончательный крах системы наступил в результате операции 11 сентября 2001 г., когда Соединенные Штаты в одностороннем порядке и даже при поддержке России присвоили себе право вмешиваться, в том числе и вооруженным путем, в дела любого государства и распоряжаться судьбами всего человечества. Принцип Устава ООН (ст. 2, п. 7), запрещающий вмешательство во внутренние дела суверенных государств, был попросту проигнорирован. Последовало вторжение в Афганистан, в 2003 г. натовской коалицией была уничтожена Иракская Республика, в 2011 — Ливийская Джамахирия. В 2011 г. против Сирийской Арабской Республики была спровоцирована внешняя вооруженная агрессия по типу ливийской, и только противодействие России и Китая позволило не допустить военного удара НАТО по Сирии. В 2014 г. США и европейские страны НАТО инициировали государственный переворот на Украине.

Новые угрозы в адрес России

Разрушается и система двусторонних договоренностей, обеспечивающих стратегический баланс: в 2002 г. США односторонне выходят из Договора 1972 г. об ограничении систем ПРО; по инициативе США перестает «работать» Договор между Россией и НАТО об ограничении вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ); уже в 90-е гг. американская сторона стала открыто нарушать положения Договора СНВ-2, в том числе по сокрытию возвратного потенциала, препятствовать исполнению российскими инспекторами функции по контролю над сокращением стратегических вооружений. Полным ходом прокладывается путь к мировому беззаконию.

Однако помехой на этом пути является сохранившаяся часть российского стратегического ядерного потенциала и потенциальные ядерные возможности Китая, что ставит под сомнение американскую стратегию мирового господства. В 1999–2000 гг. в США активно обсуждается так называемый «ядерный обзор». В результате эксперты и политики приходят к выводам: стратегический американо-российский ядерный паритет, как фактор сдерживания, не отвечает интересам США. К тому же, американские стратегические ядерные силы (СЯС) стимулируют Россию и Китай поддерживать (развивать) потенциал ответного удара. Утверждается новая ядерная доктрина, суть которой в следующем: понижение роли ядерных вооружений в

[1] *Киссинджер Г.* Дипломатия. Нью-Йорк, 1994. С. 21.

[2] *Уткин А. И.* Мировой порядок XXI века. М., 2001. С. 34.

военно-политической стратегии США, ограничение развития национальных СЯС, запуск российско-американского процесса сокращения ядерных вооружений (с возможным вовлечением в будущем Китая). Одновременно принимается ряд стратегических решений, должных обеспечить Соединенным Штатам решающее военное превосходство. Это, прежде всего, наращивание высокотехнологичных обычных средств вооруженной борьбы, создание новых видов оружия, разработка новой теории войны и развитие тактики ведения боевых действий. 18 января 2003 г. Дж. Буш подписывает директиву о концепции «Быстрого глобального удара» (БГУ). Создается соответствующее командование БГУ, выделяются силы и средства, закладываются разработки новых, прежде всего, высокоточных средств поражения. Из состава стратегических ядерных сил выводится ряд носителей ядерного оружия, которые переоборудуются под перспективные крылатые ракеты. Так, из состава морских ядерных сил выведены четыре самые мощные атомные подводные лодки типа «Огайо», с них сняты по 24 межконтинентальных БРПЛ, и поставлены на каждую по 158 КР модернизированный «Томагавк». То же — с подлодками класса «Вирджиния». Для этих же целей переоснащаются и закладываются несколько надводных кораблей — носителей сотен крылатых ракет (КР) каждый. Сегодня ВМС США уже располагают 4 тыс. высокоточных крылатых ракет. Задана к разработке новая крылатая ракета, имеющая сверхзвуковую скорость полета и дальность свыше 5 тыс. километров. Средств защиты от таковой ни у кого сегодня нет.

Сущностью концепции «Быстрого глобального удара» является внезапное нанесение удара несколькими тысячами крылатых ракет по объектам стратегических ядерных сил противника, важнейшим элементам систем управления, объектам экономики и инфраструктуры. После чего стране предъявляется ультиматум о капитуляции. Если страна — объект удара не капитулирует, удар повторяется. В случае с Россией для нейтрализации возможности ответного удара сохранившими боеспособность силами стратегического сдерживания США развертывают глобальную систему ПРО и средства радиоэлектронного подавления систем управления. Американская ПРО базируется на наземном, морском, авиационном и космическом эшелонах системы. Задачи ПРО: средствами подавления систем управления воспрепятствовать старту сохранившихся ракет, перехватить стартовавшие ракеты на разгонном и орбитальном участках траектории, уничтожить прорвавшиеся боеголовки средствами наземной и корабельной ПРО. По сути дела, речь идет о лишении России и Китая возможности ответного удара, а значит, устранения фактора стратегического сдерживания. На мой взгляд, наиболее опасным для российских сил ответного удара являются корабельные системы ПРО, оснащенные современными радарами и перехватчиками баллистических ракет малой, средней и большой дальности. Напомню, что именно ракета «Стандарт-3», запущенная с корабля в 2008 г., поразила американский спутник на высоте 247 км. А евроПРО — это лишь один из элементов глобальной ПРО, а также информационное прикрытие и козырь в российско-американских отношениях, который в любой удобный момент Вашингтон может обменять на более важные уступки Москвы. По имеющейся информации, США в 2013 г. было запланировано иметь 32 корабля ПРО, всего в американских планах к 2021 г. — 93 таких корабля.

Именно они способны выйти в наиболее удобные для перехвата районы, к основному пучку траекторий российских ракет. Пентагон уже отрабатывает варианты развертывания группировок кораблей с системами ПРО «Иджис» и крылатыми ракетами в акваториях Балтийского, Баренцева, Охотского и Японского морей. В августе 2008 г. американский крейсер «Монтерей» осуществил заход в Черное море. Динамично создается глобальная информационная система наблюдения и атаки, включающая в себя космическую, наземную, корабельную и авиационную группировки. Целевые задачи — непрерывное наблюдение за системами управления стратегическими силами и другими объектами вероятного противника и подавление их в случае необходимости.

В обновленной ядерной доктрине США 2010 г. делается корректировка роли ядерного оружия: «в настоящее время, — говорится в доктрине, — США не готовы проводить политику, согласно которой сдерживание ядерного удара — единственная цель ядерного оружия». То есть речь идет о готовности США к превентивному применению ядерных боеприпасов. В структуру быстрого глобального удара введены элементы тактического ядерного оружия, разрабатываются стратегические ядерные средства, не подпадающие под ограничения договора СНВ-3, как, например, гиперзвуковой летательный аппарат с дальностью более 4 тыс. км, запускаемый с подводных лодок и кораблей. Это вызвано, видимо, тем обстоятельством, что Россия в развитии наземных ядерных сил отдает предпочтение ракетным комплексам шахтного базирования. А по мнению американских специалистов, удар обычными средствами поражения по шахтам не будет эффективен: необходимо на каждую шахту нацелить не менее двух ядерных боеголовок. В феврале 2012 г. заместитель главы стратегического командования США Грег Уивер заявил, что «сегодня невозможно заменить ядерное оружие обычным, так как обычное оружие не поражает цель так, как ядерное»[1]. Поэтому не исключено, что Вашингтон будет активно развивать ядерную программу нестратегического характера (КР морского, воздушного базирования, планирующие авиабомбы, средства ПРО), одновременно подталкивая Москву к сокращению тактических ядерных боеприпасов. Что уже прочитывается в ряде публикаций российских «либералов-разоруженцев», включая некоторых генералов, предваривших, как обычно, инициативу Б. Обамы об очередном российско-американском сокращении ядерного оружия (до 1000 боезарядов).

Развивают Соединенные Штаты и новые виды средств глобального поражения. Так, в управлении перспективных вооружений Пентагона действуют два новых, строго засекреченных отдела: «С» (климатический) и «Р» (психологический). Первому были подчинены объект «Харп» на Аляске, восемь других подобных объектов, метеорологическая служба и несколько кораблей из состава ВМС во главе с крейсером «Вирджиния», на котором был смонтирован комплекс специального оборудования. Место базирования штаба отдела — база на Бермудах, задачи — создание и отработка геофизического оружия, в том числе волнового климатического и средств подавления систем управления. По результатам проведенных испытаний волнового

[1] Фонд «Наследие», «Сдерживание и выбор целей ядерного удара в XXI веке», от 30 ноября 2012 г.

оружия его эффективность была признана весьма высокой. Пентагону было рекомендовано продолжить эти исследования, а отдел «С» получил еще несколько боевых кораблей. Есть сведения, что отдел занимается созданием плазмоидных облаков над пучками траекторий баллистических ракет противника. Направление исследований отдела «Р» — воздействие волновых процессов на психику и сознание человека. Вызывая искусственные магнитные бури и воздействуя на человека рассеянным или целенаправленным излучением волн различной длины и частотного диапазона, можно затормозить и расстроить работу головного мозга. В секретных задачах этого департамента значится разработка методов влияния на большие массы людей в широком диапазоне расстояний, с целью психоэмоционального воздействия, вызывающего страх, апатию, подавленность, или же, наоборот, возбудимость, агрессию, состояние аффекта. То есть управлять поведением огромных масс людей на любой территории земного шара. Отделу «Р» передан и оборудован соответствующей аппаратурой новейший крейсер «Висконсин». Работа этой аппаратуры фиксировалась в 2003 г. в ходе операции против Ирака и в 2005 г. для поддержки «оранжевой революции» на Украине.

Динамично модернизируют американцы практически весь диапазон обычных видов оружия, делая акцент на роботизированные системы военного назначения.

В сентябре 2002 г. Дж. Буш заявил о переходе США к преэмптивным действиям («Соединенные Штаты, если понадобится, будут действовать преэмптивно»). Специалисты не поняли сути этой фразы. Но в 2006 г. американский Конгресс утверждает Стратегию национальной безопасности, в которой закрепляется и развивается сущность преэмптивной войны. Это новое слово в американской геополитической стратегии. Структурно этот новый вид войны выглядит следующим образом: смена режима — строительство новой нации — восстановление страны. Руководитель Екатеринбургского отделения Академии геополитических проблем профессор Н. А. Комлева утверждает, что этот тип войны применяется все последние 20 лет, а в 2006 г. просто был юридически закреплен Конгрессом США. «Преэмптивная война ставит цель долговременного, а в идеале — вечного закрепления ресурсов определенной страны, или даже конкретного региона в целом, за глобальными корпорациями и государствами общества “золотого миллиарда”, причем обоснование данного типа войны еще более цинично, чем оправдание войн любого другого типа. <…> Сопротивление передаче ресурсов в руки иного актора, не только реальное, но и потенциально возможное, подавляется навеки. Результаты “обычной” войны могут быть со временем пересмотрены и пересматриваются, но результаты преэмптивной войны закрепляются навсегда»[1]. Важнейшим элементом этой войны является переидентификация (перевоспитание, перезаселение) населения страны — собственника ресурсов. То есть — смена культурно-цивилизационной сущности народа и отстранение его от права собственности на свои ресурсы. По-моему американцы обобщили успешный опыт такой войны в России после 1991 г. и юридически закрепили его. Содержанием преэмптивной войны являются не только военная ее фаза (ее вообще может не быть),

[1] Россия в XXI веке. Материалы годового собрания Академии геополитических проблем. М., 2012. С. 20.

а невооруженное насилие: экономическое, идеологическое, политическое, информационно-психологическое и так далее.

На мировую арену выходят мировые цивилизации

Форма государственной организации, при которой цивилизационное пространство практически совпадает с зоной распространения государственного суверенитета, называется *империей*. Благодаря усилиям историков и востоковедов, к настоящему времени уже в достаточной мере прояснено не публицистическое и идеологическое, а собственно политическое и социокультурное значение империи как политической формы организации совместной жизни разнородного этнического и конфессионального конгломерата, народов, не располагающих иной основой для утверждения всеобщей нормативности и правопорядка.

Роль геополитики при этом состоит в преобразовании цивилизационного замысла в имперское устроение. Ею вырабатывается мобилизующая *доктрина*, или мировая политика текущего периода. Цивилизация возводит неопознанный и необузданный мир к смыслу идеи и тем самым придает геополитике *осмысление*, которое развертывает процедурную матрицу событий. Геополитика — не нагромождение владений, а *созидание* самого пространства. Она есть *фронт* цивилизации, ее продуктивно воздействующее на среду сознание, перед которым расстилается предвечный мир, ожидающий претворения в идее, а за ним — вечный мир империи.

Цивилизационные проблемы занимают важное место в тематике геополитических исследований, однако в отличие от теории цивилизации, занимающейся изучением закономерностей и механизма развития и смены цивилизаций, теория геополитики рассматривает цивилизацию в контексте межцивилизационного взаимодействия и противоборства, поиска оптимальных путей эволюции обществ и государств на этапе вхождения человечества в постиндустриальную и информационную эпоху.

Каковы особенности современного цивилизационного противоборства? **Цивилизационное противоборство является формой геополитического противоборства, охватывающей сферу борьбы между геополитическими субъектами за реализацию национальных ценностей и духовных потребностей суперэтнических сообществ с учетом культурно-исторических и национально-религиозных традиций.**

Цивилизационное противоборство в современных условиях является важной, но не единственной формой современного геополитического противоборства. Активизация и актуализация этой формы противоборства обусловлена, *во-первых*, крахом прежней биполярной структуры мира, основанной преимущественно на формационных противоречиях; *во-вторых*, глобальным кризисом «линейного» формационного развития, невозможностью достижения в обозримом будущем для большинства населения планеты даже нынешнего уровня благосостояния, существующего в странах Запада; *в-третьих*, наращиванием усилий «золотого миллиарда» по распространению своих стандартов и образа жизни на страны, обладающие богатыми культурно-историческими традициями и собственным цивилизационным потенциалом; *в-четвертых*, попытками интерпретации этнополитических конфликтов международного и немеждународного характера

как «конфликтов цивилизаций», проходящих по линиям цивилизационных разломов; *в-пятых*, ростом активности ранее периферийных локальных цивилизаций, связанным с цивилизационной самоидентификацией отдельных стран и народов; *в-шестых*, образованием надгосударственных и наднациональных геополитических субъектов, в основе объединения которых лежит общее цивилизационное пространство.

Анализ современного геополитического противоборства в его цивилизационном измерении позволяет выделить ряд существенных особенностей межцивилизационных отношений. Важнейшими из них являются.

Первое. После распада СССР и мировой социалистической системы борьба за лучшее будущее на мировой арене переместилась в плоскость межцивилизационного противоборства. Это означает, что перспективы благополучного существования в третьем тысячелетии во многом зависят от возможности реализации ценностных ориентаций, приемлемых для народов, проживающих в тех или иных регионах планеты. Современная борьба между геополитическими субъектами идет не только за обладание природными ресурсами, необходимыми для процветания, но и за утверждение определенного образа жизни, распространение культурных стереотипов во времени и пространстве. Победа одного из субъектов в этой борьбе, по мнению адептов «конфликта цивилизаций», в конечном итоге должна привести к унификации народов мира, установлению единого цивилизационного пространства на Земле.

Второе. То, что С. Хантингтон назвал «конфликтом цивилизаций», на самом деле является закономерным процессом взаимодействия мировых и локальных цивилизаций. Это взаимодействие носит противоречивый характер. Иногда цивилизационная самоидентификация этнических групп приводит к обострению межнациональных и межконфессиональных конфликтов, однако сами по себе цивилизационные различия не являются конфликтообразующими факторами, и при разумном подходе к разрешению имеющихся противоречий мирное существование различных цивилизаций вполне осуществимо.

Третье. Обострение цивилизационного противоборства на современном этапе вызвано небывалой по масштабу экспансией североатлантической цивилизации по всему миру. Попытки вестернизации стран и народов, обладающих собственной национально-культурной идентичностью, встречают с их стороны естественный отпор. Попытки интерпретации защитной реакции «незападных» цивилизаций как сопротивление прогрессу приводят к делению государств на цивилизованные и нецивилизованные, что в дальнейшем находит свое проявление в политике «двойных стандартов», проводимой США и их союзниками.

Четвертое. Россия сегодня представляет собой особый тип цивилизации. Для нее одинаково неприемлемы как масштабная вестернизация, так и внутренний конфликт по линии «цивилизационного разлома» между русско-православной и тюркско-мусульманской субцивилизациями. Перспективы России в XXI в. связаны прежде всего с укреплением своего цивилизационного потенциала, сохранением культурной идентичности, сопротивляемостью и устойчивостью к экспансии чуждых культур и традиций. В системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на нынешнем этапе, таким образом, возрастает роль аксиологического ком-

понента — реализации национальных ценностей. Существенным направлением цивилизационного развития России должно также стать усиление духовных, культурных и экологических приоритетов.

В целом, одним из наиболее вероятных сценариев развития цивилизационного компонента глобального геополитического противоборства является формирование новой биполярной модели мироустройства, но, в отличие от предыдущей, уже не на формационной, а цивилизационной основе. При этом биполярная структура мира совсем необязательно означает конфронтацию между крупными цивилизационными пространствами, а скорее является фактором позитивного взаимодействия геополитических субъектов во времени и пространстве.

С распадом СССР запускается сложный механизм переустройства мира, где НАТО постепенно переформатируется из региональной военно-политической структуры в глобальную силовую систему, обслуживающую интересы англосаксонской элиты, мировой финансовой олигархии, ТНК.

Геополитическая структура мира, как система пространственно-силовых отношений геополитических субъектов, складывающаяся в процессе геополитического противоборства и спроецированная на политическую карту мира, с ликвидацией Советского Союза кардинально изменяется… С геополитической точки зрения модель эпохи «холодной войны» строго соответствовала логике борьбы континентального блока против морского, во главе которых стояли соответственно две могучие державы: континентальная — Советский Союз и морская — Соединенные Штаты Америки. Остальные государства либо были союзниками противостоящих друг другу сверхдержав, либо рассматривались как определенное пространство, на котором разворачивались события борьбы за мировое господство. При этом существовавшая структура обладала определенной устойчивостью и стабильностью, обеспечивающимися паритетом в военной сфере и особым геостратегическим положением противоборствующих сторон.

С распадом «советского блока» ситуация существенно изменилась. Сегодня следует отметить, что, *во-первых*, геополитическая структура мира носит неустойчивый, нестабильный характер. *Во-вторых*, на современном этапе исторического развития геополитическая структура мира находится в переходном (бифуркационном) состоянии. *В-третьих*, с точки зрения теории геополитики с конца XX столетия геополитическая структура мира характеризуется переходом от биполярного мироустройства, основанного на формационных критериях, через региональную и цивилизационную к новой биполярной модели, в основе которой будет лежать классическое геополитическое разделение мира на континентальный и морской блоки, сопряженное с формированием соответствующих цивилизационных пространств. И такая структура уже начата строительством по оси: Евразийский союз — ШОС — БРИКС.

Геополитические императивы России в XXI веке

В сложившихся условиях вопросы обеспечения геополитической безопасности России являются приоритетными по отношению ко всем другим вопросам существования и развития, поскольку будущее российского государства напрямую связано с выживанием страны, сохранением ее самоидентификации, самобытной культуры и цивилизационной модели.

Уникальное положение Российской Федерации на земном шаре, особенности ее географического и культурно-исторического ландшафта, традиции вовлеченности в решение глобальных проблем мирового развития свидетельствуют о непригодности для России геополитических моделей, используемых другими государствами. Определение собственного пути геополитического развития, определение оптимальных направлений реализации национальных интересов в наступившем веке и тысячелетии превращается для нашей страны в приоритетную задачу на ближайшую перспективу.

Решение этой задачи предполагает комплексную оценку геополитического положения современной России, глубокий анализ влияния геополитических факторов на систему национальной безопасности РФ и перспективы ее развития, адекватность концептуальных подходов и стратегических решений, в интересах стабильного поступательного развития страны. События, связанные с отторжением Украины из единого культурно-цивилизационного пространства, объединение стран Запада против России, нарастание военно-силового давления и угроз серьезно ухудшают геополитическое положение нашего государства. Сложившееся положение накладывает повышенную ответственность на лиц, принимающих соответствующие политические решения, на все российское общество, требуют его консолидации и отмобилизованности.

Императивы геополитического поведения России имеют в своей основе объективную природу, но и субъективный фактор оказывает существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику государства. Можно утверждать, что именно субъективные факторы последних 30 лет, начиная с Горбачева, коренным образом изменили геополитическое положение России в худшую сторону, поставили ее на грань выживания. Потому что огромный геополитический потенциал страны был преступно растрачен и задействован против ее национальных интересов. Более коварной и предательской политики, чем та, которую проводили Горбачев и Ельцин, в истории Отечества не было. Геополитическое предательство этих деятелей состояло, во-первых, в том, что многовековую геополитическую практику собирания земель они подменили разрушением единого пространства. А во-вторых, служение национальным интересам было заменено служением иностранным государствам и их интересам. «Элита», захватившая власть в 1991 г., являла собой наихудший элемент российского социума. Сложилась ситуация, похожая на систему власти в первые годы после Октября 1917 года. Тем не менее, геополитический потенциал у России сохранился, но его необходимо должным образом организовать.

Геополитическое положение такого крупного государства, как Россия, представляет собой сложно структурированное явление. *В содержательном и функциональном плане* геополитическое положение показывает характер и особенности вовлечения России в систему глобальных пространственно-силовых отношений, способность нашего государства оказывать влияние на развитие геополитической обстановки на планете, возможности реализации российских национальных интересов. *Структурно* геополитическое положение России включает в себя ряд компонентов, важнейшими из которых являются: территориально-географический, геоисторический, геоэкономический, геостратегический. Каждый из этих компонентов формируется под воздействием соответствующих групп геополитических факторов и

непосредственно связан с процессом осознания объективных потребностей развития общества и государства в России и формулирования ее национальных интересов.

Особое географическое положение России предопределило и уникальность геополитического положения Российской Федерации. Занимая центральную часть Евразийского континента, она объективно играет роль геополитического моста и посредника в отношениях между странами Запада и Востока. Ее одновременное присутствие в Европе и Азии влияет на содержание экономических, политических, военных и культурных процессов в данных частях света. Занимая огромное пространство, имея выходы к морям, используя большую территорию для международного транзита, а также обладая системой космической, воздушной, морской навигации, Россия, благодаря этому, владеет и уникальными возможностями для активного и эффективного участия в международной интеграции и воздействия на глобальные политические процессы и жизнь процессов в целом. В то же время большие пространственные размеры, многообразный и разноплановый характер соприкосновения с другими государствами и центрами международного влияния значительно затрудняют использование имеющихся средств для освоения (удержания) и использования пространства в интересах внутренней стабильности и безопасности.

Геоисторический компонент геополитического положения РФ характеризуется особенностями геополитической истории России и культурно-цивилизационными традициями российского суперэтноса.

Особенностью геополитической истории России является преемственность геополитического развития страны вне зависимости от существовавшей формы правления и характера политического режима. Так, на протяжении всей истории российская и затем советская держава стояла на четырех главных и неотделимых друг от друга опорах. *Первая* из них — централизованная, стратегически планируемая и управляемая государством экономика, призванная, прежде всего, обеспечивать колоссальную военную мощь. *Вторая* — строго иерархическая авторитарная или тоталитарная политическая система и мессианская идеология, призванная управлять такой экономикой и опиравшаяся на огромную военную силу. *Третья* — строительство империи, бесконечная территориальная и политическая экспансия, ограниченная лишь географией и мягким сопротивлением других народов. Увеличение протяженности периметра безопасности выявляло новые точки уязвимости, создавая тем самым стимулы для дальнейшей экспансии. Такое государство по очевидным причинам было обречено на постоянную конфронтацию с внешним миром, и эта конфронтация была его *четвертой* опорой — принципиальным оправданием режима и всех его особенностей.

Для России характерным являлся активный тип геополитического поведения, поскольку наша страна, не дожидаясь «особых приглашений», инициативно начинала действовать против своих соперников. Следует отметить также присущий нашей стране на протяжении многовековой истории стереотип геополитической активности, особенностями которого являются следующие:

— В геополитической активности всегда преобладали форсированные режимы, не оставляющие возможности для развития в нормальном режиме геополитического гомеостаза;

— основным всегда был экстенсивный путь геополитической эволюции, установка на который сложилась изначально и закреплялась в ходе многих столетий;

— только в последние годы Россия вступила в период перехода к преимущественно интенсивному геополитическому развитию, которому в условиях растущих ресурсных ограничений нет альтернативы;

— страна имеет опыт переустройства мира и человечества по своему геополитическому проекту и создания глобальных социально-политических систем.

Геоисторический компонент геополитического положения страны имеет также и культурно-цивилизационное измерение. На протяжении длительной истории в России сложился особый, специфический тип локальной цивилизации. Ее характерными чертами могут считаться:

— особый, преимущественно общинный тип хозяйства при традиционно многоукладной экономике;

— неповторимая культура, пронизанная соборностью — отношениями духовной общности, социально-психологического, экономического, политико-правового единения самых разных слоев российского общества;

— братское единство восточнославянских народов и «братание» со всеми другими коренными этносами российского пространства;

— совместное православия, ислама и буддизма строительство единого духовного пространства;

— социальная солидарность, соединение коллективной взаимопомощи и индивидуальной боготворительности;

— просвещенное светское общество, при безоговорочно равноправных и равнодостойных взаимоотношениях мировоззрений, религий и вероисповеданий; упрочение православия — традиционной основы всей жизни русского народа, государства российского;

— поддержка народной и классической традиций в культуре как основы духовного и нравственного здоровья общества;

— утверждение культуры и образования в числе безусловных приоритетов общественной деятельности и государственной политики;

— сохранившийся оборонный потенциал и опыт мобилизации народа на защиту Отечества.

Не менее важно при оценке геополитического положения современной России обратить пристальное внимание на его **геоэкономические аспекты**. Это объясняется тем, что **именно экономика сегодняшней России является наиболее уязвимым звеном в системе ее геополитической безопасности**. При этом ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что именно произведенные в ходе ультралиберальной революции изменения в хозяйстве страны привели к параличу производства, деградации основных систем жизнеобеспечения, ускоряющейся эрозии всей технологической инфраструктуры. И главная причина заключается в фундаментальном несоответствии проводимой политики реальным условиям российской экономики и цивилизационным характеристикам нашего общества.

Ориентация на закупку импортных товаров для внутреннего рынка и промышленности имела пагубные последствия для отечественных товаропроизводителей, которые, не выдерживая конкуренции, вынуждены были значительно сократить производство, а некоторые высокотехнологичные от-

расли вообще были ликвидированы. Введенные Западом против России в 2014 г. экономические санкции остро показали опасность для безопасности страны подобной политики.

Давая характеристику экономическому положению России, нужно отметить крайнюю нерациональность хозяйственной системы в стране. К числу наиболее очевидных проявлений аномальности этой системы относятся: беспрецедентная натурализация хозяйственных связей в реальном секторе экономики, глубочайший разрыв между производственной и финансовой сферами, значительное устойчивое превышение процентной ставкой уровня эффективности применения капитала в производстве, принявшее характер эпидемии разграбление активов многих предприятий их управляющими и отдельными акционерами, недопустимо высокий уровень криминализации экономической деятельности.

Существенным атрибутом геоэкономического положения страны является способность ее промышленного потенциала обеспечивать потребности вооруженных сил в вооружении и военной технике. Оборонный комплекс России в настоящее время переживает острый экономический, интеллектуальный и социальный кризис.

Особенностями **современного геостратегического положения Российской Федерации** *являются следующие:*

1. Россия находится в Северном полушарии, на Евразийском континенте. Это требует повышенного внимания к военно-политическим процессам, происходящим как в Европе, так и в Азии, и соответствующей адаптации российской военной политики к ситуации в регионах, прилегающих к геополитическому пространству России.

2. Россия расположена на важнейших транснациональных воздушных, морских и наземных магистралях, от характера функционирования которых зависит как развитие геополитической обстановки в мире и регионах, так и ход возможных боевых действий на различных ТВД.

3. Большие пространственные размеры предъявляют особые требования к решению стратегических задач, направленных на организацию обороны в масштабе всей страны и непосредственное руководство вооруженной борьбой на необходимом направлении.

4. Неравномерная плотность населения, очаговый характер экономических зон, их контраст в использовании людских ресурсов и энергии (большое число рабочих на предприятиях малой энергоемкости европейской части и большая энергоемкость предприятий Сибири и Дальнего Востока с относительно небольшой частью трудоспособного населения), уязвимость транспортных коммуникаций, АЭС и предприятий с потенциальной экологической опасностью усложняют подготовку и осуществление мероприятий стратегического характера.

5. Разнообразный характер соприкосновения России с внешней средой обусловливает неоднородность ее геополитического периметра и разное отношение к ней со стороны соседей, продиктованное спецификой собственных национальных интересов и способами их осуществления.

6. Вооруженные конфликты и очаги напряженности в различных регионах мира не могут не влиять и на Россию, а происходящие вооруженные столкновения вблизи ее границ делают уязвимой территорию России в военном отношении: *во-первых*, в напряжении находятся ее приграничн-

ные районы и военные округа; *во-вторых*, по мере возникновения новых и эскалации старых конфликтов происходит деформирование всей системы военного строительства, планов подготовки Вооруженных Сил, отвлекаются значительные силы и средства; *в-третьих*, по принципу болевых точек и экстремальных ситуаций проверяется военно-политическая реакция России, а также уязвимые места ее геополитического контура.

Россия объективно обладает параметрами великой державы, так как имеет обширную территорию с богатыми природными ресурсами, население с высоким интеллектуальным потенциалом, огромный военно-стратегический потенциал, а также геоисторические традиции державности и общий «цивилизационный ресурс». Императивы сохранения статуса «великой державы» не только задают определенные рамки для функционирования системы национальной безопасности, но и возлагают на Российскую Федерацию дополнительную ответственность за безопасность на глобальном и региональном уровне. Кроме того, закономерности геополитического поведения России требуют от руководства государства проведения политики в сфере безопасности с учетом континентальной природы страны, особого типа локальной цивилизации на ее просторах, федеративного государственного устройства и переходного характера экономики.

Также на геополитическое положение России существенное влияние оказывают происходящие в мире геополитические процессы глобализации, регионализации, фрагментации и сепаратизма. Негативное воздействие носят действия других геополитических субъектов, осуществляемые в рамках глобального геополитического противоборства. Укрепление геополитического положения РФ в этом контексте возможно путем укрепления российской государственности и суверенитета, обеспечения экономического роста, модернизации вооруженных сил, стимулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Наконец, геополитическое положение России не является чем-то неизменным. В процессе обеспечения национальной безопасности, реализации национальных интересов, поступательного развития общества и государства меняется и геополитическое положение страны. Таким образом, для России крайне важно направить политику по обеспечению национальной безопасности так, чтобы геополитическое положение Российского государства изменялось исключительно в лучшую сторону.

Давая оценку **геополитическим факторам субъективного характера** и их влиянию на систему национальной безопасности современной России, следует обратить особое внимание на такие существенные показатели современного этапа геополитического развития нашей страны, как: отсутствие национальной идеи, адекватно отражающей основные параметры государства, научно обоснованных концепций общественного развития, практика принятия политических решений без учета национально-исторических традиций и психологических особенностей основной части населения, недостаточный уровень профессиональной подготовки государственных служащих, неспособность политической элиты эффективно решать масштабные государственные задачи.

Система геополитических факторов России, вступая во взаимодействие с системами геополитических факторов других государств и отражая в целом пространственное положение российского государства и характер отно-

шений его системы национальной безопасности с внешней средой, оказывает прямое воздействие на элементы системы национальной безопасности России. Специфика этого воздействия заключается в том, что геополитические факторы оказывают существенное влияние на формирование объективных жизненных потребностей населения России и тем самым задают основные качественные параметры *национальным интересам* РФ. При этом в системе геополитических факторов преломляется совокупность пространственно-силовых отношений, складывающихся между Россией и другими геополитическими субъектами, а это означает, что определенным образом формируются *угрозы* национальной безопасности страны. Учет комплексного воздействия геополитических факторов в практике государственной политики способствует правильной постановке *национальных целей* и расчету *возможностей реализации национальных интересов*. Таким образом, основные элементы системы национальной безопасности Российской Федерации оказываются детерминированными соответствующими группами геополитических факторов.

Главным, системообразующим элементом системы национальной безопасности и планирования будущего выступают **национальные интересы России**.

Формирование новой геополитической сущности современного мира

Первое десятилетие XXI в. можно считать десятилетием нереализованных надежд. Человечество, как перед Первой и Второй мировыми войнами находится в состоянии неопределенности, страха и депрессии. Провалились грандиозные планы и устремления великих держав и региональных образований. Не сбылись планы США в деле построения однополярного мира, у ЕС улетучились надежды на то, что «мягкая» Америка в лице Барака Обамы даст Европе возможность освободиться от американской опеки и выйти на первые роли в мировой политике. У Китая больше нет ни желания, ни даже возможностей соблюдать призыв Дэн Сяопина: «скрывать наш потенциал» и «выжидать удобного случая». Похоже, этот «случай» наступает, и Китай принимает вызов США, в том числе в военно-силовой сфере. Наращивается китайское военное присутствие в АТР, делегация КНР наложила в месте с Россией вето в СБ ООН на проект резолюции по Сирии, в ответ на американское военное вторжение в Пакистан, не без давления Пекина, был заблокирован юго-восточный маршрут снабжения американской группировки войск в Афганистане (правда, Россия выручила американцев, разрешив транзит грузов через свою территорию).

Если в конце XX в. у Вашингтона были какие-то иллюзии о единоличном глобальном управлении, то сегодня США, как государство самого высокого ранга, теряет контроль над мировыми процессами, а его элита с тревогой говорит о способах выживания американского общества. Интересно в такой ситуации проследить за эволюцией взглядов геополитического планировщика З. Бжезинского. Это он расписывал в «Великой шахматной доске» и других работах и выступлениях «прелести и неизбежность миропорядка под эгидой США. По сути дела, Бжезинский осуществлял геополитическое планирование мира под интересы Америки, точнее амери-

канской элиты. Вспомним его пассажи в отношении России, типа: будущий миропорядок будет построен на обломках России, за счет России и против России. Особое внимание г-н Бжезинский уделял Евразии, поскольку является апологетом тезиса Х. Маккиндера, о том, что мировое господство возможно только в случае господства в Евразии, а последнее невозможно без господства над Россией. «Америка заинтересована сохранить и укрепить существующий плюрализм на карте Евразии»; … обеспечить «предотвращение появления враждебной коалиции, тем более — государства, способного бросить вызов… В среднесрочной перспективе упомянутое должно уступить место появлению все более важных и в стратегическом плане совместимых партнеров, которые *под руководством Америки* могли бы помочь в создании транс-евразийской системы безопасности»[1]. О какой враждебной США коалиции и какой державе, способной бросить вызов, идет речь, полагаю, читателю понятно: Россия и Китай в первую очередь. Но вот что вещает тот же Бжезинский 14 октября 2011 г. в Нормандии на вручении ему премии А. Токвиля: «Нынешние Соединенные Штаты и весь Западный мир совсем не те, что были раньше… Западный мир в настоящее время находится в упадке из-за отсутствия воли к единству»[2]. Ну, насчет воли к единству, как главной причины упадка Запада, можно поспорить, а вот упадок США и Запада — это свершившийся факт. Но устами Бжезинского говорит проектная геополитика Запада — не констатация упадка, но обновленный геополитический проект американской и европейской элит, прежде всего финансовых. Но и Запад это уже не единое целое, это две разные цивилизационные сущности, находящиеся в состоянии геополитического противоборства. А куда движется становление Латиноамериканской цивилизации? Отнюдь не к союзу с США. В южной части американского континента сегодня наращивает свое присутствие Китай. Не уходит, возвращается в регион Россия. Африка также сильно обеспокоила Вашингтон активностью М. Каддафи, пытавшегося консолидировать Африканский союз (АС) и потеснить американский доллар введением золотого динара в расчете за природные ресурсы. Через АС мощно входит на континент Китай. Но что остается неизменным в геополитике США, это внимание к евразийскому континенту, к России, прежде всего, ранее для мирового господства, сейчас для выживания Америки и сохранения ею статуса доминирующей мировой державы. Бжезинский в своих последних высказываниях выдает великую геополитическую тайну: спасение Запада (как это было не раз в истории) невозможно без участия России. И вторая тайна Збигнева: мир стремится к биполярности по оси Запад–Восток (характерна его фраза: мощь Востока постоянно растет на фоне упадка Запада). И Россия нужна Западу для противостояния Востоку. Да и премьер Великобритании Дэвид Кэмерон не случайно заговорил об идее единой Европы-государства от Атлантики до Урала. Можно полагать, что заявление В. Путина о необходимости создания Евразийского союза еще больше насторожило Вашингтон. И конечно, Восток и Запад волнует вопрос: с кем из них будет Россия. Пока у нынешнего российского режима, особенно у крупного бизнеса и федеральной исполнительной власти,

[1] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2002. С. 235.

[2] «Военное обозрение», http://topwar.ru.

основные интересы видятся на Западе. Но каковы перспективы западной ориентации российской политики? Мое убеждение — перспективы далеко не лучшие.

Во-первых, Запад далеко не монолитен, как в годы «холодной» войны. Прочитываются три остро конкурирующих между собой силы: государство США в союзе с Великобританией, Канадой и Мексикой; союз западноевропейских государств во главе с Германией (условно ЕС); финансово-родовое сообщество. Доминирует пока подконтрольная финансовым домам Америка. Однако уже отмечается (пока не явно) ослабление британско-американского родства и сближение Лондона с еврейским капиталом и государством Израиль. Причем все три «союзника» имеют глобальные планы: Британия не оставляет мечты вернуть доминирующее положение в мире путем создания теневой глобальной империи; Ротшильды уже оказывают доминирующее влияние на мировую экономику и политику, в Тель-Авиве не утрачена, а, наоборот, укрепляется вера в «вечное царство Израилево». К тому же, Ротшильды активно работают в Китае, продвигая связку «фунт — юань» вместо доллара.

Во-вторых, западное сообщество серьезно замедляется в развитии. И не только в экономике, но и в сферах культуры, нравственности, науки, образования и т. д. Совершенно иное происходит на Востоке. Поэтому пытаться «встроиться» в сообщество с неясной перспективой, по крайней мере, неразумно.

В-третьих, классики от геополитики, да и сама история, утверждают, что встраивание в чуждую цивилизацию, тем более на условиях равноправия, невозможно, возможно только полное поглощение слабой цивилизации более сильной. Причем с обязательной сменой идентичности поглощенной.

Итак, обобщим выводы по геополитической ситуации в современном мире:

— первое десятилетие нового века стало десятилетием неоправданных надежд великих держав и американской опеки, которая не вышла на первые роли;

— Китай бросил вызов США, теряющим контроль над мировыми процессами, а элита США говорит о выживании их общества;

— Россия нужна Западу для противостояния Востоку;

— при общем ослаблении государств на авансцену выходит глобальный финансовый олигархат для создания единого планетарного пространства денег с подконтрольным мировым правительством;

— национальные государства устойчиво теряют контроль над своим пространством, финансовая олигархия, опираясь на закрытые клубы, обретает власть на Западе и распространяет ее на Восток;

— возрождаются цивилизации Востока, а народы Запада начинают борьбу против финансового капитала;

— транснациональное сообщество с помощью денег и сетевого управления диктует волю государствам и мировым цивилизациям, «фининтерн» более двухсот лет влияет на формирование исторических процессов, имея сегодня под своим контролем более 70 % денежных ресурсов мира, более 80 % ведущих СМИ, а также теневые вооруженные и специальные силы, глобальную наркомафию, НАТО, ОБСЕ, ПАСЕ и т. п.;

— финансовый олигархат имеет стратегию рассеянного миропорядка, опираясь на деньги ФРС, группы Ротшильдов, Рокфеллеров, Ватикана,

осуществляет финансовую колонизацию человечества, прикрывая ее риторикой о демократии и т. п., подчиняя все сферы бытия интегральному движению капитала и критерию прибыли.

На глобальной карте мира сегодня проявляются три ведущих геополитических центра: Северная Америка, Европа и Китай. Каждый из этих центров сформировал собственную финансово-экономическую систему, имеет и расширяет зоны доминирующего влияния, опирается на мощные вооруженные силы, способные действовать в любой точке мира, в мировом океане, в космосе. Между вышеуказанными центрами силы ведется непримиримая борьба за контроль над ключевыми районами мира, стратегическими коммуникациями и глобальными ресурсами.

«Холодная война» усилиями США и мирового финансового капитала трансформировалась в войну нового типа — геополитическую, цель которой разрушить национально-государственную систему мира и установить новый миропорядок. Содержанием новой войны являются операции:

— информационно-психологические, для деформации сознания и национально-культурной идентичности населения;

— финансово-экономические, с целью подрыва экономики, организации финансово-экономических кризисов и установления контроля над экономикой и политикой страны-объекта;

— провоцирующие тупиковый путь развития и деградацию;

— демократические, с целью смены режимов, продвижения в институты власти и формирование класса корыстных, малоспособных людей и создания сетевой агентуры;

— военно-стратегические и специальные, завершающие разрушение страны и установление полного контроля.

Характерными чертами этих операций является то, что они могут проводиться с задействованием третьих стран и международных организаций, на территориях других стран, под благовидными лозунгами, от имени международного сообщества и внутренней оппозиции, под гуманитарным прикрытием. Главным объектом атаки, как правило, служат властвующие элиты государств, успешная замена которых на собственную агентуру мирными средствами может не привлекать военные средства.

Состояние постсоветского культурно-цивилизационного пространства показывает, во что мы превращаемся, избрав западный вектор «развития», обретая западные «ценности». Достаточно посмотреть сводки российских новостей и проследить действия властных институтов в сравнении с периодом Российской империи и СССР. Все постсоветское сообщество становится полной противоположностью выработанной веками культурно-исторической традиции. Тем более что Запад (Европа и Америка), начиная со второй половины XIX столетия, устойчиво рассматривают Россию в качестве враждебного государства или как объект контроля, расчленения, уничтожения. Иное случилось лишь на короткий срок в годы Великой Отечественной войны. И по сей день сущность геополитики Запада в отношении России не изменилась ни на гран. Меняется стратегия и тактика, но цели прежние. Что периодически являют нам кандидаты в президенты США, киссинджеры, бжезинские и пр. и что преподносит каждодневная реальная политика Вашингтона. Так что прозападный (проамериканский или проевропейский) вектор «развития» для Евразии губителен. Мы все перестанем быть самими

собой и превратимся в подобие клонов чуждых ценностей. А это всего лишь этнографический материал для других «культурно-исторических типов» по Н. Я. Данилевскому, навоз и удобрение по О. Шпенглеру. К тому же, и США и Европа теряют культурно-цивилизационные признаки, этнические, религиозные и национально-государственные факторы заменяются экономической и политической географией рационализма, универсальными стандартами жизни.

Анализируя события XX и начавшегося XXI в., не могу отринуть мысль А. Е. Вандама: «Плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом». В начале XIX в. Император Александр I разорвал союзнические отношения с Наполеоном и «задружил» с Англией. Получили тяжелую войну с Францией. Разорвал Император Николай II секретные Бьернские соглашения с Германией (1905 г., Союзный договор) и заключил в 1907 г. «сердечное соглашение» с Англией и Францией, известное как Антанта. Получили мировую войну и кончину империи. Попытки советского руководства договориться с англичанами и французами с целью предотвратить вторую мировую закончились ее провоцированием. Коалиция с США и Британией во Второй мировой войне сразу после войны переросла в новую, теперь уже глобальную конфронтацию. Намерение Горбачева и Ельцина «встроиться в западное цивилизованное сообщество» закончилось развалом государства-цивилизации и утратой суверенитета России. К тому же, вновь получили санкции, «петлю Анаконды», потерю Украины, угрозу большой войны. **Таковы закономерности геополитики стран моря. Они живут добычей, расширяют пространство добычи, стремятся весь мир сделать объектом своей добычи. Геополитическая теория, стратегия и доктрины посвящены именно этой цели. Главный же объект их устремлений — Евразия[1]. Любые союзы и коалиции, дружба с англосаксами для России всегда опасны.**

Геополитический анализ тенденций мирового развития позволяет сделать следующие выводы: мир находится в транзитном состоянии, но в ближайшие десятилетия вероятен новый технологический прорыв (в соответствии с законом перехода количества в качество), который прежняя мировая финансовая система и глобальная экономическая структура обеспечить не смогут. Значит, следует ожидать зарождение в жестоких схватках новой мировой финансовой системы. Предыдущие закреплялись (ФРС) или рождались (Бреттон-Вуд) в ходе Первой и Второй мировых войн. Важнейшей целью «холодной войны» был подрыв финансовой системы СССР и МСС, социально-экономический кризис, разрушение системы-конкурента.

Начало XXI в демонстрирует нарастание противостояния по прежним геополитическим осям: запад — восток, север — юг, но в новом качестве и в более крупных масштабах.

Евразийский проект России как начало новой модели мира XXI века

Еще в середине XIX в. выдающийся русский исследователь В. И. Ламанский утверждал, что есть собственно Европа, есть собственно Азия, есть

[1] *Бжезинский З.* Евразия — главный приз за победу в «холодной войне».

Срединный мир — Россия, впоследствии получившая продолжение в Евразии. XIX в. родил в русской элите идеи панславянского единения. В начале века XX возникло мощное научное течение евразийцев (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев). Однако на пространстве СНГ мы имеем две «недостроенных» цивилизационных сущности: одну в виде рухнувшей в 1917 г. Российской империи, другую в образе СССР. Состоявшиеся этнокультурные цивилизации (культурно-исторический тип по Данилевскому) так легко не разрушаются. Поэтому необходим серьезный анализ предыдущих конструкций, прежде чем приступать к формированию новой цивилизационной модели, в том числе Евразийского союза. По мнению автора, неудачи цивилизационных проектов и в первом и во втором случае связаны с отходом от ряда принципиально важных ценностных парадигм русско-евразийской традиции, веками складывающихся на пространстве Евразии. Другой причиной, возможно, являются попытки ввести, причем иногда принудительно, в традиционный евразийский ареал народы других культурно-исторических типов или «пограничные» типы (лимитрофы), создавая тем самым внутренние духовно-культурные противоречия. Кстати заметить, — успех в развитии стран и цивилизаций Востока базируется на том, что они сохранили свои базовые ценности и культуру, умело наложив на них современные технологии. Все народы, не сохранившие (или не имевшие) глубинных своих корней, растворились в истории или в других цивилизациях.

Нынешняя ситуация на евразийском пространстве очень непростая: все страны СНГ стремятся быть похожими на Запад, не удосуживаясь разобраться в сущности и перспективах западной цивилизации. Ведь в основе благополучия Запада лежит явная и скрытая, но нещадная эксплуатация других народов (добыча), ранее колонизация, державшаяся на штыках, а сейчас неоколонизация, опирающаяся на доллар и финансовую «поддержку», а когда это не срабатывает — в действие вступает НАТО.

Евразийское пространство сегодня раздирается более мощными игроками — цивилизациями и транснациональными структурами. Причем любые экономические проекты, как правило, сопровождаются не только политическими требованиями, но прежде (зачастую малозаметно) размыванием национальных и продвижением чуждых ценностных ориентиров. То есть вместе с экономикой, военным и политическим сотрудничеством идет переидентификация народов. Проще, подгонка под свои интересы. При всей видимой глобальной борьбе за ресурсы и территории главная сфера противостояния — духовно-цивилизационная. Подавив или размыв духовный стержень народа, сам народ легко можно купить, колонизировать, уничтожить. Или организовать «цветную» революцию. Что и являет мировой опыт. Шансов сохраниться, а тем более остаться независимым, практически нет ни у одного из постсоветских государств, включая Россию. Отдельные государства перестают быть мировыми и региональными игроками, они становятся объектами геополитических войн, а властвующие элиты прислугой победителей, сколько миллиардов бы не имели в своих карманах.

Евразия сегодня — главный приз глобальному победителю или нескольким глобальным игрокам, если сумеют договориться между собой. Главный объект Евразии — Россия, пока еще похожая на субъект мировой игры. С геополитической позиции она центр не только Евразии, но и мира. Шесть

из восьми мировых цивилизаций соприкасаются с ее пространством. Такой привилегии нет ни у одной мировой цивилизации. Есть длительный исторический опыт мирного объединения в рамках общего цивилизационного проекта и единого государства двух сотен народов, наций и народностей (уступает лишь Индии). Пока существует на пространстве СНГ единая шкала ценностей и традиций, в памяти общая борьба против внешних врагов и великие победы, жива культурная близость, не забыт русский язык. Не вытравлен из памяти опыт социалистического эксперимента, обрели опыт капитализма в худшем его виде. Плюс ко всему, евразийское пространство не ограничено ни природными ресурсами, ни землями, пригодными для проживания и развития.

Если говорить о масштабах ресурсов, то они не только не убывают, но и могут радикально увеличиться. Речь идет об арктической зоне, где на роль главного собственника ресурсов (углеводородных, биологических, коммуникационных) претендует Россия. Но тут же встает вопрос: а способна ли Россия, с ее динамично убывающим населением, проглотить этот «кусок мирового пирога»? Конечно, нет, придется делиться. Но с кем? В Кремле этот вопрос, похоже, решается в пользу Запада. И в качестве ведущего западного партнера высвечивается крупнейший представитель англосаксонского капитала «Эксон мобилл». Верно ли такое решение с геополитической точки зрения? Полагаю, что это ошибочный и опасный шаг, ибо в критический для России момент они нас обязательно «кинут». Арктикой, точнее ее ресурсами и коммуникационными возможностями, активно интересуется Китай, присматривается к ним Индия. К тому же, Китай серьезно обеспокоен перспективой импорта углеводородов из Ирана и стран Ближнего Востока. США здесь мощно играют против КНР и ЕС. Плюс держат под прицелом Малакский пролив, чтобы в критический момент остановить движение углеводородов в китайскую экономику. Тем самым заставить Пекин устремить свой взор на российские пустеющие просторы и сырьевые ресурсы. И мы получаем результирующую ряда серьезных угроз: США, Европа и Канада готовы отнять у России (не признать ее претензии) арктические (затем и каспийские) ресурсы, Китай — сибирские и центрально-азиатские. Устраивает ли подобное развитие событий Россию и СНГ? Полагаю, что нет. Но есть ли выход из этого геополитического тупика?

Конечно есть, нужно только обратиться к геополитическому разуму, да и к разуму вообще. Действительный член Академии геополитических проблем, доктор технических наук И. Н. Острецов пишет: «Интеллект, наделенный свойствами разума, способен создать построения, вероятность возникновения которых в рамках чисто стохастического процесса практически равна нулю… Только разум, раз возникнув, не может погибнуть в силу того, что он способен совершенствовать формы своего существования… Таким образом, абсолютно необходимым условием развития является увеличение интеллектуальной части человечества»[1]. Для самой России — это будет проект восстановления цивилизационной сущности и преображения, основанный не на голом прагматизме, а на разумных началах и геополитическом потенциале Отечества. В противном случае мы, Россия, станем

[1] *Острецов И.* Введение в философию ненасильственного развития. М., 2009. С. 57, 61.

третьеразрядной азиатской страной (по Бжезинскому), или вообще уйдем из исторического процесса. О наших партнерах по СНГ и говорить не стоит: их историческая участь также печальна.

С данной целью для РФ является необходимым принятие следующих мер:

— четко осознать власти и обществу, что кризисные явления в России носят фундаментальный системный характер и, если не изменить сущность нынешнего курса, страна погибнет;

— немедленно отказаться от практики перманентных локальных реформ, не объединенных общими целью, замыслом и планом;

— прекратить образовательный, кадровый, технологический и управленческий терроризм в собственной стране;

— сконцентрировать научную мысль и интеллект народа на разработке модели (образа) будущей России, каждой из жизненно-важных сфер, стратегии развития Государства Российского.

Сегодня проект **Евразийского союза** весьма актуален, может иметь перспективу. **Под Евразийским союзом предполагается «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной "связки" между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»**[1]. Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами — такими как ЕС, США, Китай, АТЭС — обеспечивать устойчивость глобального развития. Конечно, потеря Украины геополитически тяжелая, но она была почти неизбежной по ряду объективных и большей частью субъективных причин. Она, Украина, не евразийская, а скорее европейская по ощущению собственных граждан, страна. И ей необходимо было найти промежуточную модель развития и нейтральный внешнеполитический статус, например, быть мостом дружбы и сотрудничества между Россией и Европой.

Однако, выстраивая Союз, необходимо сосредоточиваться не только на экономике. Экономическим успехам китайцев, индусов, бразильцев, а ранее японцев предшествовало возвращение этих народов к национальным ценностям, соединение культурно-исторической традиции с результатами прогресса в области технологий. Главной заслугой Дэн Сяопина стал возврат китайцев к конфуцианству, к «Книге перемен», к истокам китайской цивилизации. В качестве национальной (геополитической) идеи китайцев всего мира вновь выступает символ Поднебесной. Успехи китайцев проявляются не только в экономике, но прежде всего в образовании, культуре, науке, социальной сфере. Это результат развития личности, устремления в будущее. Так что в проекте Евразийского союза экономика должна выступать средством комплексного развития человека и общества, а не самоцелью. Либеральная экономическая модель, западные ценности жизни противоречат ценностям русской (советской) цивилизации, соки которой впитали в себя

[1] *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии // Известия. 3 октября 2011 г.

все коренные народы России и СССР. Об этом писали еще в XIX — начале XX вв. выдающиеся русские мыслители.

Однако потенциал союза, даже если в него вступит большинство членов СНГ, будет недостаточным, чтобы конкурировать успешно с Китаем, Европой, США и с транснациональным финансовым монстром. Необходимо создавать начала нового мира, объединять всех несогласных с новым миропорядком. Контуры такого объединения прочитываются в таких международных организациях, как ШОС, БРИКС, АСЕАН и других.

Евразийский союз должен выступать совместно с Россией как единое целое. Плюс к этому, приступить к формированию самостоятельного геополитического центра (для начала — экономического пространства). В его рамках могут и должны формироваться общая (или сближенная) внешнеполитическая позиция, практика совместного отстаивания экономических интересов, системы коллективной безопасности. В настоящее время геополитическая структура мира находится в переходном состоянии. Биполярная модель мироустройства прекратила существование и ушла в прошлое, а новый устойчивый вариант мирового порядка, который должен прийти ей на смену, находится в стадии формирования. Геополитическая конструкция современного мира представляется неустойчивым транзитным многополюсным образованием, в котором все отчетливее лидируют восточные цивилизации, прежде всего Китай и Индия.

Поэтому Евразийский союз, предложенный президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым в 1994 г. и пролонгированный В. В. Путиным в 2011 г., должен стать проектом не прагматиков от бизнеса и власти, но продуктом разума и интеллекта всего евразийского пространства. На наш взгляд, контуры его могли бы выглядеть следующим образом.

Россия запускает четыре параллельных процесса. Первый — проект собственного возрождения и развития, основанный на восстановлении традиционных духовно-нравственных ценностей, применении перспективных моделей национально-государственного (державного) строительства, прорывных технологий будущего, овладении новыми знаниями.

На пространстве СНГ в рамках единого проекта запускаются процессы в экономике (ЕврАзЭС), формирующие вертикально интегрированные транснациональные структуры в ведущих отраслях производства, единое производственное и таможенное пространство. Одновременно восстанавливаются общие пространства культуры, науки, образования, инноваций, спорта. На основе ОДКБ развивается единое пространство обороны и безопасности. Базовым основанием этого проекта является восстановление традиционной для наших народов «цивилизации ценностей» в противовес западной «цивилизации интересов, выгоды, прибылей».

Параллельно с процессами внутри постсоветского пространства инициируется развитие ШОС с оформлением в ней участия Индии, Ирана, Пакистана, Афганистана, Монголии и преобразованием в полноценный Евро-Азиатский союз. Очередное заседание Совета глав государств ШОС в Душанбе в сентябре 2014 г. подтвердило движение в этом направлении. По сути дела, идет формирование союза континентальных цивилизаций и стран с отличными от Запада моделями: экономики (вертикально интегрированные крупные производства, внутренний рынок, собственная финансово-расчетная система, преференции инновационным производствам и исследованиям

и т. д.); духовно-нравственных ценностей (смысл жизни, философия развития человека и общества, нравственные приоритеты в информационном пространстве, гуманистические гармоничные отношения между народами); системы безопасности (построенной на принципе баланса сил, защите национальных общесоюзных интересов). Прочитывается и система коллективной безопасности будущего Евро-Азиатского союза, как альтернатива НАТО.

В рамках развитой ШОС российская сторона (совместно со странами СНГ) предлагает Китаю, Индии, другим заинтересованным членам совместное освоение арктических ресурсов и Северного морского пути. А почему бы не предложить участие в Арктическом проекте Германии? Построение такой континентальной цивилизационной модели создаст определенную устойчивость миропорядка XXI столетия, позволит избежать новой мировой войны, сохранит Россию и страны СНГ как самобытную евразийскую цивилизацию.

Четвертый геополитический процесс — группа стран БРИКС, как коалиция не западных цивилизаций, альтернатива мировому господству англосаксов в союзе с транснациональным капиталом. Здесь уже (саммит глав государств БРИКС в Бразилии в 2014 г.) четко обозначились следующие альтернативы:

— формирование геополитической альтернативы западному проекту однополярного мироустройства (мирового господства);

— замена Мировому банку и ФРС в виде Всемирного Банка развития БРИКС;

— альтернатива МВФ в лице резервного Фонда БРИКС;

— сужение зоны доллара, проявленное в решении переводить взаиморасчеты в торговле между странами БРИКС в национальные валюты, что непременно вызовет появление эквивалента, объединяющего национальные валюты.

При этом заметим, что БРИКС — это совсем не закрытая структура, а имеющая серьезные перспективы для расширения. В 2013 г. в Дурбане (ЮАР) лидеры стран БРИКС встретились с главами африканских государств под лозунгом: «партнерство в целях развития, интеграции и индустриализации». В 2014 г. в Бразилии страны БРИКС организовали встречу с лидерами Южной Америки с теми же целями. В 2015 г. на саммите БРИКС в России — обсуждены мировые проблемы с членами Шанхайской организации сотрудничества. В этом же русле в сентябре 2014 г. произошло еще одно знаменательное событие — состоялась встреча глав прикаспийских государств, на которой были не только обсуждены экономические проблемы Каспия и приняты соответствующие решения, но и состоялось геополитическое решение о закрытии этого региона для военного присутствия стран, не входящих в зону каспийского бассейна. Так что мир меняется, причем в более стабильную и безопасную сторону. В том числе для России. Но и самой матушке необходимо определяться в своей геополитической стратегии.

Нужна новая геополитическая доктрина России, в которой должен быть дан объективный анализ современной геополитической ситуации, основанный на состоянии и перспективах культурно-цивилизационных процессов. Мы попытаемся предложить вариант такового.

Итак. Развитие человечества определяется тремя основными геополитическими силами — транснациональным сообществом, Западной цивилиза-

цией и совокупностью «традиционных духовных цивилизаций» (цивилизаций восточного типа), к числу которых, прежде всего, относятся исламская, православная, индо-буддистская и конфуцианская (китайская).

При этом Западная цивилизация и транснациональное сообщество действуют как единая система, поскольку задачи и методы их действий на данном этапе у них совпадают.

Западная цивилизация и транснациональное сообщество, вместе с сомкнувшейся частью политико-экономической элиты других народов, определив себя как «золотой миллиард», наиболее развитая часть всей человеческой Цивилизации, призванная, как им представляется, повелевать остальными народами и цивилизациями, заинтересована в создании монополярного мира, благодаря которому она может сохранить свое привилегированное положение на планете и за счет этого обеспечить сохранность существующей в ней социально-политической системы. Сегодня этот геополитический центр последовательно, с применением всех видов духовного, информационного, экономического и военного насилия пытается построить монополярный мир.

Основной его геополитической стратегией является установление и удержание контроля над океанскими и морскими театрами с прилегающими районами континентов, доминирования в воздушном и космическом пространствах, обеспечивая тем самым себе контроль над основными источниками природных ресурсов и транспортными коммуникациями и доминирование в информационной инфраструктуре планеты (в Стратегии национальной безопасности США эти объекты контроля обозначены так: ключевые районы мира, стратегические коммуникации, глобальные ресурсы).

В отношении России основной стратегией этого блока является «петля Анаконды», которая нацелена на «удушение» континентальной России за счет оттеснения ее от морских пространств с постепенным отсечением от нее окраин.

«Традиционные духовные цивилизации», в первую очередь, это исламская, православная и конфуцианская (китайская), индо-буддистская, противостоят установлению мирового господства Западной цивилизации и стремятся к созданию многополярного мира. На таких же позициях стоит большинство стран возрождающейся латиноамериканской цивилизационной матрицы. После последнего саммита стран БРИКС можно говорить о попытках организационного оформления альтернативного Западной цивилизации геополитического центра мира.

Основными сильными сторонами БРИКС пока остаются потенциальная возможность идеологического управления народом, духовно-нравственные приоритеты государственного и общественного развития, его способность к самопожертвованию, а также охват большей части территории континентов, содержащих основные запасы сырья. Основные слабые стороны — низкий уровень организации и разобщенность евразийского континентального блока стран в целом, более слабые информационные и экономические возможности, а также существенно более низкие возможности по контролю морей и океанов, воздушного, космического и информационного пространств.

В начале XXI столетия четко обозначили себя три глобальных центра силы: Северная Америка, Европа, Китай. Именно они завершают форми-

рование собственных геополитических пространств, основными элементами которых являются:

— единое экономическое пространство с числом населения не менее 400 млн человек;

— культурно-цивилизационная близость;

— вооруженные силы, способные проецировать силу на все регионы планеты, мировой океан, космос;

— финансовая система на основе собственной мировой валюты.

Эти центры уже определяют основные векторы мирового исторического процесса, противоборство между ними за глобальные ресурсы и контроль над пространством создает сплошное силовое поле планеты, вне которого не останется ни одно государство, тем более Россия. По сути дела, проявляется тенденция биполярности, где Западная цивилизация и транснациональное сообщество выступают против Китая единым центром силы. Главное расхождение между Китаем и Западом состоит в характере будущего мироустройства. Китай желает видеть мир многополюсным, но Азию — однополярной (китаецентричной). Запад стремится выстроить однополярный мир с многополюсной Азией.

Мировые центры второго уровня (Индия, Япония, Россия) конкурировать в одиночку с первыми тремя не способны. Но объединение их в рамках единого геополитического (четвертого) пространства является насущной необходимостью для сохранения своей суверенности и культурно-цивилизационной самобытности. При этом нужно учитывать и следующий момент: воевать за контроль над ресурсами и пространствами центры первого уровня будут не на своих, а на чужих территориях. Что и показывают события в Афганистане, Ираке, Ливии и т. д.

Для реализации геополитической стратегии противоборствующие стороны будут привлекать все государственные структуры и негосударственные образования, криминальные и закрытые (тайные) сообщества, СМИ и социальные сети, основную часть ресурсов общества и все возможные его средства.

Роль и место России в современной геополитической картине мира, ее объективные геополитические интересы

Россия, как геополитический субъект является основой Евразии, которая географически, ландшафтно, лингвистически, климатически, культурно и религиозно-идеологически объединяет евразийский Запад и евразийский Восток.

Именно это определяет **ее место**, как географического связующего звена геополитического евразийского блока.

Огромный интеллектуальный потенциал и географическое положение «евразийского центра», а также значительный военный потенциал (прежде всего в части ракетно-ядерного вооружения) и традиционная духовная ориентация на Православные ценности определяют **роль России**, как мирового центра силы — ядра консолидации других «традиционных цивилизаций» на пути строительства многополярного мира.

Под **геополитическими интересами России** понимаются необходимые (выгодные) для ее развития цивилизационные (глобальные) условия.

Геополитические интересы России включают:

1. Желаемый для России тип цивилизационного устройства, в соответствии с которым строится Мировое сообщество.

2. Желаемая для России геополитическая конфигурация мира.

3. Желаемые для России ее роль и место в геополитической конфигурации мира, а также степень ее влияния на направленность цивилизационных процессов.

Желаемый для России тип цивилизационного устройства определяется системой принципов, в соответствии с которыми строится Мировое сообщество.

Россия заинтересована в создании мира, базирующегося на следующих основных принципах:

1. Единства духовной основы, существо которого состоит в том, что в основе строительства всех отношений между цивилизациями и государствами лежит принцип приоритета интересов развития сообщества в целом, а не отдельных стран, когда учитываются интересы всех стран и народов без ущемления прав и возможностей развития каких-либо из них ради выгоды других, а также сохранение безопасности среды обитания.

2. Неограниченности цивилизационного развития, существо которого состоит в том, что каждая цивилизация и государство не ограничивается в направленности своего совершенствования путем «привязки» к какой-либо функции в рамках мирового разделения труда.

3. Согласованности цивилизационного развития, существо которого состоит в том, что развитие каждой из цивилизаций осуществляется так, чтобы обеспечить всестороннее развитие всего сообщества в целом. Реализация этого принципа позволит избежать неравномерности развития различных цивилизаций, обеспечит гармоничное развитие всех сфер деятельности всего сообщества и каждой из цивилизаций в нем.

4. Цивилизационной взаимоподдержки, существо которой состоит в том, что основой межцивилизационных отношений вместо конкуренции становится взаимоподдержка и взаимопомощь.

5. Цивилизационного равноправия, существо которого состоит в том, что межцивилизационная взаимоподдержка должна строиться на основе равноправного и равноценного обмена материальными и духовными ценностями, при котором исключается эксплуатация одних стран и цивилизаций другими.

6. Взаимной безопасности цивилизационного развития, существо которого состоит в том, что в своем развитии различные цивилизации и государства не допускают ущемление возможностей развития других цивилизаций (стран) сообщества и исключают создание им каких-либо угроз.

Желаемая для России геополитическая конфигурация определяется таким вариантом расстановки геополитических центров силы, их группированием по геополитическим союзам, их экономическому, духовному и военному потенциалу и уровню влияния на развитие духовной и экономической сфер жизни Цивилизации в целом, а также на состояние ее безопасности, в создании которого Россия заинтересована.

Россия заинтересована в многополюсном геополитическом мире, когда каждая из цивилизаций представлена достаточно самостоятельным и могущественным центром геополитической силы.

Россия заинтересована в сохранении государств как основных субъектов международного права, поскольку только государства могут представлять, олицетворять и защищать все аспекты народной самобытности и права народов во всем их многообразии. При этом Россия заинтересована в недопущении превращения различных транснациональных образований, вне зависимости от их могущества, в субъекты международного права, поскольку они представляют собой клановые структуры, преследующие частные интересы преимущественно в материальной сфере.

Россия заинтересована в установлении ненасильственного мира, когда применение военной и иной силы допускается только для защиты прав народов, в случаях, закрепленных в международно-правовых документах.

Россия заинтересована в формировании эффективной международно-правовой базы регулирования жизнедеятельности Человечества, а также дееспособных органов управления цивилизационным развитием в целом, способных регулировать жизнедеятельность Цивилизации в целом, прежде всего в возрождении авторитета и влияния ООН, с превращением ее в действительно основной орган реализации международного права, а не в инструмент оправдания действий тех или иных могущественных государств или коалиций.

Желаемые для России ее роль и место в геополитической конфигурации мира, а также степень ее влияния на направленность цивилизационных процессов определяется следующими положениями:

1. Россия заинтересована сохранить себя как Евразийский геополитический центр силы в духовном, экономическом, территориальном и военном отношении.

2. Россия заинтересована в формировании цивилизационного союза как противовеса Западу, с объединением вокруг России как Евразийского центра, стран и цивилизаций, являющихся ее геополитическими союзниками (цивилизации восточного типа).

Исключительность геополитического потенциала и роли России в мире самим фактом своего существования ставят под сомнение как возможность построения однополюсного мира, так и формирования системы единой наднациональной внегосударственной мировой системы власти. Россия, по сути дела, выступает в определенной степени в роли гаранта движения Человечества к созданию многополюсного или, по крайней мере, биполярного мирового порядка.

Утверждение однополюсной модели формирует **основную геополитическую угрозу России — ее распада и исчезновения с политической карты мира, не только как самобытной цивилизации, но и государства**.

Утверждение китайской модели «многополюсный мир — однополюсная Азия» оставляет России шанс сохраниться в качестве региональной (евразийской) державы.

Основным **источником геополитической угрозы** для России являются транснациональное сообщество и Западная цивилизация, прежде всего США, претендующие на мировое доминирование с устранением всех альтернативных центров силы в рамках монополярного мира.

Второе десятилетие XXI столетия становится решающим для судеб мира и России. Или же наша страна решительно пойдет на слом конструкции, навязанной ей в лихие 90-е, и вернется на свой исторически выверен-

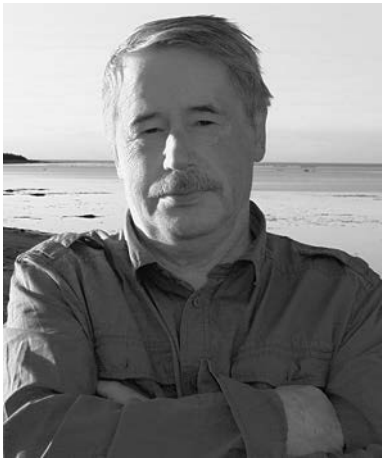
ный и предназначенный ей путь, или… У нынешней России, несмотря на унижения, заблуждения, разграбление ресурсов, духовности и интеллекта, тем не менее, сохранился геополитический потенциал, превосходящий пока потенциалы всех других государств мира. Мудро распорядиться им, организовать его на благо всего человечества — важнейшая задача современности. Только высокая цель, нравственная идея, воля и глубоко просчитанная геополитическая стратегия оставляют нам шанс сохраниться в качестве мировой цивилизации и мощной державы.

Заключение

Изложенные в этом непростом для чтения труде мысли и рассуждения, есть всего лишь попытка по-иному осмыслить исторические процессы и судьбы мира и России. Слишком податливо мы воспринимаем западоцентричные версии зарождения и развития человечества, собственной судьбы, а они во многом эгоистичны и лживы. И в XXI в. нам продолжают навязывать ложную историю, вытравливают из сознания, прежде всего, молодого поколения величие русской цивилизации, объединившей на евразийском пространстве энергию более чем двухсот этносов, собравшей воедино и сохранившей культуру, знания, традиции всех народов Евразии. Эта энергия, пространство, знания и культура, высокий разум и интеллект сформировали особый архетип человека — доброго и мужественного, гуманистического и аскетического, мессианского и влюбленного в Отечество. Этот человек нес всему человечеству божественную истину, святость и справедливость, не раз спасал его от бед и напастей, прежде всего, «цивилизованного» Запада. Сегодня, в XXI в., человечество снова ждет Россию. И русское геополитическое сообщество призвано дать ответы на современные вызовы, руководствуясь вышеизложенной триадой: геополитический анализ, геополитический прогноз, геополитическое планирование будущего. Нужна геополитическая теория современного мира, социальная теория и качественно-структурная модель человечества. Западоцентризм заканчивается, необходима альтернатива. Это нам вполне по силам.

ПРОЗА

Павел КРЕНЕВ

ОГНЕВОЙ РУБЕЖ ПУЛЕМЕТЧИКА БАТАГОВА

*Повесть**

Павел Григорьевич Кренев (Поздеев) — коренной помор, родился и провел детство на Летнем Берегу Белого моря. Окончил Ленинградское суворовское военное училище, факультет журналистики ЛГУ, аспирантуру Академии безопасности РФ. Кандидат юридических наук, член СП России. Служил в Советской армии, работал журналистом в ленинградской прессе. Долгое время состоял на государственной службе, являлся сотрудником Администрации Президента России, был Полномочным Представителем Президента России в Архангельской области, работал на руководящих должностях в российских ведомствах. **Живет в Москве.**

**Печатается в сокращении.*

Посвящается моему деду, Бадогину Егору Ермолаевичу, пулеметчику Гражданской и Великой Отечественной войн, пропавшему без вести весной 1942 года в Кестеньгской операции Карельского фронта.

Основной задачей Карельского фронта, которая обязательно должна была быть решена, являлась задача максимально отбросить противника от железной дороги и шоссе Мурманск — Вологда, по которым шла перевалка стратегических грузов из Мурманска в центр страны. Грузы эти морским путем доставлялись из Англии и США по договорам ленд-лиза и как воздух нужны были воюющему СССР. Важной частной задачей при этом было блокирование шоссе Лоухи — Кестеньга, со стороны которого противник мог нанести тяжелый удар по тылам советских войск, по железнодорожному узлу Лоухи и перерезать железную дорогу.

1

«Какая же это большая несправедливость, о тачанке красноармейской песня сложена, о винтовке сложена, о пулемете “Максим” есть песня, о сабле не одна песня имеется, о боевом коне, считай, добрая сотня песен поется, а где, товарищи дорогие, песня о вернейшем друге солдата — о боевой солдатской саперной лопате? Безобразие форменное!

В самом деле, куда в красноармейской жизни без лопаты? Любую ямку для всякой нужды поди-ко выкопай руками. Сотрешь пальцы! Убитого товарища в землю-матушку закопать надо? Как без этого! Опять же в бою врагу башку проломить необходимо? И такое бывает… Ею можно и дрова колоть и яичницу на ней жарить, когда яйца имеются…

А уж об окопе и речи нету. Окоп для пулеметчика — это первейшее дело для укрытия и пулемета, и бойца. Нет лопаты — нет и окопа. Выходит, что без лопаты все красноармейцы лежали бы на земляной поверхности, не укрывшись. А это означает, что враг легко бы истреблял их, не спрятавшихся в окопной глубине. Да, лопата — важнейший инструмент»…

Так размышлял рядовой Батагов, строя окоп для своего пулемета. Он ковырял саперной лопатой землю, потел и делал свою работу старательно, настойчиво и умело. Так работают люди опытные, хорошо понимающие толк в своем занятии.

А как копает землю его лопата! Втыкается в грунт, будто острый ножик входит в сливочное масло. Не зря он холит ее и лелеет не хуже пулемета системы «Максим», закрепленного за ним. Все время лопатка наточена, выскоблена, даже смазана ружейным маслом.

Рядовой Силантий Батагов готовил свою боевую позицию. Он выбрал ее на канабристом пригорке, еще не просохшем от талой воды. Грунт был относительно легкий с примесью влажной глины, с мелкой прореженной галькой, с нетолстыми кореньями кустов ивняка, можжевельника и лесных ягод. Окоп изготавливался споро. Силантий был старым солдатом и таких вот пулеметных окопов изготовил бессчетное количество.

За Гражданскую получил красноармеец Батагов грамоту на гербовой бумаге с печатью и боевое оружие — казачью шашку с позолоченной рукояткой от самого Семена Буденного. На лезвии у той шашки выгравирована была надпись: «Красноармейцу Батагову, храброму защитнику рабоче-крестьянской власти от командарма-один Буденного».

И раньше, и теперь Батагов делал пулеметный окоп не как положено в боевых инструкциях, а по-своему.

Сначала он вырубал лопатой углубление в грунте на ширину пулемета в виде плотно утрамбованной полки. На этой полке пулемет и устанавливался. Силантий внимательно следил за тем, чтобы с боков пулемет был едва-едва виден, чтобы только была щель для бокового обзора. Силантий предусматривал всегда еще одну хитрость. На случай особо плотного огня, артналета или бомбежки он выкапывал еще одну «полку», которая располагалась еще ниже и скрывала под землю весь пулемет. И он сам и его оружие таким образом прятались надежно на момент наиболее тяжелых обстрелов.

Вот поэтому Батагов, будучи пулеметчиком, по которому в первую очередь бьют все снайперы противника, пулеметы и минометы, а также и артиллерия, пройдя множество боев, до сих пор оставался жив. Поэтому он не жалел ни времени, ни сил на изготовление надежного окопа.

— Батагов, ты чего тут строишь, подземный бункер?

Силантия окликнул стоящий рядом младший сержант Алешка Ждан, хороший парнишка из города Онеги, командир его отделения. Он с превеликим интересом разглядывал и Батагова, и строящийся окоп, и было видно, что в самом деле сильно удивлен.

Кого другого рядовой Батагов вдругоразье послал бы подальше или вообще не стал разговаривать, но тут нельзя — все же какой-никакой командир, хоть и сопляк совсем. Он сел на земляной выступ в строящемся окопе, молча, медленно достал из галифе вышитый женой кисет, из нагрудного кармана вытащил оторванный от газеты обрывок, небрежным, но

выверенным движением скрутил цыгарку, выпятил во всю ширину край языка, облизал краешек бумаги, склеил его с цыгаркой, чиркнул спичкой, медленно поднес огонек к кончику цыгарки. Плавными потяжками раскурил. Вынул цыгарку изо рта, внимательно оглядел, как раскурилась она, как раздымилась.

И тогда сказал:

— Ты, сержант, желаешь, наверно, чтобы меня первая же пуля убила? Чтобы я, старый солдат, боевую задачу свою не выполнил?

И выпустил из груди большой клуб белого дыма.

Конечно, при другой ситуации, когда находились бы рядом другие бойцы, разве стал бы гвардии рядовой Батагов величать гвардии младшего сержанта Ждана на «ты»? Нет, конечно.

Но сейчас они были одни. А кроме того, Силантий был старше этого сержанта в два раза с хвостиком. Ему сорок один год, а тому всего-то девятнадцать с мелкой прибавкой. Но младший сержант и не кочевряжился. Он и сам понимал всю разницу. И потом наслышан был о геройском прошлом Батагова. Ему такие подвиги и не снились.

— Ты, сержант, лучше обрисуй мне как следует боевую задачу. А то ни комбат, ни ротный, ни даже наш взводный Ишутин толком ничего не объяснили. Меня с моим вторым номером выбросили здесь, на развилке, а я до сих пор не знаю, с кем буду воевать, с какими такими силами, чего и откуда мне ждать?

Младший сержант стоял под старой ольхой, раскидавшей весеннюю свою красу густо и вольготно. И на плече мальчишки лежала ветвь пушистых сережек и украшала его новенькие эмблемы. Старая ольха, как старая женщина, вспомнив свою давнюю юность, нежно прикасалась к молодой мужской красоте.

Яркие лучи весеннего солнца, отраженные от перемешанных с талым снегом луж, от свежей зелени, от облаков, били Ждану в лицо, в глаза, в веснушки. Он щурился, отворачивался, но ему необходимо было провести инструктаж с пулеметчиком Батаговым, своим подчиненным, и тогда, чтобы прекратить поток слепящего в глаза света, он напялил на лоб командирскую фуражку, и его голубые глаза выпрыгивали теперь из-под упавшего на них козырька.

— Вот, товарищ Батагов, я и послан командованием разъяснить вам складывающуюся обстановку.

«Командование — это наверняка означает командира их взвода лейтенанта Ишутина. Серьезное командование, — подумал Батагов, — стратегическое».

— Наша вторая рота шестнадцатого батальона шестьдесят восьмого полка двадцать третьей стрелковой дивизии действует по левому флангу наступательной операции вдоль дороги Лоухи — Кестеньга. В результате активных наступательных действий нашей роте удалось выдвинуться от точки начала наступления и вклиниться в расположение противника на расстояние пяти с половиной километров. Боевые порядки роты располагаются отсюда примерно в тысяче ста метрах.

Младший сержант поднял руку вверх и бросил ее в направлении вдоль дороги, туда, где залегла рота. Он стоял на земле твердо, широко расставив ноги, и держал в руках командирский планшет.

«Тебе бы полком командовать, сержант, — подумал о нем Батагов, впрочем, вполне уважительно. Пожалуй, из этого сержантика в самом деле может вырасти хороший офицер».

Конечно же, улавливал Батагов в этом докладе большой процент бахвальства. Наступательный успех и их роты, и всех идущих вперед порядков шестьдесят восьмого полка получался не из доблестного умения воевать — того-то было явно маловато, а из малопонятной инертности противостоящих полку финских частей. С незначительным сопротивлением они отходили эти самые пять с лишним километров. Но сейчас, похоже, остановили отход, ощетинились, плотно закрепились на скалистой возвышенности, пересекающей линию наступления, и встретили роту плотным огнем. Это ясно проглядывалось на карте, которую Силантий тоже внимательно рассмотрел.

— Противник, понеся большие потери, окопался по всей линии нашего наступления, укрылся на скалистой местности, — складно рапортовал младший сержант Ждан. — Конечно, мы его сломим, но временно мы остановились, нужна небольшая перегруппировка сил.

Батагов и сам давно уже понял, что никакого наступления больше нет. Там, куда ушли его однополчане, стояла относительная тишина, лишь изредка прерываемая винтовочными хлопками да короткими автоматными очередями.

— Ладно, — сказал Батагов, — чего ради ты ко мне-то прибежал, сержант? Война-то там, у вас, а у меня, как видишь, тихо все.

— Ваш пулеметный расчет занимает особо важную, стратегическую позицию. С этой грунтовки в наш тыл может прорваться и живая вражеская сила, и даже бронетехника противника…

— Послушай, Ждан, — вспылил пулеметчик Батагов, — я и сам давно все это понял. Но, уж если вы там такие великие стратеги, скажи тогда, как же вы меня, своего бойца, оставили одного со вторым номером — молокососом и с пулеметиком воевать против танков? Где пушки, где противотанковые ружья и гранаты, где подкрепление? А если финны и в самом деле сюда пойдут? Ты прибежишь спасать меня, сержант?

Ждан захлопнул планшет, просунул в металлическую дужку кожаный хлястик и снял с плеча солдатский вещевой мешок.

— Ну ладно, ладно, Силантий Егорович, — сказал он примирительным тоном, — не надо считать себя брошенным бойцом. Командование о вас заботится и помнит о вас.

Он поставил увесистый «сидор» между ног, опрастал лямки, засунул руку в чрево мешка и достал одну за другой две тяжелые противотанковые гранаты.

— Это оружие надежно защитит ваш пулеметный расчет от возможного нападения броневой техники противника, — сказал он назидательным тоном и положил гранаты на край строящегося окопа. Помолчал, потом добавил:

— Извините, но у нас у самих в целой роте только одна пушка сорок пятого калибра и совсем немного гранат. И мы тоже ждем танковой атаки противника.

Потом младший сержант поправил фуражку, улыбнулся:

— Где наша не пропадала! Продержимся!

И ушел быстрым шагом в расположение роты.

2

Когда началась война, колхозник Силантий Егорович Батагов прочно «сидел на броне». Он был главным бухгалтером колхоза «Промышленник». Это означало, что, разразись самая лютая война даже на подступах к их деревне, его все равно не призвали бы в армию. Потому как колхозное хозяйство — основа основ экономического могущества всей страны. И куда колхоз без надлежащего учета и контроля, без бережного обращения с трудно добываемой всем гуртом денежкой, без добротной бухгалтерии.

Батагов на курсы счетоводов напросился сам. Потом никогда об этом не пожалел. После курсов, будучи колхозным счетоводом, ни разу не подвел ни председателя, ни колхоз. Дрался за каждую колхозную копейку, как за свою собственную. Спасал руководство от всяких авантюрных предложений, сыпавшихся справа и слева, доказывал на собраниях, что будет выгодно, а что нет. Колхозники и председатель были спокойны за свой бюджет и всячески, на всех уровнях нахваливали своего счетовода. Ругали лишь за один недостаток: слишком крут, суров и беспощаден был Батагов ко всякого рода стяжателям, хапугам и авантюристам. В запале мог и в рожу дать прямо на колхозном собрании. За это его и погнали в свое время из колхозных бригадиров и с заведующего конюшней.

Главным бухгалтером он стал скоро, через год работы простым счетоводом. И надо сказать, это была его должность, заслуженная, почетная и справедливая.

Все сломалось, когда началась война. Потоком пошли на фронт из деревни молодые ребята, а затем и взрослые мужики. Пришли первые «похоронки», стал переливаться со двора во двор бабий вой по погибшим мужьям, по сыновьям.

Силантия повестки обходили. Но с каждым днем зрела, росла в нем злость на самого себя: почему он не на войне? Почему он, здоровый и умелый старый солдат отсиживается за спинами колхозных женок да пацанов в тихой деревне, а земляки и одногодки гибнут на войне! По ночам все чаще приходили к нему картины лихих налетов на врага, снился верный и надежный пулемет «Максим», который не подвел его ни разу в отчаянные минуты смертельных стычек, ставший родным, знакомый до винтика. Снились ему кровавые, но славные сабельные бои, лица однополчан, живых и убитых…

И Батагов стал проситься на фронт. Одно за другим послал в Приморский военкомат четыре письма с просьбой отправить его в действующую армию. Писал, что имеет боевой опыт и награды. Узнал потом, что военкомат запрашивал в отношении его мнение председателя их колхоза, но тот возражал категорически.

Потом все вышло само собой.

В какой-то поздний вечер возвращался он домой с работы и у самого дома повстречал соседа Веньку Барму. Тот был крепко выпивши, а потому вел себя нахально и язык у него был развязан.

— Ты, пулеметчик, чего по врагу не строчишь? — спросил у него Венька.

— Я вижу, ты тоже не в окопе сидишь, а ходишь по деревне с пьяной рожей.

— Дак я-то, Сила, народу нашему пользу несу, зверя добываю, мясо да сало, а ты посиживаешь в конторе на стульчике, задницу трешь. А народ наш на фронте погибает. Не стыднова тебе, а, Сила?

И Силантий не удержался. Дал соседу в морду. А потом еще дал и еще… Когда поднимался на крылечко, слышал за спиной кровавые всхлипы Вени Бармы:

— Посчитаюсь я с тобой, Сила, посчитаюсь. Попомнишь ты у меня…

Барма свое обещание выполнил и написал куда надо письмо, где изложил, как главный бухгалтер колхоза «Промысловик» Силантий Батагов, пользуясь служебным положением, таскает мешки с зерном из колхозного склада и путем хитрых махинаций уводит деньги из колхозной кассы.

И Батагова увезли в район, и уполномоченный госбезопасности прямо его спросил:

— Почему ты так себя ведешь, контра недобитая? Почему ты воруешь народное добро?

Силантий к такому обращению не привык, и поначалу он, деревенский мужик, сидел с открытым ртом и таращил глаза на уполномоченного.

— Даже не знаю, чего тут и сказать, — выдавил он оторопело.

— А тебе, сука, и говорить ничего не надо. Все нам о тебе, гнида вражеская, известно.

— А чего известно-то? — пролепетал вконец растерянный Батагов. Люди часто теряются в таких ситуациях. И он растерялся тоже. Кроме того, он всегда уважал и даже любил органы государственной безопасности. Считал их совестью революции.

— Вот! — уполномоченный рывком выдернул ящик стола, вытащил из него измятый листок бумаги и швырнул его на стол. — Данные получены из надежного источника. Мы проверили, все подтвердилось.

— Чего подтвердилось-то? Вы хоть прочитайте мне.

— Нету у меня времени, чтобы читать о твоей мерзкой диверсионной работе. Одно скажу: источнику мы полностью доверяем. Проверенный источник.

«Получается, что Венька Барма у них надежный человек! — обреченно размышлял Батагов. — Как же они тогда работают, коли верят таким гадам — стукачам, как этот трепло Венька?»

На столе зазвонил телефон. Уполномоченный схватил трубку.

— Да, понял. Иду, сейчас буду.

Он вскочил, собрал бумажки в папку, закрыл на ключ сейф.

— Ладно, контра, посиди тут, вызывают меня. А мы подумаем, что с тобой делать дальше.

Он вышел и отсутствовал минут десять. Все это время в кабинете, около двери, на стуле сидел часовой с винтовкой.

Силантий притулился около стола, скрючился. Он сидел опустошенный и равнодушный. Ему было жалко, что нет рядом его пулемета.

Уполномоченный вбежал в кабинет и плюхнулся на стул. Он сидел какое-то время молча, опустив плечи.

— Ты это… кха, кха. Оказывается, вы, Батагов, народный герой у нас. Интересно узнать такое, неожиданно…

Он стряхнул с плеч досаду, выпрямился, открыл принесенную папку и достал из ее недр маленькую бумажку.

— Это повестка в военкомат. Через два дня явитесь. Искупите, так сказать, свою вину в боях с врагом.

Не поднимая глаз, он желчно, тихо пробурчал:

— Повезло тебе, счетовод. Буденный тебя знал… А то гнил бы у нас, пока бы не сгнил.

Так в феврале 1942 года колхозный бухгалтер Силантий Егорович Батагов оказался на Карельском фронте и начал боевую службу в качестве пулеметчика в составе 23 гвардейской стрелковой дивизии.

3

Второй номер пулеметного расчета Николай Борисов явился, когда день перевалился на другой бок, а потом потихоньку, мелкими шажками начал шагать к западу. Батагов любил Кольку Борисова, этого трепача и шалапута. Любил за легкий характер, за незлобивость, за желание и умение выполнить любую работу в любой обстановке, за честность и храбрость. Не зря он выпросил его к себе в расчет у взводного командира Ишутина.

— Краса ненаглядна, — сказал ему Батагов, — из каких же таких далеких краев занесло тебя сюды, солдатик?

С совершенно невинной физиономией Борисов доложил своему командиру пулеметного расчета, что «боевое задание выполнено, разведка произведена, оружие и продовольствие доставлено».

— И чего ты там набрал, Коля? — Батагов крепко хотелось поднабить чем-нибудь пустой желудок, и кадык его ходил ходуном. Говорил он с напарником ласково, по-отечески.

— А вот.

И второй пулеметный номер стал доставать добытое в неравной схватке со старшиной роты богатство.

Он извлек из бездонного «сидора» две банки тушенки, буханку хлеба, пачку махорки, две головки сахару, и поставил все это богатство на край бруствера. Батагов, про себя, конечно, одобрил расторопность помощника, но, как и подобает опытному бойцу, кисло хмыкнул:

— И что, это все?

— Это, командир, не все, — сказал Борисов, закатив загадочно глаза. Опять он полез в свой вещмешок и вытащил из глубины его пулеметную коробку, до отказа набитую лентой с патронами. И две тяжелые противотанковые гранаты.

— Вот это дело, — одобрительно закивал Батагов, — а то и патронов у нас мало, и гранаток этих не хватало. Молодец, Колька, не зря в роту смотался.

— А теперь, командир, следующим номером нашего цирка показываем фокус-мокус. Видал ты такие ли, не знаю, но вот гляди.

И Николай Борисов еще раз, уже последний, засунул граблистую свою пролетарскую ладонь в жерло бездонного «сидора», весело вытаращил глаза, крикнул «Алле-оп!», как кричат во всех цирках фокусники и клоуны, и вытащил на свет Божий солдатскую флягу. Держа ее на вытянутой руке, он потряс ее в воздухе. Во фляге что-то явно булькало. В ней содержалась какая-то влага. При этом, исходя из игривого настроения Кольки Борисова, это была, скорее всего, не вода, а что-то более существенное.

— Неужели водочка? — спросил командир пулеметного расчета Батагов.

— Она самая и есть, — радостно ответил ему второй номер этого же расчета Борисов, бывший петрозаводский рабочий.

— Ну, тогда накрывай на стол, Колька. Это дело надо отметить!

Потом они, два бойца Красной армии, сидели на окопном бруствере и смаковали принесенную водочку. Рюмок у них не было: боевой устав не предусматривает такой посуды для рядовых бойцов. Но бывалый служивый человек Батагов вырезал из березовой коры две полоски, ловко конусообразно их загнул, хитро скрепил концы — и вот вам очередной фокус — две полноценные рюмочки, вполне пригодные для полевого застолья.

Рюмочки эти сразу же пошли в дело. Вот пошла первая, а за ней и вторая…

Над их головами в ветвях деревьев звонко и знобко посвистывал прохладный ветерок карельского мая, забивал ноздри мягким ароматом вылупившейся на березах и рябинах клейкой зелени. В лесу, в сырых низинах, в затемненных густым ельником местах лежало еще много снега, поэтому со всех сторон на их поляну дышала лесная прохлада. И медленно-медленно на землю откуда-то из самой дальней небесной выси опускался прозрачный вечер конца северной весны. Пронзительно тонко тенькали и посвистывали лесные вечерние птахи, перебивали своими песнями журчание струящихся повсюду весенних ручейков.

Подуставшие от долгой казарменной жизни Батагов и Борисов то и дело отрывались от разговора, от своих чарочек, от тушенки, вертели по сторонам головами и с выпученными глазами разглядывали обрушившуюся на них весну.

Первым от этого великолепия оторвался Колька Борисов. Он повернулся вдруг к Батагову, помолчал, покачал головой и полез к нему с вопросом, крепко, видно, в нем сидевшим, тревожившим его.

— Не понимаю я, Силантий Егорович, нашего наступления, странное оно.

— Чего эт ты, Коля, засомневался в нашем наступлении? Мы идем вперед, враг отступает. Все правильно, вроде.

Николай, несмотря на свое малолетство, все же не был совсем уж салагой: он призыва весны сорок первого, то есть довоенного. Значит, кое в чем уже разбирался.

— Не понимаю я наших действий, и врага тоже не понимаю. Все не так, как должно быть.

Он поведал суть своих сомнений.

Неведомо ему было, почему их полк около пяти месяцев не вел никаких действий, фактически отсиживался на боевых позициях. А теперь вдруг всех подняли и сразу повели в наступление.

— Никакой учебы ведь не было, никакой боевой тренировки. Только плац, да «Бей прикладом, коли штыком!». А как воевать, я и не знаю. Они врага за дурачка держат, а я шибко сомневаюсь, что он дурачок. Вон как воюет, сволочь.

Батагов отвернулся от своего второго номера, от Кольки. Вот ведь как! Молокосос совсем, а сомневается точно в том же, что и он, старый боец. Силантий не был никогда командиром, наверно, плоховато разбирался в

окружавшей боевой обстановке, но по своей, по солдатской правде много чего понимал.

Их рота прошла несколько километров на левом фланге наступления, не встречая почти никакого сопротивления. Враг как будто заманивал их в свою неведомую ловушку. Было похоже на то, что наступление уперлось в какую-то крепкую силушку. Сможет ли одолеть ее рота, в которой одни необстрелянные мальцы? Чем воюет эта силушка? С каким оружием пойдет?

Чутье старого солдата подсказывало Батагову, что стоящий перед ротой враг хитер, силен, и тяжело будет совладать с ним. Что он, будто крупный, лютый пес с оскаленной кровавой пастью, лежит в кустах и ждет команду, чтобы броситься на наступавших и растерзать их всех.

И вопрос этой атаки — просто вопрос времени. Скорее всего, небольшого.

Еще одна тягомотная забота тревожила душу Силантия.

Из всех разговоров, состоявшихся у него с солдатами и офицерами, понял Батагов, что у его роты, считай, нет совсем связи ни с батальоном, ни с полком. А есть она только через посыльных да вестовых солдат. Где сейчас находится сосед справа — их батальон? Отстал он или ушел вперед? Какие от него следуют команды? Не надо быть большим командиром, чтобы понимать: когда идешь в бой, ты должен знать, как собираются воевать соседи слева, справа, спереди и сзади. А если нет связи? Это означает, что рота должна отбиваться от врага одна.

А как им с Борисовым воевать в такой непонятной обстановке, как не наделать ошибок?

В подход каких-то там резервов Батагов не верил еще с Гражданской. Он вообще никогда не верил в чужую помощь, особенно, когда это опасно для жизни того, кто помогает.

Его также сильно тревожила позиция, на которой был выставлен его пулеметный расчет.

…И наваливались, и наваливались на сердце Силантия тягостные думы, словно наплывали с севера холодные темные тучи и закрывали небо непроницаемой пеленой. И будто бы своей тяжестью отодвигали от него образ поморской деревни, реки, милой женушки, дочечек, и уносили этот образ в дальние-дальние дали, за черные туманы, куда ему, Силантию, будет невозможно когда-нибудь дойти.

— Ладно, Колька, — сказал, отринув тяжелые думы, Батагов. — Заканчиваем посиделки и на боковую. Завтра бой нам предстоит.

Они выпили по последней рюмочке, доели тушенку из банки, и Силантий приказал:

— Разобьем дежурство на две части. Ты, Коля, берешь первую половину ночи, а я после четырех утра — вторую.

И Батагов завалился спать под густую ель на свежую, постеленную толстым слоем хвою. А после четырех часов утра он сидел рядом со своим пулеметом и слушал, как токуют косачи. Он не увидел ни одного, но петухи токовали повсеместно. И их протяжные, переливистые песни заглушали все остальные звуки весеннего утра.

Силантий невольно представил себя на тетеревином току, что неподалеку от его родной деревни. Он сидит посреди большого мха в шалашке, сделанной из маленьких сосен, обложенной густыми ветками, и глядит из

нее, как вокруг бродят, растопырив и опустив крылья, распушив веерообразные хвосты, украшенные белыми перьями, черно-сизые петухи. А рядом с током сидят на маленьких сосенках нахохлившиеся тетерки и внимательно высматривают, кто из косачей токует жарче, упоительнее, восторженнее, выбирают самых красивых и сильных. После тока, уже на приподнятом над лесом солнце, они улетят со своими избранниками в темную чащу и там разделят с ними свою весеннюю любовь. Уже в начале лета их любовь даст новое потомство косачей и тетерок, которые много лет подряд будут прилетать на этот мох для новых страстных лесных танцев, и тоже будут улетать в лесную чащу для новой любви.

И так будет продолжаться вечно, пока стоит этот мир и продолжаются на белом свете жизнь и любовь. Так повелевает им всемогущая Природа.

Песня тетеревов бесконечна…

Как бы хотелось сейчас Силантию уйти от этого пулемета, из этого холодного, чужого леса и посидеть в той шалашке. Рядом с домом.

Потом к нему пришел вдруг глухарь. Странно, что Силантий не слышал его токования, ведь он был совсем близко. Может быть, оттого, что в весеннем лесу посреди просыпающегося, утреннего леса так много других звенящих звуков?

Глухарь шел к нему из чащи, высоко задрав голову в страстном токовом пении, развернув веером широченный хвост, подняв его кверху, волоча по земле тяжелые крылья.

«Тэк-тэк, тэка-тэка, кишшмя-кишшмя», — четко выговаривал глухарь и крутил и тряс своей черной головой, украшенной огромными, красными, бархатными бровями.

Батагов сидел на сухой лежинке, втянув голову в плечи, съежившись, укутавшись в шинель, боясь пошевелиться.

Глухарь, захлебываясь в своей песне, прошел совсем рядом. И выстеливший землю легкий утренний иней хрумчал, когда в него вдавливались глухариные лапы. И когти и шпоры большой птицы шаркали, прикасаясь к его серебристому покрывалу.

— Эк-ты, — подумалось Батагову, — война кругом, а этот разошелся тут. Ишь-ты. А если враг тебя, дурака, услышит, да кокнет? Хорошо тебе будет? При чем тут враг, ему и самому было неведомо. Но сейчас, на войне, ему невольно казалось, что все, способное принести вред ему самому, или людям, или вот этому глухарю, могло быть только от врага. И за это его следовало бить еще крепче.

А глухарь как будто медленно-медленно плыл над землей в утреннем мареве, уходил от него, скрывался в кустах, в сумеречном воздухе. И показалось Силантию, что не глухарь это был совсем, а привет ему от родной сторонки, от деревни Яреньги, что на Летнем берегу Белого моря, от земляков, от семьи.

От них он приходил, от них!

— Я же весточку получил от родного дома, от родимой земельки. Чухарь-то мне ее и принес! Вот ведь как…

И Батагов уткнул лицо в сырой брусничник и заплакал. Плакал он молча, чтобы не разбудить напарника. Сидел на земле на корточках и размазывал по лицу ненарочные слезы, плечи его тряслись.

Плакал он от налетевшего на него и просквозившего сердце, выстудившего душу холодного предчувствия: последний это был глухарь в его жизни! И весточка от родных была последней. Ушел глухарь от него навсегда…

И теперь сидел Силантий Батагов в чужом карельском лесу и крепко горевал.

И боялся выказать свою тревогу напарнику Кольке Борисову. Пусть он до самого конца не знает, что не выйти им живыми из этой дальней от родных домов сторонушки.

4

Стрелковая рота, в составе которой воевал Силантий Батагов, шла в наступление по самому левому флангу, вдоль шоссе. Она почти не встретила на своем пути сопротивления. Командиры объясняли это тем, что фланги и наступления и обороны в силу огромной протяженности фронта и недостаточного наличия личного состава с той и другой стороны имели большие «пустоты», охраняемые натыканными в них передвижными и стационарными укрепленными огневыми точками, ДОТами, ДЗОТами, сигнальными группами, вооруженными проводной и беспроводной связью. Вдоль такой вот «пустоты» и продвигалась рота, в которой состоял Батагов.

Но на шестом километре продвижения впереди раздались вдруг крики на финском языке и стрельба, автоматные и винтовочные выстрелы. Как раз там, куда ушла ротная разведка. Рота залегла. Потом все смолкло, лишь кричали и кричали финны.

И из леса к советским бойцам выполз полуживой, окровавленный разведчик Метелкин. Лицо и правый бок его были залиты кровью.

— Дальше хода нет, — успел доложить он командиру роты, — там, в скалах, укрепления и техника. Нашей роте туда не пройти.

— А где остальные? — спросил его ротный.

— Ребята все погибли, все трое. Сам видел, — тихо прохрипел Метелкин и, уже теряя сознание, с трудом добавил:

— Там техники у финнов много, танки, пушки… — И впал в забытье. Комроты дал команду окапываться.

И рота стала готовиться к схватке с врагом, к последнему своему бою.

Так ротный командир оказался в тяжелейшей ситуации. Было ясно, что впереди у него сильно укрепленный и технически оснащенный противник: какие-то части шестой финской дивизии и, скорее всего, подразделения немецкой дивизии СС «Север», которая располагается как раз на этой местности. Двигаться вперед он больше не может. Фланги и тыл роты абсолютно голые. Разрыв с находящимся справа батальоном 68 стрелкового полка составляет около семисот метров. Что в промежутке в настоящий момент — неясно. Там, справа и довольно изрядно сзади, идет сильный бой. Батальон продвигается вперед с боями, идет тяжело, вероятно, преодолевая упорное сопротивление противника и неся немалые потери. Батальон отстал от роты, не встретившей сопротивления.

Попытки установить связь с командиром батальона и получить хоть какие-то команды по дальнейшим действиям к успеху не привели. Радиостанция молчит, посланные двое связных пока не вернулись. Сейчас, дав

команду окапываться, комроты послал в батальон еще одного бойца — своего ординарца Пирожникова. Но тот тоже пока не пришел назад.

Ротный не знал тогда, что комбат Крюков уже погиб, погиб и его заместитель Нарицын, а батальон увяз в оборонительных боях и сам ждет команды на отход. Ротный так и не установил связь со своим батальоном, потому что батальон, не поддержанный ни авиацией, ни артиллерией, ни танками, ни подкреплением, не выдержал сильнейшего сопротивления превосходящих сил противника и погиб почти весь. К своим вышло только пятнадцать человек из двухсот пятидесяти, ушедших в наступление. Вышло только пятнадцать усталых и израненных бойцов.

А стрелковую роту на следующий день расстреляли прямой наводкой осколочными снарядами два выползших из леса тяжелых танка, да несколько орудий калибра 150 миллиметров, да подкравшиеся с флангов пулеметы, да снайперы, бьющие с окрестных деревьев.

Вторая стрелковая рота, оснащенная лишь одной 45-миллиметровой пушкой, одним ротным минометом и двумя станковыми пулеметами, ничего не могла противопоставить этому шквалу огня, кроме солдатских сердец и солдатских шинелей, слабо защищающих солдатские жизни от снарядов и пуль.

И остались от места расположения роты одни только сырые воронки в полуоттаявшей весенней карельской земле, да комья разбросанной взрывами, пропитанной кровью земли.

И висящие в кронах деревьев солдатские пилотки.

5

— А что, Силантий Егорович, так-то можно воевать. Всю войну так и провоевал бы.

Второй номер Колька Борисов стянул со своего костистого тела гимнастерку, сбросил недавнюю обнову — белую рубаху и постелил их на южной стороне высоко выступающего над влажной землей вполне просохшего уже бугорка. Растянулся на них, подставив под весеннее утреннее солнце замусоленную свою физиономию, выступающие из-под кожи ребра — следствие перенесенного в детстве рахита, и впалый живот. И затянул желанную, мечтательную песню:

— Одна беда при такой войне — медалей да орденов на нас не повесят.

— Почему это, Коля, и не повесят? Ты же у нас бравый и добросовестный боец Красной армии, — Батагов поддержал пустой борисовский треп просто так, из уважения к своему верному оруженосцу.

— А кто же даст человеку медаль, если он, скажем, просто так полеживает на войне и пузо греет? Таких дураков же не бывает.

Из всего облика Борисова, острого блеска прищуренных его глаз ясно проглядывалось, было видно, что получит, получит он свою заветную медаль. Обязательно получит!

Справа от их позиции, где-то на расстоянии километра, шел тяжелый бой. Там бился с врагом батальон, в котором они с Борисовым служили. Батагов прислушивался к канонаде этого боя, и сердце его тревожилось.

Ему, опытному бойцу, было очевидно, что батальон отступает и при этом несет тяжелые потери. Он слышал, как на наших позициях один за

другим замолкали пулеметы. Все реже раздавалось уханье ротных станковых минометов, и от врага отстреливалась только одна легкая 45-миллиметровая пушка. Батагов знал, что в наступлении их было четыре. Да и винтовочная и автоматная пальба с нашей стороны была уже не столь густой, как минут пятнадцать-двадцать назад. Ясно было, что батальон попал в тяжелейшую ситуацию и теперь погибает.

Что явно бросалось в глаза Батагову, и что больше всего злило его — это то, что с тыловой стороны к батальону никто не приходил на помощь. Хотя в момент начала наступления командование твердило уходящим в бой: мы вас поддержим, если наступит такая необходимость. Теперь батальон погибал, и на помощь ему никто не пришел.

А немцы и финны наращивали напор. По остаткам батальона била стена огня и оружейного, и автоматного, и пулеметного, и минометного. А по шоссе Луохи — Кестеньга к линии боя подошел немецкий танк и с ближней дистанции обстреливал позиции советского батальона.

Батагов сидел молча на бруствере, чадил махорку и качал головой.

Второй его номер тем временем восседал на бугорке с голым пузом, с округленными глазами. Махал руками и о чем-то возбужденно талдычил. Наверно, о подружках своих, с которыми у него отношения не всегда гладко складывались.

Батагов ожесточенно отбросил окурок в сторону и приказал:

— Все, Николай, надевай гимнастерку, заканчивай свой треп.

— А чего такое, Силантий Егорович? Чего такое? Никто на нас не идет, можно бы и погреться.

— Не идет, так пойдет, недолго осталось.

Борисов напяливал гимнастерку и важничал:

— А мы их со всех видов оружия. Вон у нас силища: боевой пулемет, гранаты, у меня винтовка. Дальнобойная, мосинская, пусть только попробуют.

Он засиделся в тылу, Николай Борисов, пороху не нюхал в настоящем бою и теперь вот храбрился.

«На роту, должно быть, скоро пойдут, — с тревогой размышлял Батагов, — выдержали бы ребята».

Словно в подтверждение его мыслей, спереди, в расположении роты, раздался страшный грохот, и через секунду он осознал, что на их роту обрушился сокрушительный огонь. Со стороны противника стреляло, наверное, все, что могло стрелять. Била тяжелая артиллерия, сотрясали воздух выстрелы танков и минометов. И с фронта, и с флангов по роте колошматили пулеметы. Не меньше десятка штук.

«Эка силушка напала, — беззвучно выговаривал Батагов. — Кто совладает с такой-то силушкой? Никому и не совладать. А у роты, считай, одни винтовочки, да пушечка-пукалка, да несколько штук пулеметов, бесполезных против танков.

Он понял, что рота теперь погибла, ей не выдержать такой огонь. Ситуация менялась категорически, катастрофически.

Батагов впервые с того дня, когда он прибыл на эту войну, почувствовал, как его тело наполняется страхом. Страх разлился по телу, сдавил мышцы, запокалывал иголками в кончиках пальцев ног и рук.

Впервые он явственно ощутил, как откуда-то из кустов, из леса ему в лицо дохнул спертый и гнилой воздух, как дыхание старушечьего рта, прореженного ошметками разрушенных зубов.

«Так вот смертушка-то и дышит, поганая, стало быть, — подумал Силантий. — Неужели, приходит она ко мне?»

Ему не хотелось встречаться с этой старой каргой. У него было еще много дел, незавершенных, отложенных на время, звавших его к себе.

Он сидел, придавленный нахлынувшими событиями, и никак не мог сбросить с себя невыносимо тяжелый груз неизбежности.

Колька Борисов стоял во весь рост, руки в карманах. Он вытягивал шею, вертел головой из стороны в сторону и походил на тетерева, встревоженного выстрелами охотников.

— Чего это, а? — спрашивал он невесть кого. — Чего же это деется такое, а? Шум-то какой, надо же!

Старый солдат Батагов вгляделся в него, желторотого птенца, и начал сбрасывать с себя свинцовые чушки страха, столь отяготившие тело. Он же старший здесь, опытный, не сдаваться же врагу за здорово живешь, надо воевать…

— Эй, Колька, — громко сказал Батагов, — ты скажи мне, боец Красной армии, булькает еще что-нибудь в нашей фляжке?

Расстелив плащ-палатку посреди прошлогоднего брусничника, на жухлых ветках отжившей черники, среди которых синели чудом сохранившиеся после зимы скукоженные ягоды, они допили остатки разведенного спирта, съели последнюю банку тушенки, разломили последний ломоть полувысохшего хлеба.

Уже совсем смолкли бои в направлении отступавшего их батальона и их роты, окопавшейся впереди. Только справа и слева по фронту громыхали последние усталые, запоздалые залпы затухающих боев. Наступление Карельского фронта повсеместно прекращалось.

Весной сорок второго мы еще не научились как следует воевать.

Два солдата Красной армии вечеряли предпоследнюю свою ночь в лесах Карелии.

И старый пулеметчик Силантий Батагов сказал молодому бойцу Николаю Борисову:

— Все, Колька, наотдыхались мы с тобой. Скоро и нам повоевать придется. Кругом все воюют. А мы с тобой что, рыжие, что ли?

А Колька, непонятно отчего вдруг необычайно бледный и молчаливый в этот вечер, привздернул голову, состроил нахальную улыбку и сказал, как ни в чем не бывало:

— Надо будет, так и повоюем.

Их окружал чудесный вечер, растворенный в сумраке густого карельского леса, их дурманил прохладный воздух, настоянный на ароматах пробивающийся зелени, словно цветной тканью наброшенной на природу. А высоко-высоко в небе, выкрашенном ровной, ультрамариновой краской, была нарисована необычайно светлая, но почему-то бледная луна, куда-то потерявшая сегодня свои желтовато-розовые тона.

И Силантий, и Колька Борисов радовались шмелю, кружившему около них, и желали, чтобы он все время был рядом. Этот шмель, будто случайно залетевший сюда из довоенной теплой поры, ненароком напомнил им, как

гуляли они по мирным лугам и косили траву. А вокруг кружили и гудели золотые шмели. И высоко в синих небесах звенели звонкие жаворонки.

Хорошо, что, несмотря ни на какие войны, каждый год весной пробуждается и вновь бушует на свете вечнозеленая, негасимая жизнь.

6

Дома, в родной деревне, у Силантия Батагова было много незавершенной работы.

Он так и не успел закончить строительство своего дома. С женой да малыми детьми он жил на летней половине, где была налажена кухня и комната через перегородку. А переда — большая горница, откуда открывался вид на речку, стояла под общей крышей, но без пола и без потолка. Только висели над передами стропила и потолочные крепкие балки. Да еще были застеклены окна, чтобы не залетал в них снег, не проливал дождь. Да лежали на земле лаги. Была бы у Батагова хотя бы весна, он бы закончил и переда. Но зимой его забрали на фронт. И он так и не нагляделся на речку из своей передней.

Не успел он закончить и поветь. А как без скотинки, без ввоза для заготовки сена? А где будут висеть его рюжи и сети?

Эх, много еще работы на доме, много…

Особенной заботой висел на душе недошитый карбасок.

Это была мечта не только его военной и суровой молодости, но и его детства. Иметь свою лодочку, ворочать в ней веслами, напирать на волну, испытывать свою молодецкую силу-силушку… Да куда там: полуголодное, безотцовское детство, голодная, вся в нужде юность — тут не до своего карбаска.

Батагов понимал: сшить карбас самому — дело ох как непростое. В нем много незаметных со стороны, но на самом деле хитрых тонкостей. И он как бы ненароком, как бы по колхозным надобностям похаживал в лодейную мастерскую и присматривался, что да как? Вроде из пустого интереса выспрашивал у мастеров всякие затейливые штучки.

Все выспросил, все вызнал. Понял: осилит он эту задачу!

Все остальное было делом знаний в работе с инструментом и сноровки. Рядом со своим дровяником смастерил Силантий навес, куда собрал нужный материал. В ближнем лесу вырубил два ладных еловых кренька под носовой и кормовой кили, выставил их под навесом на подпорки. Потом пошла работа по обработке досок, вырубке в килях пазов для крепления в них концов досок, по выравниванию изгиба и приладке друг к другу продольных досок, по изготовлению шпангоутов…

И карбасок свой Силантий Батагов тоже не успел завершить. Осталось-то выровнять верхние доски, да обложить их брусками, да наладить кочетья…

Ну еще, конечно, надо было выстрогать весла, да такие, чтобы подходили они к карбаску и по длине, и по весу…

Стоит теперь его недошитый карбасок под навесом на пригорке возле моря, накрытый брезентом, и ждет своего хозяина.

А хозяин вон на войне застрял.

И еще одну заботушку знал Силантий, которая не завершилась пока и тоже ждет его. Ждет и ждет.

Уже перед уходом на войну поведала ему его ненаглядная Феклистушка, что понесла она опять ребеночка. И на этот раз Силантий не просто догадывался, а уверен был, что растет под сердцем у женушки сыночек его, долгожданный парнишка. Его кровинушка — наследник.

И то, что теперь жена его отяжелевшая мается с двумя маленькими девчонками одна-одинешенька, без мужниного крепкого плеча, бьется над хозяйством, над охапками дров, которые еще надо распилить и наколоть, над тяжелыми ведрами из речной проруби — все это не давало теперь Силантию покоя, выворачивало его наизнанку. Вот от этой беды его отвлекала, да и то ненадолго, только самая неотвязная, самая необходимая забота.

7

— Вон они идут, идут, — закричал ему в ухо свистящим шепотом второй номер Колька Борисов.

Силантий глубинным верным чутьем старого солдата осознавал, что враг все равно пойдет на них: ему необходимо постоянно выравнивать свои фланги, чтобы красноармейцы не ударили в незащищенный бок. Теперь он отчетливо понимал, что, сломив упорное сопротивление противостоящего ему батальона Красной армии, финские и немецкие части должны будут устремиться вперед.

Красная стрелковая рота, наступавшая по левому флангу батальона, теперь тоже была уничтожена. Однако Силантию, много раз ходившему в разведку, было предельно ясно: они не пойдут в наступление, пока не изучат открывшийся тыл этой роты. Что спрятано в его чреве? Может быть, там стоит еще одна рота, хорошо оснащенная тяжелой техникой и живой силой? И поджидает своего часа для внезапного удара?

Силантий понимал это и ждал разведку. И вот она пришла.

— Колька, — сказал Батагов своему помощнику и сдвинул сурово брови, — дуй вон за тот камень, — он указал на валун метрах в тридцати справа, — будешь стрелять по моей команде. Задача понятна?

— Понятно, чего тут… все ясно, — Колька схватил свою трехлинейку, лежащую на окопном бруствере, поднял ее и прижал к груди. Держал, обхватив руками, словно запеленатого ребенка.

— Патроны у тебя есть?

— А как же, Силантий Егорович, полные карманы…

Батагов одобрительно крякнул:

— Знаем мы вас, петрозаводскую шпану. Без патронов да без ножиков не ходите.

Они помолчали, поглядели вперед. Там, вдали, во влажной весенней размытости, шли, покачиваясь между деревьями, четыре удлиненные фигуры: сырость удлиняет дальние предметы.

— Вот что, Колька, огонь по моей команде. Когда будешь стрелять, ори чего-нибудь.

— А чего орать-то?

— Сам не знаешь, чего? «За Родину!», «За Сталина!», «Рота в атаку вперед!» — чего-нибудь такое.

— А-а, я понял. Есть, товарищ командир!

— Все, дуй! Враг вон уже на подходе.

И Колька, наклонившись чуть не до земли, держа на весу тяжелую винтовку, побежал направо, к своему валуну.

Финны не знали, где их может ожидать пулемет. Да и есть ли он вообще. Спереди его невозможно было разглядеть: Батагов и Борисов надежно замаскировали пулемет ветками и жухлой прошлогодней травой. Он ничем не отличался от обыкновенного лесного бугорка. Финны вообще ничего не знали, они просто шли в разведку.

И вот уже мелькавшие за деревьями размытые тени начали приобретать четкие человеческие очертания. Финские солдаты были в маскировочных халатах с карабинами на плечах. Силантий уже наслышан был, что они терпеть не могут немецких «шмайссеров»: дальнобойные винтовки кажутся им более надежными, а финны хорошие стрелки. Разведчики шли осторожно, внимательно вглядываясь в окружающее лесное пространство. Иногда останавливались, и тогда шедший вторым справа солдат прислонялся к дереву, поднимал к глазам бинокль и долго в него глядел, поворачивая бинокль во все стороны.

Силантий давненько не стрелял по людям. Лет этак двадцать, с Гражданской войны. Но враг — всегда враг. И поэтому должен быть уничтожен. И рука его не дрогнула.

Батагов с него и начал. С того, с биноклем. Он подождал очередной остановки группы, навел пулемет, соединил мушку с целиком в районе груди солдата и нажал на гашетку.

Борисов тоже открыл беспорядочную стрельбу и кричал так, что у Силантия потом в правом ухе звенело.

Батагов дал несколько коротких очередей по бегущим мишеням. Стрелял, пока они не перестали бегать. Одна фигура в камуфляжном балахоне какое-то время петляла, но Силантий, уловив начало движения фигуры влево, взял на опережение, и последний солдат тоже упал.

Николай Борисов на какое-то время замолчал. Он глядел вперед и оценивал обстановку. Потом вскочил, бросил винтовку на спину и закричал бесконечное «Ура-а-а!» И побежал к Силантию. Он бросился обниматься и все кричал и кричал свое «Ура».

— Да погоди ты, Колька. Уймись ты. Че разорался-то, — успокаивал его Батагов.

— Да я ведь в первый раз воевал, в первый! Понимаешь, командир. — Он отскочил в сторону, вытаращил свои и без того немалые глазищи, растопырил в сторону руки и опять заорал:

— Урря-я-а!

— Ты не думай, Колька, что они теперь нас забудут. Заноза мы для них. Сидим тут в тылу у них, они же не знают, сколько нас тут, много, мало. А ты орешь, как целая рота…

Он сделал большую, тяжелую затяжку, сокрушенно покачал головой:

— В разведку они пойдут опять.

Раздувался ветерок наступающего вечера. В воздухе было холодно и сыро. От пережитого волнения Колька Борисов ежился и мелко дрожал. Винтовка лежала у него на коленях.

— А к-когда они пойдут опять? — спросил он с явной надеждой, что враг может теперь долго к ним не сунется.

Силантий откинул в сторону цигарку.

— Да скоро уж и пойдут.

Силантий поднялся, прошел шагов тридцать по проселочной дороге, на которой они находились.

— А что, дорожка справная. Идет откуда-то из их расположения, упирается в шоссе, легкий танк вполне проскочить может. Здесь они и попрутся.

Он выпрямился и огляделся:

— А больше-то и негде. По шоссе не пойдут открыто. Опасно для них. Могут по ним шарахнуть прямой наводкой. Вдоль шоссе техника не пройдет — везде лес густой, ни танку не проползти, ни пушку катануть. Только здесь.

Он опять сел около пулемета, снял с головы пилотку и охлопал ею голенище своего сапога.

— И бой, Коля, будет тяжелый на этот раз, настоящий бой.

Покачал опять головой и добавил:

— А отступать, рядовой Борисов, нельзя нам с тобой, приказа такого у нас нет, да и боеприпасы мы с тобой пока не расстреляли полностью. А как из боя выходить, если патроны имеются в наличии? Особый отдел по головке не погладит. Так ведь, Николаша?

И Силантий глянул исподлобья на молодого бойца Борисова такими глазами, что у того охолодилось сердце. В глазах стояла невыразимая бесконечная печаль и что-то невысказанное, дальнее, идущее из неведомых закоулков души уже пожившего изрядно человека. Коля Борисов таких взглядов не любил и не понимал их. Он отвернулся и стал глядеть туда, откуда может прийти враг. Он твердо знал, что лишь в бою может получить заветную свою медаль. И только молодое лицо его занавесилось легкой, сероватой бледностью, словно воздушной вуалью, прилетевший вдруг оттуда, с вражеской стороны. Но он не заметил ее, этой вуали.

8

Вечера в Карелии длинные, но день все же угасал. Надо было завершить необходимые дела. И Батагов сказал:

— Слышь-ко, Николай, пока они очухаются, мало-мальское время у нас имеется. Сходи-ко ты, дитятко, к ребятам этим. Проверь там, что да как, да собери, Николаша, маленько оружия, ну и патрончиков прихвати. У них четыре винтовки. Всех-то нам не надо, а забери-ко ты у них две. Нам пока и хватит.

Он позыркал глазами, как всегда делал перед принятием решения:

— А патроны забери все. Подсумки с ремней сдерни и тащи все сюда.

Помолчал, сплюнул в сторону. Скорчил брезгливую физиономию:

— А по карманам не шарь у них, Коля. Мне дак противно, покойники же.

Николай повесил на плечо винтовку, маленько сгорбился от ответственности полученной задачи и пошел.

А Силантий крикнул вслед:

— Ходи там осторожней. Может, хто живой там есть, шевелится, может, хто. Сразу стреляй, не жди, что он первый тебя прикокнет.

Николай ушел с винтовкой в правой руке. Шел он осторожно, озираясь, вглядываясь вдаль.

Потом Батагов сидел на кокорине и наблюдал, как Борисов с винтовкой наперевес ходит меж кустов и то наклоняется, то выпрямляется.

Вот он остановился, присел, стал работать руками.

«Нашел первого!»

Вот Николай опять идет вперед. Останавливается. И вдруг поднимает к плечу винтовку, раздается выстрел…

Вернувшись на позицию, Колька сидел на бруствере сгорбленный, словно переломленный навалившейся заботой. Его била дрожь.

— Чего трясесся, дитятко? — спросил его Батагов с изрядной ехидностью.

Стуча зубами, Борисов рассказал, что один финский солдат был еще живой.

— Ноги были у него перебиты. На руках уползал в свою, вражью сторону. Хотел в меня…

— Ну и чево?

— А добил я ево. В грудь выстрелил. Он и голову уронил.

— Ну и чево?

— Я ведь первый раз эдак в человека… В упор… Жалковато вроде, человек же…

Батагов вдруг вспыхнул весь, шагнул вперед.

— А в рожу ты не захотел, земеля? Молокосос, мать твою… Жалко ему! Ты ежели врага жалеешь, хреначь-ко к чухонцам. Может, они тебя и пожалеют, по головке погладят.

Он подошел к Кольке, крепко сграбастал его за шиворот, тряхнул пару раз, отчего Колькина голова заболталась на шее, как на шарнире.

— Ты чего жалостливый такой, щеняра! Думашь, он пожалел бы тебя, придурка, если встренулись бы вы на узкой тропочке? Ты разве не слыхал, что финны делают с нашими пленными? Глаза выкалывают, потом мучают до смерти. Солдатик этот чухонский поглумился бы над тобой вдосталь, а уж потом бы и пристрелил. А ему, вишь ты, жа-алко врага стало! От, щеняра!

Колька от такой беседы давно уже перестал трястись. Он теперь стоял почти навытяжку перед своим командиром и бормотал, впрочем, вполне твердо:

— Первый раз я, Силантий Егорович… Оробел вот, смутился… Больше не повторится.

9

Опять была ночь, полная весенних звуков и запахов, ночь неизвестности и тревоги. Посреди ее было краткое затишье. Пошумливал лишь ветер в нежной ткани проклюнувшихся листьев, в иголках сосен да елок. Тренькала и никак не засыпала какая-то заполошная лесная птаха, наверное, страдающая от бессонницы или потрясенная красотой пробуждающейся от зимы природы.

Но лишь закраснело над лесом зарево восходящего солнца и окрасились в нежно-розовый цвет верхушки высоких лесин, только что мирно

спящий лес вдруг разом проснулся, взорвался свистом, трелями и щебетом множества птиц, тетеревиным страстным чуфыканьем и урчанием, затенькали сойки, заскрипели болтуньи-сороки. А в глубинах близлежащих мхов захрипели любвеобильные самцы-куропти, будто старичье, выкашливающее надоедливый махорочный дым. И вокруг, насколько воспринимал слух, непрестанно ворчала, хлюпала и журчала летящая по всем известным только ей направлениям талая вода.

Пулеметчик Батагов понимал, что эта весенняя ночь, наполненная знакомыми с детства радостными звуками, была для него последней. Осознание того, что не выкарабкаться ему живым из этого карельского леса, из этой ловушки, теперь сидело в нем твердо и окончательно.

И он не спал.

Он знал, что представляет для финнов большую загадку: что за силушка затаилась у них в тылу? Которая расстреляла как котят их разведчиков, которая ощетинилась и не дает им проходу. Какие силы необходимо бросить на эту силушку? Понятно, что должна пойти их разведка. И пойдет она вот-вот. У их командиров совсем нет больше времени, чтобы во всем разобраться.

Будто в подтверждение невольных ожиданий Силантия, где-то далеко-далеко, за лесными завалами, в той стороне, куда уходила проселочная сырая дорога, раздалось мерное, ритмичное тарахтенье двигателя. Батагов еще не знал, да и не мог он знать, что эти звуки станут приближаться к ним. Но как-то сразу угадал: это по их с Борисовым душу. Он подошел к их «постели» — наваленной под густой низкорослой сосной куче елового лапника, на которой лицом в набитый сухой травой вещмешок, вместо подушки, посапывал его второй номер Николай Борисов, растолкал его в бок и присел рядом на еловую хвою. Колька вытаращил полусонные глаза, уставил их в небо и лежал какое-то время молча, не шевелясь, видно не понимая, где это он находится.

— Все, Колька, поднимайся, едут за нами.

— Кто это, чего? Кто к нам такой едет? — Борисов сидел и сонно таращился вокруг. Ему не хотелось вылезать из-под пригревшей его сосны. Знамо дело, молодежь солдатская крепко любит поспать.

— Бой сейчас будет. Вставать тебе надо, рядовой Борисов, воевать за Родину.

Колька собрал ладони «ковшичком», понабрал воды в талой, чистой луже и ополоснул свою замусоленную физиономию, пошаркал ее ладонью, а потом расстегнул ремень, поднял двумя руками низ гимнастерки и тщательно вытер им лицо. Надев опять ремень, он резко выпрямился, повернул к Батагову зарумянившийся, проясненный лик и весело доложил:

— Рядовой Борисов к бою готов!

А Силантий в это время достал из своего вещмешка последнюю краюху хлеба и разрезал ее ножом на две ровные части.

— Негоже, Николай, воевать на пустое брюхо, — сказал он добродушно, — давай-ко подходи к столу.

Батагов поднял палец вверх и спросил:

— Слышишь, Коля, танк к нам идет?

Борисов задрал лицо к небу, приоткрыл рот, прислушался.

— Чего-то трындит вроде. А может, и не танк совсем. Может, просто тарантайка какая, едет себе, да и едет. По своим делам.

— Да нет, Коля, танк это вражеский. И едет он сюда, чтобы нас с тобой убить.

Борисов, видно было, струсил маленько от такой новости. Он прижал к плечам голову, и пилотка сразу будто сравнялась с ними. Потом позыркал глазами по сторонам, поглядел внимательно на Батагова. Тот стоял прямо и глядел перед собой спокойно, уверенно. Николай распрямился, вытянул шею.

— А хрена им с два. Мы еще глянем, кто кого. Вон, у нас гранаты имеются, РПГ-40. Это им не шуточки какие, долбанут, мало им не будет.

— Правильно, Николай, обстановку понимаешь. Ты, Коля, не робей этого танка. В нем такие же людишки сидят, как и мы с тобой. Тоже всего боятся, не железные они тоже… А танк — такая же железяка, как и обыкновенный трактор. Кидай гранату прямо в гусеницу. Это у него — самое слабое место. Граната гусеницу порвет — танк и остановится. Вот тут-то мы его и дококаем. Только вот что…

И тут Батагов вдруг посерьезнел, положил руки на плечи своего помощника и, строго глядя ему в глаза, сказал:

— Ты, рядовой Борисов, обязан быть живым, потому как мне без тебя одному тяжело воевать будет. Исходя из этого, ставлю перед тобой важные задачи.

Борисов стоял перед ним не очень твердо. Видно было, что он крепко передрейфил сейчас, этот необстрелянный боец. Но виду старался не подавать. Спросил только:

— Какие такие?

— А вот какие. Первое: бросай гранату и сразу падай в окоп, пока она летит, чтоб осколками не зацепило. Граната противотанковая, сам знаешь, взрывается при ударе о броню. Второе, — Силантий говорил медленно, раздельно, при этом тыкал Борисова пальцем в грудь, — танк, наверняка, будут сопровождать солдаты. Не ввязывайся с ними в бой, а сразу дуй ко мне. Солдатики — это мой вопрос. Суматоха будет, ты этим и пользуйся.

Он опустил руки, выпрямился.

— Вам все понятно, рядовой Борисов?

Николай совладал с собой. Тоже встал по стойке «смирно».

— Так точно, товарищ командир расчета.

— Тогда приступить к исполнению.

И Батагов резко отвернулся, пошел к себе, к пулемету.

Удостоверился: все правильно, все работает, все готово.

Сидя за пулеметом, Силантий не мог не отметить верные действия своего второго номера. Тот надежно спрятался в кювете, словно слился с ним. Гранаты лежали перед ним на только что вырытой земляной полочке, готовые к бою, винтовка стояла рядом.

«Хороший боец из него может получиться», — подумалось ему.

(продолжение следует)

ПОЭЗИЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ

«ОН КРЕМЛЬ ПОДПЕР ХРЕБТОМ КАВКАЗА…»

Игорь Николаевич Тюленев — родился 31 мая 1953 г. в сплавном поселке Новоильинский Пермского края. Член Союза писателей России с 1989 года. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького (семинар Юрия Кузнецова). Автор 17 поэтических сборников, вышедших в Москве, Перми, Ставрополе, Париже. Лауреат премии журнала «Наш современник» и Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского и других литературных премий. **Живет в Перми.**

ИОСИФ СТАЛИН

Смотри, порхают две голубки.
Москва. На месте мавзолей.
Гранитный бюст вождя без трубки —
Дороже римских алтарей.

«Он не взвился небесным телом,
Не испарился, не истлел…»
Так Пастернак писал умело,
Когда был он чертовски смел!

Молчите, Самарканд и Мурманск,
Санкт-Петербург и Ленинград!
Два монстра — либерал и тупость,
Отчизну превратили в ад.

И что ему друзей лояльность
И ненависть его врагов?
Есть Сталинград — победы ярость!
И Севастополь моряков!

Он — смертью смерть
поправший Сталин,
А не Хрущев или Помпей.
Он из гранита, не из стали,
Осколок родины моей.

Он Кремль подпер хребтом Кавказа,
Сжал бури и шторма в горсти!
Он был Москвой миропомазан,
Чтоб Царство Русское спасти.

В МОЕМ КАБИНЕТЕ

На столе стоит товарищ Сталин —
Белый китель, черные усы,
Был моею волей он поставлен
В блеске всей диктаторской красы.

Рядом фото, где Сергей Есенин,
Загрустивший под осенний свист,
В центре — ваза с облаком сирени,
Черный черновик и белый лист.

…Смотрит на меня товарищ Сталин
Оком государя каждый день,
Как на тигель для расплава стали,
А Есенин смотрит на сирень.

ЛИОН

Россия, Сталин, Сталинград…
К. Симонов

Пантагрюэль, Гаргантюа, Вийон.
Фартовая поэтов каста!
Насмешкой острой враг сражен —
Поэты побеждали часто.

Ну, минимум, раз пять на дню.
Язык души как соус чили…
И с белошвейками игру
Нешуточную заводили.

Я в эти же попал края,
С Европы сдунув позолоту.
Вы все мне были бы друзья!
Жаль, не застал в живых вас что-то…

Но вышел в зал и стал читать
Стихи про русские морозы.
Про русский штык… Кривила «знать»
Парфюмом пахнущие рожи.

Был прав наш Симонов тогда:
— «Так вот оно, лицо врага!»

В том зале узком, словно склеп,
Увидел трезвыми глазами
Я свору тех, кто жрал наш хлеб,
Но пел чужими голосами.

Сидели здесь не на бобах,
В лицо мне, хмыкая, мычали.
Как челобитную в зубах
Бренд диссидентства зло держали.

Я мог бы просто прыгнуть в зал.
От бати эти кулачищи!
Но я друзьям пообещал
Не драться с выродками лично.

Тогда я вспомнил наугад —
«Россия, Русь…» — Нет, не годится.
«Россия, Сталин, Сталинград!»
А Сталина любой боится.

ЖАЛОБА ВЕРХОВНОМУ

От отцовской балалайки —
Треугольник на стене.
От империи — собаки
Да герань в родном окне.

От советского «Бурана»
Фюзеляж в ЦПКО.
Нет усатого «тирана» —
Есть грузинское «кино».

Без тебя, товарищ Сталин,
Зарастает мхом страна.
Сверхдержавой перестали
Нас враги считать… А зря!

А ведь мы еще не спились,
Хоть погублен Коловрат.

Карты старые приснились, —
Карты правду говорят!

Там Краина с Белой Русью,
С Туркестаном наголо…
Там два гуся у бабуси
Проходимцев щиплют зло.

В схронах ждут приказ ракеты,
Океаны бороздят
Субмарины, но об этом
И жене не говорят.

Так что вот, судья Верховный,
Без руля и без ветрил
Континент плывет огромный,
Коим ты руководил.

СТАЛИН

— Мол, как там мой народ?
Он спросит у прибывших.

— Работает да пьет,
Стихи и прозу пишет.

Все словно при тебе
С Европой происходит.
Вновь с русскими в борьбе
Тень на плетень наводит.

Подбрюшье потеряв,
Летит меж звезд Россия.
Вот «меченый» пропал.
На рельсы рухнул «жила».

Но бабы всем назло
Красивых чад рожают!
Такое вот кино —
Наверно, к урожаю.

СТАЛИН И ЛИБЕРАЛЫ

Вы и так из мавзолея его вынесли
И зарыли в шар земной «историки».
Все поэты из шинели его выросли,
И пилоты, и геологи, и дворники.

А вы даже в его сторону боялись
Посмотреть… Когда стоял он на трибуне!
А теперь на Кремль из окон пялясь,
Супротив шатаетесь вы в ГУМе.

Современником я был его — в то лето
Я родился, а он белый свет покинул.
Я воспитан был народом русским, нешто,
Удержался б на краю от ветра в спину?

Были мы единою Державой!
И на всех делили глад и холод.
Вот Саакашвили с Окуджавой,
Первый бы при Сталине был порот!

А второму б памятник не стали
На Арбате ставить доброхоты.
Вот я написал ИОСИФ СТАЛИН,
Как по небу пишут самолеты.

Вижу в этом русское начало.
Всем пора заняться русским делом.
Так ли уж природа измельчала,
Что поэт — один быть должен смелым?

ПАРАД ПРИБАЛТИЙСКИХ НАЦИСТОВ

В Прибалтику я больше ни ногой!
Там дряхлые эсэсовцы пьют пиво,
С отвислою курляндскою губой,
Хоть и в своем ландшафте — но фальшиво.…

Эсэсовская молния во лбу,
А череп рисовать уже не надо…
Не слышит Сталин вашу похвальбу —
Участники позорного парада.

Вы русские тревожите гробы.
И что б сказал вам Юргис Балтрушайтис?
Прибил бы к вашим спинам он горбы,
Горбатые эсэсовцы — шатайтесь!

Из Львова вам вопит УНА УНСО,
Стучат когтями холуи нацистов.
Не вижу ни одно средь них — лицо,
Лишь морды острые, как локти у регбистов.

Всем старикам почет! Но эту мразь
Я бы загнал пинками в чан с навозом.
Того, кто вынырнет — по черепушке хрясь!
То сапогом солдатским, то морозом.

* * *

Тумены детородных слов,
Как соколы, летят.
На Китеж, Клин и на Саров,
На Курск и Сталинград.

Все выползут из волчьих ям,
Провалов и щелей,
Ломая, как ненужный хлам,
Капканы на людей.

Давно пора нам побеждать,
Из храма гнать свиней.
Постой за нами, Божья Мать,
Как мать своих детей!

Светлеет соколиный лет,
Седеет борода.
Стих возвращается в народ,
Как в океан вода.

И сладок сыромятный дух,
И быстрокрыл Пегас…
Вставайте, командармы душ
И властелины рас!

ПОЭЗИЯ

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

ЗАВЕТ СВЯТОЙ

Светлана Николаевна Макарова-Гриценко — родилась на Кубани. Выпускница филологического факультета Кубанского государственного университета и музыкального училища им. Н. А. Римского-Корсакова. Председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор газеты «Кубанский писатель», заслуженный деятель искусств Кубани, лауреат всероссийских и международных литературных премий. Прозаик, поэт, публицист. **Живет в Краснодаре.**

* * *

От края отступив на шаг,
Не плачу больше и не трушу.
О, Господи, да будет так:
Я восстанавливаю душу.
У памяти на поводу,
Твой замысел я не нарушу,
Но чтобы не гореть в аду,
Я восстанавливаю душу.
От боли маюсь и шепчу:
Тоску и безнадежность рушу,
Поднявши слово, как свечу,
Я восстанавливаю душу.

* * *

Мне снова будут сниться паруса!
Среди бездонной темной круговерти,
Как оберег от боли, бед и смерти
Тугих полотнищ реет полоса.

А над Россией снежных вихрей плеть,
Покрыты белым саваном дороги.
И не пройти их, и не одолеть
Глухой тоски и вековой тревоги.

Но заискрится звездная роса,
И месяц якорем зацепится за крышу,
Мне снова будут сниться паруса,
Я их в рассветном зареве увижу!

ДОРОГА В ДЕТСТВО

Я дорогу найду по звездам
В заповедного детства край,
Убегу! Хоть, наверно, поздно,
Ты меня не удержишь, знай.
Затеряюсь среди девчонок,
Рыжих, с челками хохолком.
Молочка там попью спросонок.
По траве пройдусь босиком.
И опять искупаюсь в небе
Безоглядной голубизны,
Будет ветер мне петь о хлебе
Над вихром пшеничной волны.
Над степной золотою ранью,
Тихой скромницею рекой.
Только как я тебя оставлю,
Ненаглядный, любимый мой?

* * *

Алине и Анне

Сорвался лист и полетел,
Он, видно, птицей стать хотел,
И долго грезились ему
Полеты эти наяву.
И вот сбылось, и вот пришло,
Летит, как рыжее крыло,
Над тротуаром, мостовой,
А впереди —
весь шар земной!

В БОЛЬНИЦЕ

По гладким ступеням шагаем мы с мамой
В больнице огромной, серьезнейшей самой.
Здесь белые стены и бледные лица,
И тысячи едут сюда исцелиться.

По строгим ступеням веду свою маму,
Мы с нею идем шаг за шагом упрямо.
А ей бы присесть или остановиться,
Но надо идти, нужно срочно лечиться!

И мама кивает седой головою,
И делает шаг, и не спорит со мною…

По звонким ступеням медсестры, как птички,
Летят вверх и вниз мимо нас по привычке.
У всех здесь заботы.
И боли. И драма.
По белым ступеням идет
моя мама…

* * *

Епистинии Степановой,
отдавшей войне девять сыновей

Заметает степь курганную зимушка,
Тучей хмурою грозит небосвод.
Вечным сном ты спишь теперь, Епистиньюшка,
Отдохни от материнских забот.

Колыбельные сыночкам все пела ты,
Напекла хлебов на век, не на год!
Только скрылася дороженька белая,
У войны кровавый начался счет.

И слетелися все черные вороны!
Вон, опять они над хатой кружат.
Погубили сыновей твоих вороги,
Девять соколов, героев-солдат.

Ох, лютует, ох, сечет вьюга синяя,
Да тебя ей не задеть, не пронять.
Вечным сном уснула ты, Епистиния,
Русских воинов Великая Мать.

ЗАВЕТ СВЯТОЙ

И снова в нежной зелени поля,
И солнышка лучистое веселье
Качают в белых кронах тополя,
Под грай и гомон птичьих новоселий.
Над вековым курганом облака
Текут, струятся временем крылатым.
Кубань моя! Мой край! — Моя река,
Шум городов и тишь станичной хаты,
Беседы стариков на склоне дня,
Казачьих песен широта и смелость…
Бескрайние сияют зеленя,
Чтоб нам, живущим ныне, тоже пелось,
Чтоб не иссякли жизни родники,
И чтоб на доброй дружеской пирушке
Хвалились урожаем казаки,
Не позабыв кубанские галушки.
…Из века в век течет Кубань-река,
От маков все на взгорье заалело.
Да сохранит их девичья рука
Узорной вышивкой по ткани белой.
Пусть в середине светится заря,
Гребенка тополей — канвою внешней.
Живи, Кубань, цвети, Земля моя —
Завет святой, душа казачьей песни!

* * *

Наш черед жить на этой земле.
Снова дождь. Небо тучами вспахано.
И росток шевельнулся в зерне,
Будто слово, что лишь будет сказано.
И коснется мальчишеских губ!
Дрогнет тихой слезой материнскою,
Дождь похож на сердец перестук,
На весенний, неровный, таинственный.
Наш черед жить на этой земле.
Я тебя одного угадаю,
По судьбе проведу, не по краю,
Птицы-весны, летите ко мне,
Наш черед жить на этой земле!

Николай КОНЯЕВ

МОНАСТЫРЬ НА БЕРЕГУ ВАЖСКОГО ОЗЕРА

К 500-летию кончины основателя Важеозерского Спасо-Преображенского монастыря преподобного Геннадия Важеозерского (Геннадиево-Никифоровская пустынь)

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 г. в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге**.

В духовном пространстве икон, как и перед очами Божьими, часто рядом стоят подвижники, которые в земной жизни могли и не встречаться друг с другом.

Таковы святые Геннадий и Никифор Важеозерские.

Рядом стоят они на иконе, рядом стоят и в «Олонецком патерике», составленном архимандритом Никодимом. Память преподобного Геннадия — 8 января. Память преподобного Никифора — 9 февраля.

Рядом стоят эти святые и в нашей духовной истории…

1

И Геннадий, и Никифор Важеозерские были учениками святого Александра Свирского, оба они, хотя и в разное время, совершали иноческие подвиги на озере Важе, из которого вытекает река Важинка, впадающая в Свирь…

«Блажен тот, кто от юности возлюбил Господа и последовал Ему: взял крест и пошел за Христом!» — начиная рассказ о преподобном Геннадии, писал архимандрит Никодим.

Геннадий в числе первых учеников пришел к Александру Свирскому, и здесь, на берегу Святого озера, прошел великую школу смиренномудрия, а когда почувствовал в себе достаточные духовные силы, удалился в затвор.

На берегу Важского озера он устроил себе пещеру и подвизался одиноким пустынником, подобно своему великому учителю, вплоть до своей кончины 8 января 1516 года.

Вполне вероятно, что в земной жизни преподобный Никифор никогда не встречался со своим предшественником. Когда он пришел в монастырь Александра Свирского, преподобный Геннадий уже удалился в затвор на Важское озеро…

Преподобные Геннадий и Никифор Важеозерские

И получается, что никакого личного общения между двумя основателями Задне-Никифоровской пустыни не было, но так ли уж и необходимо личное общение, если есть общение молитвенное?

Причем в случае с Никифором и Геннадием Важеозерскими эта истина как бы обретает некое материальное воплощение…

В самом деле…

Никифор родился и вырос в селе Важины, стоящем при впадении реки Важинки в Свирь, а исток Важинки в Важском озере, на берегу которого и совершал свои молитвенные подвиги Геннадий Важеозерский. Получается, что в детстве и юности Никифор пил намоленную преподобным Геннадием воду, омывался ею… И может быть, молитвы важского затворника и определили жизненный путь его более молодого соратника.

Будучи еще совсем молодым человеком, Никифор почувствовал призвание к монастырской жизни и в 1510 году пришел в обитель Живоначальные Троицы. Подобно Геннадию под руководством святого Александра Свирского постигал он науку стяжания Святого Духа.

Житие говорит, что Никифор всегда первым являлся в церковь и последним уходил. Церковные службы, монастырские правила и послушания проходил он с удивительным терпением, смирением и незлобием.

Не довольствуясь постом и бдением, инок изнурял себя тяжелыми веригами — носил их на голом теле. Весили эти вериги более двадцати килограммов.

Видя такие подвиги, братия прославляла Бога, но Никифор всячески избегал похвал и скоро попросил Александра Свирского благословить его идти в Киев на поклонение святым Печерским угодникам.

Однако преподобный Александр посоветовал своему ученику прежде сходить в обитель Воскресения Христова к преподобному Кириллу, игумену Новоезерскому, побеседовать с ним о монашеской жизни и поучиться монастырскому уставу.

Об этом путешествии преподобного Никифора стоит рассказать подробнее, поскольку в нем в зримой полноте явлена «учительская благодать» святого Александра Свирского и самая суть того духовного строительства, которое велось преподобным после явления ему Святой Троицы…

2

В те далекие времена на Руси не было почтовой службы, и наши святые предпочитали переписке молитвенное общение.

— Когда придешь к Новоозеру, лодки-то не ищи… — напутствовал Александр Свирский любимого ученика. — Отойди в сторону и молись, пока за тобой не приедут.

Преподобный Никифор так и сделал.

Достигнув озера, он не стал останавливаться в деревне Кобыльина Гора, а отошел в сторону и принялся молиться. Потом его сморило, и он прилег на камень отдохнуть.

Скоро его разбудили.

Никифор открыл глаза и увидел незнакомого монаха, вылезающего из лодки.

— Благослови меня, святой отец! — попросил преподобный Никифор. — Прости, что уснул…

— Меня благослови! — ответил преподобный Кирилл. — Ведь ты послан духовным братом моим Александром — служителем Пресвятой Троицы.

Как утверждает предание, когда святые обнялись, дивный свет воссиял над ними…

Отблески этого света различаем и мы, четыре с половиной столетия спустя размышляя о наших великих молитвенниках и праведниках.

Никифор провел на Огненном острове восемь дней.

Кирилло-Новоезерский монастырь тогда еще только начинался, и понятно, что не хозяйственному устроению монашеской обители учился преподобный Никифор у Кирилла Новоезерского, а духовному строительству, отшельническому опыту жизни в пустыни[1].

Прощаясь, преподобный Кирилл сказал:

— Хотя мы имеем с братом Александром большое желание увидеть друг друга, но по Божиему изволению в нынешнем веке сего не сподобимся, и увидимся, когда от тела разлучимся, а твои труды, честный отче, не будут забыты пред Богом.

С этим благословением и вернулся Никифор в монастырь Александра Свирского. И только после этого наставник благословил его на паломничество в Киево-Печерский монастырь…

В чем же смысл «урока», преподанного Никифору его великим учителем? Почему он отпустил его в Киев только после путешествия в Новоезерский монастырь, а не прежде того?

Нам кажется, что святой Александр хотел укрепить своего ученика, хотел помочь ему прозреть свое предназначение. И так и произошло. Возвра-

---

[1] Все основные здания Кирилло-Новоезерского монастыря возводились уже в XVII веке, сто с лишним лет спустя, когда при рытье рва для фундамента строившейся церкви были обретены мощи преподобного Кирилла. Главный храм в честь Воскресения Христова был построен на средства знаменитого боярина Б. И. Морозова. Здесь в серебряной раке покоились мощи преподобного Кирилла Новоезерского. После Октябрьской революции 1917 года монастырь был превращен в тюрьму для «врагов революции». Сейчас монастырь превращен в знаменитый «Вологодский пятак» — тюрьму для особо опасных преступников, отбывающих пожизненное заключение.

тившись из Киева, преподобный Никифор едет в родные Важины и оттуда уходит на Важское озеро, где уже упокоился в жизнь вечную преподобный Геннадий.

Местное предание свидетельствует, что, покидая село, Никифор испил воду у ключа в Усть-Боярском, и стала вода в источнике целебною. Многие болезни излечивала она, и Никифоро-Геннадиевская часовня была поставлена у источника в память об этом чуде, а также как знак преображения самого Никифора, принимающего на себя начатое преподобным Геннадием молитвенное делание.

3

Не сохранилось сведений, как строился Геннадиево-Никифоровский Важеозерский монастырь. Известно только, что преподобный Никифор уже к 1530 году сумел превратить отшельническую пустыньку на берегу Важского озера в процветающую обитель.

Тогда на берегу озера поднялась деревянная церковь во имя Преображения Господня, а вокруг выросло десять келий для братии.

Известно, что заботился преподобный Никифор и о том, чтобы возрожденная им обитель не распалась после его кончины. Для этого и хлопотал он, испрашивая для монастыря царскую грамоту на владение землей.

Грамоту эту — «По Цареве Государеве Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссии грамоте, от Царевых Великаго Князя дьяков, от Бориса Алексеева сына Щекина, да от Казарина Юрьева сына Дубровскаго, в Обонежскую пятину в Воскресенской погост в Важене в заднюю пустыню, в Спасской монастырь Боголепнаго Преображения Господня на Важене озере, игумену Никифору с братиею, Александрову ученику Свирскаго»… — государь Иоанн IV Васильевич Грозный пожаловал только 9 марта 7065 (1557) года, а за месяц до этого, 9 февраля 1557 года, преподобный Никифор уже завершил свой земной путь.

Так и не увидел он долгожданной царской грамоты, разрешавшей монастырю владеть землею вокруг монастыря «на все четыре стороны по версте, опричь мхов и болот и глыб».

Вот и получается, что грамоту эту важеозерскому игумену удалось выхлопотать, только встав рядом с преподобным Геннадием перед Престолом Божьим.

Важское озеро

Стоящими рядом видим мы преподобных и на иконах…

Погребли преподобного Никифора рядом с преподобным Геннадием, и святые мощи их и сейчас почивают под спудом в устроенном ими Важеозерском монастыре…

Вместе являются преподобные и к людям, с верою призывающим их.

В списке чудес, совершенных ими, — исцеления, избавление от погибели путешествующих.

Вот только один из случаев исцеления…

К крестьянину, которого мучили непрекращающиеся головные боли и который без пользы обращался к разным знахарям, и уже не чаял ниоткуда помощи, преподобные Геннадий и Никифор явились сами и сказали так:

— Ты человек умный, зачем же ищешь помощи у людей, у которых кроме вреда ничего не получишь? Приходи лучше к нам! У нас лекарство без денег. Отслужи молебен и попей святой воды и станешь здоров.

— Кто вы, святые отцы? — вопросил их больной. — Я вас не знаю!

Преподобные сказали, кто они и откуда. Крестьянин исполнил повеление и стал здоров.

И так и жил монастырь на берегу Важского озера, озаряя своими молитвами лесные чащобы, согревая духовным теплом окружающую его местность.

А потом пришло Смутное время и шайки поляков и литовцев, опустошая северные пределы России, напали на беззащитную пустынь.

Под ножами чужеземцев пали тогда святые важеозерские старцы Игнатий, Леонид, Дионисий, Федор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий, чтобы снова встать уже на монастырских иконах, перед которыми и сейчас не гаснут свечи, не стихают молитвы…

4

И вот что поразительно…

Я рос, когда уже давно были закрыты все храмы и монастыри в нашей округе, когда осквернены были святые мощи, но самих святых советская власть запретить не смогла…

С детства запомнился мне похожий на сказку рассказ, как осенью, едва только выпадет первый снег, мимо еще не сбросивших багряные уборы деревьев проходят святые Геннадий и Никифор Важеозерские, Корнилий Паданский, Иоасаф Машеозерский, Кассиан Соломенский, Ферапонт Вознесенский, старцы Игнатий, Леонид, Федор. Проезжает на своей лошадке, нагруженной кожаными переметными сумами, преподобный Иона Яшеозерский…

— А ты… Ты сама их видела, бабушка?

— Не… Сама не видела, Миколя. Откуль мне было видеть…

— А кто же видел их?

— Дак ведь видели… Были люди… Чай, не теперешние…

Потом, много лет спустя, уже в воспоминаниях очевидцев, в архивных документах доведется мне прочитать продолжение этой чудесной сказки…

Храм Всех Святых
в Важеозерском монастыре

Тогда и узнаю я об Исайе (схимонахе Игнатии), возобновившем Задне-Никифоровскую пустынь после разорения…

Исайя долго жил на Афоне, потом в Коневецком монастыре, но совершенного смиренномудрия достиг в обители, основанной преподобными Геннадием и Никифором…

— Я, да свинья, да третий сатана… — говаривал он. — Свинья по безумству, сатана по гордости — вот товарищи гордых…

Дивное смирение доставляло отцу Исайе духовные дары и видения…

Он поведал однажды, что душа его увидела невещественный свет и в то же время увидела самое себя как бы составленное из света, а тело мертвым, словно душа уже вышла из этого света…

5

История Никифорово-Важеозерской обители, основанной преподобным Геннадием, тесно связана с именем другого великого русского святого — отца Иоанна Кронштадтского…

В 1885 году в обители произошел пожар. Уцелели лишь каменная Всесвятская церковь, где под спудом почивали мощи основателей, небольшой каменный дом да часовня. Пришлось монастырской братии разбрестись по другим обителям.

Чтобы спасти пустынь, иеромонах Геннадий приступил к сбору пожертвований.

Собрать ему удалось немалую сумму. Только деньгами она составила 9887 рублей 75 копеек, а материалами и утварью еще 11 126 рублей 78 копеек.

Но все же главным в этом деле стало знакомство иеромонаха Геннадия с протоиереем Кронштадтского Андреевского собора отцом Иоанном Ильичом Сергиевым.

Иеромонах обратил на себя внимание Всероссийского батюшки нелицемерным смирением, кротостью и энергией в сборе пожертвований.

В 1890 году по просьбе иеромонаха Геннадия и при непосредственном содействии святого Иоанна Кронштадтского мещанка Екатерина Гайлевич пожертвовала в Задне-Никифоровскую пустынь каменный дом с участком земли, чтобы там было устроено подворье…

С молитвенной и практической поддержкой святого Задне-Никифоровскую пустынь удалось возродить буквально в считанные годы. Причем возрождена она была в большем великолепии, нежели была до пожара.

В 1892 году достроили каменную церковь Преображения Господня, и 19 июля ее освятил сам Иоанн Кронштадтский.

И какие могут быть сомнения в молитвенном общении отца Иоанна Кронштадтского с присвирскими святыми? Молился отец Иоанн Кронштадтский во время своего пребывания в монастыре и перед образом основателей обители, и перед иконою девяти важеозерских чудотворцев — преподобных Никифора, Геннадия, Даниила, Игнатия, Леонида, Федора, Феропонта, Афанасия, Корнилия…

Быстро строилось при содействии святого праведного Иоанна Кронштадтского и монастырское подворье в Санкт-Петербурге[1]:

«23 сентября 1894 года о. Иоанн Кронштадтский отслужил молебен в честь закладки трехпрестольного храма, а уже 23 мая 1901 года был освящен главный придел в честь Пророка Осии. Освящение совершил преосвященный Вениамин, а сослужил ему отец Иоанн Кронштадтский вместе с игуменом Митрофаном.

После литургии священнослужителям, почетным гостям, благотворителям и всем споспешникам создания храма была предложена трапеза, оконченная «здравицами», особо Иоанну Кронштадтскому, главному виновнику возникновения подворья и при нем храма и настоятелю подворья игумену Митрофану, виновнику настоящего торжества.

На следующий день, 24 мая, был освящен второй придел храма в честь апостола и евангелиста Иоанна Богослова и преподобного Иоанна Рыльского — небесного покровителя о. Иоанна Кронштадтского»…

Так, при молитвенном и практическом участии святого праведного отца Иоанна Кронштадтского и была восстановлена обитель святых учеников преподобного Александра Свирского Геннадия и Никифора Важеозерских.

Тогда и встала на Петербургском почтовом тракте (нынешнее Мурманское шоссе) в ста верстах от Петрозаводска, в пятидесяти от Олонца, на седьмой версте Кескозерской станции, у самой окраины леса, деревянная часовня, указывающая путь к монастырю.

Проедешь одиннадцать верст по лесу, и вот уже и монастырская мельница у истока реки Важинки, а на южном, холмистом берегу озера открывается и сам монастырь: высокая колокольня, две пятиглавые церкви, три башни по лицевому западному фасаду каменной ограды…

Все это отражается в тихой воде озера, словно там — еще один монастырь…

6

Туда, в этот отраженный вместе с небом в озерной воде монастырь, и уходили важеозерские иноки, когда захлестнула обитель большевистская тьма.

---

[1] Дом номер пять по улице Крупской.

Всю братию расстреляли здесь, на берегу светлого озера, а опустевшую обитель переименовали в Интерпоселок и населили лесорубами различных национальностей.

Во Всесвятском храме, где обретаются под спудом мощи преподобных Геннадия и Никифора, устроили кинотеатр. Лесорубы-интернационалисты смотрели там кино.

Потом, когда леса вокруг повырубили, в монастыре устроили тюрьму для малолеток, потом — республиканскую психбольницу…

Из монастырской братии уцелел только блаженный инок Владимир, его в день расстрела не было в монастыре.

Дивные истории рассказывают про этого последнего инока Важеозерского монастыря. Говорят, что, несмотря на многочисленные злоключения, на частые насмешки и несправедливую брань, инок Владимир всегда сохранял спокойствие, был всем доволен, и взор его всегда светился радостью.

«Духовный мир исходил от всего его существа, — вспоминали про инока Владимира, — и кто соприкасался с ним, ощущал веяние этого мира на себе».

Обладая даром прозорливости, не раз удерживал инок Владимир своих знакомых от гибельных поступков, много исцелений и помощи получали люди по его молитвам, еще больше чудотворений совершается по молитвам к нему после его кончины.

Духовный свет обители, который хранил в себе этот последний важеозерский инок, порою разгорался в нем с такой силой, что становился различимым для других.

Несколько таких случаев помещено в «Жизнеописании блаженного инока Владимира».

«В одно из своих посещений нашей квартиры, — пишет В. В. Орловский, рождение которого его родителям блаженный инок и предсказал, — летним вечером сидел инок Владимир на террасе с одним благочестивым человеком, простым мужичком. Терраса не была освещена, огня не было, сидели в темноте… Вдруг в одно мгновение лицо инока Владимира осветилось необычным светом, и он весь был в сиянии. Все помещение террасы было в свете необычном. Это длилось некоторое время, потом опять стало темно».

Или вот другой случай…

«Однажды парголовские женщины, работавшие на полях в стороне Левашова, увидели необычайное явление. По полотну железной дороги недалеко от будочки стрелочника кто-то идет, весь озаренный светлым сиянием. Когда шедший во свете приблизился на такое расстояние, что его можно было разглядеть, все узнали инока Владимира…»

В конце жизни инок Владимир предсказал, что тело его будет несколько раз перезахоронено, пока, наконец, его не перенесут в Важеозерскую обитель, ясный свет которой переполнял все его существо.

Так и случилось.

Когда возродилась Важеозерская пустынь, тело блаженного инока перенесли в монастырь. Нынешний игумен монастыря, архимандрит Иларион (Кильганов) омыл его косточки красным вином, и погребли инока Владимира, как и предсказывал он, между тремя березами прямо на берегу светлого Важского озера…

Могила блаженного инока сразу стала почитаемой паломниками.

7

Инок Владимир

В чем-то со светоносным блаженным Владимиром, последним иноком Важеозерского монастыря, схожа и судьба Воскресенской церкви в Важинах, последней действующей церкви в огромном Подпорожском районе Ленинградской области.

Три с половиной столетия — немалый срок для любого здания, тем более срубленного из бревен. И когда входишь в десятигранный летний храм, насквозь пронизанный светом, первое ощущение здесь — ощущение чуда…

В общем-то понятно, почему с таким остервенением вытаптывали большевики-ленинцы Православную веру на Руси. Труднее понять, почему, закрывая одни храмы, другие они пощадили…

Впрочем, слово «пощада» здесь неуместно.

Троцкие и Луначарские, Бухарины и Хрущевы готовы были закрыть все храмы, расстрелять или, по крайней мере, посадить за колючую проволоку всех православных. Просто не получилось, не удалось их черной сатанинской силе загасить все светильники, затопить темнотою всю Россию.

И Воскресенская церковь в селе Важины оказалась спасена не по милости большевистской власти, опутавшей все Присвирье проволокой Свирьлага, а, может быть, как раз заступничеством преподобного Никифора Важеозерского, родившегося здесь, в Важинах…

Помню, когда я первый раз побывал в Воскресенской церкви в Важинах, тогдашний настоятель, отец Михаил, показал мне описание часовен, принадлежавших церкви в 1910 году.

В этом списке — Успенская часовня в деревне Скуратове, Рождества Богородицы — в Погре, Покровская в Еконде, Казанская — в Верхнем Пичине, Тихвинская — в Киновичах, Вознесенская — в Кезаручье, Воздвиженская — в Верхней-Купецкой, Ильинская — в Деготной Горе, Никольская — в Ильине, Никитинская — в Юрьевщине, Кирикко-Иуллиинская — в Терехове, Космо-Демиановская — в Нисельге, Александро-Свирская — в Свином Наволоке, Никольская — в Мелехова, Никольско-Александровская — у пристани в Лаптевщине, Георгиевская — в Немецком, Косьмы и Демьяна в Нисельге, Никифоро-Геннадиевская — возле Устья Боярского…

Я читал длинный список, и возникало ощущение, словно лучи расходятся от церкви Воскресения Христова, озаряя округу ясным светом Православия.

И разглядывая опоясывающую церковное крыльцо надпись: «Храм построен по благотворению Великого князя Михаила Федоровича и Царевича Алексея Михайловича при патриархе Филарете радением прихожан Важинского погоста», отчетливо ощущал я, что взаимосвязь важинской церкви с преподобным Никифором осуществляется прежде всего через его молитвенное предстательство…

По предстательству преподобного и встала на мыске, омываемом прихотливо изгибающейся Важинкой, Воскресенская церковь. Казалось, сюда, на родину основателя, и перетек закрытый большевиками Важеозерский монастырь…

Вот уже три с половиной столетия идут богослужения в этой, одной из самых старых церквей в нашей области, и непоколебимо прочно стоят стены и, кажется, никакая адская сила не способна сокрушить их…

— Это верно… — согласился со мною отец Михаил. — У нас ведь как… Каждый год на Пасху, во время литургии после Крестного хода из подвала раздаются сотрясающие все здание удары…

— Хулиганы? — спросил я.

— Нет… — отец Михаил покачал головой. — Много раз проверяли, смотрели в подвалах. Людей там нет. Я у старцев потом спрашивал, они говорят — демоны… Чуют, что последние времена наступают.

Мы разговаривали с отцом Михаилом, стоя в Воскресенской церкви перед огромным пятиярусным иконостасом, с которого из сумерек столетий смотрели на нас лики присвирских святых. И как-то особенно проникновенно звучал здесь рассказ отца Михаила о том, что, приходя в эту церковь, так легко остаться в ней.

— Много здесь выросло батюшек… — говорил он. — Я и сам из таких. Тоже здесь вырос.

И святой Александр Свирский смотрел с иконы, как должно быть смотрел он некогда на преподобного Никифора Важеозерского, когда пришел тот к нему, чтобы научиться стяжать Святой Дух…

8

Еще в детстве, в поселке Вознесенье, мне доводилось слышать, что отраженный в Важском озере монастырь опять видели в Интерпоселке…

Шепотом рассказывали истории, что пациенты разместившейся здесь психиатрической больницы замечают иноков, слышат звон колоколов…

Может быть, это выдумка, а может, действительно, так и было…

Сейчас известно уже, что лесорубы-интернационалисты рыли выгребные ямы почему-то именно там, где лежали расстрелянные монахи.

Хотя, может быть, и не специально это делалось.

Монашеские кости были раскиданы по всему монастырю, и где не начни рыть, обязательно попадешь на них. Потом уже, когда снова возобновился монастырь, эти кости собрали вместе…

И снова поднялись разрушенные монастырские строения, и сейчас, когда приезжаешь в Важеозерский монастырь, когда выходишь на берег озера и смотришь на отражения храмов в намоленной воде озера, уже невозможно представить, чтобы не было храмов в этом нестеровском пейзаже, чтобы не отражались они в спокойной воде озера…

Помню, когда я первый раз приехал в Важеозерский монастырь, снова возникло странное ощущение незыблемости того монастыря, о котором услышал еще в детстве, в Вознесенье, того монастыря, который прозирали здесь насельники дома скорби.

Н.М. Коняев с архимандритом Илларионом (Кильгановым)

В Важеозерском монастыре

Казалось, что об этом и разговаривали мы в трапезной с тогдашним экономом монастыря иеромонахом Тарасием, который сам, кстати сказать, происходит из поселка Вознесенье, на Свири.

Удивительно, но получалось, что иеромонах Тарасий связан с учениками преподобного Александра Свирского, как и сами основатели обители…

Еще будучи священником на приходе, он восстановил на берегу реки Обоженки, где убили первого ученика Александра Свирского преподобного Андриана Ондрусовского, часовню. А после этого его перевели в монастырь, основанный двумя другими учениками Александра Свирского.

Нет-нет…

Разговор наш с отцом Тарасием был самым обычным.

Отец Тарасий рассказывал об игумене Илларионе, который уехал по делам в Петрозаводск, о диаконе Никифоре, который между службами кладет каменные ворота в монастырь.

Вот и все…

А рядом лежал на диване, вытянувшись во всю длину, монастырский кот Важик, и прозрачными, как озерная вода, глазами внимательно наблюдал за отцом Тарасием, так что весь наш разговор, наверное, отражался в его глазах.

— А чем занимаются сейчас в поселке? — спросил я.

— Не знаю… — поглаживая Важика, сказал отец Тарасий.

— Не знаете? — удивился я. — Ну, а кто живет там? Лесорубы?

— Почему лесорубы… — отец Тарасий пожал плечами. — Врачи.

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов)

Я подумал, что он оговорился, но оказалось, что нет…

Когда закрыли в Интерпоселке сумасшедший дом, пациентов увезли, а врачи не все сумели выехать… Так и живут, только теперь уже не при сумасшедшем доме, а возле монастыря, основанного великими целителями Геннадием и Никифором Важеозерскими…

Такое вот странное отражение получилось.

И кажется, только тем и отличается оно от отражения, которое прозирали на Важском озере насельника дома печали в глухие атеистические десятилетия, что больше было тут наваждения, хотя это отражение и было вполне материальным.

И не нужно было и говорить, а и так само собою разумелось, что это наваждение тогда

и рассеется, когда снова в прежнем величии отразятся в спокойной воде Важского озера древние стены монастырских храмов…

9

Сейчас Важеозерский монастырь заступничеством преподобных Геннадия и Никифора, трудами игумена Иллариона с братией возродился…

Великими трудами — и нападения были, и церкви горели — удалось вырвать обитель из интерпоселковской трясины.

На берегу светлого Важского озера, где стоит между тремя березами крест на могиле блаженного инока Владимира, снова зазвучали в храмах молитвы.

Благодатны церковные службы.

Прекрасны они и в пышно украшенных столичных храмах, и в скромных сельских церквушках.

Но где еще увидишь столько светлости, как во время вечерней службы в Преображенском, построенном Иоанном Кронштадтским храме?!

За высокими окнами, совсем рядом, плещется наполненное, кажется, не водой, а светом Важское озеро, и тихий свет его, мешаясь со светом белой ночи, омывает каждое слово молитв.

И все, с кем бы я ни разговаривал здесь, говорили об особой благодатности этого места, хотя многое приходится строить заново.

И не только здания, но и самих себя.

И — такое уж видно свойство у Важеозерской обители — словесному наполнению нетрудно найти здесь и соответствующее материальное воплощение.

Помню, меня заинтересовала затейливая башенка, что возвышалась на границе монастыря с Интерпоселком.

— А это отец дьякон между службами кладкой занимается… — объяснили мне.

И потом, приехав в монастырь три года спустя, я обнаружил, что башенка превратилась в величественные, очень красивые ворота монастыря.

— Это отец дьякон так трудится… — полувопросительно, полуутвердительно сказал я, но мой собеседник, новый эконом монастыря отец Михей, отрицательно покачал головой.

— Нет! — сказал он. — Отец Никифор у нас уже иеромонах давно…

* * *

Последний раз мне довелось побывать в Важеозерском монастыре в ноябре минувшего года во время работы IV научной конференции «Православие в Карелии», которая была посвящена 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии.

Думается, что митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) не случайно включил поездку в монастырь в программу работы научной конференции.

Петрозаводская и Карельская епархия была возрождена в 1990 году, а уже на следующий год началось возрождение Важеозерской обители.

Это настоящая жемчужина епархии.

Многое, многое преобразилось в монастыре за эту четверть века.

Прежней осталась только старинная свертка с заасфальтированного шоссе. Говорят, что один дотошный паломник насчитал на 12 километрах этой дороги 68 поворотов.

Для быстрой езды, конечно, неудобно, но зато совсем нет ветра, и так тихо здесь, так неподвижен воздух, что, кажется, молитвенное сосредоточение само наполняет паломников.

Об этом говорила и экскурсовод, что привезла нас.

— Когда подъезжаешь к Важеозерскому монастырю, все как будто родными становятся в автобусе… — рассказывала она. — Я много куда езжу, но только здесь это чувствуется так остро…

В этой сосредоточенной молитвенной тишине и подъехали мы к обители, основанной 500 лет назад на берегу Важского озера преподобными Геннадием и Никифором Важеозерскими.

Вышла книга

К 500-летию преставления святого преподобного Геннадия Важеозерского (1516–2016) / Петрозаводская и Карельская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), Важеозерский Спасо-Преображенский мужской монастырь; [сост.: Басова Н. А., Аркадий (Лозовский), иеромонах]. — Петрозаводск: Ва Банк, 2016. — 72 с.: ил.

Книга подготовлена по благословению и под общей редакцией митрополита Петрозаводского и Карельского Константина.

Восстановление исторического облика обители продолжается и по сей день. Многое уже сделано, но многое еще предстоит сделать.

Все желающие могут помочь в возрождении древнего монастыря как своими силами, приезжая на время пожить в обители, помолиться, поработать, так и оказывая материальную помощь не только финансовыми средствами, но и любыми вещами, которые могут понадобиться в монастыре.

Для желающих оказать обители финансовую помощь:
Реквизиты монастыря
ПОЛУЧАТЕЛЬ:
Важеозерский Спасо-Преображенский
мужской монастырь
ИНН 1001026846
счет № 40703810525040000036
в Карельском ОСБ 8628/01212 г. Олонец
к/с 30101810600000000673
БИК 048602673
НАЗНАЧЕНИЕ ПЛАТЕЖА:
Пожертвование для монастыря
Также перечисления можно осуществлять
на электронный кошелек монастыря:
Яндекс-Деньги: 410011669901276

БЛАЖЕННЫЙ ИНОК*

Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Составлено по воспоминаниям современников и их потомков.

Составитель А. Е. Селезнев

*Продолжение. Начало в № 1 за 2016 г.

Детей у Алексеевых было двое: дочка Наденька и сын Владимир. Сколько лет они прожили в Луге — неизвестно, и почему переехали в Петербург, мы тоже не знаем; известно, что мальчиком Владимир посещал Казанский собор на Невском проспекте и был из обеспеченной семьи. Сестренку его Господь прибрал еще отроковицей. Всю жизнь блаженный инок будет ее помнить и чадам своим духовным накажет: «Поминайте родителей моих Алексея и Екатерину, — говорил он, — и сестренку мою, отроковицу Надежду, не забывайте в своих молитвах».

Прихожане и служители часто видели Владимира за богослужением. Тут он покупал крестики, иконки, на оставшиеся деньги в ближайшей лавочке покупал еду и все раздавал нищим. Наблюдательным людям бросалось в глаза, прежде всего, наличие карманных денег у подростка, говорившее о достатке его родителей. Второе впечатление: простота его сердца — казалась им глупостью, каким-то юродством, и относились они к нему как к дурачку, к блаженному. Да кто ж еще как не блаженный будет тратиться на нищих? Они и называли его блаженным, то есть счастливым, но в их устах это слово всегда звучало как свист хлыста, как оскорбление. Владимир же, воспитанный на буквальном понимании Евангелия, не собирал себе сокровищ на земле и потому пренебрегал мнением других, что, конечно, злило этих «других». Так и прилипло к нему как второе имя на всю жизнь, навечно, — «блаженный» — для одних бранный, для других восторженный эпитет.

Простота души и нестяжательность, редкие качества уже для конца XIX века, были основой характера будущего подвижника Божия и выделяли его не только среди свер-

стников. Многим взрослым становилось не по себе от присутствия рядом такого подростка. Особенно всех поражал его взгляд. Светлые, таящие улыбку глаза, смотрели на мир ясно, бесхитростно, и вместе с тем взгляд его был таков, что без труда проникал в душу каждого, на кого он был устремлен.

Годам к двадцати Владимир уже окончательно определился с выбором жизненного пути, но до времени путь этот был для него закрыт. Однажды случилось ему в Кронштадте в Андреевском соборе после службы получить благословение у отца Иоанна Сергиева, будущего светильника Церкви Христовой святого и праведного Иоанна Кронштадтского. То-то радости было! Тогда же или позже Владимир задал ему давно мучивший его вопрос о монашестве и услышал ответ: «Упокоишь родителей, и все само определится, будет видно». Возможно, желая смягчить огорчение Владимира, отец Иоанн благословил его поездить по святым местам. Вернувшись из Кронштадта домой, он попросил родителей отпустить его на богомолье и отправился в паломничество по России. Обошел 36 губерний, где пешком, где на попутных подводах, ездил на поездах и пароходах. За годы странствий побывал на Соловках, не раз поклонялся преподобным отцам Киево-Печерским, бывал у Симеона Верхотурского в Сибири и на Новом Афоне на Кавказе, молился в Чудовом монастыре у мощей святителя Алексия в Первопрестольной и в Свято-Троицкой Лавре у преподобного Сергия. Был и за границей: в Греции у великомученика Димитрия в Салониках, на Афонской Горе, даже у самого Гроба Господня в святом граде Иерусалиме, — и всюду просил он о милости Божией быть принятым в воинство Христово. Лишь спустя двадцать лет были «услышаны уже уст его молитвы».

* * *

А вот и Московская улица. Еще несколько шагов — и он уже на подворье. Здесь, внутри монастырских стен, Владимир почувствовал себя в безопасности.

Хранит Господь всех любящих Его, *волю боящихся Его сотворит — и молитву их услышит* (Пс. 144, 19). На помощь иноку в этот раз Он послал непогоду.

Доложившись о возвращении, он еще и на трапезу успел, а там вечерняя служба, потом чай, общее правило и — по кельям. К себе он попал затемно, помолился и сел за письмо.

Блаженный писал своей благодетельнице, богатой вдове Марии Антоновне, верной спутнице многих его паломничеств. Писал, не задумываясь, как говорил, знал, что она все равно поймет каждое его слово, и оживет оно в ее сознании картинами недавнего прошлого. А посторонним речь его казалась путаной, какой она бывает у юродивых.

†

Спаси Господи люди Твоя и благослови достояние Твое[1].

Будем молиться, будем стремиться к вечности, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь безконечная, где мой папа и Николай, твой верный муж.

---

[1] Тексты всех писем приводятся в авторской орфографии.

А когда будешь читать, то разбирай не торопясь — время читать. А мне хватило время писать.

Друг друга будем тяготы носить в других.

10 часов вечера.

9-го марта 1903 года.

Мир и любовь Божия пребывают над тобою, боголюбивая Иерусалимская труженица Мария Антоновна.

Я вспоминаю теперь, где были прошлый год — в Святом Граде Иерусалиме. Как ходили по горам, на кладбище Сионском, как ездили в Вифлеем и как Крестовую неделю проводили по церквам, стояли и учились на греческом напеве, видели церемонии в разное время, крестные ходы вокруг церквей, прикладывались к Святым Иконам; как Горным ходили, как мылись, на сороковую гору влезали и на русской постройке чай пили, как обедали, первый раз хлопнули — мы вздрогнули. Потом обедали несколько раз; в баню ходили; друг друга караулили.

Потом я вам ослика нанял в Назарете. Прощался с вами, как глазами провожал вас.

А когда вернулась, то нашла меня на молитве, грешного раба Божия. Письма встречали, самовары ставили, воду носили, белье стирали, — время незаметно летело. Как на Вербной с пальмой стояли, как святили Святую Пасху — хлеб, яйца и прочее.

Как встречали Благодатный огонь святой, как разговлялись, как расходились в разные помещения; как расставались из святого града Иерусалима, как спел св. псалмы старец Авраамий: пел редко, хорошо; как окружали мы людей и нас люди и пели все:

Сердцу милый вожделенный
Иерусалим, священный Град.
Ты прощай, мой незабвенный,
Мой поклон тебе у врат;

О тебе моей святыне
Глас с мольбою возношу
И Всевышним благостыню
От Небес тебе прошу;

Я с отрадными слезами
Отплываю по морям…

и т. д. до конца.

Провели Святую Пасху, расстались, ты провожала меня, и вещи мои понесла, и простились. Я поехал на Святой Афон, ты с радостью встречала меня на пароходе с Афона, ты рада с душой была лететь в гору Афон, как старый, так и новый. Вспомни как расстались мы с парохода, как отплыл я от вас, сколько слез было между нами.

Я сел с братией и запели: Гора Афон, гора Святая… Я знаю твоих красот… Твоего святого рая и под тобой шумящих вод… и т. д. до конца пели.

Мы подъехали к пристани; пошли на Пантелеимоновское подворье, там две недели прожили; я вас видел. Пословица: смелым Бог владеет. Я на ялике к вам приехал, потом отплыл обратно.

Но воля Божия была 2 недели еще отгостить и тогда я отплыл дальше в Одессу. Славный городок, — вспомни как ходили по церквам, на дилижансе ехали, как в женский монастырь, как на рынок, на почту — все вспомнишь, — здесь невольно слезы.

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение славим»…

А мать схимонахиню Евлампию — как она нас приняла; как туркам деньги платили; как апельсины ели; как лимонад пили; как ракичку, булки, хлеб, пироги турецкие брали; как печки покупали; как керосин тратили; как было в келье холодно и как тепло.

Как на русской постройке туманные картины смотрели, как заблудились; как пришли в свою келью, но воля Божия на все; как вспомнишь — сердце радостно обливается.

Вспомни, 12 Евангелий читали; вспомни, огонь в руки брали — «пожар» никто не кричал; поделись мыслью и успокойся; благодари Господа за благость Его.

Вот собрался писать после присланного письма; ждем — радостное воспоминание о Святой Пасхе.

Утреню, обедню вспомни и людей.

А нас окружали тысячи огней, в глазах сияли, пели: «Воскресения день, просветимся людие, Пасха, Господня Пасха» и т. д.

Напоминание еще вперед идет, еще доживем встретить эти первые минуты. Я с горячими слезами встречу этот день в новой своей келье.

Кому радость, а мне плач; кому веселье, я разговеюсь громким оханьем, мне принять никого нельзя, потому что высоко скорбно видеть идущего по узкой тропинке мытарства; ступаю с горячими слезами, провожу Святую Пасху 6 апреля 1903 года, но на все воля Божия, было время, я наслаждался чем желал, а теперь вступаю на узкий путь царский.

Мне времени нет писать, но пишу ради любви горячей святого слова: гласа Иерусалим не умолчу ради Сиона, ради будущаго воспоминания. Аминь.

Сначала приехали в Одессу; Смирну, где напугал турко-жрец; потом Солунь, — где городок хорош, там пели с нотами.

На пароходе провели 2 недели, проехали, нас качало 2 суток, легко приехали в Яфу; Ельцы.

Назад пишу, конец вспомнил город… Ялту, Новочеркасск, Керчь, Севастополь, много городов, всех не вспомнить; вот какая память. Я, слава Богу, жив и здоров и вам того желаю.

Я вздумал написать для утешения себя: меня тоска одолевает, желаю оставить подворье, но погожу маленько.

Пишу 9 марта. Просили две женщины, которые ездили с нами, мы ходили в Горния; вот они меня узнали, я им сказал, что здесь живу и они дали мне свой адрес.

Читал твое письмо, мама поправляется плохо, ей пособороваться надо, на неделе, безпременно; далее пишешь — Алексея дело в его сторону. Слава Богу.

Пишешь, что Паша хорошо торгует, — ты знаешь пословицу: сначала метелочка метет хорошо, потом чем кончится. Я радуюсь торговле ея, но более буду радоваться, когда они будут с Тоней, с Маней и со своими жить хорошо и мирно. Слава Богу. Я пишу про себя: у нас хорошо; батюшка отец Иоанн Лабутин со Смоленского уходит на Сенную, и вот с ним народу очень много прощалось, в том числе и я. Купил две книжки 50 копеек — 5 коп. обе, хорошо составлено им.

Я получил 10 писем за эти 2 недели, не знаю, как отвечать, письма дальние: одно из Киева, другое с Афона Нового, — помнишь, провожал послушник молодой Константин, — он просит карточку и письмо денежное 10 руб.

Из далека получил письмо — со Старого Афона, просят карточку на память с пустыни.

2 письма получил от Петра, послушника рясофорного, от батюшки получил Тихона, с которым снялся.

Из Москвы получил письмо, — просят ответить.

Из Петербурга 4 письма получил, просят придти.

Везде скорби, печали, радости мало.

Алексею Бородулину скажи, что получил я поклон от человека; икона его готова.

Конец писанью.

Когда будет скучно, то будет и легко. Пришлем перед Святой Пасхой, если будешь здорова. Вот прими привет.

Живи много,

инок Владимир.

Чудом сохранившееся собственноручное письмо блаженного инока как нельзя полно характеризует его самого, любовь к Богу, искреннее стремление служить только Ему и особенный характер подвига — юродство. Как просто и незатейливо пишет он о своем сне или видении: «*пошли на Пантелеимоновское подворье, там две недели прожили; я вас видел. Пословица: смелым Бог владеет. Я на ялике к вам приехал, потом отплыл обратно*», — будто видел он Марию Антоновну, находясь в Пантелеимоновом монастыре на Афоне, чего в реальности быть не могло. Но что такое реальность для блаженного?

Письмо было написано до пострига, но уже после определения Владимира Алексеева послушником на Важеозерском подворье, и кроме пламенной любви к Богу передает оно состояние душевной борьбы, противоречивые чувства человека, решившегося на монашеский путь: «*…на все воля Божия, было время, я наслаждался чем желал, а теперь вступаю на узкий путь царский*», — пишет он. И чуть выше: «*… с горячими слезами встречу этот день (Пасху. —* сост.*) в новой своей келье*». Непростое время переживает человеческая душа, ожидая обновления, рождения к новой жизни через отсечение себя от мира, потому и мается: «*вздумал написать для утешения себя: меня тоска одолевает…*».

Тоска и маета одолевали послушника Владимира вплоть до дня воспоминания Святых спасительных Страстей Господних того же 1903 года. Удивительное созвучие читавшихся накануне страстных Евангелий с тем, что творилось в его душе, вылилось, наконец, в самое главное событие его земной жизни. В Великий Пяток Страстной седмицы был сделан первый шаг на монашеском пути.

Валерий ФИЛИМОНОВ

СИЛА БОЖИЯ В НЕМОЩИ СОВЕРШАЕТСЯ

Молитвенный подвиг преподобного Серафима Вырицкого в годы Великой Отечественной войны

К 150-летию святого

Валерий Павлович Филимонов — русский писатель-агиограф, главный редактор радио «Слово» и вестника «На страже Православия». Им созданы жития великих подвижников веры. Это прпп. Серафим Вырицкий, Варнава Гефсиманский и Феодосий Кавказский, и др. Книги автора — «Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа», «По вере вашей да будет вам», «Крестом отверзается небо», «Святое Православие и тайна беззакония — XXI век», и др. — известны во многих странах мира. Труды В. П. Филимонова одновременно явились и материалами к прославлению пяти святых, совершавших свои подвиги в годы трех революций, войн и гонений. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Подражая своему Небесному учителю[1], Вырицкий старец принял на себя новый великий подвиг. После переезда в дом на Пильном проспекте он молился в саду на камне перед иконой преподобного Серафима, Саровского чудотворца, о спасении России и Русской Православной Церкви[2]. Это бывало в те дни, когда несколько улучшалось здоровье тяжело болевшего старца. Первые свидетельства о молении святого Серафима Вырицкого на камне относятся к 1935 году, когда гонители обрушили на Церковь новые страшные удары.

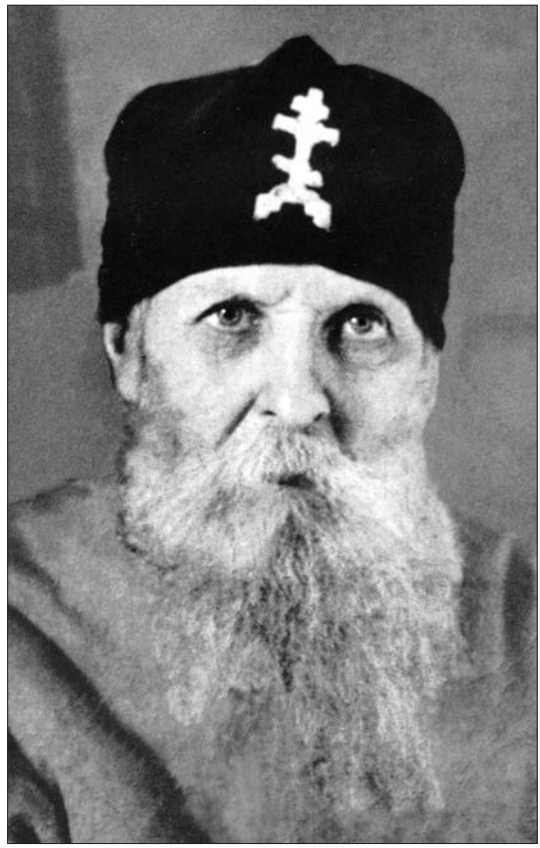
На протяжении почти десяти лет совершал преподобный Серафим Вырицкий свой непостижимый подвиг. Это было воистину мученичество во имя любви к ближним. Со многими горячими слезами умолял Господа подвижник о возрождении Русской Православной Церкви и о спасении всего мира. Это был великий плач о всем человечестве; это была святая скорбь о мире, не ведающем Господа и любви Его. Сердце старца было исполнено невыразимой жалости ко всем заблудшим и погибающим. Для него всякий человек был творением и созданием Божиим. Отец Серафим молился за всех людей — верующих и неверующих, за врагов и гонителей Церкви, желая вечного спасения всем до единого человека. Это была великая молитва покаяния за грехи людские. Такие молитвы удерживают мир от катастрофы…

---

[1] Преподобный Серафим Вырицкий принял великую схиму в честь преподобного Серафима Саровского, которому особо молился и стремился подражать в течение всей своей жизни.

[2] Это была икона, изображавшая Саровского чудотворца, коленопреклоненно стоящего перед образом Пресвятой Богородицы «Умиление». Эту икону Вырицкий подвижник привез в 1903 году с Саровских торжеств, в которых вместе с супругой принимал участие.

С началом Великой Отечественной войны преподобный усилил подвиг моления на камне — стал совершать его ежедневно. Вот что рассказали внуки подвижника — Маргарита Николаевна Набоко и Александр Николаевич Муравьев, лично сопровождавшие старца до камня: «В 1941 году дедушке шел уже 76-й год. К тому времени болезнь очень сильно его ослабила, и он практически не мог передвигаться без посторонней помощи. В саду, за домом, метрах в пятидесяти, выступал из земли гранитный валун, перед которым росла небольшая яблонька. Вот на этом-то камне и возносил ко Господу свои прошения отец Серафим.

Прп. Серафим Вырицкий, 30-годы

К месту моления его вели под руки, а иногда просто несли. На яблоньке укреплялась икона преподобного Серафима Саровского, а дедушка вставал своими больными коленями на камень и простирал руки к Небу… Чего ему это стоило! Ведь он страдал тяжелейшими хроническими заболеваниями ног, сердца, сосудов и легких. Видимо, Сам Господь помогал ему, но без слез на все это смотреть было невозможно. Неоднократно умоляли мы его оставить этот подвиг — ведь можно было молиться и в келлии, но в этом случае он был беспощаден и к себе, и к нам.

Молился отец Серафим столько, насколько хватало сил — иногда час, иногда два, а порою и несколько часов кряду. Отдавал себя всецело, без остатка — это был воистину вопль к Богу! Верим, что молитвами таких подвижников выстояла Россия и был спасен Петербург. Помним, что дедушка говорил нам: “Один молитвенник за страну может спасти все города и веси…” Невзирая на холод и зной, ветер и дождь, настойчиво требовал батюшка помочь добраться ему до камня, невзирая на многие тяжкие болезни, продолжал он свой непостижимый подвиг. Так изо дня в день, в течение всех долгих изнурительных военных лет…» Воистину, *«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»* (Флп. 4, 13).

И достигали Престола Божия молитвы незабвенного старца — Любовь отзывалась на любовь! Сколько душ человеческих спасли те молитвы, известно только Господу. Несомненно было одно: они незримой нитью соединяли землю с Небом и преклоняли Бога на милость, тайным образом изменяя ход многих важнейших событий.

Известно, что в самой Вырице, как и было предсказано старцем, не пострадал ни один жилой дом и не погиб ни один человек. Молился батюшка и о спасении вырицкого храма, и здесь уместно описать удивительный случай, о котором знают многие старожилы Вырицы. Чудеса, которые порою являет Господь, бывают весьма простыми и в то же время совершенно непостижимыми…

…В первых числах сентября 1941 года немцы наступали на станцию Вырица и вели ее интенсивный обстрел. Кто-то из командиров нашей армии решил, что в качестве объекта наводки используется высокий купол храма и приказал взорвать его. Для этого со станции была послана команда подрывников, в которую вошли лейтенант и несколько бойцов. Когда подвода со смертоносным грузом прибыла к храму, лейтенант приказал бойцам подождать его у ворот, сославшись на то, что должен ознакомиться с объектом подрыва. Офицер вошел в ограду, а затем и в храм, который в общей суматохе не был заперт…

Через некоторое время солдаты услышали звук одиночного револьверного выстрела и бросились к храму. Лейтенант лежал бездыханным, рядом валялся его револьвер. Бойцов охватила паника и, не выполнив приказа, они бежали из храма. Тем временем началось отступление наших войск, и о взрыве забыли. Так вырицкая церковь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы всеблагим Промыслом Божиим была сохранена от уничтожения…

И еще чудо: немцы, заняв Вырицу, расквартировали в ней часть, состоящую из… православных. Известно, что Румыния была союзницей Германии, но о том, что вырицкая команда будет состоять из румын, уроженцев восточной ее части, где исповедуется Православие, да еще говорящих по-русски, вряд ли кто мог предположить. Осенью 1941 года, по многочисленным просьбам благочестивых жителей Вырицы, храм был открыт, в нем начались регулярные богослужения.

Истосковавшиеся по церковной жизни люди заполнили храм (он был закрыт богоборцами в 1938 году, но, слава Богу, не разорен). Поначалу прихожане косились на солдат в немецкой форме, но видя, как последние молятся и соблюдают чин службы, постепенно привыкли. Невозможное людям возможно Богу — это был единственный православный храм, который действовал во фронтовой полосе, причем по ту сторону фронта!

В нем 24 сентября 1943 года, по благословению преподобного, монахиня Христина (Муравьева) — в миру — супруга старца, приняла великую схиму с именем Серафима. В последние годы она очень серьезно болела. Однажды преподобный сказал ей: «Пора, матушка, ни война, ни болезнь не ждут, дни лукавы суть». После этого был назначен день пострига…

А сам Вырицкий подвижник продолжал неустанно взывать о спасении России и Православной Церкви к своему Небесному покровителю, Пресвятой Владычице нашей и Самому Господу Богу.

И в радости и в горе монах, старик больной
Идет к Святой иконе в саду, в тиши ночной,
Чтоб Богу помолиться за мир и всех людей
И Старцу поклониться о Родине своей:
«Молись Благой Царице, великий Серафим,
Она — Христа Десница, Помощница больным,

Заступница убогих, Одежда для нагих,
В скорбях великих многих спасет рабов Своих.
В грехах мы погибаем, от Бога отступив,
И Бога оскорбляем в деяниях своих…»

Эти стихи преподобный Серафим Вырицкий написал в 1942 году. Моление на камне — это его высший молитвенный подвиг. Сущность этого делания раскрыта в житии преподобного отца нашего Серафима Саровского: «“Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами”. В этих словах старца высказался дух его моления. Он молился с умилением, и молитвы его были так близки к Богу, что он ощущал в себе присутствие Божие и укреплялся благодатным даром сего чувства».

Молитвы преподобного Серафима Вырицкого были так же близки и угодны Господу Богу, как и молитвы его Небесного наставника. Небо внимало этим молитвам и отзывалось на них…

Церковь Казанской иконы Божией Матери в Вырице

С первых дней войны преподобный Серафим открыто говорил о предстоящей победе русского оружия. На сей счет сохранились убедительные свидетельства, записанные со слов профессора Ленинградской Духовной академии протоиерея Ливерия Воронова и протоиерея Иоанна Преображенского. Они, будучи еще молодыми людьми, лето 1941 года, как обычно, проводили в Вырице и, как и многие ленинградцы, выехавшие в отпуска и на дачи, не успели эвакуироваться при стремительном наступлении немецких частей. Будущие священнослужители в то время пели в хоре вырицкого Казанского храма, куда стекалось множество народа. Всем было известно о патриотической деятельности отца Серафима. Сколько людей именно в то тревожное время пришли по молитвам подвижника к покаянию, горячо обратившись к Господу! Ведь старец так вдохновлял их, твердо говоря, что Господь обязательно дарует русскому народу победу, если тот укрепится в вере своих отцов.

Икона, пред которой молился о. Серафим (ныне находится у родственников преподобного)

…Румынской частью, расквартированной в Вырице, командовали немецкие офицеры. Им донесли о пророчествах отца Серафима, и вскоре в дом на Пильном проспекте, где проживал старец, пожаловали незваные гости. И вновь, как когда-то чекистов, батюшка укротил пришельцев через благодатную помощь Свыше. Преподобный сразу поразил их тем, что заговорил с ними на хорошем немецком языке — ведь в бытность свою купцом он часто посещал Вену и Берлин, сотрудничая с австрийскими и немецкими фирмами. Капитан, который был начальником вырицкой команды, спросил у отца Серафима, скоро ли немецкие части пройдут победным маршем по Дворцовой площади? Старец смиренно ответил, что этого никогда не будет; немцам придется поспешно уходить, а самому вопрошающему не суждено будет вернуться домой, при отступлении он сложит свою голову под Варшавой.

По рассказам плененных немцами местных жителей, которых оккупанты пытались угнать в Германию, этот немецкий офицер, действительно, погиб в районе польской столицы, а невольники были возвращены на Родину. Пророческие слова отца Серафима подтвердил и румынский офицер, также служивший во время войны в вырицкой команде. В 1980 году он приезжал поклониться могиле старца и, разыскав вспомнивших его местных жителей, поведал о подробностях того отступления.

Между тем отец Серафим еще в начале войны предсказал ряду жителей Вырицы будущее пленение и последующее благополучное возвращение из неволи. В частности, один из бывших старожилов Вырицы, Леонид Викторович Макаров, вспоминал, что старец предсказал это и его семье, отметив, что в дальнейшем они будут жить в большом городе. Время показало истинность слов преподобного Серафима.

Евдокия Васильевна Федорова свидетельствует о том, что Вырицкий старец помог ей отыскать мужа — Алексея Федоровича, находившегося в немецком лагере для военнопленных. По молитвам батюшки Серафима и слезной просьбе супруги лагерное начальство неожиданно отпустило домой единственного кормильца семьи.

Молитвенное предстательство преподобного помогло в годы войны великому множеству людей. По рассказам переживших блокаду духовных чад отца Серафима, они буквально ощущали его молитвенную помощь в осажденном городе и необыкновенно укреплялись, особенно когда находились, казалось бы, в безвыходном положении.

Несмотря на сильное изможение плоти, дух батюшки был бодр и свободен. Он пребывал в непрестанной молитве, пламенея любовью ко Господу и ближним. Этот дух врачевал сердца его чад, принося утешение и рождая надежду. В часы своих молений на камне, «в саду, в тиши ночной», подвижник всем сердцем молил Господа об освобождении северной столицы от вражеской блокады.

Нет никакого сомнения в том, что пламенные сердечные молитвы преподобного Серафима Вырицкого о даровании русскому народу победы над врагом были одним из важнейших голосов в общей соборной молитве Церкви земной и Церкви Небесной. Духовными очами он видел все, что происходило в страждущем городе. «Бедный, бедный Петербург… Мученики… да-да — это мученики…» — сокрушался тогда старец. Молитвенный подвиг преподобного стал великим духовным вкладом в дело освобождения северной столицы от страшных тисков блокады.

В январе 1943 года кольцо фашистских войск, окружавших город на Неве, было прорвано, а в январе 1944 года в результате мощных ударов наших соединений на суше, в воздухе и на море, во взаимодействии с Балтийским флотом — оборона врага была сломлена на трехсоткилометровом участке фронта. В феврале войска противника откатились от города уже на 270 километров. Война все дальше и дальше уходила на Запад…

Полное освобождение города от вражеской блокады торжественно отмечалось молитвой клира и мирян. По благословению митрополита Алексия (Симанского) во всех храмах 23 января 1944 года были отслужены благодарственные молебны. Повсюду оглашалось слово Владыки: «Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу… Эта победа окрылит дух нашего воинства и, как целительный елей утешения, падает на сердце каждого ленинградца, для которого дорога каждая пядь его родной земли»[1].

Великая Отечественная война стала явным вразумлением Божиим для богоборческих властей. В народе росло ощущение собственной греховности, чувство покаяния и осознание войны как праведного наказания Божия. Святая вера, которую гнали и стремились уничтожить в течение почти 25 лет, вдруг стала великой мобилизующей силой в борьбе против фашизма!

Несравненный вклад в сохранение этой основы основ существования Русского народа внес преподобный Серафим Вырицкий. В истории Церкви не раз случалось, что во времена самых жестоких гонений и опустошительных войн Господь воздвигал в помощь людям Своих особых избранников — хранителей веры и чистоты Православия. Таким избранником Божиим в России 30–40-х годов XX века стал смиренный Вырицкий старец — великий молитвенник и печальник Земли Русской.

---

[1] Журнал Московской Патриархии. 1944. № 2. С. 11–12.

Русское духовенство, с честью прошедшее все немыслимые испытания военных лет, вновь показало себя плотью от плоти, костью от кости русского народа. Русские православные иерархи, священники, монашествующие, простые верующие люди, практически все как один кладут души свои во имя спасения Отечества. Священноначалие Русской Православной Церкви в своих посланиях и обращениях к русскому народу находит самые нужные, самые близкие сердцам русских людей слова.

Патриотическая деятельность Церкви, возродившей для широких масс почитание имен святых князей Александра Невского и Димитрия Донского, Козьмы Минина и Димитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, Павла Нахимова и Федора Ушакова, необыкновенно помогла сплочению народа и поддержанию героического духа в тылу и на фронте.

Впервые за годы советской власти ряду священнослужителей были вручены правительственные награды — медали «За оборону Ленинграда». В число награжденных вошли: митрополит Алексий (Симанский), протоиереи Владимир Румянцев, Павел Тарасов, Филофей Поляков, Николай Ломакин, Михаил Славнитский и другие представители духовенства и мирян. Многие клирики города погибли в блокаду, не дождавшись дня освобождения…

Весной 1944 года, вскоре после полного снятия блокады, митрополит Алексий посетил Вырицу. Причем отец Серафим, прозревая предстоящий визит архиерея, заранее предупредил о нем удивленных домашних. Эта встреча была очень теплой и продолжительной. Полное содержание беседы Владыки Алексия с Вырицким старцем, безусловно, осталось в тайне. Известно, что тогда иеросхимонах Серафим вновь подтвердил свое пророчество об избрании митрополита Алексия Патриархом Московским и всея Руси, сказанное еще в 1927 году.

В этот раз преподобный Серафим назвал Владыке точное время его избрания на предстоящем Поместном Соборе. Увидеться в земной жизни им уже не пришлось, однако до конца дней своих они почитали друг друга и молились один за другого.

В день памяти благоверных князей Российских, страстотерпцев Бориса и Глеба, 15 мая 1944 года почил о Господе Патриарх Сергий. В соответствии с завещательным распоряжением почившего Патриарха в должность местоблюстителя Патриаршего престола вступил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский). Прежде всего, он призвал верующий народ усилить молитвы о победе русского оружия: «Пусть наших доблестных воинов, освобождающих нашу Русскую землю, осеняет в их победном шествии на запад, на полное разрушение лукавых козней врага, на разгром фашизма эта молитва и это благословение Церкви…»[1].

2 февраля 1945 года на Поместном Соборе Русской Православной Церкви Святейшим Патриархом Московским и всея Руси единогласно был избран митрополит Алексий (Симанский). В течение 25 лет предстояло ему совершать служение Первосвятителя Русской Православной Церкви, как и предсказал святой преподобный Серафим Вырицкий.

Отношение к вырицкому подвижнику у Патриарха Алексия I было необычайно теплым и искренним. Настоятель вырицкого Казанского храма, последний духовник великого старца, протоиерей Алексий Кибардин пишет

[1] Журнал Московской Патриархии. 1944. № 7. С. 3–4.

в своих воспоминаниях о преподобном: «Я чту его как великого старца. Конечно, я небольшой человек, чтобы предлагать свое суждение… Но я знаю, и был свидетелем отношения к старцу Святейшего Патриарха Алексия, которого старец благословил своим родовым образом Спасителя. Образ этот находится в кабинете у Святейшего…

Это было в 1948 году. Митрополит Григорий (Чуков) вызвал меня для представления Патриарху Алексию. Я был на приеме у Святейшего и передал ему от старца: “Иеросхимонах Серафим из Вырицы — в миру Муравьев Василий Николаевич — просит Вашего, Ваше Святейшество, благословения и земно Вам кланяется”, — и при этом я земно поклонился.

Камень — свидетель молитвенных подвигов отца Серафима

“Знаю, знаю его, — ласково сказал Патриарх, — а как он здравствует?” Я ответил, что духом он бодр, а телом изнемогает, так как очень много у него бывает посетителей с горем и скорбями… Святейший меня благословил и сказал медленно и раздельно: “Передайте ему от меня, что я прошу его святых молитв”. Кончился прием, слышу в публике голос: “Вот ведь за Патриарха вся Церковь молится, а он просит молитв схимонаха…” — “Ну, а это не простой схимонах, а старец”, — произнес неизвестный…»[1]

На Западе еще полыхало пламя продолжавшейся войны, а в Вырицу уже спешили страждущие со всех концов России и других освобожденных территорий. Ехали из Псковской, Новгородской, Великолукской, Калининской и других областей, из многострадального города на Неве и его окрестностей, из Москвы и Подмосковья, из Эстонии, Латвии, Карелии и других мест. С каждым днем этот поток все увеличивался. Война разлучила несметное количество людей, и многие надеялись узнать о судьбе своих ближних через вырицкого подвижника. Порою желающим встретиться со

[1] Архив Санкт-Петербургской митрополии. Личное дело протоиерея Алексия Кибардина. Л. 41–42, 82.

старцем для духовной беседы приходилось ожидать этой встречи в течение нескольких дней.

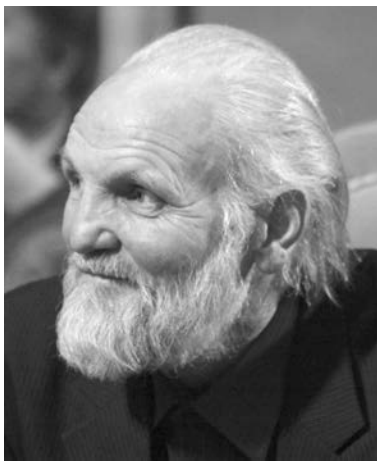
Маститые священнослужители и простые монахи, выдающиеся ученые и боевые офицеры, немощные старушки и совсем юные девушки, студенты, школьники, малые дети, люди верующие и неверующие — шли день за днем, сменяя друг друга. Все они были одинаково близки любвеобильному батюшке. Одним своим видом преподобный вызывал особое доверие к себе и рождал ответную любовь всякого, кто переступал порог его келлии. С истинно отеческим вниманием и добротою принимал батюшка каждого посетителя, и все с детской доверчивостью открывали ему самые потаенные уголки своих душ, которые старец и без того прозревал. В народе жила вера в силу его молитв. На самом деле, земные дела множества людей по молитвам преподобного управлялись как бы сами собой, но, прежде всего, он заботился о спасении душ человеческих.

«*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*» (Ин. 15, 13) — этот завет Христа был буквально начертан на скрижалях сердца смиренного и кроткого старца. Вдохновенно, с полным самоотвержением служил людям отец Серафим — был отцом и наставником в жизни, врачующим духовные и телесные немощи, руководящим к вечному спасению. Батюшка по-прежнему оживотворял все вокруг. Несмотря на то, что обострились многие его тяжелые болезни, он держался всегда бодро и был благодушен ко всем, сохраняя необыкновенное обаяние и благообразность. Вновь и вновь выстраиваются у дома на Майском проспекте вереницы людей — вереницы человеческих судеб и душ, которые день за днем врачует батюшка Серафим. В ту пору преподобный помог своими молитвами и практическими советами великому множеству людей. Кто-то узнал о пропавших без вести родных и близких, другие по молитвам старца устраивались на работу, третьи обрели прописку и кров. И — сами бессмертные души их получали верное направление ко спасению.

Духовная дочь старца Вера Константиновна Берхман пишет в своем дневнике: «Из келлии его выходят кто с заплаканными, кто с радостными лицами. Но эти люди уже не те, что сюда вошли — мир и умиление светятся в их глазах. “Он посоветовал, — сообщают они, — молиться как за живого. Значит жив!” Делятся друг с другом его словами, советами. Отсюда они выйдут уже другими людьми, с надеждой на лучшее, с упованием на помощь Свыше, с решением молиться и терпеть…»

Профессор Михаил Сергеевич Фаворский, вспоминая о своих встречах с преподобным, сказал удивительные слова: «Батюшка Серафим умел давать Небесную радость, отчего все, даже самые тяжелые скорби, уходили на второй план, а человек желал испытать эту радость и в будущем». Воистину, «*Наше же жительство — на небесах…*» (Флп. 3, 20).

Владимир КРУПИН

«ДЕЙСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ К РОССИИ, К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ»

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

«Для тех, кто любил Россию и был верен Господу»

Личность Владыки вошла в нашу жизнь в тяжелейшие времена, когда началось разрушение не только Советской России, уже сложившейся государственности, но и новой России, страшных нападок на Православную Церковь. В те времена последним бастионом оставалась Церковь, против которой были направлены все усилия врагов Отечества. И митрополит Иоанн встал во весь рост. Он обладал негромким, глуховатым голосом и был невысокого роста. Митрополит Иоанн пришел на Петербургскую кафедру из Самары. Он много писал о России, исповедуя три главные ценности: Бог, Православие, Россия. Владыка обладал незаурядными и глубокими познаниями. Я встречался с ним несколько раз, брал благословение, а однажды мне довелось с друзьями-писателями побывать у него в петербургской резиденции. Белов Василий Иванович, Распутин Валентин Григорьевич, Бородин Леонид Иванович и аз многогрешный провели удивительный вечер с Владыкой Иоанном. На дворе стоял 1992 год. В те времена иноверцы, несмотря на вражду, объединились в совместных акциях по одурманиванию русского народа. Они ходили по Волге на теплоходе, а наш простой и доверчивый русский народ встречал их как дорогих гостей с хлебом-солью, предоставлял для выступлений различные площадки кинотеатров, театров и стадионов. Эти деятели вещали и вещали, приобщая варварскую Россию, по их мнению, к западным ценностям. Они именовали себя спасителями и просветителями русской темноты.

В тот вечер мы спрашивали у митрополита Иоанна: «Святый Владыка, как быть?» А он смиренно отвечал: «Гнать их в шею!». Его слова актуальны до сей поры. Хотя в те времена были сплошные заезды проплаченных западных гастролеров. У меня был рассказ, как один парень признавался, что подыгрывал этим заморским деятелям. Его выкатывали в инвалидной коляске на сцену, а в это время так называемый пастор неистово ревел: «Сейчас ты встанешь и пойдешь! Сейчас ты встанешь и пойдешь!» Мнимый инвалид вставал под наигранный рев публики. Поэтому наш смиренный и незабвенный святый Владыка призывал: «Гнать их в шею!».

Труды Владыки о России, его собрания сочинений издаются до сих пор. Хотя в недавней беседе со мной Олег Анатольевич Платонов, воспитанник Владыки, признавался, опечалившись, что сегодня стали меньше читать книги митрополита Иоанна. Но в те времена чтение трудов Владыки было повсеместным для тех, кто любил Россию и был верен Господу. Труды митрополита читали с душевным усердием и огромной пользой для души. В 90-е годы было мало книг, но благодаря Владыке начали выходить в свет труды святителя Игнатия (Брянчанинова), книги Тихомирова и Леонтьева. Владыка одним из первых начал утолять голод по духовному просвещению, по возрождению России. Поэтому значение служения Владыки нисколько не уменьшилось и продолжает расти.

Дело наших отцов по просвещению народа не пропадет. Многомиллионные издания святоотеческой литературы не попадут на помойку. Кстати, недавно один случай ранил мою душу. Я проходил мимо помойки и приметил кипу хороших книг и расстроился, но успокоился только тогда, когда не нашел среди них православной духовной литературы. Поэтому я спокоен за наш народ. Конечно, есть издатели и читатели, но не хватает делателей. Недавно я вернулся с Северного Кавказа, где православным живется трудней, чем нам в Богоспасаемом граде Москве, но там люди сильные, они выдержат.

Дай Бог доброго здравия нынешнему митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Варсонофию, поддержавшему установку памятника Владыке Иоанну в Петербурге.

«Надгробное рыдание творяще песнь…»

Всей своей жизнью мы зарабатываем себе свою смерть. Только смерть обозначает истинные масштабы ушедшего человека. Особенно писателя.

Насколько тиха и величественна была земная кончина Владимира Солоухина, настолько же резко в эти, после похорон, дни поднимается его и без того огромное значение для русской словесности. Незадолго до смерти исповедовавшийся и причастившийся, он удостоен был великой чести быть отпетым в храме Христа Спасителя самим Патриархом. Это ли не знак Божеской милости? И еще ко всему тому упокоился в родной владимирской земле, в селе Алепино, рядом с матерью Степанидой Ивановной и отцом Алексеем Алексеевичем.

Как шелуха отпали враз наветы и поклепы на него. Предстала перед всеми истинная независимость писателя. Не угодивший ни правым, ни левым, ни властям, ни критикам, не скрывавший никогда своих православных убеждений, своих монархических взглядов, прошедший членство в КПСС,

переведенный на все основные языки мира, писавший всегда только от первого лица, писатель сорок лет (сорок!) был в центре внимания, в числе тех немногих, кто определял нравственный климат эпохи, кто, как гигант, поддерживал духовный свод современности.

Горе, как его ни жди, обрушивается со всей тяжестью и пригибает внезапно. И только в православном обряде отпевания мы вновь обретаем силы жить дальше и надежду, что дело такого великого человека будет продолжено. Главное дело Владимира Солоухина — действенная любовь к России, к русской культуре. Помню, как громко, во всеуслышание, раздались гневные слова Владимира Алексеевича, нарушившие навсегда эйфорию октябрьского переворота. Кто-то при нем похвалил фильм «Чапаев», особенно кадры, когда Анка-пулеметчица косит белогвардейцев. «Да как вы можете это хвалить! — закричал писатель. — Вдумайтесь, в кого она стреляет? Она же в русских людей стреляет!»

Помню, как горе октября 1991 года поразило всех нас, а Владимира Алексеевича в особенности. Думаю, он и прожил гораздо меньше отпущенного ему природой срока жизни оттого, что русские, стравленные «мировой общественностью», стреляли в русских. Солоухин возвращал русским Россию, восстанавливал человеческий облик в человеке. Диву даешься, как он пронес в тяжелейшие времена свою подчеркнутую русскость, заставив уважать себя всех, заставив читать себя и следовать своим убеждениям. Именно заставив. Но на чем же держалась сила его уверенности в том, что именно он идет единственно верным путем в этой жизни? На том, что шел он путем Православия.

Не под мрамором модного московского пантеона упокоилось тело русского писателя — под простым деревянным крестом сельского кладбища. Он любил читать блоковское: «Похоронят, зароют глубоко, низкий холмик травой зарастет...». Не зарастет. Как может зарасти, когда тропа к его могиле вымощена нашей благодарной памятью за его уроки, уроки мужества и терпения, доброты и таланта.

На похоронах Федора Абрамова, на Архангелогородчине, теперь уже давно, еще когда марксистско-ленинская идеология отрицала Бога, Владимир Алексеевич, говоря надгробное слово, обратился к высокому библейскому слогу: «Земля еси и в землю отыдеши», — и перекрестился и перекрестил усопшего собрата. «Могила великого человека, — повторил он слова Пушкина, — есть национальное достояние».

Вот и еще одним национальным достоянием мы стали богаче. Дай Бог и нам, каждому в свое время, упокоиться в земле нашей единственной, одинокой, многострадальной России.

Соединивший эпохи

Соединивший классику и наше время, в прямом смысле спаситель русской поэзии, кто это? Это Николай Рубцов. Не наследный принц, не потомок дворян, не из репрессированных; Сорбонны, Оксфорда, МГУ не кончавший, из литинститута изгоняемый. Более народного происхождения, чем у него, просто нет. Он из самых глубин русской жизни. Из самых! Без отца, вскоре и без матери, как он, этот зеленый росточек, детдомовец, выжил на всех безжалостных ветрах военного и послевоенного времени,

как? Как эта сиротинка осталась живой, пробилась к вершинам русской и мировой культуры, как? Что спасало, что сберегло, что сделало Николая Рубцова одним из ведущих поэтов двадцатого века?

Не знаю, кто как ответит на этот вопрос, я же уверен, что никто, только Господь одарил его великим талантом, а нас, русских людей, Россию, его животворящими трудами.

Разве брали его в расчет властители дум, «шестидесятники»? Всплывшие на мутной волне двадцатого съезда, угодившие новым властям, все свои преступления свалившим на Сталина, они очень неплохо устроились в СССР. Въезжали в дачи, катались по америко-европам, хвастались знакомствами со знаменитостями, издавались без передышки, и кто их, всего через поколение, вспомнит? И где их достижения? Все дым, все прах. Знали ли они о Рубцове? Поняли ли из первых его публикаций все величие его таланта? Где там! Только и было, что обозвали его шарфиком. Да разве б смогли они уравнять его с собою, да еще и вообразить, что он выше их на десять голов, когда им было, славящим то Ленина, то вскоре певших оды его жертвам, то торопившимся одобрять уничтожение природы, затопление тысяч гектаров земель, убийство целины, то сочинявшим бравые тексты для песен строителей коммунизма, и тут же бегущих к очередной кормушке очередного генсека, когда им было понять, кто такой Рубцов? Да и что он знает о пост-пинк-флойдовской культуре?

А он знал главное, знал, что «мать России целой — деревушка». Своей чистой душой он говорил родине, избушкам и деревьям родной деревни: «За старинный плеск ее паромный, за ее пустынные стога я готов безропотно и скромно умереть от выстрела врага». И как иначе? Здесь «звезда полей во мгле заледенелой… восходит ярче и полней, и счастлив я, пока на свете белом горит, горит звезда моих полей…».

Образ деревни — прародины России продолжается образом русской дороги, по которой идет поэт, «перекликаясь с теми, кто прошел, перекликаясь с теми, кто проходит… Здесь русский дух в веках произошел, и ничего на ней не происходит. Но этот дух пройдет через века! И пусть травой покроется дорога, и пусть над ней печальные немного, плывут, плывут, как мысли, облака…».

Не могла быть великая поэзия достоянием только села: и в городах русский народ — все бывшие деревенские — и память о земле-кормилице похоронена не во всех сердцах. И, подчиняясь зову небес, может быть, вопреки себе, поэт говорит: «Я выстрадал, как заразу, любовь к большим городам… Ах, город село таранит! Ах, что-то пойдет на слом! Меня же терзают грани меж городом и селом».

И дотерзали. А до января 1971-го, подчиняясь обязанности русского таланта — служить России, служил. «Привет, Россия, родина моя! Как под твоей мне радостно листвою! И пенья нет, но ясно слышу я незримых певчих пенье хоровое… Как будто ветер гнал меня по ней, по всей земле — по селам, по столицам! Я сильный был, но ветер был сильней, и я нигде не мог остановиться».

И поэзия его не остановилась. Ее размножали, делали известной не издательства, не премии — благодарная память людская. И в горнице русской поэзии стало опять светло, это от рубцовской ночной звезды.

Самое важное: полюбивший поэзию Рубцова обязательно полюбит и Россию. И, глядя с высоты веков (взбежим на их холм и поглядим на поле русской поэзии), видно, что Пушкина, сменившего Державина, сменили Лермонтов и Тютчев. А Тютчева? Тютчева божественным провидением было приказано «продолжить книгою Рубцова».

Осенью 1976-го года вдова поэта Александра Яшина Злата Константиновна собрала вологжан и москвичей, знавших Рубцова, на его отпевание в московской церкви Николы в Кузнецах. Ее очень страшило то, что зимой 1971-го раба Божия Николая похоронили без «церковного пенья, без ладана, без всего, чем могила крепка». Отлично помню как батюшка сказал: «Николай Рубцов очень многих привел ко престолу Божию». И очень многих соделал защитниками России.

И вернул русской поэзии ее предназначение.

Вышла книга

«**Ничего душе не надо, кроме родины и неба**»: 2-й Международный поэтический конкурс им. И. Н. Григорьева / сост. Н. В. Советная. — СПб., 2015. — 240 с.

Названием сборника послужили слова замечательного русского поэта-фронтовика Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996). По уже формирующейся традиции в книгу вошли произведения поэтов, либо причастных к легендарной судьбе И. Григорьева, либо искренно сочувствующих, принимающих участие в деле по увековечиванию его памяти. Поэтому на страницах раздела «Мы остаемся самими собой…» знатоки современной литературы встретятся с известными поэтами, победителями, лауреатами различных конкурсов и совсем молодыми авторами, лавры которых еще впереди.

Сборник «Ничего душе не надо, кроме родины и неба», посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945), издан по благословению протоиерея Григория Григорьева, писателя, профессора, доктора медицинских наук и богословия, настоятеля храма Рождества Иоанна Предтечи в д. Юкки Ленинградской области — там, где 16 января 1996 г. нашел последний земной приют героический человек и талантливейший поэт Игорь Николаевич Григорьев.

Николай БУРЛЯЕВ

ВЕЛИКИЙ СКУЛЬПТОР ВЯЧЕСЛАВ КЛЫКОВ

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и президент Международного кинофорума «Золотой Витязь». Председатель международного Объединения кинематографистов Славянских и Православных народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Впервые я увиделся с Вячеславом Клыковым в 1986 году. Поводом для знакомства стал мой авторский фильм «Лермонтов», который с момента своего рождения попал под яростный обстрел «демократических» СМИ. Спасая свое любимое детище, я показывал фильм друзьям и знакомым в надежде на поддержку. На один из просмотров, организованных на «Мосфильме», пришел Вячеслав Клыков. Он полностью принял фильм, оценив его художественные и мировоззренческие достоинства. С этого дня мы стали единомышленниками, поняли, что нам в этой жизни — по пути. Оба мы — потомки русских казаков, патриоты России, служащие ей своим искусством.

В это время Вячеслав создал одно из главных своих произведений — памятник преподобному Сергию Радонежскому, и я впервые смог увидеть это творение в его мастерской. Мало произведений монументального искусства сравнятся с клыковским Сергием по красоте, образности, по чистоте светлой патриотической, возвышающей душу идеи. Старец с монашеским силуэтом, соединив на груди куполом руки, охранительно держит их над головой отрока Варфоломея. Яркий символ отеческой веры в грядущее России. Когда я смотрел на памятник с высоты второго этажа, душа моя наполнялась ощущением невероятной силы и трепетного восторга. Я обнял и поцеловал Славу, поздравив его с безусловной творческой победой.

Но вслед за радостью грянули невероятные события, связанные с дальнейшей судьбой этого памятника. Вот запись из моего дневника.

«19 сентября 1986 года. Сегодня по программе “Время” какой-то новый комментатор заявил на всю

страну, что “лидеры «Памяти»” хотят незаконно поставить памятник Сергию Радонежскому, обходя официальные ведомства. Ретивый комментатор “заклеймил позором эту акцию”. Враг внутренний непримирим, беспощаден, оперативен, нагл. Какая подлость: на всю Россию, на весь Союз очернить чистое, бескорыстное, патриотическое общественное начинание — памятник великому сыну России, вдохновителю победы на Куликовом поле, объединителю земли Русской, и назвать это историческое событие “антиобщественной акцией”. Впрочем, эти наглецы умеют быстро все ставить с ног на голову, называть белое черным, бить сходу по рукам, по голове, чтоб другим неповадно было. Однако они играют с огнем. Опасно бить по рукам, а тем более по голове просыпающегося великана.

Позже в “Московской правде” вышла статья поэтессы Тамары Пономаревой, в которой говорится о подвиге Сергия Радонежского и о памятнике Вячеслава Клыкова. В редакции буря. Памятник при транспортировке к месту установления “арестован” ГАИ на 20-м километре Ярославского шоссе. Придрались, кажется, к неисправности в электрике. Если раньше я еще раздумывал, ехать — не ехать на открытие памятника, то теперь твердо решил — поеду.

20 сентября. Пришлось столкнуться с чудовищными фактами нашего сегодняшнего “демократического” бытия. К 15 часам мы с Т. Пономаревой спешили в Радонеж на открытие памятника. Погода чудовищная, шквальный дождь, заливающий стекла машины, сплошной мрак. Однако я неожиданно, но вполне уверенно сказал своей спутнице, что в Радонеже будет солнце. При съезде вправо на Городок стоял кордон из милицейских машин. Сказали, что здесь нет проезда, направили нас дальше по шоссе. Там у очередного съезда с шоссе — снова кордон. Проехали. Далее одолели еще 5–6 заслонов.

Всюду спрашивали “Куда?”. Советовали сидеть дома, не вмешиваться, говорили: “Дальше все равно не пропустят”. Встречая сопротивление, моя устремленность к цели возрастала. На последнем кордоне проверили и права, и удостоверение, записали данные моего членского билета Союза кинематографистов и фамилию Тамары. Сказали, что здесь не пропустят. Видя мою решимость, посоветовали ехать обратно до 59-го километра, там оставить машину и идти полтора километра пешком до Радонежа. Я не выдерживал унизительности происходящего, доказывал милиции неправоту подобных действий, показывал статью Тамары в “Московской правде”.

На 59-м километре те же вопросы: “Куда?”, “Зачем?” Я прямо сказал, кто я и зачем еду в Радонеж:

— Я кинорежиссер с киностудии “Мосфильм”… Еду смотреть, что творится в моем Отечестве.

— Резонно, — ответил милицейский бас, — оставьте машину там и идите пешком.

Оставил… И пошли под дождем, по осенней грязи, через поля и леса, по тропам и оврагам, не зная куда… Шли по интуиции… Наконец вышли на дорогу. Справа, позади, увидели милицейский кордон — заставу, перекрывшую съезд с Ярославского шоссе. Ну, ни дать, ни взять, как в кино про войну: пробираемся по оккупированной врагом территории. Вышли на дорогу и, не скрываясь, пошли к селу. Нас обгоняли черные “Волги” и ми-

лицейские машины. Подходя к Радонежу, что означает “Радость нежная”», увидели новые цепи милиции.

Капитан сказал, что дальше “пока нельзя, там официальные лица”.

— Здоро́во, Коль! — с разлета окликнул меня Савва Ямщиков, подходящий, подлетающий с четырьмя друзьями. — Тебя что, не пускают? Я работник Фонда культуры…

Его пустили одного. Уходя, он сказал, что передаст там, чтобы меня пропустили. Пока ожидали — беседовали с симпатичными капитаном и майором. Я говорил, что все происходящее — постыдно: не пускать людей почтить память великого сына Русской земли, что этому будет дана оценка историей. Я понимал, что они всего лишь исполнители, но не мог удержаться:

— Стыдно… Мы добирались садами, полями-лесами, едва не ползком… Унизительно. А если вам дадут команду стрелять?

Капитан говорил, что ему действительно стыдно, что раньше он лишь читал о подобных исторических драмах, а теперь сам стал участником. Говорил, что их подняли по тревоге, что видит людей, идущих сюда… Наконец, он вызвался проводить нас к центру событий.

За ним, как за каменной стеной, дошли до церкви. Там с милицией и таксистами колыхалось тысячеголовое море. Перед церковью была насыпь, покрытая цветами, воздвигнутая на месте предполагаемой установки памятника. Здесь я увидел Славу — поцеловались. Когда слово взял первый оратор, погода мигом прояснилась, тучи над головой разверзлись, поголубело, и солнце — яркое, летнее — светлым лучом пролилось на место, где должен был стоять памятник. Первый оратор-исполкомовец в мегафон, но как-то очень тихо сказал о том, что наш народ чтит память своих предков, что памятник будет открыт позже, поблагодарил всех пришедших почтить память Сергия Радонежского. Это прозвучало насмешкой. Другой оратор сказал кратко о значении Сергия Радонежского и о необходимости открытия памятника. Затем представитель Российского Фонда культуры сказал, что они побеседовали с Вячеславом Клыковым — “талантливым скульптором”, и тот понял, что в сложившейся ситуации открывать памятник нельзя. Что существуют законы в нашем обществе, что Фонд культуры поможет Клыкову завершить работу в хорошем материале и памятник непременно откроют в мае-июне.

Мы с Вячеславом покидали “Радость нежную” с тягостным чувством русских людей, живущих в своем оккупированном Отечестве, словно в гетто. Было совершенно очевидно, чьи руки ныне держат вожжи правления в нашей стране. Добравшись до Москвы, заглянул к Славе в мастерскую, чтобы еще раз полюбоваться на нашего опального Сергия».

В конце мая 1987 года мы с В. П. Астафьевым и С. Ф. Бондарчуком прибыли в Радонеж, едва не опоздав на сдергивание покрывала. Народу, милиции снова — тьма. Но теперь мы чувствовали себя здесь как на своем празднике. Мы победили! Вечером мы собрались в мастерской Вячеслава на дружескую трапезу. Было человек сто близких людей. Он сам вел застолье, по очереди предоставляя слово Виктору Астафьеву, Петру Проскурину, Сергею Бондарчуку, Володе Личутину, мне…

В конце 2010 года я, наконец, побывал на родине Вячеслава в курской деревне Мармыжи. Как часто, со скрытой гордостью, словно заклинание

или песню повторял Вячеслав это таинственное, интригующее слово — Мармыжи. Обычная русская деревенька с заброшенными пашнями, ухабистыми проселками, ржавыми останками техники, навозом… Самое любимое, самое милое сердцу Вячеслава место на земле! Здесь гордятся и почитают память о своем великом земляке.

В музее Клыкова я увидел фото, о существовании которого и не подозревал. Чья-то фотокамера запечатлела момент нашей встречи в мастерской Вячеслава, куда он пригласил меня показать эскизы своего нового творения, памятника-монумента, который в то время выиграл конкурс в Манеже и должен был быть установлен на Поклонной горе.

Как передергивали лукавые итоги конкурса, как корежило «беса», не желавшего признать абсолютную победу Вячеслава Клыкова! Глядя на новый шедевр своего друга, я испытал те же высокие чувства, что охватывали меня при знакомстве с памятником Сергию Радонежскому. Удивительная простота и величие, мощь и гармония, торжество тяжелейшей победы и несокрушимости Русского духа.

Помню, я забежал тогда к Вячеславу ненадолго, даже не раздевался. Я был так увлечен нашей беседой, что только теперь, спустя четверть века, увидел на фотографии, кто присутствовал тогда при нашей встрече. В дальнем правом углу сидит скромный молодой человек, ныне наместник Сретенского монастыря епископ Тихон (Шевкунов). «Рукописи не горят», памятники не пропадают. Ныне этот гениальный монумент-памятник занял словно для него предназначенное место на Курско-Белгородской земле, на Третьем Ратном Поле России — Прохоровском.

В конце 1991 года я учредил киноцентр «Русский фильм», первым практическим деянием которого замыслил создание кинофестиваля позитивного национального кинематографа. Поделился своим замыслом с Вячеславом, тот поддержал мою идею, сказал, что постарается пробить через Министерство культуры финансирование первого Международного кинофестиваля славянских и православных народов «Золотой Витязь» в рамках Дней славянской письменности и культуры, в Оргкомитете которого он, к счастью, состоял. В мае 1992 года в кинотеатре «Мир» состоялось рождение МКФ «Золотой Витязь», крестным отцом которого я по сей день с благодарностью почитаю Вячеслава Михайловича Клыкова.

Вскоре Вячеслав предложил мне поехать с ним в блокадную Югославию на открытие памятника преподобному Сергию Радонежскому, сопроводив его показом русских фильмов от «Золотого Витязя». Сказано — сделано: я взял подборку фильмов — лауреатов МКФ «Золотой Витязь» и пригласил в поездку замечательных кинематографистов — народного артиста России Владимира Заманского и лауреата Государственной премии режиссера Рениту Григорьеву. Вячеслав проделал настоящую военную операцию по доставке на военном самолете монументального памятника преподобному Сергию. Первым из русских творцов он прорвал кольцо этой несправедливой блокады. Праздник в Дунайском парке города Нови Сада, прозванного сербскими Афинами, был великим. Красивую речь произнес скульптор подле своего величественного творения в присутствии принца Сербского Томислава Караджорджиевича, правящего Архиерея Воеводины архиепископа Иеринея Буловича, представителей власти и сотен простых сербов.

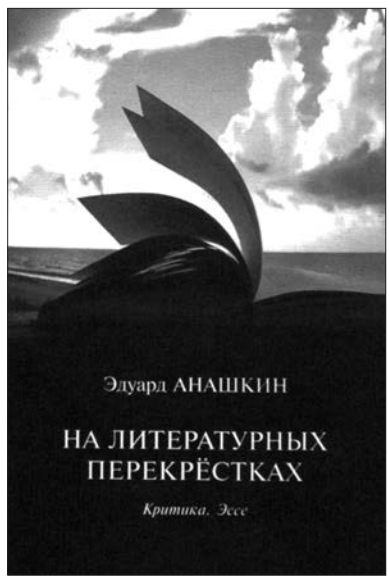
Сердечные, незабываемые дни провели мы с Вячеславом в Югославии. Благодаря Вячеславу состоялось мое знакомство с удивительной страной и сербским народом, вошедшими в мое сердце навсегда. Во время братской трапезы было принято решение провести здесь в мае 1993 года второй МКФ «Золотой Витязь». На следующий год мы вторично прорвали югославскую блокаду, но уже более мощным десантом в количестве 60 ведущих кинематографистов России, Украины, Белоруссии и Греции. И это произошло благодаря тому, что впереди «Золотого Витязя» шел Вячеслав Клыков, прокладывая своей мощной грудью дорогу нам, следующим за ним.

Посещая города, в которых стояли памятники Вячеслава Клыкова, я поражался работоспособности своего друга, красоте его творений, выбору героев, устанавливаемых скульптором по всему лицу земли Русской на века во укрепление душ своих соотечественников.

Встречаясь с Вячеславом в его мастерской, во Всемирном Русском Народном Соборе, членами президиума которого мы оба являлись, в особняке Фонда славянской письменности и культуры, отвоеванном им у русофобской власти, на кинофорумах «Золотой Витязь», на незабываемом празднике славянской письменности и культуры в Великом Новгороде, за дружеской трапезой, я неизменно любовался своим соратником: по-мужски красив, сосредоточен, статен, собран, словно перед боем. Он и был в постоянном бою. В бою за веру Православную, за душу и достоинство русского человека, за русскую культуру, за землю Русскую.

Уже тогда, при жизни Вячеслава, было абсолютно понятно, что Клыков надежно вписал свое имя в русскую вечность и навсегда останется величайшим русским скульптором XX века.

Вышла книга

Анашкин Эдуард

На литературных перекрестках. — М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2015. — 280 с.

В новую книгу известного русского прозаика Эдуарда Анашкина вошли эссе и литературно-критические статьи о Валентине Распутине, Михаиле Алексееве, Евгении Семичеве, Диане Кан, Николае Дорошенко, Иване Тертычном и других современных русских прозаиках и поэтах.

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

КРОВНЫЕ БРАТЬЯ*

Повесть

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

*Окончание, начало № 4 за 2015 г., № 1 за 2016 г.

Талантливый человек талантлив во многих сферах деятельности. В наше время немало примеров, когда физики пишут стихи, поэты водят трамваи, священники издают книги по истории, психологии или философии. Михаил Константинович Зарубин по основной своей специальности — строитель. А по призванию — писатель. Его литературное творчество известно широко, ведь он имеет две малых родины — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутский области, а большую часть жизни прожил в Ленинграде—Петербурге. Вторая столица России знает его как руководителя прославленного 47-го строительного треста, которым построены многие современные микрорайоны, отреставрированы старинные здания, такие как, например, легендарный товстоноговский БДТ. Будучи заслуженным строителем, почетным гражданином Кировского района Санкт-Петербурга, членом нескольких академий, кавалером многих орденов и медалей, полученных за успехи в строительном деле — деле всей его трудной, временами трагической жизни, не меньше заслуг имеет Михаил Зарубин и на литературном поприще. Их список, как и перечень изданных прозаиком книг, велик, но особо отмечает писатель свою недавнюю премию «Имперская культура» им. Э. Володина. Родина, Отечество, Империя — это опорные слова в творчестве мастера, которое в своей основной части посвящено России. Даже рассказывая о своей жизни, об изломах собственной судьбы или редких неожиданных удачах, о родных и друзьях, писатель не отделяет себя от родной земли, от необъятного русского мира в его прошлом, на-

стоящем и будущем, от великой России, которая во всех своих ипостасях является главным действующим лицом прозы мастера.

Осмысление ее бытия и осознание значения своего в нем присутствия — процесс, пронизывающий всю жизнь Михаила Зарубина, который 9 апреля отмечает юбилей. 70 лет — это возраст, когда можно подвести некоторые итоги служения Отечеству, которое мастер называет «Непостижимой Родиной». Так называется его новая книга избранных произведений, состоящая их двух самостоятельных книг, связанных лишь судьбой автора. В первой книге писатель предстает как мастер небольшой художественной формы, в частности, представляет три повести, одну из которых мы публикуем на страницах нашего издания. Повести, будучи сюжетно самостоятельными произведениями, имеют общие идеи — поиск человеком духовных опор существования в нашем трагически ожесточающемся, сугубо материальном мире, переживания о судьбе России, которую писатель представляет в двух ипостасях — Родины Великой и малой родины. Вторая книга содержит воспоминания автора о своих знаменитых театральных друзьях, народных артистах России Кирилле Лаврове и Андрее Толубееве, размышления о театре как таковом, об актерской профессии. Воспоминания-размышления включены в контекст рассказа о современном Петербурге, к которому писатель в силу своей профессии строителя и должности руководителя относится как к уникальному архитектурно-культурному отечественному явлению, как к смыслообразующему духовному узлу.

По случаю юбилея желаем Михаилу Константиновичу Зарубину здоровья, успехов на всех его творческих поприщах, Божией помощи в добрых делах и начинаниях, новых произведений и доброжелательных, заинтересованных читателей.

Редакция журнала «Родная Ладога»

Глава VI

Проснулся Иван рано. День обещал тепло: свинцовые тучи, что неделю попирали город, с ворчанием ветра зашевелились, потолкались и сдвинулись к горизонту, как по линейке отчеркивающему край степи. И сразу в окне столько света! На раннее солнце можно смотреть без темных очков, его свет уже не обжигает глаза, и в прохладном небе каждый лучик кажется упругим, свежим, целеустремленным.

По утрам на ветке перед окном забавная деятельная пичужка отбивает ритм, похожий на барабанную дробь. За строем тополей зеленая трава футбольного поля, темно-красные беговые дорожки, разделенные белыми полосами, геометрически выверенные теннисные площадки. Каждое утро перед глазами стадион, это вызывает и радость, и сожаление: всегда хотелось всерьез заняться спортом, но не получается без ущерба учебе…

Пора собираться, сегодня особый день. В десять утра — защита дипломного проекта. Доклад дописан вчера, расчеты, цифры, отдельные слова и даже знаки препинания всю ночь крутились в голове неутомимой каруселью.

«Главное — спокойствие», — подбадривал сам себя. Вчера руководитель похлопал его по плечу: — «Не переживай, Иван. Подготовился неплохо…» Но куда деться от тревожных мыслей? Стучат в голове, как клавиши пишущей машинки, которую Иван взял напрокат, чтобы оформить диплом. Не верится, что институт позади. Конечно, эта учеба совершенно другая, не похожая на техникумовскую: радостную, вольную, студенческую. Теперь приходилось работать днем, заниматься вечером, используя каждый свободный час для одной цели: больше узнать, понять, запомнить, зазубрить — и успешно сдать зачет или экзамен.

Маша училась в таком же режиме. Но ей-то было тяжелее вдвойне: за шесть лет институтской учебы у них родилось двое детей. Две самых красивых на свете девочки. Это сейчас они подросли, их красавицы. А сколько вначале было тревог, болезней, бессонных ночей, больших забот и малых…

Подмогой была молодость. Что испытала Маша за эти годы, знал только Иван. Работа — учеба — дети… Ни спортзала, ни туристических вылазок, ни веселых студенческих компаний. Только учеба. В выходные — немного передохнуть, побегать по магазинам, оставив детей на несколько часов Машиной маме, убрать квартиру, уложить дочерей, и опять все сначала: работа — учеба — дети… Да жизнь и не могла быть другой, это Иван почувствовал еще тогда, на их летней междуреченской практике, когда девушка не испугалась мужского труда, скандалов и драк путейского табора. Когда увидела неприглядные, трагические стороны человеческого бытия.

Маша оканчивает институт через два месяца. Впереди — новый путь. Но, может быть, самое трудное потом будешь вспоминать, как самое дорогое и лучшее время жизни?

Защита прошла на «отлично». Ивану сказали много хороших слов о его первой самостоятельной работе. Графическую часть проекта решено было предложить строительному тресту для практического применения — такое бывало нечасто с выпускниками. Председатель Государственной комиссии, бывший главный инженер объединения, где работал Иван, напутствовал вчерашнего студента: «Молодец, так держать. Завидую твоему уму и молодости…»

На работе его заждались, и, несмотря на то, что дипломный отпуск еще не закончился, начальник управления, поздравив по телефону с окончанием учебы, попросил выйти на работу: «Ты очень нужен. Завтра к восьми…»

Утром он посадил Ивана в машину. — «В трест», — дал команду водителю.

В приемной в такой час народу хватало, но секретарь, увидев начальника управления, тут же показала на дверь шефа.

— Ждет, — коротко сказала она. — Быстрее, ему пора совещание начинать.

За шесть лет работы в строительном тресте Иван побывал в кабинете управляющего строительного треста дважды. Визиты были короткими, но он помнил их. Каждый — событие. Ему казалось, что этот кабинет — особый мир — мир больших людей с их сложными проблемами, государственными заботами, огромной ответственностью. Поражала солидность, основательность обстановки кабинета: все выглядело внушительно, даже такие «мелочи», как настольные лампы, пепельницы, ручки дверей. В кабинете не было привычных шкафов для одежды, мягкого дивана, телевизора; только

большой, красного дерева стол рядом с окном и длинный его собрат для многолюдных совещаний, покрытый зеленым сукном. Вся атмосфера кабинета настраивала на серьезный трудовой лад. Здесь не могло быть легковесных разговоров, шуток и болтовни «не по теме». Во всяком случае, так казалось Ивану и в прошлое посещение кабинета, и теперь.

Зачем его пригласили сегодня?

Управляющий, встав из-за стола, поздоровался, поздравил Ивана с окончанием института.

— Давайте к делу. Мы ждали, когда вы закончите учебу, Иван Савельевич, чтобы предложить вам должность начальника строительного комплекса. Это будущая областная больница. Наш трест берется за такой объект впервые. На двадцати гектарах нужно построить самую современную больницу Восточной Сибири. Как вы понимаете, внимание к стройке огромное, значит, и контроль будет такой же. Ваша кандидатура одобрена. Поздравляю.

Управляющий поднялся, давая понять, что встреча подошла к концу. Ивану оставалось только радостно поблагодарить — от таких предложений отказываться было не принято, и реагировать на них требовалось в мажорной тональности.

— На первых порах встречаться будем часто, — добавил управляющий, уже прощаясь.

Иван вышел из кабинета возбужденный. Да и было от чего… Такие редкие объекты достаются заслуженным, опытным строителям, их в тресте один-два. Пройти такую школу от начала и до конца — хороший фундамент в будущей профессиональной биографии. Справился — значит состоялся как инженер, способен для других больших строек.

Сослуживцы считали, что Ивану удивительно везло. Не пропустив ни одной ступени с тех самых пор, как направили после окончания техникума на стройку, он быстро шагал вверх: мастер, старший мастер, прораб, начальник участка, и вот сейчас руководитель комплекса, который и по объему работ, и по численности народа значительно больше, чем некоторые строительные управления. Его ценили за то, что быстро принимал решения, почти всегда верные, умел находить подход к рабочим, к мастерам, инженерам, был справедлив и строг, не потакал лентяям, но и не торопился выгонять, как другие, а настраивал на труд, уделяя им больше внимания, чем дисциплинированным рабочим. При выполнении технически сложных узлов и конструкций Иван не покидал стройку сутками, и не потому, что не доверял исполнителям, а хотел сам убедиться в правильности строительного процесса. Его уважали, но это уважение нельзя было назвать любовью. К нему относились как к умному, опытному работнику. Все знали: в сложных ситуациях надо советоваться прежде всего с ним. Иван обладал блестящим качеством — дать смелый и ответственный совет. Он умел молчать. Молчал, когда было нечего сказать. Это лучше, считал он, чем плести пустые словеса, способные принести только вред. Молодой инженер всегда имел свое мнение, доказывал свою правоту спокойно и аргументированно. Недостаточно опытные мастера и прорабы, работавшие под его началом, старались подражать деловым качествам руководителя, умению организовать дело, разобраться в тонкостях производства. Пытались даже, как он, моментально считать в уме, оперируя большими

цифрами, но это умение, как известно, не достигается тренировками, это природный дар.

Начались горячие дни. Для строительства такого сооружения требовалось много рабочих. Однако, несмотря на то, что стройку вели в областном центре, дефицит рабочих рук и здесь был обычным делом. Все большие и малые стройки начинаются с одного: с деревянных колышков в чистом поле, а дальше — грязь, резиновые сапоги, телогрейки, вагончики, отапливаемые мощными электрическими «козлами», выжигающими в помещении весь кислород. Романтиков здесь всегда было мало. Даже если стройку «раскручивали» газеты и телевидение, сюда приезжали вчерашние школьники и выпускники училищ. Что им могли предложить? Направляли в разнорабочие. Некоторые сбегали, испугавшись невеселой перспективы — копать землю и таскать носилки. Когда еще станешь каменщиком или слесарем! Да и зарплата — копейки, на жизнь надо просить у папы и мамы. Появлялись и опытные работяги, но таких — единицы. Любая более-менее приличная стройка была головной болью для кадровиков.

Потому и привлекались заключенные. Для Ивана это было не в новинку. Он не вдавался в историю, когда и почему появились заключенные на стройке. Как и все, живущие в Сибири, он знал, что великие комсомольские стройки, о которых слагались песни и снимались кинофильмы, начинались вовсе не с призыва комсомольцев. Самый трудный этап доставался зэкам. Все понимали, что любая стройка требовала огромного труда, причем труда добровольного, квалифицированного. Подневольный труд заключенных неэффективен — цели добивались не умением, а числом. К этому тоже привыкли. Главное, что были рабочие руки. Никто не скрывал, что на стройки направляют заключенных, но никто и не афишировал это. Обычное дело, обычная жизнь…

Новая площадка под строительство располагалась на окраине города — огромную площадь под больничный комплекс пришлось огораживать по периметру. Плотный высокий забор из вертикально прибитых досок с колючей проволокой поверху, на всех углах сторожевые вышки. Вдоль забора — контрольно-следовая полоса, огражденная с внутренней стороны вторым забором из колючей проволоки.

В километре от новой стройки заканчивали лагерь для заключенных. Ивану приходилось бывать там каждый день, из подготовительного цикла он являлся объектом номер один.

Площадку для лагеря выбрали в низине, сторожевые вышки возвышались над зоной, как хищные птицы с длинными шеями. Заканчивалось строительство жилых бараков. Каждый — вытянутый прямоугольник с двумя выходами. После уличной двери — тесный тамбур, и сразу дверь в жилое помещение из двух больших комнат на шестьдесят обитателей в каждой. Посередине печь. Двери полтора метра высотой, войти можно только сгибаясь. В каждом бараке — деревянные короткие нары на железных стойках в два яруса. По-блатному — шконки.

В центре лагеря возводилось здание для хлебопекарни, совмещенное с буфетом и кладовой для продуктов. Городской водопровод провели, и все же сооружали запасной резервуар для воды. В виде бочки высотой около семи метров и диаметром три. Для забора воды имелся кран, а для пополнения водных запасов к бочке была прикреплена лестница, по которой и

надлежало подниматься с ведрами воды или снега. Наверное, где-нибудь в тайге и стоило это делать. Но в городе с развитыми инженерными сетями?! Однако инструкция по устройству лагерного быта была законом. Утвердили ее, вероятно, еще до войны, но параграфы выполнялись неукоснительно.

Первым сдали карцер. Своеобразная тюрьма в тюрьме. Небольшое здание состояло из двух маленьких комнат и одной большой. Маленькие комнаты запирались толстыми железными дверьми с небольшими окошками. Внутри нары, но не деревянные, а из кирпича, оштукатуренного цементным раствором. Большая комната для охраны, там стояла печь; в комнатушках для зэков печи не полагались.

Баня, здание администрации, барак-общежитие для будущей «вохры»… Строительство вели днем и ночью вольнонаемные «химики», условно-досрочно освобожденные; начали привозить «контингент».

В конце сентября рабочей комиссией лагерь был принят. Не обошлось без мелких замечаний и претензий охраны. Однако «строителей» уже разместили на новом месте жительства. На стройке собралась огромная рабочая сила — полторы тысячи заключенных. Почти три сотни — служба охраны, а также вольнонаемные: итээровцы, крановщики, экскаваторщики, бульдозеристы, другие специалисты, без которых здесь не обойтись. Всей этой командой руководил Иван.

Началась работа по графику — сроки определялись на оперативных совещаниях. Выполнять эти сроки нужно было людям, тянувшим свой собственный «срок». Каждый день колонной шли они из лагеря на стройплощадку. Если случались нарушения внутреннего режима, то бригаду в полном составе, а то и всех жителей барака загоняли в «отстойник» перед воротами и, несмотря на ветер, холод и снег, могли держать по нескольку часов, не позволяя присесть. Тех, кто пытался бежать, заставляли зимой бегать босыми по снегу, а потом в карцер, на каменные нары. Какой из такого человека работник?

Считалось, что заключенные, занимаясь созидательным трудом, исправляются, перевоспитываются.

Для поощрения применялись испытанные методы, в первую очередь — зачеты. Выполнил норму более чем на сто двадцать пять процентов — зачитывается день за два, а если дал полторы — день за три. Но работа была в основном бригадная, рекордсменов водилось немного.

Ударников лучше кормили, выписывали денежные премии, селили в хорошо оборудованных бараках, где было потеплее. Подводя итоги, в праздники награждали грамотами и переходящими вымпелами.

Главной заботой Ивана стало качество. От заключенных можно было требовать высокого качества работы сколько угодно: они со всем соглашались, но делали так, как умели или как хотели. Они никогда не спорили с начальством, внешне — сама покорность, но у каждого, или почти у каждого, как казалось Ивану, таилась внутри ненависть к тем, кто обрек их на эту принудиловку. Работа их была корявой, всегда недоделанной, не имеющей товарного вида. Приходилось не только выдавать задания и по готовности принимать их, как у обычных вольнонаемных бригад, а постоянно находиться рядом с заключенными. Это вызывало недовольство мастеров и прорабов, привыкших к другому ритму, однако Иван сам тщательно контролировал всю работу на стройплощадке, не заходил передохнуть в прорабскую часами.

Он добился того, чтобы сотрудники строительной лаборатории проверяли не только законченную конструкцию, но и вели промежуточные измерения.

Дела отнимали все время. Трудовой день Ивана удлинился до шестнадцати часов. Дома его видели только поздним вечером и ранним утром, изредка в воскресенье. Маша, найдя свое призвание в конструкторском бюро, не упрекала мужа, понимая, какая ответственность на его плечах. Им повезло, дети находились на попечении Машиной матери. Жизнь летела, как хорошо отлаженный локомотив-паровоз, на всех парах. Вокруг мелькают люди и события, несчастья и радости! Время притупляет чувства, стирает в памяти лица, уже не можешь вспомнить о вчерашнем вечере, путая его с позавчерашним, не замечаешь закатов, восходов, красивых девушек, встречающихся тебе по дороге. Некогда поговорить с друзьями. Понимаешь, что так нельзя, но трудно остановиться, дело захватывает полностью, ты бросаешься в него с головой, забываешь обо всем. Дома обретаешь недолгую радость, окунаешься в целительный мир любви и наутро готов к новому рывку. Паровоз твоей рабочей жизни летит мимо людей, деревьев, ночных огней и утренних туманов, ты едва успеваешь подкидывать свои силы и умения в топку трудового дня, но надо быстрее, быстрее, еще быстрее…

Это случилось в один из студеных январских дней. Заключенных пригнали, но при таком «минусе» не выдерживает даже железо, невозможно завести двигатели кранов. Работа была остановлена, и на огромной площади стройки там и здесь задымили костры. Многие варили чифирь. Обычно его готовили тайком, но сейчас охрана на это действо смотрела сквозь пальцы. Конвоиры, молодые солдаты, и сами готовы были принять черного, как смола, чайку и спрятаться в теплой «каптерке».

Сине-черные дымы костров прожигали пелену морозного воздуха, картина на стройплощадке возникла нереальная, как в фантастических фильмах. К полудню из-за облаков выглянуло солнце и более решительно и успешно, чем костры, стало сражаться и изничтожать белое марево, освобождать из его плена здания, деревья, пешеходов. Они стали видны издалека. Обычная жизнь возвращалась в свою колею.

По давно заведенному порядку Иван обходил стройку. Он приучил себя к таким обходам, еще работая мастером. Увиденное самим не всегда похоже на рассказанное подчиненным. Обороты выразительной русской речи легко могут приукрасить реальную картину, так что многие строительные начальники, слушая только словесные доклады, искренне удивляются, увидев несоответствующую реальность. В раздражении принимаются отчитывать подчиненных. Это повторяется из раза в раз, и тут уж ничего не поправить. Кто к чему привыкает. Иван, не увидев самолично, как обстоят дела на стройке, решений не принимал. Часто он давал указания тут же, при обходе, заостряя внимание мастеров по контролю на точность выполнения сложных узлов. Зэки знали эту особенность своего строительного руководителя и с облегчением вздыхали, когда Иван проходил мимо них, не делая замечаний. На обходы он брал мастеров и прорабов, иногда к ним присоединялись и бригадиры, которых он старался не задерживать. Вот и сейчас, обходя главный корпус, он был разгорячен от подъема наверх и неприятного разговора с прорабом.

— Здравствуй, Иван, — внезапно услышал он свое имя. Голос показался знакомым…

Обернувшись, увидел небольшого роста мужчину. Ватная телогрейка, легкие хлопчатобумажные брюки. На голове шапка-ушанка, лицо от мороза прикрывает черная повязка с вырезом для глаз. Ни один заключенный никогда так к Ивану не обращался.

— Разве мы знакомы?

— Забыл? А вот так? — мужчина освободил лицо от черной повязки.

Иван только сейчас глянул на бирку. На пришитой белой накладке с правой стороны телогрейки четко виднелась надпись: «Комаров Петр, отряд № 3».

Господи, неужели Петька, его «кровный брат»? Вот так встреча!

— Петька, ты, что ли?!

— Я.

Не обращая внимания на сопровождение и охрану, Иван обнял своего друга. Стараясь унять волнение, понимал, что так делать нельзя. Ему, начальнику огромной стройки, коммунисту, обниматься прилюдно с зэком…

— Пойдем.

Отправились в административный блок, полностью еще не заселенный, нашли пустую комнату. В тепле, каждый с кружкой чая, устроившись друг против друга, долго молчали. Первым не выдержал Иван:

— Рассказывай, брат…

— О чем?

— Обо всем.

— Обо всем, или как попал за проволоку?

— Давай по порядку. С Междуреченска.

Петька еще помолчал, потом тихо, как на той лесной тропинке, спросил:

— Иван, а у тебя хлеба нет? Жрать так хочется.

— Эх, брат, брат, когда-нибудь ты был сыт?

— Похоже, никогда, — вымученно улыбнулся Петька. — Даже на воле.

Рассказ свой он начал после того, как опустошил Иванов тормозок, который ежедневно собирала Маша, — обедать с заключенными, охраной Иван не хотел, — как будто вступал в круг неволи…

— Что рассказать… В учебке, в армии учили на водолаза, потом послали на курсы механиков-водителей. Танкист. Присвоили звание младшего сержанта. Служил, разряд по баскетболу получил. Кормежка нормальная, хватало. Да, там я был сыт. Короче, после дембеля вместе с корешами двинули на комсомольскую ударную. Не куда-нибудь — на Братскую ГЭС. Но ее уже завершали, стали строить город. Вязал арматуру, бетонировал, потом перевели каменщиком. Жили в палатке, двадцать орлов. Люди были разные. Как вечер — пьянки, разборки, с драками и поножовщиной. Карты до утра — такие комсомольцы…

— Знаю, всякие там были, и «химики», и зэки расконвоированные, а из вольных только начальники стройки, специалисты, мастера да прорабы. Зря ты не бросил эту братву.

— Мысли такие были, да вот не бросил… Причины находились: то долг отдать, то еще что-то. Увяз. Одну ногу выдернешь…

— Петя, о чем говоришь? По зэковской привычке на слезу давишь? Я знаю, как в Братске дела обстоят, хватает знакомых. Везде работа не сахар, а на строительстве вдвойне. Иногда получаю письма, иногда встре-

чаемся. Вполне довольны жизнью, находят время и в кино сходить, и в театр… Переженились, детишки…

— Я не люблю театр. Одного раза хватило. Болтовня одна. Смотрю на сцену — и ни одному слову не верю. Не хочу я в чужие жизни вникать, со своей бы разобраться…

— Ладно, Бог с ним, с театром. В жизни много хорошего и без него — книги, спорт, семья.

Петька внимательно рассматривал Ивана.

— Повзрослел ты, изменился, очки носишь. Если бы не слышал, что здесь на стройке банкуешь, не узнал бы. Все нормально, доволен?

— Не жалуюсь.

— Женат? На Маше?

— Помнишь. Да, двое детей, девочки. Окончил институт. Как же ты, брат мой, так….

— Пьянка. Познакомился с ребятами веселыми, они меня быстренько обучили «азам». Один «скачок», другой, потом гоп-стоп, и еще, и еще… Думал, так будет продолжаться вечно. Это мой первый срок, зато какой — шесть круглых. Сменил несколько зон, а на прошлой неделе пригнали сюда по этапу, говорят, требуются строители-специалисты. Два года уже оттянул, осталась черепуха — четыре. Может, на условно-досрочное пойду, если все в порядке будет… Не поверишь, но в лагере мне лучше. Я чувствую себя человеком. Вчера записался в школу, в пятый класс.

— В пятый? У тебя же семь, училище…

— В пятом учительница молоденькая. Влюбился.

— Даешь…

— А что, мне здесь неплохо. Все по распорядку, хоть как, да кормят, раз в неделю банька. Иногда кино… Телевизор в каждом бараке. Я и на воле такого не видал. Все блага…

— Шутишь?

— Ни-ни. На полном серьезе.

— Это здесь — блага?

— Да, брат, разные мы стали.

Они замолчали. И хотя уже перекусили Ивановым тормозком, из кухни принесли обед. Петька с жадностью набросился на суп и перловку. Посмотрел на порцию Ивана, к которой тот не притронулся:

— Не будешь?

Иван молча придвинул ему тарелку.

Гулкий удар о рельс, собирающий заключенных у ворот, где после переклички зэки отправлялись в свои бараки, напомнил о конце рабочего дня. Они говорили о детстве, пролетевших годах — и ни слова о будущем. При попытке свернуть на эту тропу Петька замолкал, отворачивался, уводил взгляд в окно. А потом сказал мягко, просительно:

— Не надо меня воспитывать, Ваня, ладно? Я уже взрослый человек… Повидал столько…

Вспоминая родную деревню, Петька оживлялся, расспрашивал Ивана. Он отогрелся, обильная еда и тепло смягчили угрюмость его лица, но о своей жизни говорил кратко: «да» и «нет». Расспрашивал Ивана о Маше, их дочках. Как ни старался Иван расшевелить друга, ничего не получалось.

Перед началом нового рабочего дня Иван встретился с командиром батальона, охранявшим лагерь и рабочую зону.

— Здравствуй, товарищ начальник! — шутливо, как всегда, приветствовал комбат.

— Здравствуй, гражданин майор! — в тон ему ответил Иван.

— Какие новости?

— Тебя, конечно, интересуют плохие?

Иван и комбат были ровесниками, на стройке они сразу сдружились, старались помогать друг другу.

— Думаю, знаешь причину моего прихода?

— Догадываюсь, Иван Савельевич. О твоей встрече с заключенным Комаровым весь лагерь, как здесь говорят, базарит. На моей памяти впервые такое — руководитель строительства обнимается при всей зоне с зэком.

— Хороший начальник все берет в расчет. Что узнал?

— Когда мне сообщили — подумал, родственник. Пробили данные… удивились, что вы учились вместе. Земляки?

— Долго рассказывать. В одной деревне, в одном доме жили.

— По карточке он детдомовец.

— Детдомовцем он стал позднее. Какая там связь! Не родственник, но всю жизнь я считал его младшим братом. После вчерашней встречи ночь не спал. Не виноват перед ним, а вот вину чувствую.

— Его недавно пригнали по этапу. По документам строитель: арматурщик, и плотник, и бетонщик, и каменщик. Статья — грабеж, да еще тяжелое увечье. Может, и хороший строитель, но все-таки — вор. До судимости приводов в милицию хватало. Неспокойный хлопец.

— Просьба к тебе, Олег. Подбери ему что-то полегче. Слабый он… С детства головные боли мучают. Может, на кухню? Всю жизнь голодный. И работал вроде… Но неприспособленный.

— Там места не пустуют. Ладно, подумаю.

К вечеру заехал начальник управления. Озабочен, хмур.

— Что произошло?

— Да вроде ничего.

— Обниматься с уголовником — «ничего»? Родственник?

— Кровный брат.

Посмотрел удивленно.

— Да в деревне вместе росли.

— Эмоции надо контролировать, не тебя учить. Знаешь, где находишься…

«Контролировать — легко на словах», — думал Иван после, из своего небольшого кабинета наблюдая в окно за работающими заключенными. Такие же люди, а вроде как прокаженные. Общение — строго по инструкции. Любые человеческие чувства — уже событие, криминал. Работая в зоне, Иван чувствовал, что тоже находится в заключении, странное ощущение. Утром, проходя через барьеры, проверенный и ощупанный несколько раз, он, начальник строительства, становился частью огромного механизма, имя которому — зона. Пройдет немного времени, и все забудут, кто строил этот комплекс, чьи руки возводили эти стены, прокладывали коммуникации. В бумагах останется только номер управления, треста, название главка, министерства, да имена их руководителей.

Но его память сохранит лица тех, кто день и ночь рыл канавы, стоял по пояс в жидкой грязи, подгоняемый не только мастерами, но и членами своей же бригады, которой уменьшали и без того скудный рацион, если не выполнялась норма. Для многих работа была непосильной, но кто спрашивал их об этом? Лица людей чернели от лагерной жизни.

Громкий звонок телефона отсек от тяжелых мыслей:

— Иван Савельевич, — голос секретарши начальника управления, как всегда, был приветлив. — Вы не забыли, завтра оперативное совещание? У вас на объекте, кроме управляющего треста, будут заместитель заведующего строительным отделом областного комитета партии и первый заместитель начальника главка.

— Я помню.

— Всего доброго!

— До свидания, — он положил трубку, повернулся к окну, где вырастали корпуса больничного комплекса. Люди в серых телогрейках каждый день укладывают кирпичи, и уже к середине смены каждый кирпич превращается в пудовую гирю, выскальзывает из рук. Пора на обход. Объект за объектом, строительные леса, мостки…

Взгляд сам по себе находил небольшие нарушения, которые не влияли на конструкцию здания: толстые швы между кирпичами, неровная поверхность кладки. Привычные замечания, унылые оправдания мастера. Все, как обычно, но вместе с тем Иван чувствовал, что-то происходит с ним. Жалко стало этих людей: плохо одетых, постоянно голодных, с потухшими глазами. Они уже не мечтают о семье, нормальной человеческой жизни. Мысль одна — как выжить.

С Петькой встречались редко. Тот всегда был молчалив, ни о чем не просил. От начальника охраны Иван знал, что с Петром одни проблемы: подчиняться не любил, на указания — ноль, конфликт за конфликтом. На все расспросы Ивана он лишь отмахивался.

К концу года за серьезное нарушение Петька попал в карцер. После отсидки — этапом в другую зону, и связь с ним прервалась.

Похоже, его тяготило присутствие Ивана, и он был не прочь затеряться в лагерных буреломах.

Глава VII

— Мама, ты помнишь то время, когда царя не стало?

— Господи, да когда это было!! Я же совсем маленькая…

— А как узнали?

— Солдаты приходили с фронта…

— Но власть-то в деревне была?

— Власть далеко, в волости. Сейчас в нашей деревне сельсовет, а тогда, может, староста…

— А жили как?

— Налоги платили, скотину держали.

— Но вас же эксплуатировали!

Мама прижала голову Ивана к своей груди и поцеловала в макушку. Иван нетерпеливо вырывался из материнских объятий.

— Всегда так, спросить не даешь!

— Не надо об этом, сынок. Слова — как грузило, могут и на дно утянуть.

— Это раньше было, когда царь и его помощники за слова людей в тюрьмы сажали. В Сибирь…

— Ты у меня грамотный, все знаешь.

— А Ленина с Крупской в ссылку…

— Ванечка, мне пора доить Зорьку. В следующий раз, сынок…

— Ладно. А помнишь, в деревне радовались, когда царя свергли?

— Какая радость? — Плакали. В церкви колокола звонили, страшно так, тревожно. Священник весь день молитвы читал.

— Так им и надо, этим священникам, — продолжил Иван, выйдя вслед за матерью в теплый сарайчик, где держали Зорьку.

— Иван, прекрати, а то больше слова от меня не услышишь, — мать придвинула маленькую скамейку для дойки.

— А что я такого сказал, — огрызнулся Иван.

Мать не ответила. Тишина, только тугие струи ударяют о ведро, превращаясь в белую пену. Зорька, растревоженная разговорами, беспокойно махала хвостом, поворачивая голову то к хозяйке, то к мальчику. Мать легонько поглаживала вымя, однако корова все больше и больше беспокоилась.

— Иди, сынок, в дом. Видишь, Зорька молоко не отдает.

Иван не стал спорить, вернулся в дом, сел у окна и стал ждать. Вскоре стукнула дверь, звякнуло ведро. Мать обернула крынку марлей и стала переливать молоко.

— Царя не стало, и порядка не стало, — продолжила сама она разговор. — Сразу столько начальников. И все норовят отобрать. Корми нахлебников. Слово поперек не скажи, сразу плеть.

— И тебя?

— Нет, ребятишек Бог миловал, но родители — все пороты были. От такой жизни наши деревенские скотину на заимки угнали. Но там партизаны доставали.

— Партизаны же наши?

— Наши-то наши, да есть все хотят.

— Мама, в книжке все по-другому…

Мать тихо рассмеялась:

— Тот, кто писал, со мной не советовался. А ты и без меня разберешься. Умница, такие книги у тебя, а я и расписаться толком не могу. Слава Богу, хоть читаю…

Она налила в кружку парного молока.

— Пей, сынок, набирайся сил. Тебе еще долго жить. За свою жизнь увидишь многое. Не бойся невзгод, верь в христианскую справедливость, только она поможет и спасет.

— Ты опять о Боге?

— И о Боге тоже. Сказано же в Евангелии о людях: «вы — боги».

— Мама!

Наконец мать процедила молоко и поставила березовые туески в погреб. Над Красным яром, как часто в июле, розовело небо, и ни облачка. Легкий ветерок приносил в деревню запахи тайги, реки, рыбачьего костерка…

Из их двора был виден развивающийся над клубом красный флаг с серпом и молотом. Знак государства, которое построили люди после рево-

люции. Через тридцать с небольшим лет после того июльского разговора, в начале девяностых, на планете не стало государства, в котором родился Иван. Он видел, как менялась власть. Ни войны, ни красных, ни белых, ни синих, ни зеленых… Никакого «братоубийства». Брат ругался с братом только на кухне или по телефону. Толпы людей не кричали на улицах о свободе. Один только раз вышли на улицу защищать демократию — уж больно глупо повели себя правители. Троих неразумных мальчишек в тот день троллейбусом задавило в столице. Кто-то сумел воспользоваться этим, и прости-прощай — красный флаг с серпом и молотом в уголке. Да здравствует новый флаг и новое государство — Россия. На глазах Ивана становилась историей целая эпоха. В новой России стало не легче. Воцарилась «демократия». Не стало старых вождей — появились новые. Никто не знал, как «обустроить Россию», да что там обустроить, как элементарно выжить. Началась инфляция. Жизнь человеческая тоже подешевела. Проявил принципиальность, независимость — возле подъезда найдут с пулей в голове. Если честно хочешь вести свой бизнес — дорога в камеру, а если неосмотрительно заявил о своих политических притязаниях — из этой же камеры выйдешь калекой. Начнешь искать правду — свихнешься. На словах — страна демократическая, на деле — правят бесы. На пустырях, возле метро стаи бездомных собак. На улицах — дети-бродяжки, сколько их гибнет в подвалах, на чердаках…

В телевизоре — танки громят Дом правительства, народом избранный парламент разгоняют. Миллионы глазеют — новое шоу. За последние годы все перемешалось в головах.

Ивану всегда казалось, что мир, окружающий его, прост, понятен и безопасен. Во всяком случае, по отношению к нему. Сам-то он был настроен к миру по-братски. Поднимался по служебной лестнице легко, стремительно, уверенно. В сорок два — управляющий крупнейшего строительного треста Северной столицы. Уникальные объекты, огромный коллектив. И вдруг… Он пытался угадать развитие событий в новостях по телевизору, в столбцах газет. И лишний раз убеждался, что народ не всегда прав, и не всегда «глас народа — глас Божий». Рано или поздно народ находит дорогу к истине, но сколько мук, страданий, ошибок…

В будущем огромном цехе по сборке новейших танков, где еще три месяца назад трудились круглосуточно шесть тысяч строителей, — царила полная тишина. Иван, по сложившейся в прежние годы привычке, каждый вечер заглядывал на стройку. От тишины и безлюдья сжалось сердце. Подошел бригадир, Виктор Ранцев.

— Здравствуй, Иван Савельевич.

— Здравствуй, Виктор.

— Ну что, «кирдык» заводу?

— Заводу — не знаю, а нам — похоже.

— Кому это нам?

— Ну, всем нам, кто за коммунистов.

— Кто у власти-то, Иван Савельевич?

— Как кто? Демократы. Так себя называют.

— А коммунисты где?

— Рядом, далеко не убежали.

— А Горбач куда делся?

— Ну, ты же видел по телевизору, отрекся от власти. Как царь-батюшка в семнадцатом. Только того генералы заставили. А этот сам — всех продал.

— Стройка-то наша заглохла…

— Все везде глохнет. Такой, наверное, у них план.

— И танки уже не нужны?

— Не нужны, Витя. Взяли нас без оружия.

К разговору присоединились другие члены бригады. Вопросы летели справа и слева. Они-то думали, что начальник знает больше их.

— Ребята, знал бы, что происходит, все бы вам рассказал… — признался Иван.

Старый плотник Миша Карпов:

— Иван Савельевич, вопрос на засыпку: наши придут?

— Плотники? — в тон ему отозвался Иван Савельевич.

— Нет, коммунисты…

— Это вряд ли, Миша… Пролитую воду не соберешь.

Жизнь продолжалась. Коммунисты к власти не вернулись, но появились «новые русские» — алчные, хищные, беспринципные.

Главным в жизни стал рынок. Все подчинилось ему. Приватизация, то есть растаскивание госсобственности, охватила страну. Строительный трест, который возглавлял Иван, тоже попал в эту мясорубку.

Власть металась, не имея продуманной программы экономических реформ; рекомендации западных советников загоняли экономику в тупик. В стране появились миллионы собственников, но большая часть из них не знала, что делать с бумажками, имя которым — акция. Но кое-кто знал им цену.

После одного из совещаний заместитель Ивана задержался в кабинете.

— Проблемы у нас, Савельевич.

— Какие?

— Акции у наших людей кто-то скупает.

— И у тебя есть факты?

— Сколько угодно. Никто этого и не скрывает.

— Но как без Совета директоров можно купить акции?

— Это уже не ко мне.

Быстро собрали совет. Иван узнал, что скупщики акций методично звонят каждый день работникам треста — акционерам.

— Откуда они знают адреса и телефоны акционеров? Список акционеров — у меня в сейфе.

— А в регистрационной палате экземпляр имеется?

— Но это же государственный орган, там он за «семью печатями».

— Да его за червонец продадут любому желающему!

— И какие перспективы?

— Скупят половину плюс один и заберут предприятие.

— А дальше что?

— Им наши здания нужны.

— Какие здания?

— Как какие? А производственная база, а земля, что под ней, да не где-нибудь, а рядом с Морским торговым портом, а две железнодорожные ветки и административное здание возле метро?

— То есть выкупят половину, контору закроют, все распродадут?

— Так и будет. Ничего невозможного у нас нет.

— Надо бороться.

— Надо. Давайте сами покупать акции.

Молчавший до сих пор заместитель Ивана попросил слово.

— Продажа акций процедура сложная. Малейшее отклонение, и сделка считается фиктивной.

— Алексей, но у них же все происходит мгновенно! — подал кто-то голос.

— Они не покупают акции.

— Как не покупают?

— Им акции дарят. А подарить свою собственность ты имеешь полное право, не спрашивая никого и не ставя в известность об этом Совет директоров.

— Но они же деньги платят!

— А кто об этом знает? Да если и знают, что здесь криминального?

Вечером Иван Савельевич встретился с заместителем начальника районного управления внутренних дел Сашей Успенским. Они знали друг друга давно и всегда помогали друг другу. Саша послушал, грустно улыбнулся.

— Что тебе сказать, Иван Савельич, не ты первый, попавший в такую ситуацию.

— Саша, они ведь такую организацию уничтожают! Неужели властям это безразлично?

— Может, и не безразлично, но те ведь по закону действуют. У них на зарплате целая свора юристов.

— Что же делать?

— Своим работягам объяснять, что их ждет. Только это может спасти твою контору.

Теперь каждый день Ивана начинался со встреч с «работягами». Как мог, он убеждал людей не продавать акции. Не всегда получался разговор. Многие молчали, но были и «говоруны».

— Ну что, задергались, «коммуняки»? — встретил его однажды знакомый экскаваторщик. — За нас волнуешься? Да мы при любой власти. Хомут на шею найдется. А вот куда вы денетесь?

Другие отмалчивались, но с акциями потихоньку расставались. В памяти свежа была еще эпопея с ваучерами, которые придумал Чубайс с демократами. Рассуждали просто: лучше сегодня на эти бумажки пару литров водки, чем завтра выбросить их в мусорное ведро.

Иван дрался за свой трест. Сколько сил было положено, сколько трудов, чтобы соединить звенья в один ритмично работающий механизм. Он давно понял, бросили предприятия: не выплывешь — тони.

Саша Успенский по своим каналам узнал, кто занимается скупкой акций. Оказались «тамбовские» — самые отмороженные бандиты в городе. Саша успокоил:

— Им самим ваш трест не нужен, они по чьему-то заказу. Надо на главного выходить.

— Ты так говоришь, как будто я в большой дружбе с ними.

— Ты нет, но кто-то состоит. Попробую стыковать тебя с «иннокентьевскими», они раньше друганами были.

Встреча состоялась на следующий день. Ивана внимательно выслушали, но расстались без каких-либо обещаний.

Через два дня все завертелось. Пригласили сразу на встречу с главарем. Злые языки утверждали, что к губернатору легче попасть на прием, чем к нему. Месяцами «кореша» терпеливо ждали…

Ивана поразил офис: много молодых людей в черных костюмах, все с оружием. И здание ведь не на окраине, в самом центре, а тут все открыто, все легально, так сказать…

Впустили Ивана в небольшой зал, обыскали, посадили с краю, велели ждать.

Вскоре вышел самый «главный». Ступал осторожно, прижав правую руку к животу. Оглядел всех внимательно и сказал, обращаясь непосредственно к Ивану:

— По просьбе наших друзей принял решение: сделку прекратить, хозяину акции вернуть… Провести все расчеты в течение двух недель, ответственным от меня назначаю Комара… Подойдя к Ивану, левой рукой похлопал по плечу.

— Повезло тебе парень, — сказал он негромко, чтобы никто не расслышал. И ушел.

Иван сидел, не в силах встать. Он понимал, что произошел перелом, и вопрос, над которым он бился два месяца, решился так… И все же, что ему делать дальше и как понять слова — «сделку прекратить и провести расчеты»?

— Здравствуй, Иван, — как сквозь сон, услышал он.

Сухощавый. Средних лет, в дорогом сером костюме, белой рубашке и голубом в горошинку галстуке; ростом чуть выше Ивана.

— Здравствуйте, — ответил Иван.

— Я Комар, а так — Комаров Петр Николаевич.

— Вы меня знаете? — Иван все еще не мог выйти из напряжения последних минут.

— Знаю, знаю. И очень давно. — Усмешка скользнула в серых, придавленных усталостью глазах.

— Давно? — удивился Иван.

— Да уж лет сорок… — незнакомец вдруг взял руку Ивана, нашел на пальце старый шрам и показал свой. —Вспомнил?

Они глядели друг на друга. Петр улыбался, Иван смотрел, силясь найти знакомые черты — тогда, в зоне, Петр был стриженный, как все, теперь шевелюра, завитая опытным мастером. И без единой темной пряди, седая.

— Пойдем, — сказал он Ивану. — Все решено. Не сомневайся.

За дверью встретил их осенний холодный ветер.

— Петр, неужели это ты? — Иван чувствовал, что не может, как прежде, называть друга детства Петькой.

— Как видишь…

— И как ты сюда попал?

— Будем считать, что в длительной командировке.

Ворота, пост охраны. Пропусков не спрашивали, а Петру вооруженные охранники отдали честь.

Кафе оказалось недалеко, современное, с темными стеклами. Петра здесь хорошо знали.

— Как обычно, — коротко бросил он официанту.

— Сто грамм за встречу? Через столько лет…

— Не откажусь.

Поставив опустошенную стопку, Петр вытянул ноги, откинулся на спинку кресла.

— Да, друг, спина покоя не дает. Лечился — все без толку. Болит. Ну, что смотришь так на меня? Не можешь понять, кто я?

— Конечно, я ведь не у губернатора был, решали не члены городского правительства…

— Правильно. Решали бандиты.

— И кто ты в этом «теневом правительстве»?

— Вор.

— Кто?

— Вор в законе.

— И что ты воруешь? Не чемоданы же на вокзале?

— И это было…

— Значит, в законе?

— В законе. Хранитель традиций. Свои правила, свой кодекс поведения. Не должны иметь семью, не должны работать, ни в какой форме не сотрудничать с государством. В каком-то смысле мы — как монахи.

— Господи, Петя, как же это случилось?

Только теперь они впервые встретились взглядом, и Иван понял, куда ему лучше не заглядывать…

— Иван, это звание дают не каждому. Я горжусь своим званием. Вся жизнь моя связана с зоной. На воле я бываю редко, да она мне и не нужна. Сейчас я, можно сказать, в отпуске, но он скоро кончится. Ты делаешь свое дело, я свое, у каждого своя дорога. Мы ее сами выбрали. Вот так-то, кровный мой…

— И в чем же все-таки заключается твоя работа?

— Не стройка, не лесоповал. Разрешение конфликтов, вроде судьи. Свое государство — организация и контроль расходов из общих касс.

— Из «общака», что ли?

— Подкованный. Но если бы ты знал, скольким людям эти кассы спасли жизнь.

— Прости.

— Надеюсь, понимаешь, что настоящие воры ворочают миллиардами, на зоне они не сидят. Они в руководстве, уважаемые люди.

— Давно в нашем городе? — изменил разговор Иван.

— Я здесь не живу. Дела. Короновали одного вора.

— Наверное, такие коронации в секрете?

— Секретов нет, но афиши не печатаем…

— И корону надевают? — не удержался Иван, хотя понимал — зачем это ему.

— Да нет. Вору торжественно наносят татуировку: сердце, пробитое кинжалом. Означает «смерть за измену».

— А что, вор в законе может предать своего собрата? — Иван чувствовал, не об этом нужно им говорить, но мальчишеское любопытство подталкивало к расспросам.

— Еще как. За нарушение воровских законов есть свои санкции. Три вида наказания. Первое — пощечина, ее, как правило, дают за оскорбление, к тому же публично, во время сходки.

— Всего-то?

— Не скажи. Авторитет вора уже пошатнулся, битый — чести меньше. Второй вид наказания — удар по ушам. Церемония развенчания вора в законе. Развенчивают за нарушение воровского закона. Хотя разжалование может быть и почетным — по состоянию здоровья. Ну, и третье наказание — смерть. Ею карают только за измену. Предателем считается тот, кто сдал подельников, снюхался с органами, похитил общак, убил вора в законе без санкции сходки, вышел из воровского клана и, наконец, завязал.

«Да, — думал Иван, — тут поседеешь…»

— Ну что, Петя, за встречу. Одного поля мы с тобой ягоды. Новая власть назвала меня бизнесменом, но чуть что — и пощечину влепит, и по ушам даст, а если уж сильно не понравлюсь… без суда и следствия.

За окнами сгущалась тьма. День уходил в историю, таял в сумерках со всеми своими событиями, встречами, неожиданностями. В доме напротив засветились огоньки.

У Ивана закружилась голова, захотелось спать. Так всегда, когда он выпивал даже самую малость.

— Устал? — услышал он голос Петра. Только теперь Иван уловил в его голосе отзвук далекого детства. Как переменились они: другие мечты, лица, голоса…

— Где ночуем-то? Может, ко мне? Машина рядом.

— Спасибо, Ваня, я в гостиницу…

На другой день в десять часов все собрались у Ивана в тресте. Познакомились. Команда — шесть молодых людей, все одного возраста. Выбриты, модные прически. Одинаковые темно-синие костюмы. «Фирменная одежда, что ли?» — подумал Иван. Скупщики акций или «новые акционеры» передали списки купленных или подаренных акций, назвали свою цену.

Списки: уже на первой странице Иван увидел фамилии двух человек, еще неделю назад клявшихся в верности и ему, и организации. Нет, это были не рабочие, которым было «по барабану», кто ими управляет. Эти много лет работали в аппарате управления и знали все до мелочей. Что их заставило предать: зависть к нему? Но он имеет столько же акций, как и они, только ноша его тяжелее. Отсутствие веры в будущее? А у кого она сегодня есть? Экономический кризис? Так он везде и во всем. То, почему затеяли приватизацию, понятно — нужны деньги, да и власть умыла руки: «У нас, как на Западе, частный сектор — преобладающий сектор экономики».

Иван внимательно читал каждый листок, размышляя. Фамилия, имя, отчество, количество акций и сумма уплаченных денег за них. Знал он всех, знал. Кого-то больше, кого-то меньше. Кому-то помогал решать житейские проблемы, и его голос был решающим при выделении квартиры. Кому-то помогал устроить ребенка в детский сад, кому-то оформить инвалидность. Такова работа руководителя — все это делается не для благодарности на вечные времена. Люди воспринимают его помощь как должное. А все же обидно, что забыли про добро. Кто он им: отец, сын, брат? Десять лет отдал тресту. Придя в самое слабое, только что созданное управление, не жалея времени и сил, добился результатов и должности главного инжене-

ра треста. Может, все это — стечение обстоятельств, может, верхушечные «битвы канцлеров», о которых он не знал и, видимо, не узнает. Ну, а через год и советская власть закончилась, и коммунисты ушли с арены, и рынок наступил. И его всем коллективом выбрали управляющим трестом. Иван перелистывал листок за листком.

В трестовском здании нарушилась обычная жизнь, никаких утренних докладов, планерок. Все гадали, кто же находится у Ивана Савельевича? Заместители пытались, пользуясь своим правом, войти в кабинет управляющего, но он махал рукой.

— Позже, позже.

Наконец, предупредил секретаря:

— Никого не пускать, ни своих, ни чужих.

Несколько часов листая списки «предателей», так Иван назвал этих людей для себя, придумывал кару для них. Найти предлог и уволить всех? Размножить списки, и развесить их на каждом этаже и строительном объекте? Встретиться с каждым и посмотреть в глаза? На большее у него не хватало фантазии.

После долгих размышлений решил: пусть будет так, как есть, не надо кар земных, пусть для каждого останется кара небесная.

Недели две шел торг о цене выкупа; большую помощь при этом оказал Петр. Но вот, наконец, все закончилось, акции вернулись в трест. Несмотря на отговоры Петра, Иван распределил их среди членов своей команды, так показалось ему справедливым.

Петр позвонил вечером:

— Иван, через несколько часов я уезжаю. Встретимся?

— Давай.

— В том же кафе.

Здесь, как и в прошлый раз, кроме их столика, в отдалении был занят еще один. И тоже — двое. Возможно, кафе и держали для таких встреч.

Поздоровавшись с другом, Иван спросил:

— Что так срочно?

— Давно бы уехал, из-за тебя задержался.

— Значит, не здешний?

— Я кемеровский. Здесь был на сходке, финансовые дела.

— И как совпало?

— Совпало. Хотя ничего случайного не бывает. Я оказался свидетелем, — «иннокентьевцы» просили о встрече с Толстяком, назвали твою фамилию. Толстяка давно знаю, не любит он решать такие дела, отбивает от себя. Должок за ним был, вот и пошел мне навстречу. С трудом уговорил, чтобы сам сходку открыл. Не хотел светиться перед своими.

— Почему?

— Ну, у каждой команды свои особенности. Наверное, лично добро давал на скупку.

— И дорого тебе это стоило?

— Не считал.

— Я в долгу перед тобой, Петя.

— Да мне в радость, что помог тебе.

— Когда улетаешь?

— На поезде, ночью.

— На поезде?

— Длинная история… Тебе могу сказать — боюсь самолетов…

— Оставь хоть адрес, глядишь, с Новым годом поздравлю… Помнишь елку в школе…

— Адрес не могу. По возможности сам звонить буду.

— Не можешь?

— Жизнь такая, не обижайся.

— На родину тянет?

— Под водой наша родина, Иван, сам знаешь. Только вершина Красного Яра. Грустно видеть море-океан. Ну ладно, давай прощаться.

— А чего здесь-то? Поехали на вокзал.

— Не надо… Провожающих будет много. Ну, пока, брат. Береги себя.

— А ты себя. В наши годы друзей не прибывает.

— Это точно. Как Маша, дочки?

— Помнишь… А я уже дед.

— Все я, дед, помню… Как уносили ноги из вагона-ресторана. Мальцы…

На улице крепко обнялись, Петр медлил, потом вдруг сунул в руку Ивану конверт.

— Прочитаешь дома, — смущенно сказал он, тронув Ивана за плечо. — Никогда писем не сочинял, да вот…

Глава VIII

Вместо эпилога

В конверте, который «кровный брат» оставил Ивану, оказались мелко исписанные, в клеточку, листики.

«…Возможно, Ваня, я оставлю у тебя тягостное впечатление рассказом о своих “подвигах”. Прости, брат, больше мне некому открыть душу. В Бога я, к сожалению, не верую, или так кажется мне, настоящих авторитетов, кроме воровских, в жизни не встречал, никого и никогда не любил, кроме тебя и одной смешной детдомовской девчонки — ее, может, и на свете нет.

Когда человека бьют по голове, ему причиняют не только телесную боль — его лишают способности мыслить, и самое главное — убивают его человеческое достоинство. Меня била по голове мать, бил отчим, власовская морда, били сверстники, потом сокамерники. Я понял во время первой отсидки: чтобы выжить, нужно сопротивляться. Я научился сопротивляться: на удар отвечал тремя, а когда силенок не хватало, царапался и кусался. Меня стали опасаться, и дали кликуху — “Бешеный”. Физически я был слаб, но внутренние ярость и непримиримость — тоже сила. В драках я использовал любые подручные средства, то есть что попадалось под руку. Мог ударить и ножом — того, кто нападал.

О моих воровских “университетах” распространяться не буду, скажу только, что преподавали в них настоящие “профессора”. Меня стали уважать в том мире, а когда наша страна, Ваня, развалилась с треском, воры старой закваски вынуждены были сбиваться в стаи и зарабатывать себе на жизнь рэкетом и полулегальным бизнесом. Волею случая я возглавил одну из довольно крупных провинциальных группировок; кроме того, держал сибирский общак, в общем, в графе “профессия” писал “предприниматель”.

Но я хочу рассказать о другом. Не могу забыть свое детство. У тебя была добрая, любящая мать, были сестры, друзья, ты не голодал, не знал обид и унижений от своих близких. А я знал. Я прошел ад, Ваня, о котором в нашей деревне едва ли кто догадывался. Меня не просто били, меня убивали. Когда приехала бабушка и забрала меня, я понял, что спасен. Но радость длилась недолго, бабушка умерла, меня отправили в детский дом, а что это за учреждение, знают только те, кто пожил там хотя бы с годик. Говорят, есть и другие, но я попал вот в такой. Там пришла ко мне первая любовь — безответная. Я любил ее, хоть знал, что она, шестнадцатилетняя, дарила свою "любовь" каждому старшекласснику, кто был способен… Я часто вспоминаю ее, потому что она была первой, единственной, к кому я испытывал такое чувство. У меня никогда не было семьи, детей — случайные девушки, одинокие женщины…

Я всегда хотел есть. Я больше никогда в жизни не голодал, но всегда помнил это чувство… Я навсегда благодарен тебе и твоей матери за то, что вы частенько подкармливали меня — пусть земля будет пухом для тети Ани! Если бы она была жива сегодня, я мог бы многое для нее сделать. Я любил тебя, потому что ты был моим единственным другом, ты был сильнее, ты защищал меня, ты был моим старшим братом, хотя мы и одногодки.

Я знаю, что такое ненависть. Я начал ненавидеть очень рано. Когда мне исполнилось тридцать, я приехал в деревню, где отчим и мать жили после переселения. Все так же пьянствовали, скандалили… Приехал тайно, ни одна душа не знала о моем появлении.

В потемках я подошел к дому на отшибе. Видимо, мать с отчимом уже спали, окна не светились. В рюкзаке была десятилитровая канистра с бензином; толстую рогатину, чтобы подпереть дверь, припас заранее. Я облил бензином дом, оставалось чиркнуть спичкой…

Что удержало меня? Ваня, я понял вдруг, что никогда не смогу протянуть тебе руку, посмотреть тебе в глаза. Никогда…

Ночь я скоротал в лесу, у костерка, а на рассвете переправился на другой берег Илима и на маленьком "кукурузнике" улетел в Иркутск. С краем моего детства я простился навсегда… А сейчас, бывает, вдруг увижу во сне нашу деревушку, зима, санки, луна в небе… Или осенний лес, все понимаешь, чувствуешь и не можешь, что у тебя на душе, рассказать…

Стареем, наверное, кровный ты мой брат…»

Евгений ЛУКИН

КСИЛУРГИЙСКИЙ СКИТ

Евгений Валентинович Лукин — родился в 1956 г. на Новгородчине. Русский поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Переводчик цикла древнерусских песен «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Задонщина». Автор стихотворного либретто «Радонежской оратории», посвященной преподобному Сергию Радонежскому. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии Н. В. Гоголя за роман «По небу полуночи ангел летел». **Живет в Санкт-Петербурге.**

По преданию, первый русский монастырь на Святой горе был основан попечением святого равноапостольного князя Владимира вскоре после крещения Руси. В отличие от своих каменных собратьев, этот монастырь был возведен из подручного лесного материала. Посему греческие монахи нарекли его «Ксилургу», что значит — древодел, плотник. Первым настоятелем обители стал игумен Герасим, среди славных деяний которого было и пострижение в монахи русского паломника Антипы из Любеча — будущего преподобного Антония Печерского. При пострижении игумен прозорливо назвал его Антонием — в честь египетского пустынника Антония Великого, основателя отшельнического иночества. Спустя некоторое время Герасиму было внушение от Богородицы, и он, руководствуясь Ее небесным гласом, направил инока Антония на родину: «Да будет на тебе благословение Святой Афонской горы, от тебя произойдет множество иноков». Здесь, подвизаясь в варяжских пещерах, преподобный Антоний Печерский стал не только первостроителем киевского собора Успения Пресвятой Богородицы — аналога Успенского собора Ксилургийской обители, но и первоначальником всего русского монашества.

На Афоне, в библиотеке Великой Лавры Афанасия Афонского, находится известный святогорский акт 1016 года, под которым стоит собственноручная подпись игумена Герасима. Это первое письменное упоминание о Ксилургийской обители позволило достоверно установить начало русского присутствия на Святой горе Афон, тысячелетие которо-

го ныне празднует весь Православный мир. Этому знаменательному событию посвятил свою драматическую поэму и петербургский поэт Евгений Лукин.

Редакция

ПРОЛОГ

Среди синего моря — Святая гора,
Золотой вертоград Царицы Небесной,
Где родник не скудеет любви и добра,
Где не гаснет светильник веры чудесной.

Каждый камень здесь дышит молитвой святой,
И творит каждый куст псалом благодарный.
И стремится душа в вертоград золотой
Под покров Богородицы лучезарный.

ГЕРАСИМ,
игумен русской обители Ксилургу на Афоне

В тот год, когда над Русскою землею
Труба апостольская вострубила
И Слово воссияло в небесах,
Сподобился великий князь Владимир
Призвать любимца плотницкого братства
И на Святую гору отрядить:

«Там, на Афоне, доблестный строитель,
Настало время возвести обитель
По древним византийским образцам.
Пусть станет мастерская древодела
Нам родиной монашеского дела —
Отчизной первым русским чернецам».

Исполнено благое порученье,
И на лесном Афонском косогоре
Воздвигся деревянный Русский скит.
И греческие каменщики вскоре
Его с почтеньем нарекли Ксилургу —
По-русски это значит Древодел.

ХОР

Пусть в веках стоит
И завет хранит
Ксилургийский скит —
Первый русский скит.

АНТИПА,
паломник

Подвизался смалу пастушком
Не за плату, а во славу Божью.
И, благословясь, пошел пешком
К светлому Афонскому подножью.

По примеру нищего Христа
Странничал, молясь о жизни вечной,
И была молитва принята —
Благодать в моей суме заплечной:

Только хлеб да чистые холсты,
Книга книг да образок Спаситель.
Обойдя афонские скиты,
Постучался в Русскую обитель.

Я пришел из Любеча сюда
Научиться кроткому безмолвью,
Радости смиренного труда.
Я пришел из Любеча с любовью.

ГЕРАСИМ,
игумен Русской обители Ксилургу на Афоне
(постригает Антипу в монахи)

Крестное свершая постриженье,
Нелегко монаху имя дать —
Наложить иное отраженье
И судьбу иную начертать.

Но, твое величие провидя,
Ныне я тебя именовал
Именем того, кто в Фиваиде
Первую обитель основал.

Был пустынножителем Антоний,
И среди египетских камней
Сатанинский искус скорпионий
Побеждал молитвою своей.

Шли паломники к вертепам диким
Поклониться святости его.
Был Антоний истинно великим
Пастырем монашества всего.

БОГОРОДИЦА
(обращается к игумену Герасиму)

Когда яриться буря перестала,
Ожесточенью положив предел,
Моя ладья к Святой горе пристала,
И Я ступила в собственный удел.

Открылся взору край простолюдина.
«О, как блаженны, — Я пришла сказать, —
Те, кто живет по заповедям Сына, —
Пребудет с ними Божья Благодать!»

И с той поры насельники удела
Здесь обитали как на небеси.
А ныне Мною греза овладела,
Что церковь просияла на Руси.

Как будто бы Антоний чудотворный
Вернулся со Святой горы домой
И выстроил нагорный храм соборный,
И двери распахнул передо Мной.

АНТОНИЙ,
инок Русской обители Ксилургу на Афоне
(покидает скит, направляясь в Русскую землю)

Прощай, Ксилургийская келья!
Прощай, Богородицы храм!
Святые скалы и ущелья,
До пояса кланяюсь вам!

Мне глас обозначил небесный
Дорогу на Русь прямиком,
Где должен воздвигнуть чудесный
Для Божией Матери дом,

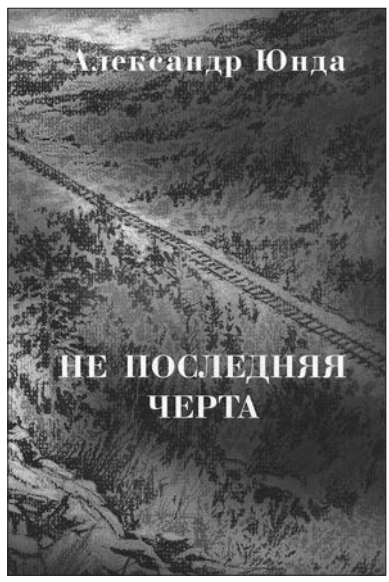
Затеплить светильники веры
И ввысь воскурить фимиам.
Отверзтесь, глухие пещеры!
Восстань, Богородицы храм!

ХОР

Владимира свершилось предсказанье:
Над родиной — божественный Покров,
Святой горы небесное посланье,
Благословенье русских чернецов.

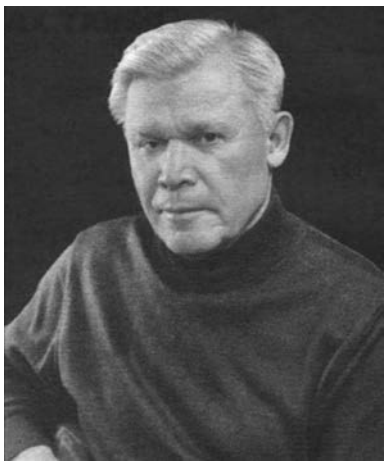
ВЫШЛА КНИГА

Юнда А. А.
Не последняя черта: Повесть, рассказы, очерки, быль. — СПб.: ИПК «Береста», 2015. — 236 с.: ил.

В новой книге писателя, художника, путешественника А. А. Юнды художественно-документальная проза представлена и жанровым, и тематическим многообразием. Она напрямую связана с драматическими событиями, жертвами и судьбами народными XX века в России. Особо выделена характерная для большевизма тема развоплощения исторически сложившейся жизни страны.

Книга обращена к читателю, не потерявшему способности «мыслить глазами» и богатеть знаниями отечественной истории.

Ренат ХАРИС

КЛЯТВЕННАЯ ЧАША

Поэма

Ренат Харис (Харисов Ренат Магсумович) — Народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, английском, башкирском, чувашском языках. Родился в 1941 г. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарем СП Татарстана, зам. министра культуры, главным редактором, зам. Председателя Госсовета Татарстана, народным депутатом Парламента республики трех созывов. Лауреат Государственной премии РФ, Государственной премии Республики Татарстан и др. Заслуженный деятель искусств Татарстана, заслуженный работник культуры Чувашии и Каракалпакии (Узбекистан). Секретарь СП России, член Геральдического совета при Президенте Татарстана, член главной редколлегии Татарской энциклопедии. **Живет в Казани.**

В год 6493 (985). И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель тонуть».

Повесть временных лет

* * *

Я круглый камень бросил
в Волгу с кручи,
и он сверкнул, дно озарив огнем.
(Так луч порою разрывает тучи…)
И древний век —
сомкнулся с новым днем!

И прокатились кольца волн, переча
теченью лет, что тают вдалеке.
И всплеск от камня
двинулся навстречу
волнам, гонимым ветром по реке.

Отдавшись воле волн, я то ныряю
в глубины Волги, достигая дна,
а то с потоком дерзостно играю,
вдаль уплывая через времена.

Я погружаюсь в струи дум горячих,
в них растворяясь,
как в воде речной,
перемешавшись с пляской
капель зрячих
и говорящим ветром над волной.

Я стал землей.
Мой путь безмерно долог…

Во мне — века.
Исследуй, археолог!

* * *

…Возле Днепра, на берегу высоком
стоит Перун, тьму прожигая оком,
а князь Владимир, встав на косогор,
швырнул полено крепкое в костер.

Взлетела к небу туча искр слепящих,
сорвав средь ночи
сов на ветках спящих,
и свет багровый чащу окровил,
и лик Перуна ужас искривил.

И обожгло сверкающее пламя
усы Перуна, взмывшие, как знамя.
И князь Владимир, будто звоном струн,
вспугнул мрак словом:
«Мир тебе, Перун!

Благодарю тебя! Перед тобою —
горит полено, брошенное мною.
В том вижу я благословенный знак,
как будто — то — взращенный нами злак.

Снесу я все — удары и пожары
и двину рать в Великие Булгары,
поскольку царь булгарский — Мухаммат
купцов пустился грабить из засад,
дома их сделав жалкими гробами,
а их самих вдруг обратив рабами…

О, Русь, твой лик, где черная зола,
в крови врагов отмою добела!

Благослови, Перун! Со мной Добрыня,
его душа сияет, как святыня,
а за спиной — дружинников ряды,
чьи копья остры, а мечи — тверды.

Пошли, Перун, твое благословенье —
пускай взлетит до туч народа пенье
и, нам даруя слаще всех чудес,
на Киев счастье спустится с небес!..»

* * *

…И князь сошел — туда, где Днепр бежит,
листая волны, как страницы книжник.
Щитами лодок каждый борт обшит…
А князь в руках несет с собой булыжник!

Весь Киев утром к берегу идет,
где князь готов плыть за врагом по следу,
и русский люд ему удачу шлет,
ну, а Руси — и славу, и победу.

Взойдя на острый нос своей ладьи,
князь бросил людям клич под облаками:
«Мои родные, близкие мои,
в моих руках вам ясно виден камень?

Мое решенье — камня тяжелей,
который в Днепр я брошу нынче смело.

Коль слово дал — то силы не жалей:
или нырни за ним, иль сделай дело…»

И князь булыжник бросил в недра вод,
уняв смятенье, что тревожит душу.
И стон протяжный выдохнул народ,
увидев мать Владимира — Малушу.

И словно чайки голос прозвучал,
опять родив в сердцах людей кошмары:
«Не покидал бы, княже, ты причал
и не водил бы воинов в Булгары.

Кровь отмывая с воинских одежд,
истерли руки матери до крови.
Истлели в душах капельки надежд,
устав от горя днями хмурить брови.

Уж сколько лет отец твой Святослав
мне ранит душу долгими годами,
среди днепровских сгинув переправ.
Теперь и ты идешь его следами…»

И в этот миг дохнул с высот Стрибог,
грудь парусов наполнив ветром туго.
И, покидая свой родной порог,
уплыли лодки, торопя друг друга.

Плескался в берег голубой поток,
над отчим краем небосвод был светел.
И не услышал над рекой никто,
что князь Владимир
матери ответил…

* * *

В шатре высоком, лежа на коврах,
витая слухом в сказочных мирах,
царь Мухаммат внимал стихам поэта,
что в честь его он сочинял с рассвета.

Но тут вбежал примчавшийся гонец.
«О, ильтабар[1]! Нам близится конец!
С той стороны, где спать ложится солнце,
я видел пыль, что над степями вьется,
и плеском весел полнится вода!
Знать, к нам с Руси грозу несет беда».

[1] *Ильтабар* — тюркско-татарское *иль* (страна) + *табар* (найдет). То есть: нашедший свою страну, свою родину. Во времена князя Владимира это слово значило титул *правителя Булгарского царства*.

И на коврах привстал царь Мухаммат:
«Я и плохим вестям бываю рад,
когда их кто-то вовремя приносит…
Гонцу отсыпьте, сколько он попросит!

И собирайте полководцев в круг
да аксакалов — нынче не досуг…»

Ну, а когда
пришли мудры и седы
все те, кого созвали для беседы,
царь вышел к ним и вопросил народ:
«С чем нам встречать
того, кто к нам идет?
Коль у него за пазухою — камень,
его встречать нам с голыми руками?
Или с мечами выйти из-за скал,
иль стол накрыть, чтоб всем он взор ласкал?..»

И вышел в круг старейший аксакал:
«Того, кто к нам идет с тяжелым камнем,
мы встретим с миром — и друзьями станем,
не пожалев для них горячих слов.
Они — соседи. Надо слать послов».

«Ты справедлив!» — глаза царя зажглись.
И поддержал его слова меджлис…

(Гул этих слов я услыхал в груди,
как будто это — дальний гром гудит!
И этот гул стелился по земле,
качая воду и клубясь во мгле.

О, археолог!
Вскрой пласты песков —
услышишь в них слова былых веков…)

* * *

…В шатре высоком для гостей накрыт
огромный стол, где блещут чаши, блюда.
Стол не простой — его нарядный вид
всех соблазняет яствами, как чудо.

Лаская слух хозяев и гостей,
слова летят, как птичьи песни в чащу.
Кровь не пуская, не дробя костей,
по кругу носят клятвенную чашу.

Из года в год — мы рубим, как леса,
друг друга в битвах, не чураясь боли…

А столько душ умчалось в небеса,
через века летя, как через поле!

Земля устала слышать стук голов,
летящих с плеч в боях неутомимых.
Грядущий век заждался сладких слов,
истосковавшись
по глазам любимых…

* * *

…И вот в шатре все сели чинно в ряд —
Владимир-князь, Добрыня, Мухаммат,
богатыри Владимировой рати,
Мухаммата воины и братья.

И встал со словом первым царь булгар:
«Нам с русским князем
не чинить впредь свар.
Купцов не грабить, не пускать их крови,
жить по-соседски — в дружбе и в любови.
А если эту клятву мы нарушим —
то пусть нам вынет
сталь из тела душу!»

И он из ножен саблю обнажил —
и перед русским князем положил.
А добрый гул поплыл вдоль вод и суши:
«Пусть наши сабли рассекут нам души…»

И вслед за этим встал Владимир-князь:
«Мы укрепили с Мухамматом связь
и затвердили прочно в договоре,
чтоб кровь не лить, неся друг другу горе,
вести торговлю не мешать купцам,
дать жить в родстве отцам и молодцам,
а тем, кто этот договор нарушит —
Перун пусть гром на них с высот обрушит,
Стрибог сотрет о них в столетьях быль
и над морями их развеет в пыль».

И сняв шелом, поставил его рядом
с положенною саблей Мухамматом.
И добрый гул качнулся, как ковыль:
«Пускай Стрибог развеет нас, как пыль…»

Водою волжской чашу сам наполнив,
царь Мухаммат ее над пиром поднял
и князю дал Владимиру глотнуть —
мол, нашей дружбы вкус не позабудь.

Затем кремень он вынул из кармана
и, чтобы в том не видели обмана,
его пред всеми в чашу опустил —
и на поверхность он уже не всплыл.

И Мухаммат
сказал, взмахнув руками:
«Когда в воде
вдруг станут плавать камни,
а хмель потонет в чаше, как сапфир,
тогда меж нами —
прекратится мир!»

«Да будет так! — сказал Владимир громко. —
Пускай из чаши льется через кромку
по миру дружба наша, как вода.
Из век в век! Отныне — и всегда!..»

* * *

(...И в том шатре —
я тоже тайно был,
воды из чаши клятвенной испил,
и та вода — мне душу оросила,
чтоб в ней навеки укрепилась сила...)

Перевод с татарского языка
Николая Переяслова

Творя в реальном мире чудеса,
Романтиками стали мы немалыми,
И голос Ваш, и наши голоса
Сливаются под парусами алыми!..

Ал. Ал. Жаров, русский советский поэт (1904–1984)

Ахат МУХАМЕДОВ

ПРОРОК МУХАММАД И АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ

Романтическая быль

Ахат Газизович Мухамедов — родился в городе Ташкенте в 1938 году. Окончил Казанский авиационный институт и получил профессию инженера-ракетчика. Был направлен на Северный флот в Северодвинск. Службу проходил на Центральном ракетном полигоне ВМФ, военный стаж — более 25 лет. Ходил на подводных лодках в различные точки мирового океана. Более 6 лет командовал морской военной частью. Заочно окончил Высшее военно-морское училище им. П. С. Нахимова в Севастополе. Капитан 1 ранга. Участвует в работе Татарского культурного центра г. Москвы. Заместитель гл. редактора газеты «Татарский мир». **Живет в Москве.**

Ранее утро. Проснулся от необъяснимой тревоги. За окном рассвет чуть брезжил. Рядом сладко посапывала жена. Стал размышлять о причине тревоги: последние годы особых бед и трудностей не испытывал. Наоборот — с отличием защитил диплом в Литературном институте, какие-никакие стихи написал и пишу. Вроде бы инженер-механик, ракетчик по профессии, а вон ведь куда забросило — в гуманитарии. Откуда эта тяга к литературе и к поэзии в частности? И тут как током ударило: военное детство и бабушка Гульшат-абыстай, с которой я провел годы войны с 1941 по 1945. Это она мне внушила любовь к поэзии Тукая. Ибо первые стихи я услышал от нее на татарском языке в трехлетнем возрасте. Это она молилась по пять раз в день, а я сидел рядом и слушал суры Корана, которые она пела нежным, мелодичным и тихим голосом. Я не понимал ни одного слова из молитвы, но почему-то зачарованно сидел возле нее, забывая обо всем. Гульшат-абыстай во время Отечественной войны была самым известным знатоком Корана среди женщин в Ташкенте. К ней постоянно приходили женщины-татарки, у которых мужья, родители или дети воевали на фронтах. Они приносили письма или «похоронки». Бабушка часами читала им отрывки из Корана, успокаивала. В общем, была для них посланцем Аллаха либо пророка Мухаммада. Конечно, все гостьи приносили сладости и фрукты. Угощали меня, а моя задача была поставить самовар, разжечь огонь, на-

ливать кипяток в чайник и приносить его молящейся бабушке и ее гостям. Я постоянно чувствовал любовь бабушки ко мне. Ведь я был в семье единственным мальчиком. Моя мама, дочь Гульшат-абыстай, была учительницей в средней школе, классным руководителем, и ее постоянно избирали секретарем парторганизации. В то время я видел ее очень редко. Она уходила в школу спозаранку, когда я еще спал, и приходила, когда я уже спал. Отца я увидел только в сентябре 1945-го, мне уже исполнилось 7 лет.

Вот тут-то и произошло событие, которое сопровождает меня всю последующую жизнь, в течение 70 лет. Сентябрь 1945 года. Ночь, в комнате находится вся наша семья: отец с матерью, бабушка, две старшие сестры и я. Я, как самый младший, спал на столе, мама с папой на полуторной кровати, бабушка — на раскладушке, а сестры — на полу. Вообще-то у нас была двухкомнатная квартира, но в другой комнате постоянно жили эвакуированные семьи. Так было принято в Ташкенте. Причем семьи менялись в течение войны, так как с освобождением городов от гитлеровцев одни эвакуированные уезжали, другие приезжали.

Среди ночи я внезапно проснулся и встал на колени, ибо увидел в дверях комнаты фигуру человека, который смотрел на меня и молчал. В полной темноте этот человек был как бы освещен; одной рукой он отодвинул штору. Я запомнил только его лицо, оно было необыкновенно добрым. Он улыбался. Одежду я не запомнил: она была серой и неприметной. А когда он поднял руку и указательным пальцем прикоснулся к своим губам, я испугался и закричал: «Мама! Мама! Человек в дверях!». Мать и отец проснулись и вскочили. Ко мне подошла мама: «Сынок! Что случилось? В комнате никого нет». — «Нет, мама, вон человек стоит в дверях!». Мама зажгла коптилку и стала меня успокаивать, говоря, что никого в комнате нет, но человек стоял в дверях и улыбался. Мать с коптилкой в руке пошла к двери. Там был выключатель. Она смело шла к двери, и я понял, что никакого человека она не видит. Как только свет зажегся, человек исчез. И вот тут я заплакал. Мать и отец стали меня успокаивать, говорить, что все это мне почудилось, приснилось. Но я продолжал плакать и твердить: «человек стоял, он за шторами!» Мать отодвинула штору, показывая, что там никого нет. В двери в замочной скважине торчал ключ. Отец открыл дверь ключом. Меня взяли за руку и повели в коридор, где никого не было, а затем вывели на летнюю террасу и показали, что и там никого не было. Успокоившись, все легли спать, но я не заснул уже до утра. Всю ночь перед глазами стоял этот человек. Утром родители убедили меня, что все это мне померещилось. Отец и мать были атеистами. Только бабушка мне прошептала: «Бу синин фәрештә иде» («это был твой ангел»). Я воспринял слова бабушки как шутку и не придал им особого значения. Потом я свыкся с мыслью, что все это мне привиделось.

В те годы нас учили быть атеистами, и фраза Маркса «Религия — опиум для народа» была на слуху и в школе, и университете, где я учился. А вот мама, хотя и была коммунистом, в глубине души верила в Аллаха, но никому этого не говорила. Когда я спросил у нее, есть ли Аллах, она ответила, оглядываясь по сторонам: «Сынок! Есть ли Аллах или пророк Мухаммад, я не знаю. Но что-то высшее и святое в мире существует». Я горячо любил маму, и этот ее ответ зародил во мне веру в божественную силу. И эта вера по-настоящему пришла ко мне только через 50 лет, когда был уже военным

пенсионером. После инсульта, когда я пролежал в госпитале и дома почти 8 месяцев, со мной случилось чудо. Ночью мне приснился тот человек, которого я видел в детстве. На этот раз он опять появился в дверях и сказал всего три слова: «Все будет хорошо». Я мгновенно проснулся, с трудом встал с кровати, лицо покрылось испариной, руки и ноги дрожали. Я вспомнил детство, и слова бабушки «это был твой ангел» снова прозвучали во мне. Вдруг через 3–4 дня я почувствовал прилив сил и бодрости. Я попробовал сходить за водой (в доме, где я жил, до водопровода нужно было идти не меньше 50 метров). И, о чудо, я принес полведра воды. Правда, пришлось отдыхать полчаса, руки и ноги сделались ватными и слегка дрожали. К вечеру я опять принес воды, а через несколько дней вскопал грядку и посадил 10 кустиков рассады помидор. Это было мое второе рождение. Я стал работать плотником-столяром. Так я пришел к убеждению, что этого ангела послала моя бабушка Гульшат-абыстай. Она прожила 86 лет и ушла из жизни в 1967 году. В тот год я служил на Северном флоте и был в плавании на подлодке в Баренцевом море. Командование не могло отпустить меня на похороны, но когда бы я ни приезжал в Ташкент, всегда в первую очередь шел на могилу бабушки.

Как-то, вспоминая свою жизнь, особенно трудные и опасные моменты службы на Северном флоте и в повседневной жизни, я прихожу к твердому убеждению, что рядом со мной постоянно был мой ангел-хранитель. В годы службы на флоте я занимался подготовкой ракет для подводных лодок. Испытывал ракеты вместе с экипажами и давал путевку в жизнь грозному оружию. Горжусь тем, что испытывал первые образцы крылатых ракет «Калибр», которые недавно запускали наши корабли по позициям ИГИЛ в Сирии.

Еще во время службы меня заинтересовало происхождение Андреевского флага. Этот белый с диагональным голубым крестом (называемым крестом Андрея Первозванного) флаг учрежден Петром Первым в 1699 году. Я задумался над разницей мусульманского полумесяца и креста Андрея Первозванного. Стал проводить параллели. А ведь пророк Мухаммад и Андрей Первозванный оба святые. Андрей в христианстве первый из 12-ти апостолов, проповедовал среди скифов, был распят римлянами на кресте в виде буквы Х. В Киевской Руси — символ русской государственности, получил эпитет Первозванный, стал покровителем военно-морского флота.

Да, это с детства в моей душе. Пророк Мухаммад привел меня на флот, к Андреевскому флагу. Думая о том, каким образом меня, военного моряка, потянуло на склоне годов в поэзию, в литературное творчество, я пришел к выводу, что к этому меня привел мой ангел. А еще в пятилетнем возрасте меня погладила по голове великая русская поэтесса Анна Андреевна Ахматова. А произошло это следующим образом.

Младшая сестра моего отца Аида Касымовна в 1943 году досрочно закончила исторический факультет Московского университета. В это время в Ташкенте жила в эвакуации А. А. Ахматова. Московские друзья Анны Андреевны попросили тетушку отвезти ей рукописи и небольшую посылку с продуктами. И вот, взяв меня с собой, тетушка пошла к Ахматовой. Поблагодарив за посылку, Анна Андреевна положила руку на мою кудрявую голову и промолвила: «Ах, какой рыжик!» Вот ведь и здесь мой ангел привел меня к литературе.

Я знаю, ты моя награда
За годы боли и труда,
За то, что я земным отрадам
Не предавалась никогда,
За то, что я не говорила
Возлюбленному: «Ты любим».
За то, что всем я все простила,
Ты будешь ангелом моим.

А. Ахматова
1916

А в сентябре 2013-го, в день моего 75-летия, мне приснилась моя бабушка Гульшат. Она встала передо мной и по-татарски сказала: «Сиксэн алты» («восемьдесят шесть»). Что она имела в виду, я до сих пор гадаю: то ли мне отпущено 86 лет, или сколько прожила она. К 86-ти годам, думаю, я узнаю. Ждать осталось недолго. Всего 9 лет.

Таким образом, я счастлив, что у меня есть мой ангел (минем фәрештә). Он меня бережет, дарит добрых друзей и наказывает тех, кто мне причиняет боль. В этом я неоднократно убеждался.

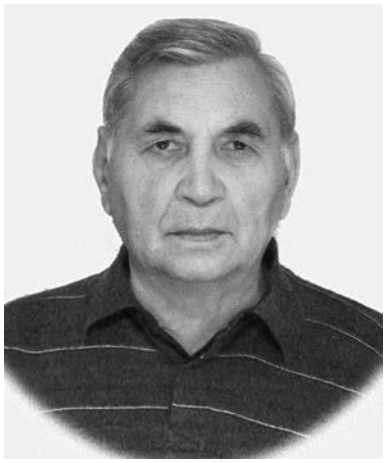
Но, главное, что подарил мне в жизни мой ангел, — это моя жена, которую я в душе называю Гюльчатай.

Я люблю тебя очень и очень,
И пускай мне по жизни уж осень,
Ты меня вдохновляешь на строки,
Нам с тобой нипочем «экивоки».
Даже в мыслях я стал все нежнее,
Обретаю покой в равновесье…
С каждым днем ты дороже, нужнее.
О тебе мои лучшие песни.
Я живу и тружусь с увлеченьем,
Обращаюсь к тебе с посвящением
В той прекрасной и поздней любви,
Что оставили предки в крови.
Не страшны нам осенние сроки.
Пусть бурлят неостывшие соки.
Благодарен тебе за вниманье.
Все в тебе — идеал и мечтанье.

Именно мой ангел на склоне лет познакомил меня со знаменитым писателем, главным редактором газеты «Татарский мир» Ринатом Мухамадиевым, известными поэтами Валентином Сорокиным, Людмилой Щипахиной, Равилем Файзуллиным и Ринатом Харисом. Это мои наставники и учителя.

Хаэрле ирте! Хаэрле минем фәрештә!

Доброе утро! Добрый мой ангел!

Урал ШАРИПОВ

О ПЕРЕВОДАХ КОРАНА — СВЯЩЕННОЙ КНИГИ ИСЛАМА НА РУСКИЙ ЯЗЫК

Урал Зиятудинович Шарипов — родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил восточный факультет Ташкентского государственного университета и аспирантуру Института востоковедения АН СССР (г. Москва). Автор более 250 научных публикаций, в том числе 9 монографий по политическим, экономическим и социальным проблемам стран БСВ и Центральной Азии, а также переводчик Корана (совместно с Р. М. Шариповой) на русский язык. Доктор политических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. **Живет в Москве.**

Коран — Священная Книга ислама. Из всех основополагающих источников этой религии он единственный относится ее адептами к Явлению Свыше, то есть к Первоисточнику Божественного Происхождения. Коран выступает фундаментообразующим фактором других базовых источников этой веры, и в том числе таких важнейших, как хадисы, шариат и фикх. Последние, в отличие от Священной Книги, представляются произведениями человеческого творчества — были составлены на Ее основании и высказываниях Пророка Мухаммада сподвижниками Пророка.

Постулаты Корана вошли в повседневную жизнь мусульман, передаются из поколения в поколение, став по существу традиционной идеологической основой функционирования весьма многих национальных цивилизаций. В частности, эта Священная Книга пользуется высоким авторитетом у не менее чем 20 % коренного населения России, которые относятся к так называемым «мусульманским народам».

Как известно, любой исторический источник, предназначенный для широкого распространения в современном обществе, имеет свою лексическую специфику, обусловленную временем его составления. Представляется целесообразным, при переводе его текста на другие языки, использовать соответствующую литературную лексику и правила грамматики, чтобы не вызывать у читателей затруднений при ознакомлении с ним. Только в таком случае он выступает оптимально приемлемым и понятным для широких масс. Это важно и в отношении переводов текста Корана, так как Идеи Аллаха, ниспосланные Его Посланнику Мухаммаду и собранные в этой Священной Книге, были изложены в

письменном виде представителями общества людей, существовавшего много столетий назад.

Ислам, являясь религией Единобожия, имеет совместно с другими авраамическими верованиями — иудаизмом и христианством — единую историко-идеологическую основу, которая опирается на Послания Аллаха человечеству. Они ниспосылались Свыше поочередно Пророкам Нуху (Ною), Ибрахиму (Аврааму), Мусе (Моисею), Исе (Иисусу), ряду других и, наконец, Мухаммаду. Этот Посланник Аллаха, провозглашая Откровение Господа, заявил, что он не создает новой религии, а продолжает истинную линию Единобожия, которую искажали потомки вышеназванных предшествовавших Пророков.

Основой для составления письменного Корана послужили устные высказывания Мухаммада (в течение четырех периодов — трех мекканских и одного мединского), который «шаг за шагом» излагал своим сподвижникам ниспосланные ему знамения Аллаха. Как известно, при жизни Посланника и под его диктовку была записана только часть откровений, и причем в разрозненном виде. Такие отдельные отрывочные записи делались и его соратниками самостоятельно. Затем, после кончины Мухаммада, устное и письменное наследие Божественных откровений восстанавливалось через его непосредственных слушателей — в большинстве случаев по памяти — и фиксировалось в виде специальных письменных сборников. Причем следует не упускать из виду, что Мухаммад произносил указанные откровения в течение почти четверти века, а само содержание проповедей Мухаммада было разнообразным по жанрам изложения: и религиозным, и образно-рассудительным, и абстрактным. В свою очередь, в воспоминаниях сподвижников и слушателей Посланника эти проповеди несколько различались между собой. Поэтому поначалу существовало множество их записей, которые во многом не согласовывались друг с другом. Это вызывало разногласия среди верующих в Аллаха по смысловой трактовке тех или иных знамений (аятов) Откровения[1].

Еще при первом из праведных халифов Абу-Бакре было принято принципиальное решение о начале работы по сбору всех записей из Откровения Аллаха и сведению их в единую Священную Книгу[2]. Этот процесс был довольно протяженным и вовлек в работу немало переписчиков и редакторов. Наконец, при третьем халифе Османе был составлен и официально провозглашен вариант Корана, который был разослан в ряд основных центров халифата и стал повсеместно внедряться в качестве единственно достоверной Священной Книги ислама. Остальные списки Откровения, по возможности, изымались у владельцев и уничтожались.

Особенностью текста Корана, являющегося историческим источником, выступает нередко встречающаяся размытость принадлежности слов тому

---

[1] В различных местах Корана присутствуют два обозначения этого понятия: 1) Откровение — как Послания Аллаха каждому из Посланников; 2) Откровения — как отдельные истины от Аллаха, проходящие в составе знамений-аятах.

[2] Представляется целесообразным отметить, что Мекка того времени была купеческим городом с широкими коммерческими связями. Там, как и в земледельческой Медине, имелся достаточно немалый контингент грамотных людей, владевших письменностью. Среди них был и *Зайд бен Сабит* — собиратель текста Корана (со слов людей, а также по записям на папирусе и пергаменте) в период правления халифа Абу-Бакра.

или иному участнику диалогов (между Мухаммадом, а также другими Пророками, с одной стороны, и их оппонентами — с другой). Так, в цепи взаимосвязанных аятов весьма часто используются выражения «он(она) сказал(а)» без обозначения конкретного лица, а только при помощи огласовок. Это усложняет ориентировку читателя в отношении источника (субъекта) тех или иных слов и фраз. Поэтому в этих случаях читатель вынужден возвращаться к предыдущим аятам и искать среди них логическую связь диалога и определять их авторство.

Кроме того, в Коране иногда представляется затруднительным отделять прямую речь от так называемых «косвенных» рассуждений, а также проследить переход диалога от одного лица к другому. С точки зрения современного восприятия читателей, придающих большое значение четкому наименованию участников диалогов, указанные обстоятельства весьма важны в чтении.

Как известно, Коран начали распространять в VII веке — в рамках зарождавшегося Арабского халифата — ближайшие сподвижники Мухаммада, которые были выходцами из Хиджаза (на Аравийском полуострове). По мере расширения границ халифата, а также вследствие других исторических обстоятельств, увеличения контингента приверженцев новой религии ислам и его Священная Книга в разной степени интенсивности распространились среди многих этносов мира. Однако общеизвестно, что каждый народ имеет свои специфические менталитет и отличия. Причем все они переживают различные фазы своей национальной истории: развития, падения, возрождения, стагнации и т. д. — то есть подвержены внутриобщественным метаморфозам. Язык, будучи объединяющим фактором определенного круга населения, отражает как местную самобытность, так и происходящие изменения в жизни этносов и отдельных людей. Помимо этого, и сами языки претерпевают метаморфозы: либо развиваются, либо стагнируют, либо умирают. В ходе развития же — диверсифицируются, обогащаются, в том числе путем смешения с другими языками. Однако при этом каждый народ своеобразно воспринимает внешние факторы. Поэтому читатели неарабского происхождения, а тем более удаленные географически, этнически, культурно и по социально-хозяйственному образу жизни от Ближнего Востока, испытывали затруднения для понимания реалий времени жизни Пророка Мухаммада и тех исторических образов и ссылок, которыми оперировал текст Корана с Аравийского полуострова.

История интереса россиян к Священной Книге ислама насчитывает много веков, в течение которых неоднократно делались переводы его основных положений: сначала это были рукописные (исполненные как профессиональными переписчиками, так и самодеятельными) варианты, а затем стали появляться и печатные издания[1]. Причем появившиеся публикации перево-

[1] В рукописном исполнении тексты Корана на арабском языке, начиная с IX–X веков распространялись среди народов Кавказа, Поволжья, Крыма и Сибири. Особенно этому способствовало официальное провозглашение ислама государственной религией в Булгарском ханстве (в Поволжье) в 922 году. Типографские же издания Кораноов в целом, а также хафтияков (седьмая часть Священной Книги — главные суры) и комментариев получили разрешение российских властей с конца XVIII века: в правление Екатерины II (1787) и Павла I (1796–1801) в Казани; в дальнейшем — в Оренбурге, Троицке, Уфе, а также на Кавказе: в Дагестане, Чечне, Азербайджане

дов на языках так называемых «мусульманских» народов Евразии быстро перешли с отдельных глав Корана на более или менее полные варианты коранического текста: в Поволжье, Крыму, на Кавказе, Урале, в Сибири.

Параллельно с ними с XVIII века стали появляться печатные переводы Корана и на русском языке, осуществленные П. Постниковым (1716), М. И. Веревкиным (1790), А. В. Колмаковым (1792), а в XIX веке — К. Николаевым, Д. Н. Богуславским, Г. С. Саблуковым. Следует отметить, что осуществленные в течение этих веков русские переводы Священной Книги мусульман делались преимущественно на основе западноевропейских языков — с французского, английского и с других. Авторы же западноевропейских переводов, в свою очередь, ориентировались на имевшиеся в их поле зрения комментарии тех или иных мусульманских толкователей — то есть в последовавших русскоязычных вариантах использовался аппарат лингвистических и комментаторских посредников. Однако такой подход означал только приближение к непосредственному познанию Священной Книги исламской религии[1]. Поэтому чувствовалась потребность в прямом русскоязычном переводе Корана с оригинала — лингвистического первоисточника. Наиболее известным из изданных в XIX — начале XX века переводов на русский язык, завоевавшим авторитет в читающих кругах России, был труд Г. С. Саблукова, осуществленный по арабскому тексту Корана[2]. Однако в этом переводе при раскрытии коранических идей чувствовалось сильное смысловое влияние христианских и иудейских параллелей из Библии, Евангелия и из других религиозных книг, то есть и здесь присутствовало опосредствованное восприятие текста Священной Книги ислама через вышеназванные параллели.

Наконец, во второй половине XX века появился первый дословно переведенный с арабского оригинала русскоязычный Коран. Его осуществил востоковед-арабист, академик Академии наук СССР И. Ю. Крачковский. Затем, но уже с 90-х годов прошедшего столетия, стали публиковаться русские переводы других авторов — причем не только в России, но и вне нее (как в ближнем, так и в дальнем зарубежье). Однако, несмотря на то, что до них уже были издания переводов Корана, которые могли бы служить основой, от чего следовало отталкиваться для осуществления более совершенных переводов, все они имеют изъяны. Причем если у И. Ю. Крачковского они — сравнительно малочисленные, можно сказать, единичные, то у последующих переводчиков — значительно обширнее. Так, в ряде случаев последние допустили вольности в обращении с коранического текстом. Эти отступления заключаются в избрании ими неверных методов перевода Свя-

---

и т. д. См. собрания рукописей и печатных изданий Корана и отдельных сур в республиканских библиотеках Казани, Уфы, Махачкалы, Нальчика и в других городах, а также статью И. Ю. Крачковского «Русский перевод Корана в рукописи XVIII в.». Избранные сочинения. Т. 1. М.–Л., 1955. С. 175–181.

[1] Как правильно отмечал И. Ю. Крачковский в своей статье «Русский перевод Корана в рукописи XVIII в.»: «…вторичная передача (с французского языка) его (Корана) еще на один язык, конечно, не позволяет предъявлять сколько-нибудь серьезные требования в смысле адекватности арабскому тексту». *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. 1. М.–Л., 1955. С. 177.

[2] См. *Саблуков Г. С.* Коран (переводъ съ арабского языка). 3-е изд. Казань, 1907; Каир, 1993.

щенной Книги: осуществлялись так называемые «поэтические» переводы[1]; вводились подмены текста аятов оригинала и смысла отдельных слов и фраз формулировками тех или иных комментаторов Корана; вставлялись собственные домыслы. При этом большинство переводчиков последних двух десятилетий, чтобы застраховать себя от критики, публиковали свои переводы под девизом «Перевод смыслов Корана»[2]. Такие примечания об авторской позиции по сути выступали прикрытием вышеназванной «вольницы» перевода и вызывали неуверенность у читателей в отношении полного соответствия арабскому оригиналу представляемых общественности русских текстов Корана.

Вместе с тем следует выразить благодарность ученым-востоковедам И. Ю. Крачковскому и М.-Н. О. Османову — они на основе внимательного изучения наиболее авторитетных комментаторов Корана арабского, общемусульманского и европейского происхождения стремились добиться рациональности в своих переводах данной Священной Книги.

Однако это не исключает необходимости критического осмысления русских переводов, изданных в течение последних пятидесяти лет, включая и указанных ученых.

Так, перевод М.-Н. О. Османова, при всем тщательном использовании его автором соответствующих трудов комментаторов прошлого, представляется специфичным[3]. М.-Н. О. Османов пошел по пути «либерализации» перевода: то есть нередко производил замену текста оригинала смысловыми определениями из тафсиров. Таким образом, его перевод, приобретя во многом «прокомментаторский» характер, перестал относиться к категории документально полностью соответствующих арабскому тексту Корана. Поэтому, давая ему оценку в целом, следует сказать, что такой вариант перевода является приемлемым только при условии его квалификации в качестве перевода смыслов аятов Корана[4].

Изданные в начале текущего столетия русскоязычные варианты Корана Э. Р. Кулиевым также принадлежат среде переводов смыслов Корана[5]. Этот автор предпринял шаги к преодолению «тафсиризации» русских фраз в переводе данной Священной Книги. Это позволило ему несколько рационализировать свой перевод, однако не во всем. Кроме того, у Э. Р. Кулиева нередко встречается замена синонимами тех или иных слов и оборотов собственно Корана своими синонимами, что не всегда является удачным выбором, так как такая подмена местами по существу либо искажает, либо

---

[1] К слову, в суре «Йа син» (гл. 36, аят 69) звучит специальное изречение Аллаха: «Мы не учили его (Мухаммада) стихам, и это не годится для него. Это (Писание) — только Напоминание (Откровение) и ясный Коран». Данное положение подтверждается в гл. 52, аят 29 и в гл. 69, аят 41.

[2] В ряде вариантов это названо, как «перевод смыслов и комментарии» или «смысловой перевод и комментарии». Однако, хотя авторы таких переводов и сделали такие оговорки, именно в смысловом отношении некоторые из них допустили немало ошибок (см., для примера, переводы В. Пороховой и Э. Р. Кулиева).

[3] *Османов М.-Н. О.* Коран (перевод с арабского и комментарии). М., 1995. 580 с.

[4] Вместе с тем следует констатировать, что до сих пор смысл многих мест Корана вызывает разночтение комментаторами и современными исследователями.

[5] *Кулиев Э. Р.* Коран (перевод смыслов). М., 2004. 688 с.; (перевод смыслов и комментарии). М., 2005. 800 с.; (перевод смыслов и комментарии). М., 2006. 808 с.

меняет смысл указанных слов и фраз (см. переводы Э. Р. Кулиева, начиная со второй главы Корана /«Аль-Бакара» — «Корова»/ и т. д.).

Некоторые другие переводчики Корана допустили домыслы в отношении его предназначения, жанра и языкового строя, предложив свои, так называемые «поэтические» варианты русскоязычного перевода (И. В. Порохова, Т. Шумовской и др.)[1]. В данной связи возникает вопрос: «Раз Тора и Евангелие являются, как и Коран, Писаниями Аллаха, ниспосланными народам в разное время, тогда почему указанные и другие авторы не берутся за "поэтические" переводы Библии?» Сомневаемся, что это будет принято соответствующими церквями, да и научными учреждениями, как документальные издания — по крайней мере, их отнесут не более, как к стихотворным литературным опусам на текст того или иного Писания. Как пишут исследователи особенностей стиля Корана, «в Коране отсутствуют следы поэтических рифм в точном смысле, стиль Корана — отсутствие четких схем в построении строф, аятов и даже отдельных сур: они разные по своему строю и длинам; … вместе с тем иногда присутствуют ритмическая проза и ассонансные созвучия (однако в весьма ограниченном количестве, так что аналитики связывают их наличие с заимствованиями из диалектов разных аравийских племен во времена Мухаммада и некоторого влияния из лексики соседних народов)[2]. Мы считаем оптимальным придерживаться именно академического стиля перевода, идя строго по пути смыслового понимания идей Корана, ибо такая передача читателю его истин — и есть идейная сущность и эстетика Священной Книги.

Характеризуя непосредственно поэтический перевод В. Пороховой, следует сказать, что — это весьма вольный стихотворный вариант на основе арабского Корана. В итоге, его текст, втиснутый в рамки ее так называемого «белого» стиха, причем с купированием[3] слов и даже строк, а также с использованием своей структуры фраз и нередко построений целых абзацев, сделал такой русский перевод приблизительным и ущербным с точки зрения соответствия данному Писанию. Далее, частые замены «родных» слов и фраз Корана на *лексему* ее стихотворной рифмы привели во многих местах ее текст к деформации как содержания и емкости самих арабских фраз, так и их смыслового назначения. Так, например, люди в ряде аятов обозначаются не как рабы Аллаха, а как слуги и т. д. Однако, в соответствии с Кораном и исламским мировоззрением, и люди, и Пророки, и Ангелы являются рабами Аллаха. Только Пророки и Ангелы по велению Аллаха наделены определенными дополнительными функциями. Аллах самодостаточен и не нуждается в чем-либо для Себя, в том числе в слугах[4].

---

[1] Коран, перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. М., 1993. 623 с.; М., 1997. 816 с.; М., 2005. 800 с.

[2] *Ричард Белл, У. Монтгомери Уотт*. Коранистика: введение. М. — СПб., 2004. С. 86, 90–93, 95–96, 101, 103–104.

[3] В качестве примера возьмем хотя бы текст между 35-й и 40-й сурами: здесь купюры целых фраз присутствуют в следующих местах: 36(45), 38(44), 40(66).

[4] Понятие «рабы» означает, что люди созданы и расселены Аллахом на земле, чтобы они за отведенную им земную жизнь проявили свою покорность Аллаху, и затем их дальнейшую судьбу Он же всецело определит: либо одарит Раем, либо покарает Адом.

Представляется целесообразным специально остановиться на И. Ю. Крачковском, который весьма выделяется среди них своим исследовательским аппаратом. По нашему мнению, перевод Корана, осуществленный И. Ю. Крачковским[1], наиболее точно передал на русский язык текст арабского оригинала. Поэтому он и в настоящее время представляет большой познавательный и научный интерес и по-прежнему пользуется высоким спросом в России.

Этот перевод был осуществлен в 20—40-е годы прошлого столетия. Однако впервые он был опубликован только в 1963 году — уже после смерти ученого, на основе его тщательно законспектированных лекций по переводу Корана и примечаний к нему. Перевод И. Ю. Крачковского — дословный. В условиях первых десятилетий XX века избранный им вариант перевода оказался оптимальным, так как на предыдущих русских переводах — Г. С. Саблукова и других — лежала (помимо вышесказанного об их авторах XIX века) печать недостаточной квалификации: чувствовалась большая слабость знаний переводчиков в области мусульманских комментариев Корана (арабских, персидских, турецких, российско-мусульманских и других восточно-мусульманских).

К принципиальным недостаткам коранического перевода И. Ю. Крачковского следует отнести произошедшее определенное (временное) устаревание исследовательского аппарата автора сравнительно с таковым на сегодняшний день. Он заключается в том, что переводчик при расшифровке арабского текста преимущественно оперировал трудами западных корановедов (причем изданий XIX и первой половины XX века), нежели комментариями из мусульманских стран. Это было обусловлено периодом научной деятельности И. Ю. Крачковского, когда корановедческая исследовательская литература из мусульманского ареала была малодоступной для россиян. В исламских странах того времени книги издавались весьма ограниченными тиражами, и по стилю анализа, а также по оформлению представлялись необычными для европейцев. Их «восточная» рассудительно-растянутая, абстрактная и нередко повторяющаяся манера изложения материала в литературных и исследовательских произведениях отличалась от европейской конкретности и рациональности письма. Более того, подавляющее количество восточных тафсиров Корана (на арабском, персидском, тюркских и других языках) были написаны средневековыми авторами и характерным для того времени стилем. Поэтому европейским переводчикам Корана до середины XX столетия гораздо легче представлялось опираться на комментарии западных авторов — они были более доступны как в языковом отношении, так и по наличию в государственных библиотеках, архивах и книжных магазинах Европы. И. Ю. Крачковский, в свою очередь, также предпочитал преимущественно пользоваться «западным» арсеналом источников. Может быть, это и послужило одной из причин, почему он при жизни не передавал свой труд для опубликования. Таким образом, к сожалению, указанный

[1] Сравнительно с таковыми Г. С. Саблукова, М.-Н. О. Османова, Э. Р. Кулиева, А. Г. Гафурова, Б. Я. Шидфар, а также с монументальным трудом мусульманских арабских и германских ученых — Кораном и комментариями, переведенными на русский язык египетскими учеными Абдель Салямом аль-Манси и Сумайя Афифи под заголовком «Значение и смысл Корана» в 4-х томах. Вместе с тем все перечисленные здесь труды мы также относим к наиболее серьезным русскоязычным переводам.

перевод И. Ю. Крачковского появился в печати в окончательно незавершенном — так сказать, в «лабораторном» варианте[1].

Ныне же — иной исторический период, когда в России на порядок стала более распространенной и разнообразней корановедческая литература мусульманских авторов, изданных как в мусульманских странах, так и собственно в России.

«*Комментарии*», приведенные И. Ю. Крачковским в Коране[2], фактически представляют собой примечания (по арабски — *шарх*), так как: либо просто являются адресной отсылкой (без каких-либо объяснений) к тому или иному посреднику-комментатору; либо по тому или иному слову из контекста, ссылаясь на мнение одного из комментаторов, заявляют о понимании переводчиком этого слова (причем с большим количеством условных сокращений); либо представляют собой авторскую заметку И. Ю. Крачковского (с высказанным предположением) для дальнейшего уточнения; либо являются опять-таки заметкой, но «эскизной», на полях, без каких-либо ссылок на посредника-комментатора или на обозначение своего мнения. Таким образом, представляется возможным сказать, что «*комментарии*» И. Ю. Крачковского были «рабочей лабораторией ученого», при помощи которой он старался уточнять (либо ставил для дальнейшего исследования) возникавшие у него вопросы во время работы над переводом текста Корана[3].

Эти «*комментарии*» в опубликованном варианте — по существу недоступны для понимания массовым читателем. Что касается специалистов-востоковедов, то и для них расшифровка большинства «*комментариев*» — затруднительна. Дело в том, что они отсылают читателя к трудам иностранных (преимущественно западных) авторов-аналитиков смыслов текста Корана, а это проверить сложно, так как их большинство представляет собой труднодоступные научные труды, изданные много десятилетий тому назад[4].

Мы ни в коем случае не отвергаем правильности подхода этого ученого к расшифровке ключевых моментов коранического текста в период первой половины XX века. Однако считаем, что в настоящее время справочного сопровождения перевода Корана в форме комментариев-примечаний, осуществленного «лабораторно» И. Ю. Крачковским, а вслед за ним и М.-Н. О. Османовым, — недостаточно. Ныне для убедительности в точно-

---

[1] Перевод И. Ю. Крачковского (даже после стилистических правок к изданию ответственных редакторов П. А. Грязневича и В. И. Беляева), с точки зрения грамматики русского языка, особенно в аспекте его стилистики, не был доведен до окончательной шлифовки. В нем не учтена разница между грамматической спецификой построения фраз в арабском и русском языках (причем грамматические формы обоих языков представляют собой разные эпохи, между которыми временной разрыв более чем в тысячелетие), особенность разговорной древней формы арабского языка (примененной в Коране), усеченность использованного ею словарного запаса. Как отмечал П. А. Грязневич в письме (№ 5 от 06.11.1963, Ленинград) видному ученому-востоковеду первой половины XX века В. Ф. Минорскому: «Большая часть сур переведена вчерне…» (научный журнал «Ирано-Славика». М., 2015. № 1(28). С. 42).

[2] *Крачковский И. Ю.* Коран (перевод и комментарии). М., 1986. С. 515–657.

[3] При этом следует отметить, что характер и масштабы этой «лаборатории» говорят о большой ширине и глубине интересов И. Ю. Крачковского в областях как корановедения, так и исламоведения в целом.

[4] Известный иранист В. А. Иванов в письме В. Ф. Минорскому от 16.03.1964 г. писал: «…В тексте встречаются слова, для чего требуется целая библиотека, большей частью из редких изданий…» (научный журнал «Ирано-Славика». М., 2015. № 1(28). С. 43).

сти русскоязычного перевода уже целесообразны краткие выборочные (но полноценные) комментарии по фразам, аятам (стихам) и сурам (главам) в целом. Это, однако, не значит, что нужно вместе с текстом Корана приводить полностью комментарии классиков-тафсиристов.

Об академике И. Ю. Крачковском писалось[1], что он рассматривал Коран прежде всего как памятник арабской устной словесности, как литературное произведение древних веков, причем написанное прозой. Мы же, затрагивая данную сторону вопроса, считаем, что — это его авторское право, хотя мы сами относимся к Корану как к почитаемому полутора миллиардами мусульман Откровению Божественного Происхождения. И каким бы ни был у И. Ю. Крачковского взгляд на жанр Корана, он в целом избрал оптимальный метод для своего русскоязычного перевода.

Причины, вызвавшие данный перевод Корана на русский язык, следующие.

В последней четверти XX века, особенно с 90-х годов, в Евразии, а тем более в России, все более стала проявляться интенсивно расширяющаяся потребность общественности, и в том числе мусульманской, в максимально точном переводе текста Корана, выверенном по его официально утвержденному оригиналу, а также в соответствии с русской грамматикой. Более того, на современном этапе созрела объективная необходимость оснащать читателей более обширным аппаратом знаний в области корановедения, чем это было представлено в прошлом и пока во многом присутствует в настоящее время. Нынешний уровень образования россиян более квалифицирован и избирателен в чтении. К сожалению, исламская религиозная и исламоведческая литература на русском языке, при всем своем разнообразии и возросших тиражах, по-прежнему *тематически ограничена* и далеко неравномерно доступна читательской среде.

Причем сегодня целесообразно, чтобы Коран, как Священная Книга ислама, в русскоязычном варианте был доступен широким народным массам России и стран так называемого Содружества Независимых Государств на основе адаптированного текста, который одновременно вызывал бы у них уверенность в его максимальной достоверности.

Представляемый нами перевод Корана определяется стремлением привести в соответствие друг с другом именно все эти показатели. *Поэтому авторы перевода старались соблюдать принцип оптимальности сохранения его словесного содержания и фразопостроения с учетом особенностей русского и арабского языков, а также уровня современного языкознания.*

В биографии собственно Корана — о его появлении на Земле (на основании текста Корана и истории формирования его письменного варианта) — отмечаются два этапа: 1) Божественный и пророческий — передача Откровения Аллаха Его Посланнику Мухаммаду и пророчества Мухаммада своему окружению; 2) общечеловеческий — записи из проповедей Мухаммада на основе пересказов сподвижников Мухаммада, затем собирание, редактирова-

[1] См. Предисловие В. И. Беляева и П. А. Грязневича, а также описание материалов И. Ю. Крачковского, использованных при подготовке настоящего издания: Коран, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986. С. 21, 667.

ние и утверждение последнего варианта Корана в период халифа Османа в качестве единого узаконенного текста для всеобщего использования.

Многие европейские авторы занимались поисками «земных» источников и влияний на творчество Мухаммада в создании Откровения. Однако это Откровение, будучи ниспосланным Аллахом, вместе с тем учитывало время и характер аравийского общества, в которых жил Посланник Мухаммад. Поэтому и приводились примеры из земной тогдашней действительности.

Настоящий перевод Корана рассчитан не только на ученых-исламоведов и улемов, но и на широкую народную аудиторию. Он предполагает, чтобы эта аудитория посредством самообразования при ознакомлении с исламоведческой литературой была бы в данной области как можно более грамотной, диверсифицированной по знаниям и не чувствовала себя полностью зависимой от комментариев узкого круга священнослужителей и специалистов-корановедов. Все желающие познаний по Корану в сопровождении соответствующего ему разъяснительного аппарата должны иметь как можно более широкую возможность на это не только в мечетях и на научных конференциях, но и у себя дома либо в кругу обычных граждан.

В процессе работы над текстом данного перевода Корана с целью адаптирования его арабской лексики и структуры в соответствии с современным лингвистическим восприятием нередко выявлялась архаичность, недостаточность стилистической гибкости, диверсифицированности набора слов и оборотов, а также соответствия этого текста правилам грамматики сегодняшнего дня[1]. Поэтому нами в русском переводе для прояснения некоторых мест в аятах, где может возникнуть стилистическое недопонимание смысла или двусмысленность, вводились (не отступая при этом от смыслового построения фраз в оригинале) *курсивом* слова, которых нет в арабском тексте Священной Книги (но их присутствие подразумевается)[2]. Для обозначения отсутствующих в оригинале слов использовался также вариант «слов в скобках».

При этом, ввиду вставки *курсивом «уточняющих слов»* в русский текст, некоторые «*родные*» слова Корана, к которым относятся «*уточняющие слова*», в русском варианте могли быть ограниченно преобразованы по падежам либо по принадлежности к частям речи. Однако в таких случаях частица отрицания сохранялась…

В аятах, где личности (либо другие субъекты) на арабском языке обозначаются огласовками, — такие, как «он» («она») и т. д. — мы вводили *курсивом* названия *конкретных лиц (или субъектов)*, чтобы читатели не затруднялись в определении авторов тех или иных фраз.

Особенностью настоящего перевода — на заключительной стадии — является совмещенная публикация на русском языке (либо в одном томе, либо в двухтомнике) как текста Корана, так и резюме наиболее популярных тафсиров (комментариев) к нему[3]. В данном аспекте представляется оптималь-

---

[1] *Мармарджи А.* Тарикат фил-л-илм ма'аибат…, аль-'адад 5, 1931. С. 333–340.

[2] При этом мы не исключаем, что другие переводчики могут предпочесть вставку других слов и с иным смыслом.

[3] Не следует смешивать это понятие с уже появившимися приложениями к Корану российского происхождения, которые иногда обозначаются как комментарии. Под грифом последних фактически выступают примечания (хотя частично они представлены и в развернутом виде, и в этих случаях могут считаться комментариями),

ным обращаться к наиболее известным и доступным для рационального изложения произведениям комментаторов, которые жили и творили в различные исторические периоды. Так, в поле нашего зрения попали прежде всего тафсиры Ибн-Касира, Джалялейн, Абдуллы Юсуфа Али, а также сборники комментариев «Аль-Фаваид» и «Зубдату-т-Тафсир», «Аль-Мизан» доктора Табатабаи и многие другие[1].

Считаем целесообразным отметить, что рассматриваем свой перевод в качестве одной из ступенек на пути дальнейшего развития коранистики в России. Причем, вероятно, он уступает в чем-то тем изданиям, которые мы использовали для своего сравнительного анализа. Однако придерживаемся того мнения, что процесс углубления и совершенствования перевода Корана должен и будет продолжаться. Даже если абсолютно точного перевода достичь невозможно, однако это не исключает требования максимально придерживаться оригинала текста Корана. Как авторы данного перевода мы понимаем, что решение такой весьма емкой и многотрудной задачи потребует аналитической и переводческой работы многих исследователей, и может быть, не одного поколения.

Как известно, и это объяснено многими исследователями, в языке Корана таится много смыслов, и в том числе на уровне отдельных фраз и слов. В частности, до сих пор остаются неразгаданными вступительные буквенные обозначения в начале многих сур (глав), к примеру, «Алеф, Лам, Мим», «Та, Син, Мим» и другие (подробно об этом см. примечание к главе 2 «Бакара»), а также названия глав: 20 «Та Ха» и 36 «Йа Син»). Имеют место лишь их субъективные смысловые обозначения в трудах некоторых тафсиристов (комментаторов)[2]. Поэтому почти все комментаторы и переводчики предпочитают оставить их без перевода в начале коранических глав — как составную часть данного Священного Писания.

что в целом, естественно, не соответствует вышеназванному понятию и сформировавшейся в течение веков классической библиотеке тафсиров-комментариев, под которыми понимаются те или иные подробные разборы смыслов аятов (стихов) Священного Корана, и которые публиковались отдельными изданиями. Всего их насчитывается более двух тысяч. Полностью охватить переводом их тексты — дело довольно трудоемкое и хватит на многие поколения. Однако это не означает, что читателя тома Священного Корана следует оставлять только с приложенными примечаниями. Поэтому нами делается попытка оснащать перевод Корана аппаратом избранных тафсиров-толкований.

[1] При этом целесообразно учитывать то, что в России уже появился вышеупоминавшийся труд «Значение и смысл Корана» в 4-х томах, М., 2002. Он существенно раздвинул границы толкования идей Корана. Наше же «комментаторское» сопровождение коранического перевода продолжает эту линию в несколько ином ракурсе — если авторы указанного четырехтомника преимущественно опирались на пакистанских и арабских комментаторов XIX–XX веков (Мухаммада Юсуфа Али, Мухаммада Абдо, Аль-Маудуди, Мухаммада Асада, Саида Кутба и др.), то в нашем случае используются как ранние арабские комментаторы VII–IX веков, так и мусульманские комментаторы из Ирана, Пакистана, России XIX–XX веков. Кроме того, в переводе Корана Абдель Саляма аль-Манси и Сумайя Афифи, который во многом копирует перевод И. Ю. Крачковского, в ряде случаев, когда его авторы дают свою трактовку перевода аятов, допускается комментаторский стиль, не связанный с лексической структурой оригинала.

[2] Более подробно см. комментарии Ибн-Касира, Куртуби, Зайд ибн-Асляма, Аль-Бухари и др. Так, к примеру, слово «Йа Син» частью комментаторов переводится как «О человек!», подразумевая Посланника Аллаха Мухаммада, а встречается и перевод: «О Безупречный Вождь!» и т. д.

В нашем переводе Корана мы обозначаем каждое Откровение, ниспосланное Аллахом через Пророков (Увещевателей, Провозвестников), с заглавной буквы, как: Послание, Откровение, Писание, Истина и т. д. Кроме того, заглавными буквами обозначаются: Последняя Обитель, Будущая Жизнь, Рай, Ад, Огонь (если под этим словом подразумевается Ад)… и т. д.

Теперь о научном аппарате комментариев и конкретно грамматических случаях, сопровождающих настоящий перевод.

…Иногда арабские создатели письменного варианта Корана, раскрывая в рамках одной или нескольких взаимосвязанных фраз то или иное событие, либо ведя повествование, применяют сначала глаголы в настоящем или будущем времени, но затем неожиданно переводят их в прошедшее время. Таким образом происходит грамматическое несоответствие времен. Для русскоязычного читателя это представляется неприемлемым. Поэтому, как это уже нередко делал М.-Н. О. Османов в своем переводе, мы сохраняем такие текстовые эпизоды в одном глагольном времени (для сравнения см.: И. О. Крачковский, глава 18, АЛЬ-КАХФ, аяты 50(52) — 51(53)).

В русском языке, в соответствии с грамматикой, при перечислении характеристик того или иного лица или предмета и явления соединительный союз «и» ставится только перед последней частью в серии определений, а вместо него в большинстве случаев его функцию выполняет знак препинания «запятая»; в арабском же языке (по крайней мере, в языке, примененном в Коране) «и» ставится перед каждой стороной характеристики[1]. Учитывая наше стремление не искажать смысла той или иной фразы, но сделать перевод более удобным для русскоязычных читателей, мы в таких случаях опускаем союз «и» там, где он не соответствует правилу грамматики русского языка (пример, арабский текст Корана, гл. 23, АЛЬ-МУ'МИНУН, аяты 58–62, что отражено также в дословном переводе И. Ю. Крачковского, гл. 23, ВЕРУЮЩИЕ, аяты 59(57) — 63(61) и во многих других аятах)…

Помимо вышесказанного, имелась грамматическая разница между тем, как записано в Коране и как произносил аяты Пророк. К примеру, Мухаммад и другие авторы прямой речи говорили отдельными абзацами и фразами. Поэтому, вероятно, они не могли начинать свою речь постоянно с «и», чем изобилует начало многих аятов.

Рассуждая далее, зачастую смысловая нагрузка того же союза «и» соответствует разным *логическим* вариантам понимания этой грамматической части речи (союз соединительный, разделительный и т. д.), и поэтому он выступает по смыслу не только как собственно «и», но и как «а», «но», «однако», «так», «а также», «тогда» и т. д. Таков язык современности, который за тысячелетия развивался и совершенствовался, приобретая рациональность и диверсифицированность «союзов» для обозначения разных оттенков значения тех или иных фраз. Поэтому использование союза «и» только в одной со-

[1] Причем такая же система начала абзацев и даже отдельных предложений (если они означают то или иное действие либо прямую речь личностей, о ком идет речь) используется и в Библии (см. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические), — особенно Пятикнижие Моисея. М., 2001. 1214 с.). Как видно, в Священных Писаниях народов Ближнего и Среднего Востока была традиционной эта форма текстообразования, где «и» практически всегда выступал в качестве соединительного союза для перехода от одного абзаца и предложения к другому.

единительной функции представляется нецелесообразным, так как заставляет читателя домысливать грамматически, что, говоря упрощенно, — выглядит архаично. Таким же образом, наряду с часто повторяемым словом «сказал» используются его синонимы: «произнес», «воскликнул(а, и)».

В арабском тексте Корана нередко слово «Да» (Баль) означает противоположный смысл — «нет» (отрицание), и зачастую различными переводчиками переводятся в совершенно противоположных смыслах: то — «да», то — «нет». Поэтому мы вынуждены для правильного смысла перевода использовать в ряде случаев более оптимальное, с нашей точки зрения, русское словосочетание — «да нет же!», которое как раз и несет искомую смысловую нагрузку, означающую отрицание (к примеру, см. для сравнения переводы И. Ю. Крачковского, гл. 23, аяты 65(63), 72(70), 73(71), 83(81), М.-Н. О. Османова, гл. 23, аяты 63, 70, 71, 81 и др.).

Касаясь грамматических принципов структурных построений фраз в русском и арабском языках, следует отметить, что существует разница в соотношениях между главными и придаточными частями предложений, а также в том, какое место во фразах занимает тот или иной член предложения (главный или второстепенный) и т. д. Поэтому, для соответствия русской грамматике, в нашем переводе Корана в ряде случаев присутствуют соответствующие внутренние перестановки слов во фразопостроениях. Это абсолютно не изменяет смыслового содержания арабского текста, а только облегчает его восприятие русскоязычным читателем…

Кроме того, представляется целесообразным указать на специфику расшифровки арабского слова «Китаб» («Книга») в Коране. «Китаб» («Книга») — это все Послания Аллаха человечеству частями через разных Пророков (Посланников). Поэтому там, где в тексте нет прямого наименования Корана или указания на его подразумевание либо не приводятся другие конкретные названия «Книги» (Тора, Евангелие и др.), следует понимать части «Книги», ниспосланные Посланникам до Мухаммада и ему самому, если вместо названия Коран присутствует только обозначение «Китаб». Русскоязычными переводчиками «Китаб» обозначается равнозначным синонимом «Писание», что применено и в настоящем переводе Корана.

Игорь МЕЛИХОВ

ЭВОЛЮЦИЯ ВАХХАБИТСКОГО ФАКТОРА В САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Игорь Александрович Мелихов — Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации, почетный работник МИД России, доктор исторических наук. Работал советником-посланником посольства СССР в Сирии, Чрезвычайным и Полномочным послом в государстве Катар, королевстве Саудовская Аравия, Федеративной Республике Нигерии, заведующим кафедрой дипломатии, профессором МГИМО(У) МИД РФ. Имеет более 120 печатных листов научных публикаций по проблемам Ближнего Востока, международных отношений и истории дипломатии.

Проявляющийся в последнее десятилетие интерес к ваххабизму как теологическому, социально-политическому и духовно-нравственному течению в исламе обусловлен прежде всего его проявлением в Чечне, Дагестане, а также центрально-азиатских республиках. Ваххабитские постулаты пытались использовать чеченские сепаратисты с целью консолидации местного населения под лозунгами непримиримого отношения к иноверцам, вытеснения России из Северного Кавказа и создания жесткого режима, обеспечивающего реализацию воинствующих исламистских взглядов.

Наиболее глубоко ваххабизм впервые был исследован видными российским ученым А. М. Васильевым в книге «Пуритане ислама?»[1], а затем в его монографии «История Саудовской Аравии»[2]. Тем не менее эта тема нуждается в дальнейшей разработке, поскольку практика саудовского королевства, являющегося историческим продуктом ваххабитского движения и имеющего среди своих подданных множество сторонников этого теологического учения, указывает на принципиальные трансформации в восприятии ваххабизма, стремлении саудовцев приспособиться к цивилизационным процессам, отмежеваться от наиболее одиозных подходов. Если бы такой эволюции не происходило, то тогда Саудовская Аравия вряд ли могла бы существовать как дееспособный субъект мирового сообщества. Эти глубинные изменения рассматривались мною в монографии «Арабские монархии Персидского залива: проблемы модерниза-

[1] *Васильев А. М.* Пуритане ислама? М.: Наука, 1967.

[2] *Васильев А. М.* История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1967.

ции»[1] и брошюре «Королевство Саудовская Аравия: прошлое и настоящее»[2] (в обоих случаях выступал под псевдонимом И. А. Александров). Тем не менее заблуждения на счет истинного места ваххабизма в современной практике саудовского королевства в определенной мере сохраняются, хотя в целом в течение последнего десятилетия оценки приобрели более объективный характер, а отношения с Эр-Риядом стали характеризоваться прагматизмом. Такому повороту, безусловно, способствовало завершение контртеррористической операции и урегулирование ситуации в Чечне, являвшейся мощным раздражителем в российско-саудовских отношениях.

Ваххабизм не является самостоятельным мазхабом (толком), а существует в рамках хаибализма — наиболее жесткого ортодоксального мазхаба суннизма, отстаивающего безусловное соблюдение предписаний Корана и Сунны в их буквалистском толковании. Он зародился в конкретных исторических условиях раздробленности аравийских племен на фоне загнивания османской власти. Для мусульман-хаибалитов Оттоманская империя являла своей роскошью, распутством, небрежением канонов ислама вызывающий образ отступничества, контрастировала с крайней бедностью и нищетой центральноаравийского населения, усиливая в нем фундаменталистские настроения. Выдвинувшийся в таком историческом контексте проповедник Мухаммед Ибн Абдель Ваххаб, призвавший к консолидации племен под лозунгом предотвращения дальнейшей «порчи» ислама, защиты совместных интересов, принуждения соседей признать ригористские исламские воззрения, обращение имущества «неверных» в свою собственность, стал восприниматься аравийскими племенами «мессией».

Шейх Ваххаб оставил после себя наследие в виде книжных рукописей, договоров, писем, проповедей, хотя их подлинность у местных исследователей вызывает сомнения. Центровым принципом ваххабитской доктрины является монотеизм в лице Аллаха. При этом основополагающий тезис ислама: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Аллаха» интерпретирован таким образом, что поклоняться нужно только Аллаху, но не Мухаммеду, который являлся его апостолом в миру.

Этот догмат дополнялся принципом недопустимости «посредничества» между Аллахом и верующими. Такой подход распространялся не только на объекты тотемизма (камни, деревья, различные предметы), но и на пророка Мухаммеда. Поскольку ему также неподвластна воля Аллаха.

Шейх Ваххаб и его сторонники решительно выступали против поклонения могилам пророка Мухаммеда и его сподвижников, поскольку такая практика вела к разъединению мусульман, населявших, прежде всего, Аравийский полуостров. Они стали ожесточенно противиться широко распространившемуся среди мусульман празднованию дня рождения Мухаммеда, поскольку это означало обожествление пророка.

Ваххабиты, будучи ярыми фундаменталистами, рассматривали Коран и Сунну в качестве высшей ступени знаний. Этот постулат подразумевал недопустимость любой интерпретации, если обнаруживается его несоответ-

[1] *Александров И. А.* Арабские монархии Персидского залива: проблемы модернизации. М., 2000.

[2] *Наумкин В. В., Александров И. А.* Королевство Саудовская Аравия: прошлое и настоящее. М., 1999.

ствие двум основополагающим источникам. Подобного рода ригористская трактовка объективно превращала ваххабитов в противников подавляющего большинства мусульман, придерживающихся различных мазхабов. Будучи по сути ханбалистами, они и собственную ханбалистскую школу не рассматривали в качестве «конечной истины»[1]. По сути, шейх Ваххаб считал мусульман, придерживающихся иных убеждений и взглядов, еретиками, раскалывающими исламский мир. Очевидно, что политической подоплекой такой теологической позиции было стремление оказать противодействие османскому доминированию, а также влиянию иранских шиитов. Даже иудеи и христиане, т. е. представители других монотеистических религий, были более приемлемыми, поскольку являлись откровенными иноверцами и не скрывавшими чужеродного лица.

Еще одним категорическим принципом, отстаивавшимся шейхом Ваххабом, являлся категорический отказ от нововведений («бида»). Изначально он подразумевал отказ от всего того, что по своему смыслу и характеру выходило за рамки Корана и сунны. Однако постепенно «бида» стал означать отрешение от любых нововведений, которые являются естественными продуктами эволюции. Этот постулат, будучи вопиющим невежеством, вступал в открытое столкновение с прогрессом, затормозил поступательные цивилизационные процессы на Аравийском полуострове. Ареал его распространения ограничился по сути населением современной Саудовской Аравии и Катара, который воспринял ваххабизм, чтобы обезопасить себя от саудовского соседа.

В то же время среди исламоведов различных мазхабов превалирует мнение, что шейх Ваххаб и его последователи ничего нового в теологию не внесли. Когда последователи М. Ваххаба предъявили в Каире улемам аль-Азхара, считающегося цитаделью суннизма, рукописи своего кумира, им было заявлено, что ваххабитское мировоззрение не выходит за рамки фундаментального суннизма. Шиитские улемы придерживаются мнения, что ваххабизм нельзя считать новым вероучением — по сути это тот же «возрожденный ханбализм»[2].

В этом случае возникает закономерный вопрос: если ваххабизм ничего нового в теологию не привнес, чем же тогда можно объяснить его восхождение, сохраняющуюся живучесть даже в просвещенное время. Ответ следует искать прежде всего в социальной и политической плоскости. Ваххабизм не может рассматриваться в качестве самостоятельной теологической школы. Он представляет собой скорее протестантское движение, использовавшее крайний фундаментализм для объединения аравийских племен, совместной защиты от грабительских набегов, ослабления османского доминирования. В таком историческом ракурсе ваххабизм играл позитивную роль. В то же время призыв к возвращению к «чистому исламу» вкупе с неприятием нововведений не только в сфере теологии, что еще могло иметь резонные мотивации, но и во всех сферах жизнедеятельности личности, общества, государства превращало ваххабизм в реакционное течение. Важно и то, что он носил воинствующий характер, навязывался не только проповедью, но

[1] *Rihani A.* Ibn Saud of Arabia. His people and His land. London, 1928. P. 204.

[2] *Baydges H. J., Sir.* An Account of the transitions of His Majesty is mission to the Court of Peesia, Vol. II. London, 1814. P. 111.

и путем откровенного подавления и принуждения. Поэтому исторически в ваххабизме заложен дуализм, политическая противоречивость.

Объединительный заряд, имеющийся в ваххабизме, получил практическую реализацию благодаря тому, что шейх Ваххаб вошел в политический альянс с правителем Дейирии Мухаммедом Ибн Саудом, в соответствии с которым последний обязался поддерживать «реформистскую» линию шейха, а тот — укреплять власть дома Аль Саудов. Именно этот союз и привел к образованию саудовского государства.

В то же время возникновение государства породило глубокий внутренний конфликт внутри ваххабитско-саудовского альянса, поскольку интересы религиозного компонента, его идеологическая сущность не в полной мере соответствовали естественным потребностям государственного развития. Каждый из них нуждался друг в друге до определенных пределов. Религиозная составляющая была заинтересована во всемерной поддержке государственной машины для эффективного выполнения своей духовной миссии, принявшей в саудовском королевстве тотальный характер. С другой стороны, властные государственные структуры стремятся максимально использовать возможности религии для успешного выполнения собственных функций при том условии, что она не вмешивается в сферу государственного управления и собственно в светскую сферу, которая в саудовском варианте была крайне ограниченной. Это противоречие в значительной мере оказалось сглаженным, особенно на раннем этапе государственности, благодаря тому, что в Саудовской Аравии сформировалось теократическое государство, где правители дома Аль Саудов одновременно являлись имамами, как бы совмещая светскую и духовную власть.

Поскольку расширение саудовского королевства имело вполне определенные политические и религиозные пределы — в районах, прилегающих к Персидскому заливу, и на Бахрейне утвердился шиизм, Йемен упорствовал в своей приверженности зейдизму, Аден, юг Аравии и Договорный Оман находились под британским контролем — Абдель Азиз сфокусировал свои усилия прежде всего на упрочении ваххабизма собственно в рамках складывавшегося саудовского государства, идеологизации бедуинов и превращении их в свою идейно-политическую и военную опору.

Вынужденное приостановление экспансии означало серьезный сигнал эрозии ваххабизма. Выяснилось, что миссия по ваххабизации мусульман не может носить вселенский характер, а ограничена центральноаравийскими племенами. Эту истину смог своевременно осознать Абдель Азиз, которого наиболее ярые ваххабиты, особенно из числа улемов, стали обвинять в отступничестве. Так потребность в сохранении саудовского государства, обеспечение его внешней безопасности оказались более важными факторами, нежели агрессивная религиозная экспансия.

Обратив вовнутрь ваххабитскую агрессивность, Абдель Азиз сумел установить достаточно жесткий контроль над аравийскими племенами, в том числе путем перевода их на оседлый образ жизни. На базе создававшихся поселений он способствовал образованию общин («ихванов»). При этом главенствующую роль в этих общинах стал играть формировавшийся воинствующий орден «мутавва», с пристрастием следивший за исполнением исламских догматов и всех предписаний ваххабизма. Практически вся

жизнь ихванов регламентировалась религиозным кодом. Они составляли боевой кулак Абдель Азиза в борьбе за упрочение своей власти.

Однако политические маневрирования короля как во внешних, так и внутренних делах не укладывались в рамки бескомпромиссного мировоззрения ихванов, среди которых начала формироваться оппозиция. Поскольку «джинна» уже нельзя было загнать обратно, его можно было только уничтожить. Что и было сделано Абдель Азизом.

Разгром ихванов — новое свидетельство коррозии ваххабитской доктрины. Король, руководствуясь государственными соображениями, не пошел на поводу ваххабитского экстремизма, более того — разгромил его воинствующий авангард. Оставаясь в целом носителем ваххабитских взглядов, он начал остро ощущать как государственник регрессивность и опасность крайних фундаменталистских представлений. Ригоризм ваххабитской доктрины был не только фатально опасен для общения с внешним миром, но и создавал серьезные сложности для межплеменного общения, внутренней консолидации. Баланс в саудовско-ваххабитской унии стал смещаться в сторону государственности.

Цивилизационные процессы, происходившие в мире, пусть с трудом, но все же прорывались в саудовское королевство через ваххабитские идеологические препоны. Практика государственного развития вступала во все большее противоречие с ханбалистским фундаментализмом. Принцип единобожия, под лозунгом которого проходило объединение, приобретал вполне естественное звучание, свойственное всем монотеистическим религиям, тем более что тотемические представления были давно изжиты. С господством других мазбахов на окраинах Аравийского полуострова пришлось смириться. Характерно, что, когда ибадитский имам Омана вынужден был покинуть свою страну, он нашел убежище в Саудовской Аравии. Свергнутый йеменскими республиками зейдитский король получил широкую поддержку, материальную и военную, от ваххабитского королевства[1].

Став «хранителем двух святынь» — мечети Кааба в Мекке и мечети Мухаммеда в Медине, Абдель Азиз вынужден был открыть врата своего королевства для паломничества мусульман со всего мира. Паломнические квоты стали выделяться странам вне зависимости от того, к какому направлению ислама принадлежит их население. Паломничество превратилось в важную доходную статью бюджета Саудовской Аравии.

Параллельно ваххабитский король порушил постулат, в соответствии с которым нельзя было поклоняться пророку Мухаммеду, а также могиле пророка, так как в одноименной мечети в Медине находился склеп Мухаммеда. Саудовский монарх отдавал отчет в том, что если бы Эр-Рияд занял запретительную позицию, то королевство вошло бы в конфликт со всем мусульманским миром. Следствием подобного духовного насилия стало бы введение экстерриториального международного статуса для исламских «святынь». Они были бы попросту изъяты из-под саудовского суверенитета, на чем издавна настаивали шииты и другие противники ваххабизма.

Начавшаяся в 1938 г. разработка нефтяных ресурсов, оказавшихся гигантскими по своим запасам, означала наступление новой эры. Саудовская

[1] *Arberry A. J.* (Ed.). Religion in the Middle East. Three religions in concord and conflict. Vol. II. Islam. London: Cambrige University Press. P. 275.

Аравия втягивалась в общецивилизационный поток, вытеснявший ваххабитское мировоззрение. Запретительная норма «бида» переставала работать. Рамки ее применения сужались, ограничиваясь теологией и предписаниями религиозного образа жизни населения. Тем не менее технические нововведения, научные достижения, цивилизационные представления настойчиво пробивали себе дорогу. В королевство стало поступать современное промышленное оборудование, велись поисковые и буровые работы, создавалась необходимая инфраструктура. Начался приток иностранных специалистов, не являвшихся мусульманами. Все это вело к взламыванию традиционного уклада, размыванию ваххабитского мировоззрения. Саудовская Аравия не могла бы выжить, если бы оставалась противником нововведений, она тогда бы не стала разворачивать с участием «неверных» эксплуатацию своих ресурсов, а продолжала бы консервировать экономику и производительные силы на патриархально-феодальном уровне. Тогда бы саудовское королевство никогда бы не превратилось в одно из самых богатых государств в мире.

Потерпела крушение и морально-этическая норма ваххабитов — пуританство и аскетизм. Сосредоточение баснословных средств на банковских счетах правящего семейства, а также клана Аль Аш-Шейх, представленного потомками М. Ваххаба, стремительный рост благосостояния племенной знати, появление постоянно расширяющегося слоя компрадорской буржуазии и разного рода бизнесменов коренным образом изменили социальную страту королевства. В эгалитаристском обществе произошла глубинная дифференциация. В городах возникли роскошные дворцы и особняки, население стало в массовом количестве пересаживаться с верблюдов на автомашины, причем удельный вес дорогостоящих автомобилей существенно выше, чем в развитых странах. Вопреки ваххабитским традициям даже мечети стали строиться с размахом, использованием золочения и орнаментов. Под черными абаями женщины скрывали тяжелые золотые украшения. Бытовой примитивизм перестал быть предметом достоинства. Его место заняли комфортность, роскошь, капитал. Такая современная картина породила бы шок у основателей ваххабизма.

Упрочение государственности, рост светского компонента в саудовском обществе протекают чрезвычайно болезненно. Правящий дом Аль Саудов, сохраняющий фундаменталистскую приверженность, сталкивается с постепенным внутренним прессингом, закамуфлированным противодействием реформированию и секуляризации, что существенно тормозит процесс модернизации. При этом было бы опасным заблуждением считать, что высший эшелон власти свободен от ваххабитской идеологии. Однако в силу своего предназначения он намного шире смотрит на проблемы государственного развития, поэтому пытается подходить к их решению с позиций прагматизма в той мере, в какой это допускает массовое сознание.

С учетом этого особую значимость приобретает эффективность работы госаппарата, способного отстаивать линию на постепенную модернизацию, не подвергая опасности престол. Правящая династия продолжает прочно удерживать в своих руках узловые госструктуры, находя кадровые компромиссы со сторонниками более жесткой ваххабитской линии.

До начала 1960-х годов правительство, королевская канцелярия и руководители основных госслужб комплектовались в основном за счет представителей династии Аль Саудов и Аль Аш-Шейхов. Однако по мере расши-

рения госаппарата и появления острой необходимости выдвижения на руководящие посты высококвалифицированных специалистов узкий кровнородственный характер управленческого слоя перестал соответствовать государственным интересам. Король Сауд, формируя правительство в 1960 г., расширил его за счет технократов. Это была новая плеяда руководителей, образ мышления которых во многом не совмещался с ваххабитскими представлениями.

При короле Фейсале процесс оттеснения представителей религиозных кругов, тем более с выраженной исламистской ориентацией, продолжился. Ему удалось еще дальше дистанцировать правительственные органы от духовенства. При этом монарх сделал ставку на взаимодействие с его умеренным крылом, с пониманием относившимся к потребностям модернизации и проведения секулярных реформ при сохраняющейся исламской доминанте. Одновременно он стремился «умиротворить» фундаменталистскую составляющую саудовского общества, оказывая поддержку строительству мечетей, жертвуя многомиллионные личные средства на религиозные цели, осуждая сторонников «вестернизации» и противопоставляя их разумному реформированию. Такая тактическая линия, взятая на вооружение правящим семейством, продолжает выдерживаться и поныне.

Ваххабитским кругам не удалось сохранить контроль над просветительско-образовательной системой, несмотря на проявляемый ими особый интерес к учреждениям в этой сфере. Уже при короле Сауде стало интенсивно расти число светских школ, выпускники которых поступали на госслужбу, которая стала считаться престижной. В начале нынешнего столетия светским обучением охватывалось 85 % детей школьного возраста. Вместе с тем был достигнут обусловленный общественным сознанием компромисс, согласно которому богословские предметы занимают порядка 25 % учебной программы светских школ. Сохранилась также самостоятельная религиозная школьная система, престиж которой имеет устойчивую тенденцию падения в обществе.

Об усилении светского мировоззрения среди подрастающего поколения свидетельствуют результаты проведенного в 1999 г. социологического исследования, вызвавшие глубокую озабоченность среди религиозных кругов: 50 % детей школьного возраста, включая старшеклассников, не совершают молитвенный обряд; утренней молитвы школьники вообще не придерживаются. Тогда как на начальном этапе модернизации эти показатели были фактически абсолютными[1].

Компромисс имеется и в вопросах высшего образования — наряду со светскими вузами существуют два религиозных университета в Эр-Рияде и Медине, но по численности студентов они во много крат уступают светским вузам. Наряду с этим не менее 15 % саудовских студентов обучаются в зарубежных университетах.

Если в сфере просвещения и образования королевства произошли на этапе модернизации глубинные изменения, то судебная система остается наиболее консервативным институтом. Тем не менее и здесь имеются симптомы секуляризации. Так, судебной реформой 1975 г. была введена норма,

[1] Аль-Гумхурийя. Каир. 3 февраля 2000 г.

согласно которой шариатские суды могут рассматривать все виды споров и преступлений, «за исключением тех, что изъяты законом»[1].

Это положение в течение длительного времени оспаривалось наиболее ярыми ваххабитами, усмотревшими в таком шаге властей покушение на шариат. Однако их позиция не нашла поддержки, поскольку было очевидно, что шариатские источники не в состоянии перекрыть все ситуации, возникающие в исторически новых условиях, особенно связанных с регулированием торгово-экономических, административных отношений. Властные функции короля в полной мере распространяются на министерство по делам ислама, вакуфов, верообращения и ориентации, а также на министерство по делам хаджа.

Действенным рычагом принуждения населения к исполнению исламских канонов, а также ваххабитских предписаний остаются сохранившиеся со времен Абдель Азиза так называемые «комитеты дозволения добра и воспрещения зла». Конституционной ширмой для существования подобного рода института является статья 23 «Основ системы власти», которая гласит: «Государство стоит на защите исламской веры, реализует ее установления, следит за отсутствием греховности, препятствует пороку, выполняет долг распространения ислама»[2].

Характерно, что в королевском декрете об учреждении «Комитета дозволения добра и воспрещения зла» не содержится какой-либо ссылки на ваххабизм[3].

Ему подчинена религиозная полиция «мутавва», неприязнь к которой населения, особенно городского, усиливается. Учащаются случаи оказания ей физического сопротивления.

Поддерживая в принципе институт «мутавва», нынешние власти королевства начинают проникаться пониманием его атавистичности и пытаются удержать эту службу от чрезмерного прессинга населения и возбуждения в нем недовольства.

Смысл и основные принципы саудовской теократии, как это следует из выступления покойного короля Фахда, сводятся к следующему: религиозный монотеизм в виде поклонения Аллаху; исламский шариат как правовой регулятор между правителем и подданными, а также между всеми членами общества; распространение ислама как одна из основных задач государства; создание здорового нравственного климата, который бы оберегал людей от греховных поступков; обеспечение единства веры, которое бы служило основой политического, социального и территориального единства общества и королевства; использование всех достижений прогресса, способствующих всестороннему развитию и облегчающих жизнь людей; реализация принципа «шура» (совещательности) в создании Консультативного совета; доступность двух священных мечетей для всех верующих мусульман; защита религии, священных мест, родины, подданных, государства[4].

---

[1] Аль-Марсум Аль-Малякий. Аль-Мамляка Аль-Арабийа Ас-Саудийя, ракм (9127). 14.10.1395 г. х.

[2] Ан-Низам Аль-Асасий ли Аль-Хукм. Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. С. 12, 1992.

[3] Аль-Марсум Аль-Малякий. Аль-Мамляка Аль-Арабийа Ас-Саудийя, ракм (9127). 14.10.1395 г. х.

[4] Калимат Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн. Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. 27.8.1412 г. х.

Очевидно, что изложенные положения в полной мере соответствуют общеисламским канонам и вступают в противоречие с изначальными ваххабитскими установками.

В «Основах системы власти» не прописываются взаимоотношения короля с верховным муфтием. Тем самым, по сути, закрепляется сложившийся порядок, когда монарху, традиционно считающемуся «имамом всех мусульман королевства», принадлежит право назначения и смещения этого высшего религиозного должностного лица. Королю подчиняется также «Совет фетвы и улемов». Такая подконтрольность весьма полезна с точки зрения государственности, поскольку именно влиятельные религиозные деятели многократно становились поперек преобразованиям в королевстве.

В разрез с нетерпимой ваххабитской доктриной саудовцы поддерживают межконфессиональный цивилизационный диалог с представителями других религий, в частности с католиками. В 1999 г. наследный принц Абдалла встречался в Ватикане с Римским папой. Повторная встреча состоялась в 2007 г., когда Абдалла стал уже королем.

Для осознания религиозно-политического характера режима саудовского государства принципиально важным является тот факт, что в его официальных документах нигде не делаются ссылки на ваххабизм, который может упоминаться только в историческом контексте.

Для понимания сегодняшней религиозной составляющей Саудовской Аравии принципиально важным является выступление наследного принца Абдаллы Ибн Абдель Азиза (впоследствии король) на юбилейном саммите Организации Исламская конференция (ОИК) в 1997 г. в Тегеране. Он заявил, что саудовское руководство рассматривает ислам как религию милосердия, справедливости, терпимости, порядочности. Воинственность, согласно заявлению Абдаллы, не имеет ничего общего с исламом. Разногласия между мусульманами ни в коем случае не должны выливаться в кровопролитие, принимать разрушительный характер… История учит, подчеркнул Абдалла, что попытки установления гегемонии всегда заканчивались жестокими битвами, где не было ни победителей, ни побежденных, были лишь многочисленные жертвы с обеих сторон. Такие трагедии не должны быть допущены как между мусульманами, так и немусульманскими народами[1]. По своему смыслу это выступление содержит по существу новую исламскую доктрину королевства, которая вступает в прямое противоречие с тем, что проповедовал А. Ваххаб, с исторической практикой ваххабизма.

В беседе со мной в июле 1999 г. тогдашний наследный принц Абдалла на мои суждения об эволюции ваххабитской доктрины заявил, что «ваххабизм изжил себя». Саудовская Аравия придерживается «умеренного ислама». Тот, кто полагает, что Эр-Рияд поддерживает религиозных и политических экстремистов, подходит к королевству с «изжившими себя шаблонами».

Принц Султан, ставший теперь наследным принцем, выступая перед журналистами в 2000 г., со всей определенностью отмежевал королевство от ваххабизма, подчеркнув, что саудовское общество придерживается «салафитского направления», отрицательно относится к религиозному фанатизму. «Мы — не ваххабиты, заявил Султан, — Абдель Ваххаб и Мухаммед Ибн Сауд взаимодействовали в интересах справедливости и усиления

[1] Gulf Business (ОАЭ) January 1997, Vol. 1. Issue N 9, P. 46–47.

мощи. Их служение было подчинено исламу и мусульманам Аравийского полуострова. Но это не значит, что мы придерживаемся ваххабитской или саудовской веры. Это не так. Религия Аллаха свободна от мазбахов»[1].

Проведенный анализ, в том числе путем тщательного отслеживания этой проблемы непосредственно в Саудовской Аравии, где автор проработал Чрезвычайным и Полномочным послом России в 1996–2000 гг., позволяет сделать вывод, что сохраняющееся мнение, в том числе в востоковедческой науке, согласно которому религиозной доктриной королевства остается ваххабизм, устарело — он все более превращается в историческую категорию. Создание саудовского государства предопределило глубокую эрозию ваххабитского мировоззрения, которая усилилась под воздействием социально-экономических сдвигов вследствие широкомасштабной разработки углеводородных ресурсов, втягивания в мировое сообщество в условиях происходящей глобализации. Если бы руководство королевства догматически следовало ваххабитским постулатам, страна не смогла бы выйти на нынешние относительно продвинутые рубежи развития, допустить модернизацию общества в тех пределах, в каких она состоялась. Тем более ваххабизм себя исчерпал во внешнеполитической сфере, поскольку его агрессивность, нетерпимость и ригоризм не позволили бы Саудовской Аравии претендовать на лидирующие позиции в исламском мире.

Этот вывод не означает, что ваххабитское мировоззрение полностью утрачено и стало достоянием прошлого. Однако очевидно, что политическая потребность государства в нем постепенно отмирает. Поскольку королевство возникло и продолжает существовать на базе государственно-религиозного альянса, где исламский компонент вплоть до наступления этапа модернизации в значительной мере был представлен ваххабизмом, ведется подспудное противоборство в двух плоскостях: в контексте общего противоборства между светской и религиозной составляющими на уровне государства, а также среди собственно исламских кругов между фундаменталистами-экстремистами и умеренными клерикалами. В обоих случаях сторонники культивирования «классического ваххабизма» в современных условиях потеснены. При этом власти стремятся действовать предельно взвешенно, чтобы не спровоцировать усиления антирелигиозных настроений со стороны наиболее консервативной части общества. Королевство постепенно смещается в направлении умеренного ханбализма.

Понимание сложной и противоречивой трансформации религиозной идеологии и реального места ислама в государстве необходимо для объективной оценки характера саудовского режима, прогнозирования социально-политических процессов и выработки незашоренного подхода к королевству с целью развития взаимовыгодного двустороннего взаимодействия. При этом следует обязательно отличать деятельность правительственных организаций за пределами королевства с целью распространения ислама, оказания гуманитарной поддержки мусульманским общинам от самочинных усилий частных структур исламистско-фундаменталистской ориентации.

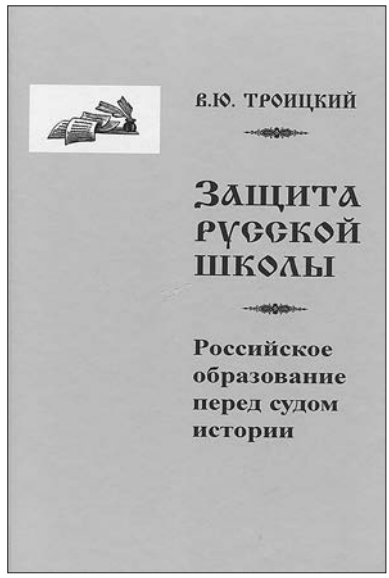
Ваххабитская тема выводит еще на один вывод, имеющий практическую значимость. Ваххабизм в качестве консолидирующего средства получает распространение там, где население находится в условиях экономиче-

[1] «Указ». Джидда 18 января 2000 г.

ской отсталости, бедности, культурного и бытового примитивизма на фоне усиливающегося расслоения в обществе, а также относительного благополучия доступных для сопоставления смежных территорий. В таком контексте религиозное сознание может переводить нарастающую неудовлетворенность в русло изначальных принципов ислама, призывающих к равенству и воздержанности, что побуждает к противодействию силам, нарушающим фундаменталистские установки. Социальная подоплека такого протеста не исключает возможности выхода на этнонациональную нишу, когда неудовлетворенность национального меньшинства в рамках многонационального государства обретает религиозную форму протеста против доминирующего этноса. Совмещение социальной и национальной причинности, освященное религией, может задать ускорение протестному движению, которое будет всячески эксплуатироваться политическими силами, в частности сепаратистами, как это произошло в Чечне.

Попытки лидеров чеченских сепаратистов (З. Яндарбиева, М. Удугова) внедрить в массовое сознание чеченцев ваххабитскую идеологию под лозунгом борьбы против засилья «неверных» и создания независимой Ичкерии носили характер религиозно-политической спекуляции, поддержанной местными имамами. Саудовские официальные и духовные деятели, с которыми мне приходилось общаться, прямо заявляли, что среди чеченских улемов, тем более лидеров бандитских формирований, не было ни одного, кто бы действительно разбирался в ханбализме и его ваххабитской производной.

ВЫШЛА КНИГА

Троицкий В. Ю.

Защита русской школы. Российское образование перед судом истории М., 2015. — 447 с.

Книга включает ряд выступлений и публикаций профессора В. Ю. Троицкого в защиту полноценного образования в России, а также — ряд его статей по актуальным вопросам школьного преподавания русской словесности.

ПОЭЗИЯ

Валерий МИХАЙЛОВ

СВЕТИЛЬНИК

Поэма

Валерий Федорович Михайлов — родился в 1946 г. в Караганде. Автор 20 книг стихов и прозы. Стихотворения включены в ряд антологий: «Антология русского лиризма. XX век» (М., 2000), «Современное русское зарубежье» (М., 2002), «Молитвы русских поэтов. XI—XXI век». (М., 2009). Главный редактор журнала «Простор», секретарь правления Союза писателей Казахстана. Член Союза писателей России. **Живет в Алма-Ате.**

I

Авгарь, царь эдесский,
в расслабе проказы лежит,
И черная немочь шесть лет
как томит его душу и тело.
Неверный огарок свечи
в изголовье дрожит, —
Не жизнь ли его,
будто эта свеча, догорела…

Он лекарей суетных и мнимоученых
давно уж прогнал,
Без толку их зелья и мази,
коренья и травы.
Гнев Божий в проказе своей
царь Авгарь увидал,
Телесные язвы лишь отзыв
душевной потравы.

— За что на меня Ты прогневался,
праведный Бог,
И разве вину, коли есть,
не искупил я страданьем?
Воззри ж на раба Своего, на беду
мою злую, как жалок и плох! —
В бессонной ночи одинокой
воззвал он с бессильным рыданьем.

Но небо молчало,
сады драгоценные звезд
равнодушно цвели,
До чьих-то мучений и слез
никакого им не было дела;
Луна, словно спелая дыня,
безмятежно сияла вдали
И вечную песнь золотую
с холодным безстрастием пела.

II

Наутро вельможи-послы,
Мар Ихаб с Шамшаграмом,
к Авгарю пришли:
— О царь! Мы вернулись с добром:
благоволит к нам
император Востока.
И радость иную — великую! —
мы ныне тебе принесли:
Явился Пророк на земли и творит
чудеса он воистину волею Бога!

Прикоснется рукой — и слепой прозревает, к немому возвращается речь;
Прокаженных очищает и даже, поверишь ли, мертвецов воскрешает!..
Но пуще всего тот Пророк занемогших душою желает сберечь —
Молитвенным словом всевластным он нечистых духов изгоняет.

На обратной дороге посетили мы Иерусалим, —
Молвь повсюду идет о мессии, и люд чудесам тем дивится, —
Нам взглянуть захотелось на все это собственным оком своим,
Разувериться в слухах или же в их правоте убедиться.

Хоть не встретился Сам, тьма свидетелей… о, как светились глаза
Всех, кто рядом с Ним был!.. что за речи лились безподобны!..
— Это Бог или Сын это Божий! — царь Авгарь, пораженный, сказал, —
Только Они возвращать жизнь покинувших мир сей способны.

Так, заочно, лишь со слуху, первым среди земных царей,
Уверовал Авгарь во Спасителя, что явился в земле Палестине,
И Христа Иисуса повидать возжелал он как можно скорей,
Но, бездвижный, не мог сам идти, чтобы в нем поклониться святыне.

III

ПОСЛАНИЕ АВГАРЯ К СПАСИТЕЛЮ

«Авгарь, сын Аршама, правитель страны, Иисусу Спасителю шлет привет.
О Тебе, благодетель, прослышал я, о Твоем врачевании безподобном.
Говорят про Тебя, Ты хромых ставишь на ноги, слепым даришь свет,
Исцеляешь страдающих и воскресаешь
умерших прикосновеньем Своим Богоугодным.

Верю, либо Ты Бог, к нам сошедший с небес,
Либо Ты Божий Сын, людям посланный во спасенье.
Много лет пригвожден я к одру, и жестоко страдаю я здесь.
Умоляю, приди и спаси меня, лишь Твое мне поможет леченье.

И прослышал я также, что в стране Твоей ищут тебя,
Что хотят иудеи предать Тебя страшным мученьям.
Город мой невелик, но хорош, хватит нам на двоих, и мы встретим любя.
И, как Ты для меня, город мой для Тебя да послужит спасеньем».

И посланцы Авгаря поспешили в Иерусалим.
Хоть апостолы никого из язычников к Учителю не подпускали,
Но царевы гонцы все ж управились с порученьем своим,
Как Филипп и Андрей, то письмо Иисусу наконец передали.

IV

ОТВЕТ СПАСИТЕЛЯ АВГАРЮ

На посланье царя дать ответ Иисус Фоме повелел: «Так пиши:
Блаженны, кто веруют в меня, не видавши меня. Им — награда!

Ибо сказано обо мне: невидящие меня — уверуют и будут жить.
А видящие меня — не уверуют и потому не минуют ада.

Ты к себе призываешь, но путь мой задан с небес, —
и что должно свершить, то свершу.
А потом вознесусь я к Тому, Кем был прислан.
Как исполнится правда, одного из апостолов я в Эдессу пришлю,
Он за веру твою исцелит тебя, царь,
и жизнь даст как тебе, так и присным».

V

Но предвидел Авгарь: Иисус к нему вряд ли придет.
До того ли Спасителю, живущему по высшей воле?..
Живописца Ананию в Иерусалим он послал наперед
Образ Господа нарисовать незаметно — ни мене, ни боле.

Не выходит портрет, не дается искуснейшей кисти Божественный лик:
Ускользают куда-то черты — в несказанное, что ли, все мимо и мимо…
И Анания, как ни старался писать, одно лишь постиг —
Что природные краски бессильны: изображенье Христа непостижимо.

Хоть скрывался художник в толпе, тайноведцу открылась Анания грусть.
Приказал принести он воды,
и омыл ею чистой лицо, и отерся платком, что имелся, —
И нежданно-негаданно заиграл всеми красками четырехконечный убрус:
То на белом холсте пресвятой Его Образ нерукотворный запечатлелся.

И народ, что собрался послушать Христа, в изумленье стоял,
Страх Господень невольно почуяв всем сердцем, всей кровью.
А Спаситель, окликнув по имени, Ананию к себе подозвал
И убрус протянул ему: — Вот, Авгарю отдай, да спасется любовью!

VI

Приложившись к святому убрусу, с ложа хвори поднялся Авгарь,
Благоговейно поклонился он Образу, хотя полностью не излечился, —
На лице след проказы еще оставался, как встарь,
Ждал правитель, когда же придет Иисуса Христа ученик, и молился.

Как вознесся Спаситель, настал Им обещанный день:
Во все стороны мира понесла Его братия ученье Христово,
И Фомой был направлен в Эдессу апостол Фаддей,
Чтоб спасти и царя, и народ, проповедуя Слово.

Окрестил он Авгаря — тот по вере своей исцелился совсем,
И вослед за властителем народ покрестился, чуду не переставая дивиться.
И Фаддей, по свершенью сего, на убрусе святом сделал надпись затем:
«Христе Боже, всякий, уповая на Тебя, не постыдится».

VII

А потом повелел царь Авгарь зело украсить икону благодатную ту,
И она пресвятая обрела себе место над городскими воротами —
в каменной нише.
Всяк, кто порог тот переступал, прежде кланялся Спасу Христу,
И всем путникам верилось: само Небо благословляет их, становится ближе.

Чудотворного образа много лет нерушим был покой,
И под оком Христовым люди жили в Эдессе ладом, миром.
Но однажды случилось, что правнук Авгаря заблудился душой —
И убрус чудотворный приказал снять со стены,
чтобы кланялись не Богу — кумирам.

И тогда Сам Христос явился эдесскому епископу в тонком сне,
Повелев от поругания немедленно спрятать икону.
Той же ночью священник отправился к воротам и был на стене,
Чтобы верой и правдой послужить Благодати, а не закону.

Помолившись, он пред Образом нерукотворенным тихо лампаду зажег,
Оградил полукруглую нишу глиняной плитой,
а снаружи заложил кирпичами —
И надежно сокрылся от идолопоклонников Бог,
И светильник молитвенный, если кто и видел, то духовными только очами.

VIII

Пять веков с той поры миновало, много воды утекло…
Позабыли эдессцы давно про убрус, про великую эту святыню.
Никому здесь — даже случайно, на миг — и в голову бы не пришло,
Что все время лишь Образ нерукотворный Христа оберегал их доныне.

Но с войною пришел в эту землю царь персидский Хозрой,
И сдавило Эдессу громадное войско безпощадною хваткой железной —
Не по силам отбиться, нет надежды на помощь…
Что делать с такою бедой,
Осажденный город не ведал, голодный, холодный, болезный.

И народ возопил о спасении к Богу, раскаявшись, плакал навзрыд.
В сновиденье Владыке Евлалию светоносная Дева Мария явилась:
— Над градскими вратами в замурованной нише убрус, вами забытый, сокрыт.
Так достань же его — и спасет вас от гибели Божия милость.

И епископ с рассветом тот старый схорон отыскал,
Разобрал кирпичи, отодвинул плиту… и — о чудо! — застыл, пораженный:
Пред убрусом лампада горит! — вот, что он увидал,
А на камне на древнем — тот же Образ Христа отраженный.

На стене встал священник, распрямился, над миром икону воздел —
И рассыпались персы, гонимые Спасом нерукотворенным…
Ну, а в нише разобранной так же тихо, как прежде, светильник горел
Перед ликом Христа, на той глиняной, окаменелой плите напечатленным.

ПОЭЗИЯ

Наталья СОВЕТНАЯ

«И К ПАСХЕ ЗОЛОТИЛСЯ КРАСНОТАЛ…»

Наталья Викторовна Советная — родилась в пос. Янтарный Приморского района Калининградской обл. Училась в ЛГПИ им. А. И. Герцена, затем в ЛГУ. Кандидат психологических наук. Директор «Психологического реабилитационного центра “МИРВЧ”». Член СП России, член СП Беларуси, член СП Союзного государства. Председатель оргкомитета Международных научно-литературных чтений Игоря Григорьева. Автор книг поэзии и прозы. Награждена медалями «Святой благоверный Великий князь Александр Невский», «Василий Шукшин», «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)» и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ТИШИНА

Какая нынче тишина!
Как замер лес, почти не дышит:
В его ветвях поет весна,
Щебечет нежно в кронах пышных!

И даже в трелях — ти-ши-на…
Последний снег к земле прижался
И тает, слушая…
Весна —
Само величие, державность!
И тишина. И тишина…

БРОШЕННЫЙ ДОМ

Заколочены окна дома,
Прохудилась давненько крыша,
На крыльцо походкой знакомой
По-хозяйски никто не вышел.

Запанела трава на грядках.
Жгуч-крапивы стена глухая
Подпирает заборчик шаткий
Да хранит пустоту сарая.

Обреченная хата слепо
На дорогу глядит тоскливо,
И с плодами стоит нелепо
У калитки седая слива…

ОТРАЖЕНЬЕ

Плыл солнцем Храм
над бледною землею,
Средь облаков плыл Божий Храм!
Кресты блистали звездною куржою,
И звоном лился птичий гам.

Земная Церковь —
отраженье неба! —
Сияла и взлетала ввысь.
Переплетались светом
быль и небыль —
Струилась и шумела жизнь…

Вмиг видимым невидимое стало —
И радость вдруг, но ожил страх
(Смиренья, знать, душа
скопила мало…) —
Рождалось чудо на глазах!

Три белых воина явились взору,
Три свято-огненных гонца,
Как ясны соколы — по синь-простору,
Над Русь-печалью в три конца.

Разили стрелами — и тени гасли,
И новый, новый Храм вставал!..

Младенец спал на сене в грубых яслях.
И к Пасхе золотился краснотал.

У МЕНЯ НЕТ ДЕРЕВНИ

У меня нет деревни, в которой мой дом,
Нет родного села, подарившего детство,
Но стучится тревожно в предутренний сон
Хата — странницей Божьей — и просит согреться.

Дверь открыта, и печка остыла давно,
Для квартир непригодный — чугун на загнетке,
Вездесущий паук занавесил окно,
И свалился тряпичный медведь с табуретки…

Пыль сметаю! Огонь разжигаю в печи!
Обнимает теплом благодарная хата…
Но в озябшей ночи торопливо стучит
Снова чья-то изба — и стара, и горбата.

Утешаю, святой окропляю водой…
А в прихожей моей уже новая гостья:
Вместо окон — глазницы, слепая с сумой.
Вслед другая с мольбою:
— Вернитесь! Не бросьте…

У меня нет села, где родительский дом.
Я деревню родимую не предавала.
Почему же стучится в предутренний сон
Хата — странницей Божьей, — чтоб стол накрывала?..

* * *

Памяти поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996)

Нынче по старинке заянварилось,
Гул дорог заглох в сугробах тучных,
Кроткий день в расшитых русских валенках
Давнею мелодией озвучен:

Звоном бубенцов и песней нянюшки,
Завыванье жалобным метелиц,

Смехом детства, хрустом мерзлых варежек,
Вздохами влюбленных юных девиц…

Тонет город в белых-белых россыпях
Искрами пронизанных снежинок,
Зажигает фонари раскосые
Огоньками лунных половинок.

В сумерках таинственно-сиреневых
Летний сад поскрипывает снегом —
Бродят по аллеям тени гениев,
Не знакомых с XXI-м веком…

ПРАПРАДЕДУ

Аверьяну Есипенку

И травы, и лозы, и ливни
Сравняли, размыли, смели
Надгробья, бугры…
Лишь былинный,
Таинственный дух — не смогли!

Могилы, могилы, могилы…
Где ж родич покоится мой?
Молюсь…
И неведомой силой
Вдруг вижу я душу — живой!

Прапрадед?!
Совсем незнакомый…
И все же — до боли — родной!
Нашелся!
Шепчу пред иконой:
«Подаждь… Сотвори…
Упокой…»

…И пусть лихолетья стирают
Ограды и холмики в прах,
В нас дедовы корни — как сваи,
И дедова вера — в сердцах!

ВЕНЧАНИЕ

В опустевшей церкви таинство безмолвья.
Свято-лучезарен царственный алтарь…
Перевиты руки рушником-любовью.
Губы робко шепчут праздничный тропарь.

Как отец родимый, батюшка Василий
Венчики златые бережно несет…
Девяностых время. Предана Россия.
А для нас над храмом Ангелов полет!

Мы давно женаты, дома двое деток —
Отчего ж коленки будто бы дрожат?
Кто-то нам желает: — Будь союз ваш крепок! —
Птицами на небо те слова спешат…

Зимний день короткий озарился светом —
Фитилек зажегся трепетной звездой.
На земном подсвечнике — хрупком белом свете —
Стали мы для Бога свечечкой одной.

ИЮНЬСКИЙ СВЕТ

Посвящается Царице Александре Федоровне с дочерьми — Великими княжнами Татьяной, Марией, Анастасией, — родившимися в июне

Месяц розово-фиолетовый
И сиренево-тихо мерцающий,
Зажигающий свечи лета и
Злато-лютиково полыхающий.

Свет Татьяны, Марии, Настеньки,
Александры —
В печали люпиновой,
Но в ночи лиловой погаснет он,
Когда пули пронзят и невинных их
Бросят на пол
в подвале Ипатьевском…

Вспыхнут звезды алмазно-синие
От костра…
И так горько заплачется!

А пока дни июньские длинные
Васильками украсили платьица.

С ДУМОЙ ОБ УКРАИНЕ

На севере — ни снега, ни дождя.
Земля мертвеет, холодом томима.
Платком пушинка реет у гнезда,
Метель — снежинкой пролетает мимо.

Нагая грудь у вспаханных полей.
За что, декабрь, моим краям — немилость?
Иль растерял снега среди степей?
Сам растерялся? Вьюга заблудилась?

Иль спутал кто привычные пути,
Деля наш белый свет по-человечьи?
Лукавство!
Хоть стократно будь ретив,
Туманно все людское и не вечно…

Ах, грозный месяц матушки-зимы,
Прости упрек мой легковесно-вольный,
Студи, морозь горючие громы
И молнии, что жалят сердце больно!

Завей же пушки саваном снегов,
Пускай ослепнут и заглохнут танки,
Пусть стынет кровь у натовских шутов
От сиверка и голоса тальянки!

ЗЕМЛЯ

Земля, ты плоти каждой продолженье,
Приют и сущим, и достигшим тленья —
Кто в злобе жил иль жил любя…
От гор до дна даришь себя!

Ты вся сама — миры и поколенья,
Пространство, время, притяженье.
Ты — тайна тайн. Источник. Прах. —
Хоть шар земной, хоть горсть в руках.
И, коли брошено зерно,
Твоим теплом взойдет оно.

МОЛИТВА

Быть частицею света удостой меня, Боже!
Научи так любить, чтоб себя забывать,
И мирить там, где кто-то примириться не может,
И помочь там, где правду упрятал вдруг тать.

Где царит безысходность, дай посеять надежду,
Где согнула беда, дай подставить плечо,
На озябшую душу дай набросить одежду
Покаянных молитв, что шепчу горячо.

Удостой меня, Боже, чтобы я утешала,
И прощать боль обид Ты меня научи,
Напои состраданьем, дай любовь мне и жалость,
Укрепи, чтоб помочь заплутавшим в ночи.

В темноте бренной жизни дай лампадку затеплить,
Быть сияньем свечи дай во мраке сплошном,
В час, когда я угасну на земном белом свете,
Свет иной обрести дай мне в Царстве Твоем…

Я ВЗГЛЯДОМ ПРОРАСТАЮ В НЕБО

Я взглядом прорастаю в небо!
И боль моя, как будто небыль,
И быль земная, словно космос,
Где звезды зыбкие, как росы.

Я в небо, в небо прорастаю!
А там, внизу, кружатся стаи
Ужасных погребальных грифов —
Теней страстей — увы, не мифов…

Я в небо прорастаю взглядом,
О, сколько глаз со мною рядом!
В них слезы, блеск немой надежды:
Там Свет! Там белые одежды!

ПРОЗА

Владимир ИЛЛЯШЕВИЧ

ПОЖАРНИК

Владимир Николаевич Илляшевич — родился в 1954 г. в Таллине. Окончил юридический факультет Тартуского государственного университета, Высшие курсы международной журналистики в Москве. В настоящем — директор издательства, главный редактор журнала «Балтика», издатель газеты «Мир Православия», председатель Эстонского отделения СП России, секретарь правления СПР. Возглавляет Общество европейской генеалогии и геральдики в Эстонии, совет международной лит. премии им. Ф. М. Достоевского. Постоянный член Совета Всемирного Русского Народного Собора; действительный член Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов («Золотой Витязь»). Лауреат ряда лит. премий. **Живет в Таллине, Эстония.**

…Все — как всегда. Я ринулся на тревожный вызов вместе с ребятами сразу же, не раздумывая, почти инстинктивно. Они — экстремалы. В том смысле, что отчаянные в нашем опасном деле. Любители ходить по краю пропасти. Они мне нравятся. Почему бы не кинуться вместе с ними? Ведь я тоже пожарный, хоть и офицер в звании майора. Мне, конечно же, не положено выметываться по всякой тревоге, со всех точек зрения: ни по положению, ни по возрасту, ни по должности. В молодости-то все ступеньки лестницы прошел. Пожарной и карьерной. А я все равно побежал с ними, как мальчишка. Более того, мне стало интересно. Ведь адрес вызова, то есть по-нашему, по-пожарному — «очага возгорания», — дом напротив моего, так сказать, родного очага. Того самого, где мать нас с сестрой родила. С помощью лишь одной бабы Лиды, повитухи местной. В самые послевоенные годы трудно было, до роддома все равно бы не доставили. Нечем, да и телефоны наперечет. В нашем-то захолустном подмосковном городишке, да в те времена нелегкие.

В общем, подумалось так: а вдруг загорелось в доме «заклятых друзей» — соседей через дорогу… А эти соседи наши — ух, и молчуны зловредные. Поначалу даже не здоровались. Вечно с претензиями совались, да еще и со злостью непонятной. То собака наша им лаем спать мешала, то сестренка перед их домом тротуар мелом изрисует для игры в классики, то я будто бы из рогатки по их окнам пулял. С ними, собственно, мы никогда не общались и имен-то их толком не знали. Чужаки. По-русски то особо говорить не умели. Переселенцы из Эстонии, эвакуированные в сорок первом с оккупированных немцами территорий, да так и остались здесь. Освоились,

конечно, со временем. Сын их, когда вырос, уехал в Эстонию. Там и окольцевался в законном браке. Дочку свою каждым летом сюда, в наши края, к бабушке с дедушкой, значит, привозить стал. Сами отпуск проводили и девочку, как родилась, с собой брали. Родителей престарелых своих сын на родину отвез бы, да у отца его какая-то хворь трудная приключилась, и врачи менять климат никак не советовали. Хоть и прибалты, старики-то, а, видать, привык организм их к нашей среднерусской полосе. Понятное дело, тянет в исконные родные веси вернуться, теперь уж самостийную страну. Однако, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Одна отрада, когда сын с женой и внучкой приезжают на месяцок.

Вот и нынче, слышал я, в гости пожаловали. Малышка по-русски почти не говорит, все лепечет по-своему, как с дедом или бабкой погулять выйдут, в магазин за мелкой покупкой или к речке искупаться сходят. Детишек ведь хлебом не корми, а в воде поплескаться дай. В гастрономчик бабушку сопроводить тоже свой резон имеется, она завсегда леденцами или пряниками побалует свою светло-русую отраду. Соседей же по-прежнему чужаки особо не жалуют. Поздоровкаются мельком и мимо прошмыгнут. Не поговорят по душам, здоровьем, делами-заботами не поинтересуются. На все вопросы только слышишь короткие «да» или «нет». Замкнутые очень. А сейчас, к тому же, там, в Эстонии, нашего брата, русского, говорят — крепко зажимают. Про какую-то «советскую оккупацию» талдычат. Русские, стало быть, «оккупанты». Старики-то помалкивают. Сами от немцев в войну где спаслись? У нас в России, у «оккупантов», получается. Впрочем, что они по этому делу думают — никому неведомо. Может, думают так же, как и сородичи в Эстонии, а может, и нет. Кто их знает. Молчат все, а молчат — значит затихарились… А тут, нежданно-негаданно, пожар. Скорее всего, пригорело что-то, а может, и занялось покруче.

Значит так, пожарищем воспользуюсь, побью окна, разнесу двери и мебель, стены залью водой, где не надо, и все будет прикрыто. Целесообразностью. Так сказать, месть за межу, хоть и не было никакой межи, а была лишь дорога между нами и отношения не добрые и не злые.

…Горело высокими столбами дыма. Я бы и ничего не сказал про горение, но деревянное строение действительно пылало талантливо. Здание было низенькое, однако ж в три этажа, крепкое такое. Как у Облонских в известном романе Льва Толстого. Не знаю, как кому ощущается, но в этом уродливом строении было даже нечто гармоничное. Потому что давно обжитое, наверное. Старое дерево — доски, перекрытия, опоры — полвека, если не больше, сохло, гулкое на стук. И занимается как порох. Оттого и заполыхало в миг, будто на копну сена бомбу-зажигалку с немецкого самолета сбросили. Когда подъезжали с сиреной воющей, успело всю округу сизым дымом окутать. Из верхних этажей вовсю красно-желтые языки то высовывались, то исчезали в черно-копотных оконных проемах. На втором этаже тоже оконные стекла сухими щелчками трескались, вот-вот лопаться начнут. Народец с какими-то ведрами и тазами бессмысленными взад-вперед носился. Жильцы в первую очередь, надо думать, суетились вовсю. Пожитки спасали, что спасти было возможно. Лишь одна женщина средних лет в домашнем халате, растрепанная вся, с ноги на ногу переминалась, будто куда-то рвануть собралась, а сама с места сдвинуться никак не могла. Только двумя руками икону Богородицы к груди прижимала, словно

лихой разбойник отнять пытался. Образ был без оклада, большой; такой, знаете… На нем еще Пречистая Матерь руками разводит… В доме-то семей шесть-семь обитало, но, правда, чужаков что-то среди них, на улицу выбежавших, не приметил. Кто-то скороговоркой резким дискантом бросил, что это у «эстонцев», на третьем этаже, газовый баллон взорвался. Грохнуло уж больно громко и окна повышибало.

* * *

Я услышал крик, вернее, громкий плач. Он доносился из одного окна на третьем этаже горящего дома. Из той самой квартиры, где обитали чужаки-переселенцы. Это был детский плач. Как все случилось, в точности не помню. Может, охмелел от ста грамм «боевых», принятых наспех перед гонкой по тревоге, может, чего еще во мне произошло, гадать не стану, но, в «сухом остатке», обнаружил себя в жаре. В большой жаре. Представьте себе: майор в жаре может запросто стать жаренным майором… Но при этом я попал в ловушку. Обрушилось одно из перекрытий, завалив выход из квартиры на лестничную площадку. Впервые в жизни мелькнула мысль о почти безысходности: я проиграл, запросто мне не выбраться из пекла. К тому же на руках с этой маленькой девочкой, которая спряталась от огня за диваном… Это она плакала в голос. Оттого и нашел ее сразу же. Ну, зачем я полез в огонь? Чтобы своих двоих ребятишек, малолеток несмышленых, оставить на несладкую судьбу безотцовщины? Мне что, кормить некого?

Снова пришло в голову: каюк! И где? Напротив дома родного?!.. Мне даже смешно стало. Кругом гудело натужно и с жадным придыханием. Едкий дым серо-желтой отравой разъедал глаза, вырывал нутро изнуряющим кашлем. Полымя торопливо вершило свой суд. Отчего огонь так скор? Отчего так нетерпим и безжалостен?

Сквозь дым в квартире я совершенно неожиданно увидел мать. Она будто вышла на улицу из нашего дома напротив. Крыльцо едва виднелось отсюда сквозь дым верхнего этажа горящего здания. Она тоже не знала, каким образом я очутился здесь. Вернее, вряд ли могла знать, что мечущаяся в дымящихся окнах напротив фигура пожарника с каким-то большим свертком на руках — ее родной сын. Я смотрел на нее. Она вдруг сложила ладони, как на молитве, потом развела руки, прямо как Божья Матерь на иконе, и поманила меня, хоть это лишь угадывалось сквозь густую дымную пелену: иди, мол, ко мне, выходи из полымя. Мол, сынок, дай-ка дитятко из рук твоих приму… Подай сюда, миленький, сюда!.. Направо, а не налево иди, сынок! Из окна, что слева, уж языки пламени бьют, не прорвешься. И внутрь, к двери, не беги, не открывай ее, за дверью и вовсе все охвачено огнем, клубится там под потолками черное непроницаемое копотное облако, готовое от очередного снопа искр взорваться нестерпимого жара напалмом, плавящим даже металл. Вот так, встань на подоконник именно у этого окна, куда изначально пробился…

Я видел, как беззвучно двигаются ее губы, вторя неслышные слова, но даже по губам этих слов не различал… Слишком далеко стояла она. Лишь сверхъестественной догадкой угадывался ее молитвенный повтор. Внизу суетились мои товарищи, бегали фигурки в огнеупорных робах и широких касках, били вверх струи воды, остервенело лупил молотком Евсеич, стар-

шой команды, по какому-то болту на лестнице пожарной машины. Заело что-то в механизме спасательной лестницы, и встала она, проклятая, на полпути, как одна половинка разводных мостов в Питере во время ремонта… Сзади грохнуло что-то неведомое и беспощадное, страшно загудело, и до меня долетел неслышный шелест материнского голоса: прыгай, не бойся, сынок, прыгай, жив останешься!

…Боже, как мне больно! — мучительной резью по обожженной коже щеки наждаком проскребло твердью земной. Слезным криком прокричал бы, ибо терпеть было почти невмочь. Не знаю, как вывалился из этого проклятого окна. К груди прижал маленькое, хрупкое тельце, верещавшее свое бесконечное: emme, emme[1]…

* * *

Вокруг горело так нестерпимо жарко! Я упал на бок, на левое плечо. Боялся, чтоб при падении «сверток» собой не помять. Девочка не заплакала, а только мелко хмыкнула, словно сообразив, что я сломал ключицу. Она, видать, почувствовала, что мне не все удалось гладко. Согласитесь, что сломать ключицу, это — не голень перебить! Китайские мастера кун-фу умеют ловким ударом сломать ключевую кость так, чтобы острие твердой плоти прорвало околосердечную сумку, почти мгновенно до смерти затопив нутро кровью из вен. А голень для них — пустячное дело, не смертельное. Профессиональные костоломы были бы довольны — ключица переломилась аккуратненько. Конечно, сейчас мне было все равно. Да что же происходит? Да то же, что и в сотни раз. Пожар. Горит…

Что это за комочек на груди шевелится? Руки не работают. Я хочу их поднять, а шевельнуть не удается. Ослаб, наверное. Лежу, кажется, на дороге. Точнее, на асфальте тротуара. По нему каждый день сотни людей проходят. От автобусной остановки к рынку, что недалече. Утром тротуар — чистый. Дворники стараются. Порой на нем нищие бомжи за подаянием пристраиваются. К вечеру насобирают монетку к монетке, попутно побросают вокруг сору из своих полиэтиленовых пакетиков с немудреным скарбом да пустые флакончики из-под лосьона «Лимонный» или одеколона кишиневского розлива «Тройной питьевой». Смешно, что лежу. Будто пьяный забулдыга. Угадываю лишь, как склоняются надо мной лица. Слышу: говор. Словно кто-то вместо меня с кем-то говорит. Мне чудится, что я ухожу в темный коридор без света, и происходящее вокруг стало безразлично. Правда, на время. Потому что вдруг понял: поверну обратно. Голос я вновь услышал. Мать зовет: «Эдик, Эдик…»

…Господи, как больно! Ноги-то, неужели они в огне горят? Что-то твердое подо мной. А-а, асфальт. Ноги перестали гореть. Мне было уже почти не больно.

* * *

…Почему я лежу в закафеленной комнате, в какой-то посудине? Рядышком на стене виднеется табличка с инвентарным номером и надписью:

[1] Emme (*эст.*) — мамуля.

«Ожоговый центр клиники Склифософского». В московской клинике? И в такой-то, по-дурацки, белой ванне? Девушка, в белом же, мне что-то говорит… Ей, наверное, лет девятнадцать. Открыто в лицо смотрит, прямо в глаза. Но словно взгляд отвести боится. Вроде стыдится чего-то непотребного, а вроде и нет. Голыша-то, видать, стесняется.

Правда, голос у нее чудесный. Если бы и сравнить, то с голосом матери в детстве моем.

Левое плечо — в гипсе. Я понял, отчего лежу именно в ванне и тело мое колышется. Только сейчас увидел, что плаваю в масле. Иначе нельзя. Смекнул, мол, обоженной коже защита нужна и уход. Иначе прилипну к простыням. А это мне надо?

— Сильно обжегся? — спросил я девушку в белом.

— Сильно… Впрочем, не очень. Вертолетом вас доставили. Горели вы, горели, —тихо ответила она. — …А ребеночка-то, что вы вытащили… его «скорая» отвезла. Кажется, в детдом. Ни царапинки не было… Погибли родные его… И родители, и дедушка с бабушкой. Разом. Они на кухне были, когда баллон с газом взорвался. А дитятко уцелело, в гостиной спавши…

Я потом, там же, в больнице, с трудом вспоминал. Долговязый бесшабашный Павлуха, друган из второй роты нашей пожарки, навестивший в клинике, как в сознание пришел, подсказал, как случилось все. Только-только вернулся из беспамятства, я сразу же и спросил у него, мол, где мать-то. Выручила она меня. А каково ж ей было видеть, как сын, родная кровь, хоть и профессиональный пожарный, в соседском доме сгорает, гибнет почти на том же месте, где на свет появился?

А Павлуха, обычно горластый такой, внимательно глянул на меня, помолчал и тихо так говорит, мол, матушка твоя, Эдуард Иваныч, умерла еще лет десять назад. И дом твой отчий, что напротив сгоревшего, снесли давным-давно. Через год, мол, после смерти матери. Головой треснулся, что ли?

Ежели прав он, Павлуха-то, то кто же меня манил и спас из того треклятого пожарного пекла?.. Эх! А ведь прав он, матушки-то действительно давно уж нет! И на месте дома отцова прежнего, на пустыре, буреломом поросшем, я уж новый выстроить хотел. В нем и поселиться с пострелятами моими.

Павлуха уходить собрался и напоследок говорит, дескать, тут тебе одна погорелица подарок прислала — и протягивает икону. Узнал я образ этот. Тот самый, Богородица: руками в размах… Маму ликом напоминает… Паша сказал, что «Всех скорбящих радосте» именуется.

Кстати, надо бы добыть адрес сиротского дома, куда дитятко-то соседское отправили. Ничего, вырастим: там, где двое своих, там и третьего на ноги поднимем. Родная она мне теперь. А ежели по-русски не разумеет, так не беда, научим…

Точка зрения

Юрий БУНДИН

СЛОВО, ЗВУЧАЩЕЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОГО ПРАЗДНИКА

Юрий Иванович Бундин — кандидат юридических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, председатель комиссии по культуре Благотворительного фонда по увековечиванию памяти воинов Русской Армии, павших в Первую мировую войну 1914–1918 гг. «Воинский собор», член Союза писателей России, специализируется на исследованиях вопросов теории и истории праздничной культуры, опубликовал две монографии в авторской серии «Русские праздники в изобразительном искусстве». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Русская культура — прежде всего и больше всего культура словоцентричная. Не случайно русский язык является наиболее выразительным, передающим не только мысль, но и чувства, то есть выступает в качестве наиболее эффективного средства словесно-звуковой, мыслечувственной коммуникации.

Широкий спектр проблематики темы «слово звучащее в праздничном пространстве» обусловлен спецификой художественного взаимодействия словесного и музыкального начал. «Слово звучащее» образует звуко-ритмические потоки, которые гармонизируют праздничную среду и индуцируют ее интегративное качество — праздничное пространство, обращенное к архетипам сознания. Таким образом, в «теле» праздничной (материальной) среды образуется праздничная (идеальная) «душа», не поддающаяся логическому постижению и апеллирующая к интуиции, эмоциям, подсознанию, без которых невозможна реализация смыслов праздничного инобытия. Именно «слово звучащее» — его сокровенные смыслы и музыкальные интонации — опирающееся на звуковые архетипы социальной коммуникации, подкрепляемые сообразными изобразительными формами и телесной моторикой, выступает эмоционально-смысловой доминантой праздничных пространств.

Слово как социокультурный феномен возникло в качестве средства объединения индивидуальных ресурсов отдельных людей в социальное целое, способное обеспечить выживаемость человека как биологического вида в противостоянии с силами природы. Согласно антропо-социокультурной концепции происхождения человека[1] его выживание и по-

[1] Культурология: учебник для бакалавров / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Юрайт, 2012. С. 206–209.

следующее развитие в этом противостоянии обеспечивалось благодаря переходу к новому, внебиологическому и более сложному, чем биогенетический, способу организации своего бытия. Определяющую роль в этом сыграло изобретение искусственного способа передачи из поколения в поколение поведенческих программ, компенсирующего утрату генетически инстинктивного способа их кодирования и трансляции.

«Двигателем прогресса» стали архаические охотники, те группы людей, которые занимались облавной охотой на крупного зверя, поскольку она требовала от людей тех качеств, которые не были даны им генетически, а именно — применения орудий и коллективных согласованных действий, включая способности проектировать результаты и способы данных не инстинктивных действий, опирающиеся на познающее реальность мышление и творческое воображение. Реализация интеллектуального потенциала мозга и коммуникативной энергии общения стала возможной благодаря уникальному продукту человеческой культуры — слову.

Цикличность жизни древних охотников определялась результатами облавной охоты на крупного зверя. В случае неудачи племя обрекалось на голодную смерть. Поэтому каждая удачная охота символизировала победу жизни над смертью и требовала соответствующего организационного обеспечения, позволяющего реализовать человеческое в человеческом — способность объединять усилия на путях достижения общей жизненно важной цели. Именно на этой основе зародилась и получила развитие первая древнейшая форма человеческой культуры — праздник.

Возникнув на основе общей трапезы — определившей в последующем функциональное предназначение праздничного застолья — праздник наполнился совокупностью взаимосвязанных общей целью совместных действий, обрядов и ритуалов, призванных актуализировать коллективистские начала группы. Удовлетворение потребностей — психофизиологических и эмоционально-психологических — создавало позитивный эмоциональный фон с доминантой эмоции радости, который определял принципиальное иное — праздничное — бытие, праздничный хронотоп жизни человека как пространство-время, свободное от повседневных трудов, забот, тревог и страхов, как место-время безопасного и изобильного существования, как «воспоминание о рае». На данном фоне утверждалась чисто человеческая потребность единения группы, как совокупного целого, обладающего интегративным качеством обеспечения «победы жизни над смертью», вырабатывались, развивались и закреплялись потребности в социальной коммуникации, социальной регламентации, социальной регуляции и социальной организации[1].

Совместное выражение коллективных переживаний и совместное проживание жизненно важных с точки зрения выживания группы событий, процессов и ситуаций на эмоциональном фоне праздничной радости на основе новых носителей информации — осмысленного звука и визуальных символов, формировало и закрепляло на уровне коллективного бессознательного основные архетипы человеческого общежития и поведения в группе. Именно здесь обрело свою роль слово «живое», слово «звучащее», как органичное единство речи и музыки, и производные от них пластические (танец), изобразительные и другие виды искусства.

---

[1] *Бенифанд А. В.* Праздник: сущность, история, современность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. С. 40–51.

Возникнув как ценностно-смысловая доминанта формирующихся культурных пространств, слово выступило в качестве эффективного средства социальной коммуникации именно благодаря синкретическому единству потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака, тому, что сегодня определяется как внутренняя форма слова, как его концепт. При этом семантический синкретизм слова оформлен в образе, осмыслен в понятии и представлен в символе — этом «образе понятия» или «понятийном образе» — как единство мысли и чувства[1].

Древний человек воспринимал окружающий его звуковой мир вполне осмысленно и эмоционально. Всякий звук для него был, прежде всего, семантичен, нес определенную информацию о «намерениях» или об отношениях «субъекта к объекту»: гремел ли гром, журчал ли ручей, рычал зверь, кричала птица, хрустели ветки в темноте, слышались звуки горного камнепада — все это взывало к ответной реакции, побуждало к ответному действию, логической реакции на полученную звуковую информацию. Эти фундаментальные качества слухового аппарата лежали в основе древнейших звуковых сигналов, из которых позднее возникло слово звучащее как основное средство социальной коммуникации и инструмент регуляции социальных отношений.

Пытаясь понять причинность удачной охоты, архаический человек искал первоосновы бытия, увязывал свои успехи с действием трансцендентных сил, наделяя окружающие его предметы и явления сакральными смыслами. Уповая на действие трансцендентных сил, человек искал возможность связи с ними, получения их поддержки.

В поисках этих возможностей человек стремился подражать силам природы, в том числе улавливая и воспроизводя ее звуки, наделяя их соответствующими смыслами и соотнося с ними соответствующие образы. Подражая звукам природы, человек, с одной стороны, учился говорить, а с другой, — демонстрировал способности связи с природой, которая наделялась им трансцендентными силами. Таким образом, нарождающееся слово выступило средством экстатической коммуникации с трансцендентными началами бытия. Овладевая такой способностью, человек стал использовать слово и как средство социальной коммуникации, транслируя энергию трансцендентных сил другим людям и тем самым объединяя людей вокруг духовного источника жизни. В ходе праздничных действий слово выступило не только как средство единения группы, но единения группы с окружающей природой, ее скрытыми силами, как средство познания и освящения смыслов всего сущего.

Коммуникативная направленность слова, звучащего в пространстве праздника, ощущается и реализуется не только через обозначаемое им понятие, выражаемый образ (интонацию) и несомый им символ, но и показывается. Слово звучащее приобретает видимые очертания через разнообразие мимики, жеста и пластики, отражающее все эмоциональное богатство невербальной коммуникации. С другой стороны, слово звучащее вызывает соответствующую телесно-моторную реакцию, зрительно-пространственные и цвето-световые ощущения и соответствующие им психоэмоциональные реакции.

---

[1] *Сокурова О. Б.* Слово в истории русской духовности и культуры / предисл. Ю. К. Руденко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 19–26.

Сегодня вопросы звуковых коммуникативных архетипов активно исследуются в рамках музыковедения и, конкретнее, музыкальной психологии. Согласно Д. К. Кирнарской, коммуникативные архетипы как базисные формы — древнейшие метасмыслы общения, закодированные в коллективном бессознательном, сформировались в архаические времена и, по нашему мнению, легли в основу праздничных хронотопов. Д. К. Кирнарская выделяет четыре таких коммуникативных архетипа: «призыва», «просьбы», «игры» и «медитации»[1].

Архетип призыва обозначает общение лидера и группы: от лидера исходит побуждающий импульс, приказ, вдохновляющий знак, обладающий значительным общественным содержанием. Он обладает определенной активностью, агрессивностью и пафосом. Его звуковой облик отличается громкостью, размашистой восходящей звуковой линией, широтой диапазона.

Архетип прошения связан с мольбой о ниспослании благ, он во всем противоположен архетипу призыва, его звуковой облик тяготеет к умеренно тихой звучности, плавным округлым звуковым линиям.

Архетип игры построен на общении равных с равными в праздничноигровых ситуациях, где превосходство и социальные роли сняты и нивелированы, ситуациях, когда члены группы ощущают единение в общей радости.

Архетип медитации связан с общением в стиле solo, когда душа говорит сама с собою и, быть может, с умопостигаемым божеством. Здесь господствует тихая звучность, Многие религиозные песнопения в духовной музыке и, например, колыбельные песни в музыке светской — характерные примеры архетипа медитации.

Каждый из перечисленных архетипов обладает определенным семантическим наполнением и вызывает соответствующие психоэмоциональные и моторно-пространственные реакции в процессе звуковой коммуникации.

Выделенные звуковые архетипы в своей совокупности образуют коммуникативную матрицу праздника. Однако их вес и соотношение зависят от вида праздника и определяются его характером. Так, в охотничьих, военных и государственных праздниках доминирует архетип призыва, в народных праздниках земледельческого календаря — архетип прошения, в церковных праздниках — архетип медитации. Звуковой архетип игры, настраивающий на снятие социальных статусов и ролей, так или иначе присутствует во всех видах праздников, формируя необходимый фон единения людей. Наиболее характерен он для городских праздников и массовых гуляний.

Говоря о культурном — праздничном — опыте советской цивилизации: советском массовом празднике в его классическом выражении, будь то День Великой Октябрьской Социалистической Революции или Первомай, не говоря уже собственно о Дне Победы, прежде всего следует отметить, что он носил характер военной победы, и по своим истокам гомогенен празднику древних охотников. Следует отметить, что сам процесс построения коммунизма представлялся в советском общественном сознании не иначе, как борьба за его построение, а его достижение — как окончательная победа в непримиримой схватке с капитализмом. Указанные ценности и определяли характер и содержание советских массовых праздников, которые, по сути,

[1] *Кирнарская Д. К.* Психология музыкальной деятельности. Теория и практика. 2003. С. 101–110.

являлись одним из механизмов формирования и утверждения советской идентичности. В этой связи доминирующую роль в ходе осуществления их хронотопов играл коммуникативный архетип призыва.

Рассматриваемый архетип связан с ситуацией побуждения к действию, когда говорящий хочет передать слушающим свою активность. В основании этого архетипа лежит протоинтонация призыва, для которой характерно восходящее движение, когда намечена определенная «разность мелодических потенциалов». Вспомним традиционные речитативы советских массовых праздников «Да здравствует советский народ!», «Вперед, к победе коммунизма!», «Все на борьбу с …!».

Базисная форма призыва чрезвычайно богата разновидностями, поскольку побуждение к действию, стремление заразить воспринимающего своей энергией важны во многих социальных ситуациях. В советских массовых праздниках они находили выражение в таких жанрах, как застольная песня и победный марш. И чем более органичной психологическому строю личности, архетипам коллективного бессознательного оказывалась песня, тем чаще ей придавался статус народной, тем больше метаморфоз происходило с ее текстом, который перманентно дописывался, дополнялся новыми смыслами сообразно текущим обстоятельствам социального бытия. Можно привести характерные примеры бытования таких песен, как «Ленинградская партизанская», «Прощание славянки» и многих других. Все они объединяли людей и вдохновляли их на победу, будь то победа военная или трудовая, благодаря тому, что музыка выступила в органичном единстве со словом в качестве его метафоры.

Особенность советской праздничной песни, и праздничной музыки в целом, в том, что ее мелодия, отражая русские культурные коды коллективного бытия, несет в социальную группу объединяющее начало, которое, оказывая комплексное — словом и мелодией — мыслечувственное воздействие на индивида, включает механизмы интериоризации вербальных смыслов. Иллюстрацией сказанному может служить творчество великого русского композитора Г. Свиридова, который посвятил себя поискам наилучшего воплощения русского мира в нотах на путях синтеза слова и музыки, открыл в русской композиторской школе новую фольклорную волну. Его «Время, вперед!» для многих поколений стало символом индустриального советского триумфа. То же самое можно сказать и о творчестве И. Дунаевского, взяв, для примера, его «Марш энтузиастов», и Д. Шостаковича («Песня о встречном»), и О. Фельцмана («Комсомольская традиция»), и, наконец, Д. Тухманова с его «Мой адрес — Советский Союз». И этот перечень можно продолжать.

Объединяющая сила слова звучащего, обращенного к коммуникативным архетипам сознания в пространстве советского массового праздника, помимо его песенных форм, хорошо просматривается на примерах праздничных речитативов: возгласа «ура!» и лозунга «да здравствует!».

Сегодня отсутствует единое мнение о происхождении слова «ура!» в русском языке. Кто-то полагает его заимствованным из немецкого языка, кто-то из языка древних гуннов, их победного клича. Вне зависимости от происхождения, мы обращаем внимание, насколько глубоко и прочно вошло это слово в русский лексикон, как оно укоренилось в звуковом пространстве советского праздника.

Объяснить механизм воздействия указанных выше речитативов, обращенных к коллективному бессознательному русского народа, можно с

позиции так называемого корнесловного мышления. Именно корнесловное мышление, в котором раскрывается глубинный, духоносный, символический смысл слова, его внутренняя форма, определяет воспроизведение и восприятие слова звучащего в пространстве русского праздника[1].

Метод корнесловного мышления основан на так называемой народной этимологии, которая, в отличие от научной (доказательной, абстрактно-логической), по сути является феноменологической, представляет собой поиск связи формы слова с теми живыми образами среды обитания — природы и окружающей жизни, которые мотивируют, объясняют первичный переносный смысл того или иного звуко- и буквосочетания, и имеет целью показать мыслечувственный образ слова, основанный на звуковых архетипах, образующих алфавит.

Мы согласны с автором метода корнесловного мышления В. В. Семенцовым, что слово не может быть случайным сочетанием звуков и букв. Исследуя вопросы слова звучащего в хронотопах праздников в феноменологическом ракурсе, важно отыскать первопричину и исходный, живой смысл каждого буквосочетания. И здесь важно не столько то, из каких древних языков заимствовано слово нашей речи, сколько то, какой смысл оно несет в русской картине праздника. Не связь русского языка со словами других языков, а связь мира русской праздничной словесности с миром вещей и силами духовного мира, сотворившими эти вещи, — вот что мы пытаемся усмотреть, исследуя вопросы слова, звучащего в пространстве русского праздника.

Внутренняя корнесловная символика слов, организующих праздничные хронотопы, обращена к коммуникативным архетипам, что выдвигает их на роль ключевых. Сегодня многие исследователи обращают внимание на особое, несущее позитивный энергетический заряд, значение слов, содержащих морфему «ра» в русском языке, на ее бытийность в пространстве русского праздника. С нашей точки зрения эта особая бытийность связана со значениями в старославянском языке фонем «р» — «рцы» и «а» — «азъ», означающими «я режу тьму и несу свет» и существующими на уровне коллективного бессознательного в качестве основных мифологем. В языческие времена оно использовалось для обозначения солнца как трансцендентного феномена, дающего жизнь всему живому. Сравним старославянское «ярило». Таким образом, морфема «ра» означала всепроникающее трансцендентное (божественное) животворящее объединяющее начало всего сущего на земле. Логично предположить, что, сформировавшись в архаические времена, это звукосочетание закрепилось на уровне коллективного бессознательного и сегодня продолжает функционировать в качестве архетипов сознания, вызывая соответствующие ассоциации. Можно привести целый ряд русских слов с морфемой «ра» в качестве корня, которые вызывают определенные

---

[1] *Семенцов В. В.* Возвращение к истине. Притчевый корнесловно-смысловой метод преподавания учебных предметов // Корнесловные основы современного образования: от значений к смыслам. СПб., 2013. С. 20–22.

Используемый в настоящей работе этимологический подход — метод корнесловного мышления для раскрытия функции слова звучащего в пространстве праздника не является общепринятым, ибо выходит за рамки традиционной индоевропеистики и фонологии. Чтобы избежать возможных обвинений в якобы лженаучном подходе, сделаем оговорку, что использованная модель корнесловного мышления носит рабочий характер, не претендует на истину в последней инстанции и имеет целью исследовать феномен слова в пространстве праздника с позиций аналитической психологии.

чувства, эмоции, ассоциации, психические состояния и телесную моторику: радость, радуга, рай, правда, краса и т. п., неся в себе позитивный облагораживающий, воодушевляющий и объединяющий людей смысл. В этом ряду находится и собственно слово «праздник», которое можно трактовать как особый день, посвященный божественным началам бытия, или «святой день». Во многих европейских языках, например, польском, украинском, белорусском, «праздник» так и называется — «святый». Данная трактовка слова «праздник» не противоречит общепринятому этимологическому подходу. Так, известный ученый-лингвист М. М. Маковский определяет значение слова «праздник» как восходящее к «совершать сакральный акт», к «радости по случаю жертвоприношения богам», и еще более древнему, характерному для многих языков индоевропейской группы — «резать»[1].

Именно морфемой «ра», на наш взгляд, объясняется удивительное и таинственное звучание слова «ура!». Его дружно и очень громко кричат люди на различных праздниках, будь то День Победы или Новый год. В моменты особой радости, воодушевления этот возглас как мощный жизнеутверждающий заряд, объединяющий людей вокруг желанной победы, будто сам рвется из груди, и русский человек осознает себя сопричастным, слитым с общим ликованием. В такие минуты это загадочное слово неимоверно сплачивает народ. Можно сказать, что слово «ура!» «сидит» у нас в коллективном бессознательном и определяет поведенческие модели в моменты всеобщей радости победы жизни. В праздничные и особо ответственные дни русские люди, как и в древности их предки, криками «ура!» обращались к Творцу, к Свету, к Правде — ко всему тому, что ассоциируется у нас с понятием Бога, животворящего начала бытия. «Ура!» — значит «С нами Бог!»

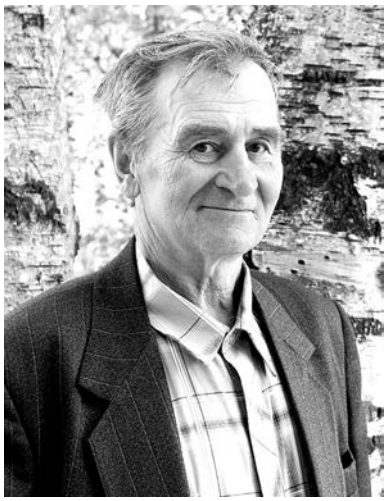
Этимологически-корнесловно близко к возгласу «ура!» и выражение «здравствовать». Праздничные здравицы означают пожелания приобщения к древу жизни. Как известно, древо жизни является одной из основных мифологем коллективного бессознательного, регулирующего нашу жизнь, и означает пожелание вечной жизни, в отличие от древа познания добра и зла, плоды которого ведут к смерти. Праздничная здравица не что иное, как пожелание обновления духа. А обновление духа, в свою очередь, предполагает покаяние, очищение и просветление в смысле обновления отношения к людям в направлении актуализации человеческого (коллективного) начала жизни. И, в этой связи, возглас «ура!» и лозунг «Да здравствует…!» являются одними из ключевых семантических доминант пространства русского праздника.

Корнесловная — феноменологическая, мифопоэтическая этимология слова «ура!» и словосочетания «да здравствует!» коренятся в душе народа как архетипы единения на путях достижения общей, жизненно важной цели. Использованный психоаналитический подход позволяет по-новому взглянуть на механизмы праздничного поведения людей, расширяя тем самым современные представления о сущности и назначении праздника как социокультурного феномена. В контексте изложенного пространство праздника и слово, звучащее в нем, предстают особой формой социальной коммуникации, объединяющей людей в единое социальное целое и обеспечивающей устойчивое развитие русского социума.

---

[1] *Маковский М. М.* Краткий этимологический словарь — тезаурус индоевропейских языков: учеб. пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 153–155.

ПРОЗА

Ростислав ПАНОВ

АЛЕКСАНДРА МИТИХА

Панов Ростислав Андреевич — прозаик, поэт, журналист. Родился в деревне Оботурово Никольского района Вологодской области. В Вологде посещал занятия литературного кружка, который вел поэт Борис Чулков. Во время Карибского кризиса служил на Кубе. После службы в армии вернулся в родные края и стал журналистом. Печатался во многих периодических изданиях, автор книг «Крутые повороты», «Микишкин ложок», «Осенние росы», «День за днем», «Выпал снег», «Певчий дрозд», поэтических сборников «На душе теплее стало», «Есть прелесть в дождике осеннем». **Живет в Вологде.**

Сладко пахло корой от недавно порубленной ольхи. По сырым берегам небольшой речушки она росла густо и разной толщины. Стояли деревца тоненькие, а иногда встречались прямо великаны.

Крупный серебряный иней лежал на траве. Подходил к концу август, и скот на пастбище доярки начали выпускать позднее. Пользуясь выпавшим свободным часом, Александра Митиха решила спуститься к речке, подзаготовить на зиму дровишек. Шла она по траве в изодранных лаптях, и ноги сильно холодило. За поясом болтался топор. На плече висела небольшая веревка: на растопку принести домой сухих веточек.

От деревни до речушки с ольховой рощей было не больше километра. Столбиками стояли над крышами дымки: протапливались печи у запоздалых хозяек. Где-то у колодца звякнуло ведро, и этот звук далеко разнесся в застылом чутком воздухе. Заканчивалось второе военное лето. Второе лето деревня жила надрывно и тоскливо. Уже не один десяток похоронок принес старенький почтальон Миша. Из мужского населения — ни одного подходящего мужика, только один председатель, которого в любой момент могут отправить на фронт. Слышала стороной Александра Митиха, что он и сам бы не прочь призваться в армию. Собачья у председателя должность. То и дело вызывают в райисполком или в райком. А вопросы одни и те же: почему с хлебосдачей тянешь, почему посевные площади в хозяйстве не расширяешь, отчего свиноферма пришла в разорение? Все висит на председателе. А что он может поделать, если в колхозе стар да мал? Лошадей и тех на военные нужды забрали.

Худо председателю, да и остальным несладко. Особенно им, жи-

вотноводам. Вставать приходится до солнышка. Коров подоить, на выпас пустить, навоз вычистить. Воды ко дню из колодца на стадо наносить. Выпадет свободная минутка — надо и дома обрядиться. На ребятишек пока еще не опереться. Кольке всего три годика, а Валя накануне войны на свет появилась. Малы. Отца и то не помнят. Уходил на войну, обнял детишек, да и заплакал. Ничего не сказал, видимо, вещает сердце у человека. Второе лето идет война, а всего два письма прислал Дмитрий.

Александру звали Митихой по имени мужа, колхозного плотника, всякого рукодельника. Он немного смахивал на цыгана: черноволосый, стройный в талии и широкий в плечах. Как всякий мужик, чувствовавший свою недюжинную силу, слыл самым смирным человеком в деревне. Его нередко звали на помощь соседи-новостройщики, чтобы поднять на верх избы тяжелые череповые бревна, кондовую матицу, чтобы потом стлать потолок. А еще Дмитрий был незаурядным кузнецом. Ковал для телег оси, различные детали к сеялкам, сошники к плугам.

Закопченная кузница сиротливо приткнулась к берегу речки. Возле нее росла одинокая рябина. Тяжелые пурпурные кисти призывно манили к себе.

Александра машинально свернула с тропинки и сорвала алую кисть. Ягоды показались ей сладкими, хотя малость горчили.

Дверь в кузницу долго не открывалась. Сюда давно никто не заглядывал, и она осела, туго поддавалась. На мехах, на горне, на прокопченных стенах лежала слежавшаяся пыль. Все так же в углу стояла скамейка. Возле нее на стенке висел кожаный фартук, который надевал перед работой Дмитрий. Перед войной Александра частенько заглядывала в кузницу, когда у мужа не оказывалось помощника — подростка Васьки. Качала меха, раздувая угли в горне.

Даже пробовала ковать, хотя, как говорил Дмитрий, — это не женское дело. После работы они умывались в ручье. Возле рябины он нежно привлекал ее к себе и бережно на руках переносил через топкий ручей.

Александра взяла в руки кожаный фартук, еще пахнущий углем и железной окалиной. Опустилась на скамейку и заплакала навзрыд.

За эти годы не ожесточилось ее сердце от тяжелой работы, от долгого ожидания писем. Дала себя знать нахлынувшая горечь и тоска, оторванность от любимого человека. И она заплакала.

В дверь кузницы заглянул солнечный лучик, напомнив Александре, что день начался. Она подхватилась и быстренько сбежала к роще. Срубила около двадцати ровных деревьев, очистила от сучьев и сложила в небольшой костер, сделав на комлевой части залысины, чтобы ольха просохла. Устала. Отяжелели натруженные на скотном дворе руки, и ломило в пояснице. А день еще только начинался, и дел впереди — как гороху в решете.

* * *

Александра была не из деревни мужа. Родилась она в небольшом починке. Там, где берет свое начало смутная речка со странным названием Белый Кер.

Вокруг починка — поля и польки, с великим трудом отвоеванные у леса. Избы с дворами точно заблудились, да с испугу прижались друг к другу.

С малых лет здесь приучались к труду, и редко кто из ребятишек оканчивал больше четырех классов. Так и у Александры — за плечами была только начальная школа.

В шестнадцать лет ее выдали замуж. Будущего мужа она впервые увидела в день свадьбы. Сначала дичилась его, но постепенно привыкла к своему новому положению. Дмитрий был добр, терпелив и покладист. Сказывался и его возраст. Он уже отслужил действительную и умел ладить с людьми. И свекор со свекровью не обижали невестку. Не слыхала она от них худого слова.

Александре и теперь становилось не по себе, когда вспоминала она, как перед самой войной мужики привезли на санях свекра. Председатель колхоза послал его на лесозаготовки в соседний лесопункт. На лесоповале были и женщины. Помогая им вытаскивать бревна, свекор оступился, и нога у него попала под тяжелый комель. Приезжал живший за тридцать верст от починка фельдшер. Осмотрел, перевязал рану и велел больного доставить в районную больницу. Свекор заупрямился. И напрасно. Увезли его в город, когда нога совсем опухла и загноилась. Сделали операцию, которой свекор не перенес и умер. А тут война.

Осталась Александра в большом мужнином дому с двумя малыми детьми да старой свекровью, которой частенько нездоровилось.

Набрав сухих веток и связав их веревкой, Александра вскинула на плечо ношу и отправилась в обратный путь. Дома ее ждал неостывший чай, заваренный на брусничном, еще прошлогоднем, листу, и чугунок картошки с солеными огурцами.

— Ешь, — пригласила свекровь, — да иди на ферму, бригадирша уже забегала. Наверное, по сено поедете.

По пути на ферму она встретила почтальона Мишу, отправлявшегося в любую погоду за пять километров на почту в город. Миша отвел глаза: «Не было тебе письмеца, Александра. Может, сегодня принесу». Александра с надеждой посмотрела ему вслед.

А Миша неторопко вышагивал по полевой дороге, и цеплялись за ним давно вымеренные версты, точно не желая выпускать его за деревню. Уж больно хрупок был Миша. Лежать бы ему на печи или лапти плести деревенскому люду. Нет, сам напросился в почтальоны, желая, чтобы хоть какая-нибудь была от него польза.

На ферме суетилась бригадирша, кому-то за что-то выговаривая. Завидев Александру, бросила ругаться. Сказала ей: «Берите лошадей, запрягайте и выезжайте в поле за овсяной соломой. Скоро могут дожди зарядить, нельзя же кормине пропадать».

Только в глубоких сумерках закончился хлопотливый день, каких минуло сотни и каких предстоит пережить несчетное число. В избе под печью лежали, приготовленные к утру, сухие полешки. На шестке стоял чугунок с варевом. Ребятишки спали. Свекровь, как и утром, сказала: «Ешь». И добавила: «Спи, касатушка».

Приснился Александре сон. Будто она попала в незнакомый лес. Кругом хмурые, все в нависях плесени, вековые елки. Сквозь них едва-едва угадывалось хмурое небо. И куда ни пойдет, возвращается обратно, все в тот же лес. А уже день заканчивается.

Села Александра на поваленное дерево: ноги не держат. Вдруг слышит: сорока застрекотала над головой. То сядет на сучок ближней к ней елки, то

взлетит, словно зовет. Вспыхнула надежда в груди, и отправилась Александра за птицей. Так и нашла нужную дорогу к дому.

Утром, растопляя печь, рассказала свекрови про свой сон. Та встрепенулась:

— Сон, конечно, с хорошим концом. Но сама птица — сорока — к пересудам, к предупреждению. Только к какому?

Через пару недель председатель колхоза позвал к себе в правление колхозниц. Начал он, как всегда, издалека. О том, что идет тяжелая война, упомянул о зверствах фашистов на оккупированных территориях, о героизме солдат, о стойкости всего советского народа. О том, что для достижения победы надо трудиться в тылу не только за себя, а за брата, мужа, отца, воюющих с врагом.

И, наконец, разговор подошел ближе к делу, ради чего и созвал женщин председатель.

— К нам в область, а значит, и в наш район, начали прибывать эвакуированные. Наверняка и у нас будут. Надо принять по-человечески, помочь людям, оказавшимся без дома и без куска хлеба.

Женщины тревожно смотрели на своего председателя, перешептывались.

— Что скажете? — спросил председатель.

— А чего говорить? Все ясно. Не оставлять же людей на улице, примем, — сказала Александра.

Минула неделя, другая, но эвакуированные так и не появились в колхозе. Как потом выяснилось, их отправили в соседний район, где был льноперерабатывающий завод. Там не хватало рабочих рук, имелось и жилье барачного типа. Зато неожиданно в деревне появился Иван Саперов. С тощей котомкой за плечами, весь высохший и седой. Убоявшись коллективизации, он покинул родное гнездо еще в 1928 году. Уехал со всей многочисленной семьей. Оставшимся родственникам начал писать только перед самой войной. Оказывается, поселился он в Забайкалье, устроился там на лесозаготовки. И вот теперь стоял он возле своей заколоченной избы с полуразвалившимся крыльцом, не зная, на что решиться.

Александра, возвращаясь с фермы, заметила старика. Его она знала только понаслышке.

— Ладно, — решила она, — в избе места и тебе хватит. Будешь в помощниках у моей свекрови.

Свекровка Евстолия долго всматривалась в Ивана, с которым в молодости ходила на посиделки в соседнюю деревню. Иван был старше ее всего лишь на два-три года. Точно она не помнила.

— И постарел же ты, Иван! Всякого, видно, повидать пришлось на чужой сторонушке.

— Годы не красят, Евстолия. А повидать пришлось всякого, — согласился он. — Уехали беспаспортные, таясь. На хорошую работу без документов оформиться почти невозможно. Завербовался в лесопункт. Жил с семьей в землянке, пока не срубил себе домишко. Как выбился в передовики да детей устроил, стало полегче.

— А чего ты вернулся, если жизнь наладилась?

— Старший сын на фронте погиб. А потом и средний. Младший учится в пехотном училище. Сам я в лесу надорвался. На врачебной комиссии при-

знали инвалидом. Затосковал я. Захотел глянуть на родные места. Здесь и помирать буду.

— А жена как же?

— Жена, слава Богу, здорова еще. Дочери замужние рядышком, помогают.

Евстолия не стала возражать, услышав от невестки, что Иван Саперов останется у них на зиму.

— Валенки подшивать не разучился? — спросила она. — Где-то в амбаре три пары домокатаных лежат. Завтра, ужо, посмотрю.

С тем и легли спать.

* * *

Сентябрь простоял почти весь теплый. Только в конце месяца потянул сиверок, обронив робко первые снежинки. Потом снова степлило. Густой туман облепил деревню. Деревья за околицей были едва различимы, размывчивы. Избы через улицу казались картинками, наклеенными на белую бумагу.

Закончив утреннюю дойку, Александра направилась к колодцу набрать воды. За день к нему приходилось отправляться несчетное количество раз, чтобы напоить стадо. Правое плечо от коромысла с тяжелыми ведрами задубело, покрылось словно коростой.

Туман уже рассеялся, открыв голубое небо. Вытянув деревянную бадью, Александра наполнила ведра и уже собиралась взяться за коромысло, но услышала журавлиный крик. Она взглянула на чистое небо. Низко над осенней землей летела журавлиная стая. Зеленела озимь, деревья роняли последнюю листву, нахмурясь, стояли ельники.

Полыхала в разных краях война, сотнями тысяч гибли люди, многие — так и не успев отлюбить свое, народить детей. Александра проводила взглядом стаю журавлей. А птицы бесшумно скользили. Скоро их клин скрылся за лесом, унося прощальный крик. Отчего-то стало тревожно на душе и горестно. Долетят ли они до Африки, пересекая фронты и моря? Но ничто не остановит птиц в непреклонном полете, как и человека, идущего к желанной цели.

Вот и Дмитрий, подумалось ей, с миллионами солдат идет к заветной цели — к победе. Идет сквозь огонь и кровь. Дойдет ли? Хотелось верить, что останется жив и вернется к ней. Однако тревога не отпускала весь день. Не спалось и ночью. Возился за заборкой Иван Саперов. Сухо покашливала Евстолия. Одни ребятишки посапывали рядом с ней. К рассвету в избе похолодало, и Александра несколько раз вставала с постели и укрывала детишек вечно сползавшим с них одеялом.

Вечером после работы Александра собралась на хутор к женщине-гадалке. Хутор — остатки коренной деревни — стоял рядышком, на краю поля. Когда строилась дорога к большому торговому городу, власти распорядились перенести дома вдоль нового тракта. Избенка Марьи дряхлая, покосившаяся. Зато огород красовался свежими тесаными жердями.

Сын Петька, хотя и не вышел из подросткового возраста, был деловит. Сам вскапывал грядки, садил картошку и овощи. Только огород выручал его с матерью в трудные времена. Старший сын Марьи воевал.

Завернув в чистый платок кусок домашнего хлеба, наполовину состоявшего из картошки, Александра направилась к гадалке. Гадалка сидела на печке возле трубы. Грелась. Увидев посетительницу, кряхтя и охая, стала спускаться по деревянной лестничке на пол.

— Ты ли это, Александра? — спросила она.

— Я самая.

— Погадать? Слышала недавно от почтальона Миши, что писем тебе все нет и нет. Я уж и то спрашивала, не затерялось ли письмецо на почте? Миша ответил, что такого не может быть.

Александра сняла шаль и перекрестилась на красный угол, где в киоте находились иконы. Подала Марье узелок с хлебом:

— Уж не обессудь, что краюшка мала. Нынче в колхозе еще не давали ни крошки зерна.

— Спасибо и на этом, матушка, — молвила Марья. — Сейчас погадаем, узнаем, жив ли твой милушка.

Марья достала из шкафчика, где хранилась немудрящая посуда, старенькие карты. Подула на них, перетасовала и принялась раскладывать их на щербатом столе.

Лампа, заправленная соляркой, малость чадила, но масти карт все же угадывались.

— Жив твой Митрий, жив. Только не в родной стороне, а на чужбине мается. В плену, значит, — сказала Марья.

Александра при этих словах горестно, со слезами, вздохнула. Тяжело поднялась со скамейки и, не прощаясь, вышла в загустевшие предночные сумерки. Она не знала: верить или не верить услышанному. Решила — не верить.

До конца войны она не слышала ничего о судьбе своего мужа. В начале августа сорок пятого года, возвращаясь с отгремевшей войны, зашел в избу переночевать фронтовик из соседнего сельсовета.

— А ведь я тебя, кажется, признал, — сказал за поздним ужином бывший фронтовик.

— Откуда ты меня знаешь?

— На фотокарточке довоенной тебя видел. Стояла с мужем. Дмитрием зовут. Так?

Александру ровно сдуло со скамейки. Она всплеснула руками:

— Не тяни. Рассказывай, что с ним произошло? Жив ли?

Захожий солдат сказал:

— Я с Дмитрием с самого начала оказался в одной команде. Вместе учились военному делу в запасном полку, да не доучились. Как немцы поперли в Белоруссию, нас сразу бросили на фронт. Попали в окружение. Во время бомбежки бросились в придорожный лес. Я видел, как Дмитрий упал на обочину дороги. Убило или ранило — не ведаю, потому как был сильно контужен. Товарищи меня вынесли. Через несколько дней я оклемался. Потом наша часть прорвалась к своим. Воевал дальше. Всякое случалось, однако Бог миловал. Довелось вернуться в родные края. А ты, Александра, пока надежды не теряй. Может быть, и объявится Дмитрий.

Едва рассвело, как солдат стал прощаться. Развязал вещмешок и достал горсточку колотого сахара:

— Твоим ребятишкам. Спасибо за гостеприимство.

* * *

С сыном Александры Колькой я познакомился и подружился, когда пошел учиться в начальную школу.

Колька был старше меня на два года. Выглядел не по возрасту самостоятельным и деловитым. Помогал матери на ферме, доводилось ему быть за пастуха.

Пасли коров в огороженной пригороде. Нередко стадо находило в изгороди проломы, оставленные то ли медведем, то ли лосем, и уходило к дальним сенокосам, лежащим за восемь-десять километров. До ночной темноты разыскивал коров Колька. Он изучил все дороги и тропы в суземе, стал обладать звериным чутьем. С ним я охотно ходил по грибы, зная, что с таким дружком не заблужусь в лесу.

В зимнюю пору, сделав домашнее задание, я отправлялся к Кольке и засиживался иной раз допоздна. Бабушка Евстолия к тому времени достигла самого преклонного возраста — ей перевалило за девяносто, но в бане мылась еще без посторонней помощи. Казалось, прежние хвори совсем отступились от нее.

Иван Саперов тоже был жив. Плел лапти, делал кадушки липовые для различных солений. Охотно соглашался выстрогать лыжи для ребятишек. Для лыж он выбирал по весне небольшие прямые березки, желательно без сучьев. Грубо тесал и затем концы совал под перевод в дровяном сарае. На задние концы навешивал тяжелый груз. Таким образом носки будущих лыж загибались. Потом высушенные заготовки стругал на самодельном верстаке. Прожигал каленым прутом дырки для креплений.

В длинные зимние вечера, испив чаю, Евстолия долго молилась и уходила спать. Иван Саперов начинал нам рассказывать разные бывальщины. А Александра, если выпадала ее очередь, уходила на ферму дежурить.

Позже, повзрослев, я все удивлялся, как она могла столько вынести тяжелого труда, словно родилась двужильной.

Евстолия, иной раз всплакнув, говорила ей:

— Выходила бы ты замуж, Александра. Дмитрия с войны не вернешь. Без мужика все остатные силушки вымотаешь.

Александра хмурилась и ничего не отвечала свекровке. И вот, словно бы учуяв такие разговоры Евстолии, заявился однажды в избу тот самый захожий солдат, сослуживец Дмитрия. Засиделся он недолго.

— Овдовел я год назад. Жена оставила на руках пятерых ребятишек. К тому же работаю бригадиром в колхозе. Все дни дома, почитай, не бываю. Как угорелый: то на ферму, то в поля… Одну работу свалишь, другая приспевает. А дети растут, пригляд за ними нужен. Выходи, Александра, за меня замуж.

Александра покачала седеющей головой, улыбка осветила ее доброе лицо.

— Ладно. Только при одном условии: переезжай со своими детьми ко мне. Изба у меня просторная — пятистенок, да еще мезонин. Вот только двор нужно подрубить, да в баньке печку сложить.

Так Александра неожиданно для себя второй раз вышла замуж.

Евстолия даже обрадовалась. Одобрил это решение и Иван Саперов. А Колька хмурился, но свои мысли держал при себе.

Однажды, лежа с ним на полатях, я поинтересовался, пойдет ли он учиться в седьмой класс.

Колька шепотом сказал:

— Нет, в седьмой класс не пойду. Попрошу у мамы денег и уеду в Крым. Там живет мой дядька, мамин брат. Он преподает в автотехникуме. Попрошу, чтобы устроил учиться, и буду потом шоферить. Повидаю разные города и разных людей. А понравится — совсем останусь в Крыму. Говорят, что там очень тепло, можно круглый год купаться в море. А яблоков всяких сортов — пропасть. Говорят, что там растут апельсины и лимоны. Ты пробовал их?

— Нет, конечно. Откуда у нас такие фрукты, если даже яблоки в магазине не продают. Одна у нас ягода — брусника да клюква. Как приедешь, напиши обо всем.

— Напишу, — пообещал Колька.

Александра, скрепя сердце, отпустила его в Крым к брату, наказывала писать почаще.

Колька осенью на попутной машине уехал на ближайшую железнодорожную станцию. Я не получил от него ни одной весточки. Да и матери он вскоре перестал писать. Видимо, обжился, привык к новому месту и не очень скучал по родной деревне.

* * *

Страна со слезами хоронила Сталина. Некоторое время спустя пал Берия. Наконец, руль управления государством оказался в руках у Хрущева. Отголоски московских событий живо обсуждались взрослыми. Но никто не выражал особого восторга новыми правителями.

Жизнь в деревне ни на йоту не изменилась ни в лучшую, ни в худшую сторону. И Александра Митиха по-прежнему трудилась на своей ферме, на своем огороде, поднимала детишек от нового мужа. По-прежнему не было покоя ее усталым рукам. Годы ее вышли, но ничтожная пенсия не давала возможности отдохнуть, съездить хотя бы раз в жизни в санаторий.

Я заканчивал учебу в средней школе, когда случилось это событие. Уже давно на свете не было почтальона Миши. Его заменила тихая и обходительная тетя Катя. Уходила она на почту к восьми часам утра и аккуратно, ровно через два часа, с толстой сумкой на ремне вновь появлялась в деревне.

Александра встретилась с ней у калитки, поздоровалась и хотела было идти дальше, намереваясь увидеть председателя. Но Катя остановила ее:

— Тебе, голубушка, письмо. Да не наше, заграничное.

И со вздохом протянула иностранное письмо. Адрес был написан по-русски, отчетливо и даже красиво. В почерке Александра почувствовала что-то знакомое. Она взяла письмо и опрометью бросилась в избу.

Душа ее замерла, когда она прочла первые строки:

«Здравствуй, моя дорогая женушка Александра! Пишет тебе твой Дмитрий. Появилась возможность, и я решил рассказать о своей судьбе. После войны уже прошло довольно порядочно времени, но я до сих пор помню, как взял в руки винтовку. Часть наша попала в окружение. Раненым, без сознания, попал в руки немцев. В лагере меня вылечил русский врач, тоже оказавшийся в плену. Из Германии попал в Бельгию, где заставили рабо-

тать на шахте. Когда во Франции высадились союзники, нас освободили. Тогда много ходило слухов о том, что бывших военнопленных в Советском Союзе не жалуют. Я ничем не запятнал себя, не прислуживал фашистам, не был предателем. Но после прочтения газет задумался над своей судьбой. В общем, струхнул и ехать домой отказался. Теперь живу в Канаде, в большом русском поселке. За несколько лет скопил достаточную сумму денег и купил участок земли. Словом, как здесь говорят, стал фермером. Работать приходится много, но не ропщу — работаю на себя. Живу в достатке. Одного не хватает: тебя и милой моей деревеньки…»

Александра, как во сне, дочитала письмо, не особо вникая в смысл. Она поняла лишь одно: Дмитрий жив. И от вести, что он жив, несказанно обрадовалась. И, в то же время, почувствовала себя безмерно виноватой перед ним. При живом муже вышла замуж! Эта мысль не давала ей покоя весь вечер и всю ночь. Сон не шел.

— Успокойся, не вини себя, — встревоженно сказал второй муж Александры Василий. — Кто мог подумать, что случится такое?

Он со вздохом присел на лавку рядом с Александрой и продолжил:

— А что не вернулся домой, так дело не в простой слабости. Действительно, в те времена тысячи людей осуждались безвинно и из одного лагеря попадали в другой, в безвестности пропадали. Вот и посуди, зачем Дмитрию нужно было возвращаться?

— Что же мне теперь делать?

— Отпиши Дмитрию все, как есть, ничего не утаивая.

* * *

Минуло немало лет. Я не знаю, подала ли ответную весточку в Канаду Александра. Жизненная моя дорога кидала меня по разным сторонам большой страны, и даже в Центральную Америку.

Когда я вернулся к родным тропам и знакомым с детства полям и лесам, Александра находилась еще в полном здравии и в преклонном возрасте.

Старый дом сгорел, и колхоз выделил ей комнату с кухонькой в двухквартирном доме, которые тогда строились повсеместно.

На дворе была кампания по поднятию Нечерноземья.

— Жить бы да жить, да осталась одна, — сказала она при встрече. — Нет на свете бабушки Евстолии, Ивана Саперова, Василия, моего Кольки.

— А где Валя, остальные ребята от Василия?

— Разъехались. Никто не пишет. А уж я ли за ними не ухаживала, ни в чем не отказывала? И то сказать — жили небогато. Может, потому и забыли про меня?

Александра заплакала. Нечем было утешить старую женщину.

Тишь стояла над деревней, переживающей очередную катастрофу. Пожалуй, пострашнее той, которую она вынесла на себе в военные и послевоенные годы. На улице лишь изредка встречались пожилые люди. Молодые разъехались в поисках работы, в поисках лучшей доли, и детишек можно было перечесть на пальцах. Стало быть, некому будет пахать и сеять, продолжать род людской.

Горькая тишь стояла над деревней. И одиноко в окошечко смотрела мне вслед Александра.

Анатолий ХАЗАНОВ

50 ЛЕТ В ХРАМЕ ВОСТОКОВЕДНОЙ НАУКИ

Анатолий Михайлович Хазанов — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, действительный член Лиссабонского географического общества. Родился в 1932 г. в городе Благовещенске. Окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова. Работает в Институте востоковедения РАН. Автор трех десятков монографий и более 300 статей. Профессор кафедры теории и истории международных отношений МГЛУ. Имеет многолетний опыт преподавательской работы. Под его руководством подготовлены и защищены диссертации более 30 кандидатов и двух докторов наук.

Продолжение. Начало в № 1 за 2016 г.

В каком-то неопределенно-скучном настроении встречал я летние каникулы 1949 года. Только что были сданы экзамены, и прямо-таки распирала гордость от сознания, что я уже десятиклассник. Впереди маячила радостная перспектива — в летние каникулы можно было пожить свободной жизнью свободного от забот человека.

Из событий этого лета запомнилось два. В одно из июньских воскресений вся наша семья и несколько сотрудников отца отправились на грузовике в город в дом отдыха «Дом учителя» (около Карабихи). Поездка на машине доставила неизъяснимое удовольствие. Я сидел в кузове, высоко подпрыгивая на ухабах, длинные волосы развевались на ветру, на душе было легко, как будто ветер наполнял и раздувал ее как широкий парус. Компания расположилась возле речки, на полянке. Выпили, закусили, смеялись и шутили. Было очень весело. Пикник удался на славу. Из города наехало много людей. Это было настоящее народное гуляние, с танцами, песнями и, само собой разумеется, с драками. В городе мне редко покупали мороженое. А тут вдруг родители расщедрились, и я съел в течение дня не менее десяти порций. К концу дня испортилась погода и настроение, и часов в 6 вечера компания тронулась в обратный путь.

Второе событие произошло на следующий день и оставило в моей памяти, в противоположность первому, довольно неприятные воспоминания. Я и мой одноклассник Юра Берштейн решили покататься по Волге. Взяли лодку на лодочной станции. Погода была чудесная! Летний теплый воздух ласкал наши лица, трепал волосы. На душе было легко и весело. Все сулило приятную прогулку. Гребли по очереди, гребля

доставляла несравнимое удовольствие и блаженство. Ритмичное скольжение лодки по зеркальной волжской воде успокаивало нервы. Навевало приятные воспоминания, мысли и мечты о будущей жизни. Мы остались в одних плавках, беззаботно болтали, смеялись, впитывали в себя волжский воздух. Незаметно отплыли от лодочной станции довольно далеко и оказались в устье реки Коростль. Но совершенно внезапно над нашими головами раздался оглушительный раскат грома, засверкала молния, и хлынул страшный тропический ливень. Началась жуткая гроза. Мы порядком струхнули, лодка стала быстро наполняться водой, казалось, вот-вот она пойдет ко дну. Я и Юра гребли изо всех своих силенок. Кое-как нам удалось добраться до берега. С трудом вытащили лодку на берег, пытались перевернуть ее, чтобы укрыться под ней от дождя. Но лодка оказалась чересчур тяжелой и чуть не погребла под собой юных бедолаг. На наше счастье мы увидели неподалеку другую перевернутую лодку, под которой спрятались два парня. Мы стремглав бросились к ним просить «крова и защиты». Дул пронизывающий холодный ветер, и в самом буквальном смысле слова зуб на зуб не попадал. Ждать под лодкой конца грозы означало подвергнуть себя риску серьезно простудиться и заболеть, и мы приняли смелое решение — плыть к лодочной станции.

Но едва мы отплыли от берега, как свирепствующая гроза обрушила на нас ниагарский водопад с градом. Мы сели на весла и гребли остервенело и в каком-то полузабытьи, гребли как каторжники на галерах. Лодка наполовину заполнилась водой, волны швыряли ее как щепку из стороны в сторону. Как мы не утопили ее и не утонули сами — осталось для нас загадкой. Было жутко и радостно от пережитого приключения.

В эти минуты я вспомнил повесть «Буря» И. М. Майского, то место, где он описывает свою поездку на лодке с Мишей Марковичем во время экзаменов, в бурю… Но у меня и у Юры ситуация была, пожалуй, пострашнее…

Пристав к левому берегу, мы бросили лодку и вбежали в какую-то избушку. Там занялись гимнастикой, разогрелись и переждали грозу. Самое удивительное, что даже насморка не последовало. Единственным неприятным последствием этой истории была нахлобучка от родителей за потерю зеленой шелковой рубашки, которую мне накануне подарили на день рождения.

В то же лето я навестил своего старшего брата Бориса, учившегося тогда в МИИТе (Московском институте инженеров транспорта имени Образцова). Я был в Москве проездом, так как направлялся в Ясную Поляну. С большим трудом мне удалось отыскать Александровский переулок, где находилось Борино общежитие. Незамеченным проскочил мимо вахтера и без труда нашел Борину комнату. Постучал в дверь. Услышал заспанный, но такой знакомый голос. Радостно забилось сердце. «Открывай! Чего там!» Дверь открылась, и я увидел родную и такую дорогую для меня фигуру брата в кальсонах. Он щурился от света и протирал глаза. «Боря!» Он, конечно, очень удивился, неожиданно увидев меня. Оба от счастья прослезились. После поцелуев и объятий Боря быстро оделся, умылся, сбегал в магазин и купил хлеба и масла. Сахар без лишних церемоний взял из чьей-то тумбочки (у них коммуна).

Позавтракав по-студенчески скромно, мы отправились гулять по Москве. Наболтались досыта, катались на лодке в парке ЦДКА, посмотрели в кинотеатре «Мир» «Цыганский барон». Обедали в студенческой столовой,

ночевал у брата. Утром Борис проводил на вокзал, и я отправился в Тулу, а оттуда в Ясную Поляну.

Жизнь как быстрая река: безудержно течет и ничто не в силах приостановить ее движения, она течет то спокойно и плавно, то вдруг натыкается на подводные камни, обходит их, бурлит или увлекает с собой. Как реки бывают самые разные: длинные и короткие, широкие и узкие, бурные и тихие, так и человеческие жизни все неодинаковы — от великих до самых ничтожных. Какая жизнь ждет меня? — такие мысли родились в моей голове в те незабываемые минуты, когда мне вручали аттестат зрелости в школе № 44 города Ярославля.

Это происходило в знаменательное время. За несколько месяцев до этого, 21 декабря 1949 года, вся страна и весь «прогрессивный» мир отмечали «славное» 70-летие И. В. Сталина.

К тому времени под влиянием ежедневного, ежечасного промывания мозгов силами школьных учителей и официальной пропаганды я уже был убежденным и законченным сталинистом. В своем дневнике в конце декабря 1949 года я записывал: «Какой гигант, какой светлый ум! Какая яркая жизнь! Вот на кого я хотел бы быть похожим… 19 декабря я делал на родительском дне у нас доклад о жизни и деятельности И. В. Сталина. Ко дню юбилея я в минуты какого-то вдохновения сочинил стихи “Слово к товарищу Сталину”, которые поместили в школьную стенгазету».

В десятом классе я впервые испытал чувство любви. Я не на шутку влюбился в учительницу истории Людмилу Михайловну Двойникову. Это была молодая, симпатичная и очень эрудированная девушка. Я робел перед ней и как-то стеснительно чувствовал себя в ее присутствии. Позже я много раз задавал себе вопрос: не из этой ли первой робкой любви к учительнице истории родилась моя любовь к истории?

Уже будучи учеником десятого класса, весной 1950 года, я оказался соучастником криминальной акции. Ребята принесли во Дворец пионеров немного йодистого азота и насыпали его на пол в зале, в проходе между рядами. Когда начался концерт, кто-то прошелся между рядами и послышался треск. Ребята где-то слышали, что в малом количестве эта штука совершенно безопасна не только для жизни, но даже для ботинок. Но неожиданно начался такой треск, что они сами испугались. Ничего не понимающие зрители начали метаться по залу. Десятиклассников выгнали из зала. Я стал участником теракта.

Во время экзаменов на аттестат зрелости у меня окончательно созрело решение поступить учиться на исторический факультет МГУ. Вначале я мечтал о поступлении в МГИМО, но когда мне сказали, что евреев туда не берут, я оставил эту мысль. Конкурс в МГУ на истфак был по тем временам крепкий: 12 человек на место. На сочинении я выбрал тему «Сталин — знаменосец мира». Вставил в него стихотворение «Слово к товарищу Сталину». На экзамене по истории «блеснул», и доцент Сахаров сказал: «подготовка у вас вполне достаточная, чтобы поступить на истфак». Я сдал экзамены на «отлично» и был зачислен студентом МГУ. Обуреваемый радостными чувствами, сочинил стихи:

Закрылось детство пеленою,
Прошли года забав и игр,
Мы видим юность пред собою,
Мы видим новый светлый мир.

Зажгитесь юности огни!
Мы рассчитались с детством, браво!
Нас ждут студенческие дни,
Нас ждет любовь, работа, слава!

Первые же дни учебы в МГУ целиком меня захватили, до краев наполнили чувством восхищения, гордости, неуемным желанием получить как можно больше знаний. В те дни я писал в письмах домой папе и Лиленьке, что «учеба поглотила меня целиком до самых бровей». Я с благоговением, трепетом и почтением, боясь пропустить хоть одно слово, слушал лекции историков: Б. А. Рыбакова (История СССР), В. И. Авдиева (История Древнего Востока), А. В. Арциховского (Археология), Б. Н. Грекова (Древняя Русь), С. П. Толстова (Этнография) и др. Помню, А. В. Арциховский начал первую лекцию такой фразой: «Археология — это история, вооруженная лопатой».

Поселили меня в студенческом общежитии на Стромынке, 32 (на берегу реки Яузы), в том самом, в котором жили М. С. Горбачев и Р. М. Горбачева. Условия были далеко не комфортабельными. В комнате жили 16 студентов. Но жили дружно и весело.

В моем дневнике я нашел такую запись: «12 декабря 1953 года умерла всеми нами горячо любимая и родная Лиленька … Меня как будто ударили чем-то тяжелым по голове, и я буквально упал под тяжестью этого страшного горя, так внезапно и беспощадно обрушившегося на нашу семью. Лиленька заменила мне мать, когда мне было всего 10 лет. Она меня взрастила и воспитала, и всем, что есть во мне хорошего, я обязан ей. Она была мне больше, чем мать: она была и другом, сердечным, искренним, преданным, с которым можно было говорить обо всем, и который всегда умел дать нужный совет, умел успокоить и одобрить в самые нужные моменты жизни. Как любил я просиживать с Лиленькой незабываемые ночные часы, когда все в доме уже спали, и когда я поверял ей свои самые сокровенные мечты, мысли…

Какой это был замечательный человек! Какая у нее была светлая голова, какая огромная эрудиция и какое поистине поражающее знание жизни и людей! Она была уникальным человеком, совмещавшим в себе светлый ум, образованность, редкую начитанность с огромной энергией, кипучим темпераментом и неиссякаемым оптимизмом».

Большое влияние на мое интеллектуальное и духовное развитие, безусловно, оказал мой отец. Это был человек исключительно умный и талантливый, хотя и не получивший серьезного образования. Папа любил говорить: «Я закончил четыре класса и пятый коридор».

Несмотря на это, он работал начальником Автотранспортного треста города Ярославля, руководил всем городским транспортом.

У него была феноменальная память. Например, он помнил чуть ли не все телефоны в городе, и к нему часто звонили, как в справочное бюро.

Папа дал мне несколько мудрых советов, которые очень пригодились мне в жизни. Он говорил: «Никогда ни о чем не стоит переживать, кроме двух вещей: здоровье твоих близких и здоровье твое собственное».

И второй его совет, который я запомнил на всю жизнь и который меня сберег от многих несчастий: «Толя, никогда не лезь в политику. Занимайся чем угодно — наукой, литературой, журналистикой, но только не политикой».

И, наконец, третий, не менее мудрый его совет, который стал моим жизненным кредо: «Толя, запомни: когда у тебя будет возможность, всегда старайся делать добро людям, и в один прекрасный день ты обнаружишь, что у тебя много друзей».

В школе я очень любил гуманитарные науки и терпеть не мог точные. Много читал художественной литературы и даже вел «Дневник моих знакомств с мировыми классиками». Он сохранился, и из него видно, что уже в школьные годы я основательно проштудировал Шиллера, Гете, Белинского, Добролюбова, Толстого и многих других писателей.

Очень хотел поступить в Литературный институт имени А. М. Горького. В дневнике (17 июля 1948 г.) есть запись: «МЛИ мне пришелся по вкусу. Как всегда в таких случаях, принял решение: 1. Окончить 10 классов с медалью; 2. Продолжать серьезное изучение мировой литературы; 3. Продолжать с большей серьезностью собственное творчество и написать не менее: 15 стихотворений, 3-х рассказов и одной книги (повесть, роман)». Все это я выполнил, кроме одного — медаль получить не удалось из-за проклятой математики.

Правда, поступил я не в Литературный институт, а на исторический факультет МГУ. О нем В. П. Смирнов справедливо писал: «В послевоенный период исторический факультет МГУ был одним из лучших — если не самым лучшим в СССР — высшим учебным заведением исторического профиля. Его главное достоинство состояло в том, что там преподавали крупные ученые, а общение со специалистами высшего уровня ничем нельзя заменить при подготовке к научной работе. В нескладных аудиториях старого обветшалого здания на улице Герцена, дом 5, где с 1934 года размещался истфак, тогда можно было встретить известных советских историков… На истфаке работали многие прекрасные, высококвалифицированные, любящие свое дело преподаватели, которые прививали студентам профессиональные навыки: учили анализировать документы, разбираться в научной литературе, обучали иностранным языкам». «Я очень доволен, что поступил на истфак. История — это замечательная наука, которая позволяет нам познать прошлое и тем самым узнать будущее, заглянуть в это будущее», — писал я, будучи «зеленым» первокурсником. Сейчас с высоты прожитых лет я думаю то же самое и могу подписаться под этими словами.

Любовь к истории сохранилась у меня на всю жизнь, и я по-прежнему считаю ее самой интересной из всех наук.

Муза Клио — это самая большая и всепоглощающая любовь всей моей жизни.

Перелистываю страницы дневника, в котором я даю характеристику нашим преподавателям. «Историю Древней Греции нам читал Зельин. Это крупный ученый, который вел у нас и семинары. Он всегда старается докопаться до самой сути дела, любит, чтобы студенты доходили до всего сами и чтобы они высказывали свои собственные суждения по тому или иному вопросу. Эрудиция у него баснословно огромная. Его любимый конек — источники и историография. Лекции по этнографии нам читал знаменитый С. П. Толстов. Профессор Сергей Павлович Толстов произвел на меня неизгладимое впечатление. Прекрасно сложенный мужчина со смуглым от среднеазиатского солнца лицом в вышитой украинской косоворотке, первое время он нам напоминал скорее украинского косаря, но только не ученого

с мировым именем. Но вскоре его лекции захватили нас всех. Расхаживая по аудитории, размахивая руками и делая небольшую паузу после каждой фразы, Сергей Павлович излагал нам основы этнографической науки, и перед нашим мысленным взором проплывали громадные материки и маленькие острова с их разнообразными обитателями, расширялись горизонты наших знаний. Открывались во всей полноте и сложности бесконечное многообразие и пестрота окружающего нас мира».

«Особенно сильное впечатление произвели на меня лекции по Древнему Риму А. Г. Бокщанина. Он обладает поистине колоссальной эрудицией. В своих лекциях он связывает излагаемый им материал с современностью, делает образные сравнения, проводит исторические параллели, постоянно производит экскурсы в самые различные отрасли человеческих знаний и оттого его лекции становятся живыми и многокрасочными. Громадный запас знаний дополняет необычайное искусство красноречия, которым обладает этот замечательный преподаватель.

Я восхищался его техникой чтения лекций. Какие аристократические манеры, искусная мимика, жестикуляция! На его лекциях можно было услышать, как пролетит муха. Он держал аудиторию в необычайном напряжении. Все жили в эти минуты только тем, о чем так увлекательно и живо рассказывал нам профессор Бокщанин. Он был поистине артистом на кафедре, который буквально завораживал аудиторию.

Вот именно такими я представлял знаменитых старых дореволюционных профессоров МГУ, лекции которых в свое время пользовались громадной популярностью у студенческой молодежи. Слушая лекции Бокщанина, я невольно вспоминал то, что я читал о лекторском искусстве Грановского, Соловьева, Ключевского, на лекции которых стекалось огромное количество слушателей. К его лекциям можно было бы поставить эпиграфом “И дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней хранил он в памяти своей”.

Как расширился наш кругозор, повысился культурный уровень, как полюбили мы историю благодаря Анатолию Георгиевичу! Я и еще несколько ребят написали ему на последней лекции теплую благодарственную записку, в которой отметили, что если нам когда-либо придется стоять на профессорской кафедре, мы будем стараться во всем походить на А. Г. Бокщанина».

Прошло много лет после того, как я сделал эту запись в дневнике, и я пришел к выводу, что жизнь любого человека зависит от трех вопросов: У кого родился? У кого учился? На ком женился?

На втором курсе, занимаясь в семинаре по истории СССР у Петра Павловича Епифанова, работал над докладом «Из истории англо-русских отношений при Петре I. Аландский конгресс». Для этого записался в историческую библиотеку. Там отыскал редкие источники, в том числе «Журнал или поденная записка Петра Великого». Эту «записку» мне дали чуть ли не под страхом смертной казни. Провели в какой-то особый кабинет и усадили за стол, на котором я, к своему ужасу, увидел надпись: «Стол академика Гордлевского».

Но потом, преисполненный чувством гордости и священным трепетом, стал просиживать целыми днями. Наконец, наступил день, когда я зачитал свой доклад на семинаре и испытал большое удовлетворение, когда удостоился похвалы Петра Павловича Епифанова. Как много значит для начинающего историка одобрение мэтра! Оно буквально окрыляет и дает решительный импульс для всей его последующей научной карьеры!

После окончания второго курса я записал в дневнике: «Интенсивный курс лекций по истории Средневековья Ближнего Востока читал нам профессор Б. Н. Заходер. О нем я слышал, еще учась в 10-м классе, от нашей учительницы истории Людмилы Михайловны Двойниковой. Она училась в Ярославском пединституте как раз тогда, когда там преподавал Заходер.

Содержательным был курс лекций по истории Средних веков, прочитанный нам профессором Сидоровой. Огромное впечатление производила на всех ее феноменальная память. Она читала абсолютно без всяких записей, цитируя на память целые страницы латинского и русского текста из средневековых хроник».

«Семинаром по истории Средних веков руководил член-корреспондент АН СССР Сергей Данилович Сказкин. Я был от этого в полном восторге. Но вскоре его заменили З. Удальцовой. Тема семинара: “Византия и южные славяне в средние века”».

«На семинаре по истории СССР я зачитал свою курсовую работу “Пестель — вождь Южного общества”. Работал над нею очень много. Тема меня глубоко заинтересовала, и я привлек солидное количество источников и литературы. Доцент И. А. Федосов дал моей работе очень высокую оценку, пообещав отправить ее на конкурс лучших студенческих работ. Надо сказать, что И. А. Федосов дал нам очень и очень много. Это талантливый, хотя и молодой ученый, прекрасный педагог и обаятельнейший человек. Он привил нам навыки самостоятельной работы. Как парторг факультета, Иван Антонович однажды вызвал меня к себе на конфиденциальный разговор. Он говорил со мной по поводу выбора специализации и звал к себе на кафедру истории СССР.

Я уже упоминал, что в юности (вплоть до 1956 года) был убежденным ортодоксальным сталинистом. Это подтверждает запись в моем дневнике от 2 мая 1952 года. Поскольку я, как историк, должен быть документально точным, приведу ее без изменений.

«1 мая часов в 12 дня наша университетская колонна вступила под звуки оркестра на Красную площадь. Сразу же по рядам пронесся разочарованный гул: “Сталина нет!” Но вдруг громовые крики и аплодисменты потрясли площадь. Они все нарастали и уже слились в какой-то невероятный шум. Мы увидели, как по лесенке мавзолея медленно поднимался Сталин. В общем порыве кричал “Ура!”, напрягая голосовые связки сверх их возможностей. Сталин встал посередине трибуны, улыбаясь и приветствуя нас, поднимал правую руку. Мы что-то кричали, не в силах сдерживать себя от захлестывающих нас чувств восторга, радости и гордости».

В мае 1952 года началась обычная предэкзаменационная страда. По истории Средних веков нашу группу экзаменовали порознь З. В. Удальцова и аспирант Литаврин. Я попал к Литаврину. Отвечал насчет борьбы пап с императорами и потом о гугенотских войнах во Франции. Мой ответ ему пришелся по душе и был отмечен как лучший. Через неделю я сдал на «отлично» историю СССР XIX века Федосову, хотя сам не был доволен своим ответом. Правда, мне почти не дали говорить, так как Федосов и без экзамена меня хорошо знал по семинарам.

После сессии нас отправили в военный лагерь на 20 дней. Я писал в дневнике: «Я, совершенно непривычный к тяжелым условиям солдатской жизни, переносил новую обстановку труднее, чем другие. Мне было тя-

жело, и я часто выслушивал резкие, но справедливые замечания и окрики командиров.

Особенно жгучий стыд испытал я однажды на утренней поверке, когда ротный распекал меня перед строем за опоздание на построение и за неправильно пришитые погоны.

Жестокий распорядок дня, 8–10-часовые занятия, грубая пища и страшная жара — все это было для нас тяжело и непривычно. Страшные муки вначале причиняли тяжелые сапоги. Частенько мы спали буквально в воде, так как палатки протекали и во время дождя вода текла прямо на нас. Во время поверок и смотров приходилось подолгу стоять по стойке "смирно" под проливным дождем. Почти ежедневно топали мы в 30-градусную жару в полной амуниции по 8–10 часов до боли в суставах, до отвратительного состояния расслабленности, переходящей порой в изнеможение. Но все же это был полезный урок, давший, во-первых, физическую закалку и, во-вторых, знакомство с армейскими порядками и солдатской жизнью». Этот опыт двадцатидневной солдатской жизни мне пришлось повторить снова после четвертого курса.

Летние каникулы были омрачены горем, свалившимся на нашу семью. Тяжело заболел отец. Случилось это совершенно неожиданно. Утром отец встал в очень хорошем состоянии, оделся, позавтракал и уже надел фуражку, собираясь идти на работу. Но не успел дойти до двери, как упал от нечеловеческой боли. Ощущение, по словам отца, было такое, как будто что-то оборвалось. А затем внутри тела словно налили керосин и подожгли. Врачи определили инфаркт. Две недели отец пролежал неподвижно на спине. Это было страшное время. Что пережил я, трудно описать.

С третьего курса у нас была специализация, и меня зачислили на Новую и новейшую историю. В дневнике я записал: «Специализация эта очень интересная, и мне необычайно нравится. Что касается перспектив на будущее, то они неплохи. По этому вопросу я разговаривал со многими, в частности с Григорием Николаевичем Севостьяновым (будущим академиком, главным редактором журнала «Новая и новейшая история»), который читает нам спецкурс по истории Америки. Он утверждает, что наш выбор самый правильный из всех возможных, и большинство из нас смогут заниматься научной работой».

Этот прогноз Григория Николаевича оказался верным. На третьем курсе семинар по Новой истории вел Анатолий Сергеевич Черняев — будущий помощник Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М. С. Горбачева.

О нем в моем дневнике сохранилась такая запись: «Черняев — молодой, но бесспорно талантливый ученый и педагог. Он приучает нас к самостоятельности суждений. Прививает нам умения делать теоретические обобщения и выводы из конкретных исторических фактов». Далее в дневнике читаю: «В прошедшем семестре я, между прочим, самостоятельно взялся за изучение испанского языка. Вернее, не совсем самостоятельно. Со мной в комнате живут испанцы, и я не преминул этим воспользоваться. Я попросил Хуана Дуке, с которым у меня давно установились дружеские отношения, помочь мне в этом, и он ежедневно уделял 1–2 часа занятиям со мной. Конечно, это было небескорыстно — я помогал Хуану в написании докладов и курсовых работ. Через месяц после начала занятий я уже мог сносно объясняться с нашими испанцами на бытовые темы».

Во время учебы на третьем курсе я познакомился и подружился с человеком, которому суждено было стать самым близким и лучшим другом моей жизни («амиго де корасон», как говорят испанцы). Об этом суперважном для меня событии есть такая запись у меня в дневнике: «Особенно я сдружился с Багратом Сейраняном. Это замечательный парень, открытый, компанейский, необычайно веселый и жизнерадостный. Вместе с тем он невероятно широко эрудированный, умный и талантливый человек… Баграт Сейранян — очень оригинальный, незаурядный парень. Больше всего мне нравится в нем его неиссякаемый оптимизм, неистощимый запас веселья, умение наслаждаться жизнью и любить жизнь.

Баграт обладает живым умом, ярким воображением и весьма большой эрудицией. По вопросам искусства, особенно музыки и вокального искусства, ему, бесспорно, принадлежит пальма первенства по сравнению со мной и среди всех знакомых мне студентов. Он и сам хорошо поет. Особенно мне нравится в его исполнении репертуар Рашида Бейбутова. Баграт по национальности армянин, но родился и жил в Тбилиси. Отец — историк, кандидат исторических наук, отсидел большой срок в сталинском ГУЛАГе. Мать — преподавательница русского языка. Обоих его родителей я хорошо знал, так как бывал в Тбилиси и отдыхал вместе с его семьей на Черном море.

С Багратом мы крепко сдружились, не расставались с ним буквально ни на час. Я приучил его ежедневно ездить вместе со мной и в Ленинскую библиотеку. Там мы вместе занимались, потом шли обедать и вместе шли в университет на занятия. С ним всегда было весело и хорошо. Неисчерпаемый оптимизм заключался в этом человеке!»

И вот наступил великий 1953 год — год смерти тирана.

Я никогда не забуду это холодное мартовское утро, когда в 6 часов утра все общежитие на Стромынке было разбужено голосом диктора Левитана, принесшего эту весть, казавшуюся тогда страшной. Умер Сталин! В первую минуту невозможно было даже осмыслить значение этих двух слов. Смерть и Сталин представились совершенно несовместимыми понятиями.

Несколько дней я ходил как завороженный. Я не мог ни о чем другом думать, кроме потрясшего меня, как и всех, горя. В голове родились рифмованные строчки.

Слова, от которых волосы встали, / Радиоволны в эфир несут: / Вчера скончался товарищ Сталин / В 9 часов 50 минут. / Многое видел земной шар, / К ударам привыкла наша планета, / Но мог ли ее потрясти удар / Бóльший, чем страшная фраза эта? / Время остановило бег, / Миллионы людей во всем мире встали. / Умер самый большой человек — / Умер товарищ Сталин. / Смерть оказалась сильнее врачей. / Сталин лежит в Колонном зале, / Не нужно громких фраз и речей, / Мы болью сердец уже все сказали. / Люди идут через этот зал, / И среди них не найти такого, / Который бы жизнь свою не отдал / За то, чтобы он произнес хоть слово.

Листая дневник, останавливаю свой взгляд на записи 5 марта 1953 года: «Никогда не забуду бушующего моря людей, заполнивших улицы Москвы и живущих лишь одной мыслью, одним желанием: попасть в Колонный зал, чтобы проститься с ним. Рано утром все обитатели нашей

комнаты отправились в центр. Мы вышли на станции метро “Кировская” (нынешние “Чистые пруды”) и влились в длинную вереницу людей, идущих в Колонный зал. При этом во второй раз я шел в ближайшем к гробу ряду и рассмотрел Сталина очень хорошо. Он лежал в спокойно-величественной позе, сильная бледность и легкая желтизна бросались в глаза при первом же взгляде в его лицо».

В день смерти Сталина в нашем Доме культуры МГУ выступал поэт К. М. Симонов. Он пустил слезу и клялся, что напишет поэму о жизни Сталина. Меня тогда это крайне удивило и, может быть, поэтому я это хорошо запомнил (много позже я узнал, что «СССР» некоторые расшифровывали так «Смерть Сталина спасет Россию»).

Кстати, в этом Доме культуры в студенческие и аспирантские годы я видел и слышал многих знаменитостей: Насера, Цукарно, Мао Цзэдуна (он приезжал в 1957 году).

Мао Цзэдун, помнится, после банкета у ректора Петровского был изрядно навеселе. Он пришел к нам на этаж, сел в гостиной и начал беседовать со студентами через переводчика — китайца. Он производил впечатление живого, веселого и общительного человека. Он повел речи, которые тогда удивили нас. Это было время после XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности, а он, к нашему величайшему удивлению, сказал: «Вы всегда помните, что этот подарок — университет — оставил вам Сталин. Даже при Ленине такого университета не было» и т. д. и т. п.

Мы тогда еще не знали о назревших разногласиях между Москвой и Пекином и приписали эти слова слишком большой дозе спиртного, выпитой Мао на банкете. В конце беседы Мао просил обучить его русскому слову «спасибо».

В Доме культуры я видел турецкого поэта Назыма Хикмета. Помнится, он начал свое выступление так: «Москву я очень уважаю, потому что в Москве я в первый раз подрался, в первый раз напился и в первый раз влюбился». Ну, после такого вступления симпатии студенческой аудитории, разумеется, им были сразу же завоеваны.

В конце апреля 1955 года в Доме культуры выступал известный переводчик Левик. Читал свои переводы стихов Ронсана, Готье и Бодлера.

Особенно мне понравился Бодлер. Его так же, как и Готье, у нас долгое время не переводили, так как они числились в «проскрипциях» поэтов-декадентов. За одну строчку, где поэт говорит, что ради своей возлюбленной он готов отказаться от прав гражданина Франции, его стихам отказывали в правах гражданства и мировой литературе (забывая при этом, о какой Франции какого времени шла речь).

Бодлер — человек, боровшийся своим оружием против окружающего его общества, глумившийся над всем и вся, бросивший вызов тому миру, в котором он жил. Он участвовал в революции 1848 года, хотя позже уверял, что пошел на баррикады с единственной целью — убить своего отчима — генерала. Не видя выхода, Бодлер пытался уйти от опостылевшей ему жизни, окунувшись в омут разврата, пьянства, наркомании (он нюхал гашиш, морфий и т. д.).

Из его стихов самое большое впечатление на меня произвели «Альбатросы», «Падаль», «Лебедь», «Старухи». По поводу последнего Левик сказал: «Добрее и гуманнее стихотворения я не знаю в мировой поэзии».

«Продолжаю запись о втором семестре третьего курса. Учиться было еще интереснее, чем раньше. Лекции по истории СССР нам читали профессора Городецкий и Найденов (слепой, но очень толковый кандидат наук). Новую историю (1870–1917 годы) читал доцент Застенкер. Хотя с ним у меня связаны неприятные воспоминания (именно он поставил мне единственную за все годы учебы в МГУ четверку), тем не менее, я считаю Застенкера умницей и великолепным лектором. Его лекции не только были насыщены глубокими мыслями, но и преподносились нам мастерски. Они чуть-чуть приправлялись тонким и едким застенкеровским юмором и приносили Застенкеру заслуженные лавры любимца студентов.

Только много лет спустя я узнал, что Наум Ефимович Застенкер (1903–1977) прожил тяжелую жизнь. Он родился в Воронеже, в семье жестянщика. В 1931 году окончил институт Красной профессуры, где был учеником академика В. И. Волгина. Тогда же появились его первые публикации, о которых пишет: «Перечитывая сейчас эти работы, которым уже исполнилось более 70 лет, можно задать вопрос: чем интересны современному читателю старые исторические исследования? Мне кажется, такие работы интересны прежде всего аккумулированным в них фактическим материалом. Они также важны для понимания времени, в котором работал историк; для понимания его концепций, менталитета, психологии, научного метода»[1].

В июле 1937 года Н. Е. Застенкер был арестован «по списку» как сотрудник Свердловского обкома ВКП(б), вслед за арестом первого секретаря обкома. Вскоре арестовали его жену. Всемогущая «тройка», выносившая приговоры, отправила его дело на доследование, а тем временем Ежов сам оказался в тюрьме. Пришедший ему на смену Берия распорядился освободить часть заключенных. В их числе были освобождены Застенкер и его жена. Арест и тюрьма не сломили их, и вскоре Наум Ефимович возобновил свою преподавательскую и научную работу в Свердловском педагогическом институте.

Политэкономию нам читала Азарова, в которую все мы были влюблены. Она пленяла всех не столько содержанием своих лекций, сколько внешностью, манерой держаться на кафедре, вызывающей немое восхищение мужской половины аудитории. Казалось, Азарова учла опыт Полины Виардо, которая на вопрос о том, как она добивается успеха на сцене, ответила: «Прежде всего, я женщина, а потом уже актриса».

Новую историю нам читали Симоновская, Губер, Эренбург и знаменитый Рейснер. Особо надо отметить лекции А. Ф. Миллера по истории Турции.

Неизгладимое впечатление в моей памяти оставили блестящие и по форме, и по содержанию лекции Игоря Михайловича Рейснера. Как сейчас слышу его неторопливую, четкую, сильно грассирующую речь, его увлекательнейшие рассказы об Индии и Афганистане, изобилующие интереснейшими фактами, оригинальными мыслями и тонким и едким юмором. Почему-то запомнилась его фраза: «Этот факт, несмотря на бешеное сопротивление редакторов, мне все же удалось протолкнуть в мою книгу», а также его афоризм: «Если Индия является замком к Азии, то Афганистан — ключ к этому замку».

---

[1] *Смирнов В. П.* Портреты историков // Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 214.

ПОЭЗИЯ

Андрей ФРОЛОВ

«РОДИНА ЛЮБИМЕЙ НЕ СТАНОВИТСЯ, РОДИНА СТАНОВИТСЯ НУЖНЕЙ»

Андрей Владимирович Фролов — родился в 1965 г. в Орле. Окончил Орловский строительный техникум, после чего два года служил в рядах Советской армии, работал — от плотника до инженера. Автор четырех книг стихотворений и сборника рассказов. Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды» и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова. Член Союза писателей России, ответственный секретарь Орловской писательской организации **Живет в Орле.**

* * *

Линялый август…
Встать до солнца,
Когда еще вознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние еще висят;
Набросив — так,
на всякий случай, —
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нем, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез…
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

* * *

В период коротких закатов
Кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
А воздух холодный — упруг.

Ночная тревожная птица
Визгливо ругает росу…
И очень легко заблудиться
В себе, как в дремучем лесу.

СВАДЬБА

На́ два дома поделено счастье:
Невзирая на серенький дождь,
Шумно, весело едет венчаться
Из обеих семей молодежь!

Чинны сваты, задиристы сватьи,
Поцелуи по-русски — взасос,
На невесте шикарное платье,
Море радости, толика слез!..

Все путем, по обычаям древним:
Пир горой…
Да ведь речь не о том.
В этой, Богом забытой, деревне,
Почитай, уже есть третий дом!

МУЖИЦКИЙ РАЗУМ

Избу поставить — разом!
Работа не за страх.
Гудит мужицкий разум
В мозолистых руках.

На море и на суше
В любых делах мастак.
Он даже бьет баклуши,
Отнюдь, не абы как.

Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен — ну!
Сопит мужицкий разум,
Прет на себе страну.

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка ведьма,
Мол, ей и сглазить — плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи — не указ.

Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым бела
И подозрительно здорова…
До той поры, как померла.

С кончиной каверзной старухи
Утихомирилась молва…
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны —
Просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна —
Мол, коту под хвост труды, —
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Все стращает пацанву:
— Вот ужо, кого споймаю —
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
— Дурна старуха —
Нешто слопать все одной?

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висели дома на высоких дымах —
Отчаянно печи чадили в домах,
И в каждой четвертой по счету печи
Румянили к Пасхе бока куличи.
Клубился ванильный над крышами дух,
Творились молитвы устами старух,
И вздох колокольный летел до небес,
И верили люди:
— Спаситель воскрес!..

ХРАМ

Храм рождался тяжело,
Туже истины.
Собиралось все село
Возле пристани.

И стучали молотки
Лето целое.

Поднималось у реки
Чудо белое.

В небеса взметнулся крест
Ярким всполохом.
Долгожданный Благовест
Грянул колокол!

ВИДЕ́НИЕ

В котомке квас да мятный пряник,
Большою думой светел лик —
В моей отчизне каждый странник
В своем убожестве велик.

Пряма, как лезвие, дорога.
Бела, как помыслы, луна.

Спокойно спит моя страна,
В своем величии убога.

Со старины привычна к боли,
К обилью жертвенных кровей…
Обрывки снов пасутся в поле,
Их караулит соловей.

* * *

Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.
По моей судьбе
промчалась конница —
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.

Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней…
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

ПОЭЗИЯ

Валентина БЕЛЯЕВА

«МОЕ ЗАХОЛУСТЬЕ»

Валентина Ивановна Беляева — родилась в 1951 г. в г. Бурыни Сумской области Украины. Окончила факультет прикладной математики и механики Воронежского государственного университета. Работала инженером-программистом. Автор пяти поэтических сборников, книги детских стихов «Лики радужных дождей». **Живет в Воронеже.**

* * *

Сколько лет ты все тащишь
себя сквозь пургу.
А куда, представляешь
хотя б отдаленно?
Выйдет волк на опушку,
и взгляд удивленный
Кинет в спину согбенную,
тихо рыча.
Этот след, утопающий
в рыхлом снегу…
Ты оставишь на нем
холстяную котомку
С горьким запахом
слипшихся зерен — потомкам,
Ощущая во рту аромат калача…

Сколько лет ты все тащишь себя.
По мостам,
Берегам и дорогам,
обочинам белым.
Но ты разве один?
За холмом задубелым,
Чуть скрипя, затихают колеса телег.
Выйдет волк на погост
к молчаливым крестам
И, тебя поджидая,
сольется с их тенью…
А ты, вспомнив свою
синеглазую келью,
Обернешься…
А там только снег. Белый снег…

* * *

Что ты знаешь, скажи,
о возвышенной грусти,
Об огромной душе,
охладевшей, пустой,
О старинной иконе
над свечкой святой
И о времени этом
в обличии монстра?
Неужель ты не видишь,
мое захолустье,
На ветвях молчаливых
березовых крон —
Эту белую-белую стаю ворон?
Не ордынское ли
золотое потомство?

И не ты ль эту землю, не зная гордыни,
Сохранишь для свистящих имперских ветров —
Вдоль обочин, долин и заросших бугров —
Под крестами, вон там, у зеленого устья?
И, в грязи утопающей вечной святыней,
Как живое зерно на чужой борозде,
Тихо дышишь, спустившись к болотной воде,
Не виновно ни в чем, ты — мое захолустье…

* * *

Эта стылая гладь бесконечной реки…
Покатившийся грохот над яблоней спелой…
Что за музыка? Шнитке ли вихрь оголтелый
С оглушительным ревом ворвался в твой мир?
Что за птицы с коронами, словно божки,
Искупавшись в грязи, облепили деревья
И кричат, распушив заблестевшие перья,
Представляя тебе звуки ангельских лир…

Эти мутные ряби болот и озер,
Беспредельная даль под когтем ястребиным…
Эти лживые краски ничейной картины,
Где ни верст, ни фонарных столбов, ни границ…
Сколь ни глянешь — листвы безупречный узор
Меж кленовых стволов на черневших кострищах
Да сокрытые плесенью влажные днища
В журавлином безмолвье застывших криниц…

* * *

Ты впервые взволнован так! Словно обрел
Целый мир для себя одного. Вот и рвется
Сердце в небо, откуда фонтанами льется
Незнакомый еще, ослепительный свет!
Облака ль над тобой? Разве там не орел
Обнимает пространство резными крылами?
А мгновеньем — за лесом, рекою, холмами
Камнем бросится вниз. И его больше нет…

Но тебя так манит эта белая высь,
Эта дикая сладость летящих мгновений!
И ты боле не помнишь скользнувших сомнений.
За спиною кричат два живых бугорка!..
И покоя не даст та безумная мысль,
Что, взрывая как клетку твое подреберье,
Обернется сокровищем облачных перьев
Да отчаянно бьющейся жилкой виска…

А живая стихия орла — в небесах!
Но ты истину эту отвергнешь во гневе —
Два огромных крыла в распахнувшемся небе!
Ты целуешь украдкой уста в образке…
И заснеженной высью в горящих глазах
Воспаришь, отдавая долги своим грезам…

И увидеть дано лишь холмам да березам,
Как четыре крыла бьются в красном песке…

* * *

Сорвавшийся листок заледенелый…
О, как стремишься ты, безумный, ввысь!
Продли свои мгновения, вернись!
Зачем тебе в закатную безбрежность,
Туда, за первозданные пределы
Орбитами обугленных планет,
Где ни горячих слез, ни счастья нет.
Лишь только чья-то жаждущая нежность…

Ах, этот лист оранжевого клена —
Щемящим вскриком гаснущей свечи…
Не он ли за окном моим в ночи
Горит еще во власти возбужденья
И в миг, его предавший, изумленно
Коснется мрака тлеющей версты?..
И, затмевая свет моей звезды,
Вспарит над нею в жутком наслажденье…

Великая провинция

Никита ШЕВЦОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ НА МОНСЕГЮР

Елена НАУМОВА

Оказавшись у подножия холма, напоминавшего гигантский вытянутый вверх купол, мы поначалу не решились на подъем. Слишком неприступным казался Монсегюр. И все же отважились предпринять попытку, когда увидели высоко-высоко у стен замка еле заметные движущиеся фигурки людей. И тогда нас охватило нечто похожее на азарт. Почему они смогли, а мы нет? Поначалу попробовали пройти хоть несколько десятков метров, зная, что где-то у подножия холма на месте сожжения катаров установлен памятник. Казавшаяся пологой дорога до монумента далась нелегко. Нечего и думать, что можно одолеть крутой, почти вертикальный подъем к замку.

Авторы благодарят Генерального консула Российской Федерации в Марселе Владимира Николаевича Позднякова за помощь в подготовке материала.

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Гора Монсегюр

Памятник погибшим катарам

Остановились у памятника. На каменной стеле — равносторонний катарский крест и трудно различимая надпись на окситанском языке. В русском переводе — «Катарам — мученикам за чистую христианскую любовь». И вспомнились первые кадры хорошо известного отечественного кинофильма «Ларец Марии Медичи» — сожжение катаров во главе с великим магистром. Казнь совершалась здесь — у подножия холма, на ныне поросшей высокой травой поляне, освещенной ярким южным солнцем. Над головой голубое небо. Чем не буколический пейзаж? Но тогда, 16 марта 1244 года, все выглядело совсем иначе. Пылали костры, на которые взошли 215 катаров. Хроники повествуют, что они спустились, добровольно оставив свой замок, чтобы принять мученическую смерть, которой не боялись. С тех пор это место называют «Полем Погибших в Пламени».

Постояв у монумента и сделав несколько снимков, мы все же решили сделать попытку подъема на высоту более тысячи метров, точно не зная, сколько времени займет восхождение — час, два, а может и больше. Холм по-прежнему казался неприступным. Преодолев еще несколько метров, встретили спускавшегося навстречу мужчину, который, судя по всему, уже побывал в

замке. «Ответьте откровенно, — обратились к нему мы, — реально ли попасть в замок?» «Поднимайтесь спокойно, — с уверенностью отвечал он. — Через тридцать минут будете на месте. Это не так тяжело, как может поначалу казаться». И мы поверили ему, с еще большей уверенностью продолжив подниматься по камням, чередовавшимся с деревянными ступеньками. Через несколько минут восхождения увидели объект, который совсем не рассчитывали встретить. На высоте примерно трехсот метров путь нам преградила крошечная избушка, в которой разместилась… касса. Если следовать логике, то приплатить следовало нам, решившимся взобраться по крутому склону до Монсегюра. Но оказалось, что нужно выложить по пять евро, чтобы попасть на вершину. В эту стоимость, правда, входило еще и посещение музея, расположенного у подножия холма в деревушке того же названия — Монсегюр. Как мы узнали позднее, продающий билеты старичок ближе к вечеру заканчивал работу, и тогда открывался бесплатный путь к Монсегюру. Но не дожидаться же сумерек! Пришлось заплатить и продолжить карабкаться вверх. И вот что мы заметили: те, кто совершали восхождение, ползли с грустным видом, а те, кто спускались им навстречу, выглядели радостными и счастливыми и бросали на поднимавшихся сочувственные взгляды — мол, мы-то уже побывали там, а вам еще надо помучиться.

Памятник погибшим катарам

Но вот склоны холма продолжились высокими стенами замка. Еще пара глотков воздуха, короткая передышка, несколько шагов, и мы уже поднимаемся по лестнице, ведущей во двор замка. Внимательно рассматриваем отреставрированные уже в наше время каменные стены, останавливая взгляд на большом донжоне, некогда служившем святилищем рыцарям-катарам.

Со стен замка открывается потрясающий вид на предгорья Пиренеев. На вершине возникает ощущение, что ты начинаешь парить над раскинувшимися внизу лесами и лугами, над спрятавшимися между холмами селениями. Воистину захватывающее зрелище.

Ну, а если бы мы решили пролететь над Монсегюром на вертолете или на воздушном шаре, а может быть, на дельтаплане, то увидели бы сверху, что стены замка имеют форму вытянутого пятиугольника, похожего на саркофаг, в котором похоронили великана. Ведь недаром говорят, что и холм,

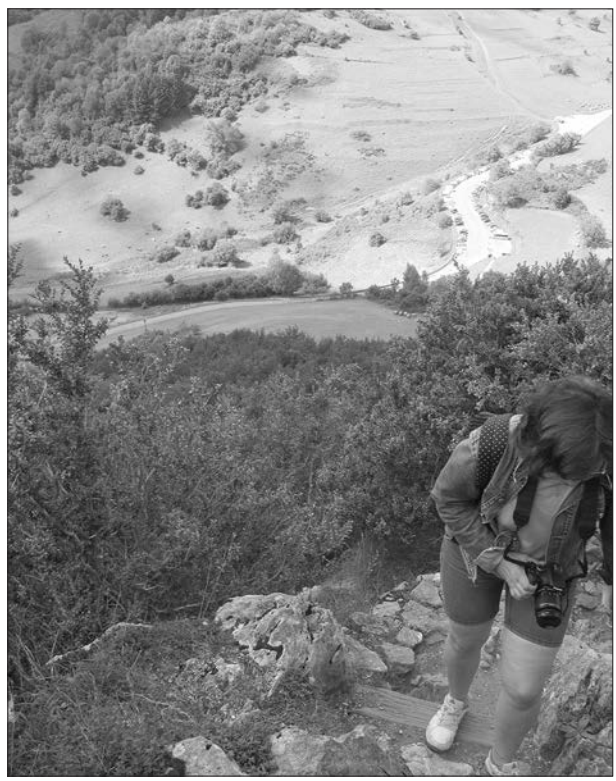
Поле Погибших в Пламени

и замок соорудили некие мифические гиганты. На самом деле Монсегюр появился на вершине холма в 1204 году. Его хозяином стал рыцарь Рамон де Перелла. Он построил замок, вняв просьбе трех священников-катаров. Монсегюр представлял из себя не только оборонительное сооружение, катары превратили его в святилище, в храм, где, как сообщают исторические хроники, могла храниться священная чаша Грааля.

Но кто же такие катары, или альбигойцы, о которых до сих пор вспоминают на юге Франции? Их проповедники стали появляться здесь, в тогдашней Окситании, примерно в середине XI века. Они носили простые черные рясы, ходили пешком и не ели ни мяса, ни молочных продуктов. В народе их прозвали Совершенными. Их религиозные воззрения резко отличались от общепринятого христианского учения. Отрицая Ветхий Завет, катары считали, что мир сотворил не Бог, а дьявол. Они верили в переселение душ. По их мнению, душа человека находится в плену его тела. После смерти она могла переселиться в тело другого человека или животного, которых нельзя убивать и есть их мясо. Поэтому катары не верили, что Иисус мог принять человеческий облик. Нетрудно найти черты сходства этого вероучения с буддизмом и манихейством. Неудивительно, что католическая церковь во главе с папой Римским считали катаров еретиками. И вот, в 1209 году, был организован крестовый поход против альбигойцев, перед участниками которого стояла задача искоренить катарскую ересь. Но существовала и еще одна цель, к достижению которой стремились крестоносцы, — захват принадлежавших катарам богатых земель и владений юга Франции — Окситании.

Инициатором масштабной войны против альбигойцев — единственного крестового похода на территории Европы, явился умный и коварный политик папа Иннокентий III. Жестокостям завоевателей не было предела. В разгар лета, 22 июля 1209 года, они устраивают невиданную резню в Безье. Ее жертвами становятся все жители города — 22 000 человек. Если принять во внимание численность населения Окситании того времени, то количество уничтоженных людей пропорционально погибшим в Хиросиме. Когда в ходе резни один из солдат спросил католического аббата Арно-Амори, как отличить католиков от катаров, то последовал страшный ответ: «Убивайте всех! Господь признает своих». Эти слова вспомнились нам, когда мы проезжали на скоростном поезде мимо тихого и мирного Безье, направляясь из Марселя в Каркассон — город, некогда считавшийся оплотом катаров.

Крестоносцы подошли к нему 1 августа 1209 года. Осада Каркассона также вошла в историю как один из страшных эпизодов крестового похода, положившего начало многолетним альбигойским войнам. Продолжительной, продуманной осадой крестоносцы вынудили защитников Каркассона сложить оружие. Решившись на сдачу города, катары выдвинули условие: всем жителям будет позволено без оружия покинуть Каркассон. Властитель города, юный граф Тренкавель, отправляется во вражеский лагерь, заявив о готовности оставаться заложником до тех пор, пока последний житель не покинет Каркассон. Но обман считался одним из главных орудий средневековых войн. Каркассон опустел, но свободы Тренкавель не обрел. Его заточили в башню Пент, где он и умер спустя несколько месяцев. Пент считается самым высоким оборонительным сооружением города. Но, оказавшись в средневековом Каркассоне, мы поначалу не увидели ее. Один из служителей местного музея подсказал, как найти башню. Мы подошли вплотную к крепостной стене, обернулись, и перед нашими глазами вынырнула, устремившись ввысь, высоченная башня — та самая, куда когда-то заточили Тренкавеля, ставшего героем юга Франции. Его глубоко почитают и в наши дни как человека, пожертвовавшего своей свободой и жизнью ради спасения граждан Каркассона, с падением которого участь катаров была предрешена.

Восхождение на Монсегюр

Замок Монсегюр

Но оставался непокоренным Монсегюр. И крестоносцы не могли считать свою победу полной, не захватив неприступный замок, расположенный в 60 километрах южнее Каркассона. Лишь в 1244 году, через 35 лет после падения Каркассона, армия французского короля Людовика IX подошла к Монсегюру и начала его восьмимесячную осаду.

Помня о ней, мы, находясь на вершине Монсегюра и налюбовавшись вдоволь окрестными пейзажами, стали готовиться к обратному пути. Спуск хотя и занял гораздо меньше времени, чем подъем, тем не менее оказался не таким уж и простым. Приходилось то и дело скользить по гладким, отшлифованным дождями и людьми камням. Почти спустившись, еще раз на несколько минут остановились возле каменной стелы, установленной в память о казненных защитниках Монсегюра. А затем направились в сторону деревни того же названия, чтобы посетить местный музей.

От подножья холма до деревни около четырех километров. Дорога до нее вьется серпантином среди начинающихся предгорий Пиренеев. Деревня как деревня. И ничто не напоминает альбигойские войны. Не стоит искать и кресты катаров на местном кладбище. На надгробьях установлены только католические символы. А равносторонние кресты, которые в качестве религиозных святынь избрали себе катары, можно увидеть и приобрести как ювелирные украшения разве что в сувенирных магазинчиках Монсегюра. Самыми же запомнившимися музейными экспонатами стали каменные ядра, обнаруженные там, где крестоносцы штурмовали замок. Как в случае с Безье и Каркассоном, его захватили в результате предательства и обмана. Один из местных жителей показал осаждавшим, как можно преодолеть последнюю укрепленную стену. Штурм начался ночью. В полном безмолвии

Деревня Монсегюр

крестоносцы вплотную приблизились к замку и установили метательные машины. Каменные ядра одно за другим полетели в сторону Монсегюра, защищать который уже не было смысла. Начались переговоры о сдаче крепости. Катарам обещали свободу в случае, если они покаются и отрекутся от своей веры. Но никто не согласился с этим условием. Ну а затем запылали костры на Поле Погибших в Пламени.

Но троим из находившихся в Монсегюре удалось незаметно для врагов спуститься вниз. Они уносили с собой сокровища. Ясно, что три человека, пусть даже физически сильных мужчин, много драгоценностей взять с собой не могли. Значит, главная ценность, хранившаяся в крепости, не блестела золотом и не искрилась алмазами. Скорее всего беглецы покинули Монсегюр, взяв либо священные рукописи катаров, либо упоминавшуюся чашу Грааля, из которой пил на Тайной Вечере Иисус Христос и в которой Иосиф Аримафейский хранил капли крови Спасителя. Но куда исчезли покинувшие Монсегюр катары, до сих пор остается тайной.

Альбигойские войны стали мрачной страницей в истории Европы. Но за приведшими к ним непримиримыми религиозными разногласиями скрывались конкретные политические цели. Властители Севера Франции стремились подчинить непокорный Юг. Шла борьба за создание единого централизованного государства. И она в конечном итоге привела к победе королевской власти. Но борьба эта оказалась на редкость безжалостной и кровопролитной. Она приняла религиозную форму. А люди в те времена готовы были биться прежде всего за веру. Ради нее они шли на костер, как это произошло с защитниками Монсегюра.

ЗАЛОГ ДУХОВНОЙ СТОЙКОСТИ РУССКОГО НАРОДА

В Нижнем Новгороде торжественно отметили 15-летие журнала «Вертикаль. XXI век»

Культурная общественность Нижнего Новгорода торжественно отметила 15-летие со дня основания литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век». Чествовать юбиляра и выпускающий его редакционный коллектив собрались члены творческих союзов и общественных объединений, священнослужители Православной Церкви, представители власти, гости из Москвы и Санкт-Петербурга.

Собрание открыл основатель и главный редактор журнала, председатель областной писательской организации Валерий Викторович Сдобняков. Он не только вспомнил об истории создания журнала, но и назвал тех членов редколлегии, которые до конца своей жизни были вместе с «Вертикалью. XXI век». А это и известные нижегородские писатели Юрий Адрианов, Валентин Николаев, Владимир Половинкин, и доктор наук, москвич Михаил Кодин, и поэт Олег Шестинский.

Конечно, были зачитаны приветствия главы города Нижнего Новгорода Ивана Карнилина, друзей и почитателей журнала из Красноярска и Дербента, Архангельска и Атланты (США), Москвы и Санкт-Петербурга. Из Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Валерию Сдобнякову поступило приветствие от лидера фракции КПРФ Г. А. Зюганова. В нем, в частности, говорится:

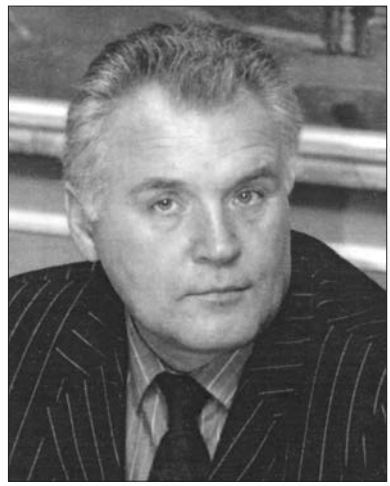
«Уважаемый Валерий Викторович! Уважаемые сотрудники, авторы и читатели журнала! Благодарю за Вашу публицистическую и творческую деятельность. Поздравляю всех сотрудников журнала, авторов и читателей с 15-летним юбилеем Вашего издания! Надеюсь и верю, что "толстые" и содержательные журналы, подобные Вашему, будут и впредь существо-

вать в современной России наперекор всем обстоятельствам и международным санкциям. Убежден, что Ваша литературная и общественная деятельность — залог надежной духовной стойкости нашего народа и возрождения России. Желаю всем Вам на долгие годы здоровья, новых творческих успехов, талантливых авторов и благодарных читателей! С уважением, Руководитель фракции Г. А. Зюганов».

От имени Губернатора и Правительства Нижегородской области редакционный коллектив поздравил министр культуры региона Сергей Горин. Он вручил редакции Почетную грамоту и сообщил, что по решению Губернатора и депутатов Законодательного Собрания (голосование на сессии прошло единогласно) главный редактор «Вертикали. XXI век» Валерий Викторович Сдобняков удостоен одной из высших наград области — Почетной грамоты Нижегородской области. Но поскольку, согласно регламенту, такое награждение производит только лично Губернатор, то это событие произойдет несколько позже.

От Администрации Нижнего Новгорода выступила с поздравлением руководитель департамента культуры Лариса Моторина, отметившая, что ввиду значимости издания Администрацией оказана журналу «Вертикаль. XXI век» финансовая поддержка.

Лидер общественной организации «Русское собрание» и главный редактор интернет-ресурса «Русская народная линия» Анатолий Степанов в своем выступлении поздравил Валерия Сдобнякова и коллег из редакции «*известного патриотического журнала*» с 15-летием и вручил главному редактору «Вертикали. XXI век» благодарственное письмо от международной общественной организации «Русское собрание» «*за труды в деле защиты русских традиционных духовных и культурных ценностей*». Он также напомнил слова классика русской литературы Юрия Бондарева из письма в редакцию: *«Журнал, явившийся в трудное время российских невзгод. В эти суровые годы он сумел стать первым изданием на Волге, объединившим лучшие творческие силы России. Желаю мужества и дерзостей, вдохновения и процветания "Вертикали" в двадцать первом веке».*

В. В. Сдобняков. Главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век»

И еще было много поздравлений: от актеров академического театра драмы им. А. М. Горького выступил заслуженный артист РФ Александр Мюрисеп, от Союза театральных деятелей приветствие зачитал народный артист РФ Валерий Никитин, свои картины подарили заслуженный художник РФ Ким Шихов, а также художники Александр Важнев и Владимир Ерофеев. В приветствии же от председателя Нижегородского отделения Союза художников России, заслуженного художника РФ В. Н. Величко отмечалось: *«Журнал "Вертикаль. XXI век" — издание, объединяющее на сегодняшний день яркие писательские имена России. Вопросы духовности и нравствен-*

На юбилейной встрече в доме купцов Рукавишниковых. На переднем плане: главный редактор интернет-ресурса «Русская народная линия» Анатолий Степанов

ности, красоты человеческой души, проблемы жизни страны, современного общества — все это предстает перед читателем на страницах журнала».

Руководители Центральной областной и Центральной городской библиотек пришли поблагодарить редакцию и ее главного редактора за плодотворную и бескорыстную совместную работу.

«За этот срок Ваш журнал занял достойное место среди российских изданий и смог завоевать симпатии и уважение большой аудитории читателей не только в Нижегородской области, но и по всей стране.

Высокий профессионализм авторов, художественная и историческая ценность материалов, представленных в журнале, привлекают читателей. От всей души желаем Вам творческих успехов, большой читательской аудитории, новых, интересных публикаций, талантливых авторов! Крепкого Вам здоровья, удачи, процветания!

Директор Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В. И. Ленина О. Н. Лисятникова»

И еще Валерий Сдобняков с благодарностью принял множество подарков, наград, приветственных адресов, стихотворных подношений, одним из которых, написанным Татьяной Атиповой, я и хочу закончить эти краткие заметки о состоявшемся в Нижнем Новгороде торжестве.

С единой Верой в единого Бога
Со многими Ваша совпала дорога.
Вы — главный редактор журнала — нет краше!
И впредь защищайте Отечество наше!

Встреча проходила под сводами роскошного палаццо купцов Рукавишниковых, в самом центре старинного города на Верхне-Волжской набережной, которое знаменитый нижегородский поэт Юрий Адрианов назвал «балконом города».

Станислав Смирнов,
руководитель пресс-службы Нижегородской областной организации Союза писателей России

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская)*

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 04.04.2016 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1603301.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.